Сергей Павлович

Как я украл миллиON

исповедь раскаявшегося кардера

Реальная история громкого преступления

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В ходе расследования крупнейшего хищения персональной информации за всю историю США в поле зрения следствия попал белорусский гражданин Сергей Павлович, который признан виновным в продаже данных краденых банковских карт. В 2008 году группе из 11 человек, являвшихся гражданами разных стран, были предъявлены обвинения в ряде преступлений, связанных с незаконным проникновением в компьютерные сети торговых компаний и кражей данных со 170 миллионов кредитных карт. Мозгом этих операций был Альберт Гонсалес, осведомитель американских спецслужб. По утверждениям властей США, ущерб от действий «11 друзей Гонсалеса» превысил миллиард долларов США.

Книга основана на реальных событиях и написана автором во время отбывания 10-летнего срока тюремного заключения.

16+ (В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

-
- Предисловие
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22

- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Эпилог
- Послесловие
- Выражение признательности

- Персонажи, упомянутые в книге
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Проигравший сейчас станет первым потом.

ДЕПАРТАМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США
СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА США

Вводная информация о Сергее Павловиче.

Сергей Александрович Павлович.
Также известен как «Police Dog», «Fallen Angel», «panther[757]», «Diplomaticos».
Дата рождения: 22 февраля 1983г.
ФБР: нет данных.
Местожительство: в настоящее время отбывает наказание в исправительной колонии №8, Республика Беларусь. Срок - 10 лет.
Гражданство: Беларусь.
ID: не известен.
Криминальное прошлое: не известно.

2-ая Авеню Габриель
75008 Париж, Франция

20 марта 2009 года

08 MC 01.0.0

Информация по делу о Сергее Павловиче:

В 2003-2004гг. Павлович был владельцем и администратором веб-сайта под названием Dumps Market, который использовал в качестве форума/рынка продажи номеров счетов украденных кредитных карточек, фальшивых документов и подделки бланков кредитных карт.

Несмотря на то, что Павлович был арестован в Беларуси за преступления, связанные с DumpsMarket, и приговорен к 6 годам лишения свободы, он был отпущен на свободу 28 марта 2007г.

Практически сразу же Павлович начал вести переговоры о поставке крупной партии российских штурмовых винтовок (Avtomat Kalashnikova) с лицами, личность которых не установлена, в Сьерра-Леоне, а также возобновил продажу номеров счетов украденных кредитных карточек.

Ущерб, нанесенный экономике США преступлениями Павловича - более 36 млн. долларов.

28 апреля 2008г. ордер на арест Сергея Александровича Павловича был выдан Окружным Судом США, Южный округ Калифорнии. Обвинение было предъявлено в отношении секретной торговли запрещенными устройствами доступа в нарушение Раздела 18 Федерального Кодекса США §1029(a)(2).

С уважением,

Ричард Маркс
Ответственный специальный агент
Секретная Служба Соединённых Штатов Америки
Парижское региональное отделение

Предисловие

Моя жена уверена, что эта книга посвящается ей. Мама считает, что я написал свою историю потому, что не могу сидеть сложа руки, и потому, что пытаюсь разгадать головоломку, которая не дает мне покоя уже много лет. Мой лучший друг убежден, что я ненормальный, раз рассказываю такое. Что я даже в тюрьме жажду славы и хочу напомнить о себе в том мире, в реальность которого с каждым днем все меньше верю. Мой редактор думает, что я надеюсь на помилование…

Эти люди хорошо меня знают, понимают и порой читают мои мысли. Но правда заключается в том, что эта книга написана для тебя и только для тебя. Я не такой идиот, чтобы верить, что меня, трижды судимого, виновного по всем статьям, особо опасного и т. д., возьмут и отпустят. И я не лицемер, чтобы писать здесь, что заслуживаю этого.

Я буду сидеть десять лет. Моя красавица жена, скорее всего, бросит меня. Мой любимый дед, который меня воспитал, умрет, так и не увидев меня на свободе. Мать состарится, больше от горя, чем от возраста. Для друзей я стану призраком, с которым не о чем говорить и как-то неловко делиться радостью от рождения ребенка или впечатлениями от путешествия. Я сам изменюсь, стану психом с желтой кожей и плохими зубами. Моральным уродом, нервным, злым и жестоким. Мою жизнь уже не спасти и не изменить. Но твоя судьба может быть другой…

Глава 1
Достучаться до небес

Наиболее важным критерием любого бизнеса является прибыльность, и киберпреступления не являются исключением.
Евгений Касперский

Меня зовут Сергей Павлович. В Сети меня многие знают как PoliceDog, panther[757], Fallen Angel, diplomaticos. Говорят, я украл $36 млн. Куда бы ты потратил такие деньги? Возможно, с миллионами твоя жизнь была бы особенной, яркой и счастливой? Ты мог бы сделать свою самую сумасшедшую мечту реальностью? Я тратил деньги иногда бездарно, иногда очень умело. Самый красивый способ расстаться с деньгами — это, конечно, женщины. Но самый приятный и, наверное, правильный — стать Санта-Клаусом. Спасти жизнь тяжело больному человеку, оплатив ему операцию в Германии, маме — новую машину, племяннику — компьютер и скутер, маму своей герлфренд отправить в сказочное путешествие к океану, туда же — маму своей бывшей герлфренд. Дать в долг, зная, что не вернут. Исполнить чью-то мечту иногда приятнее, чем свою… Такие мелочи, но я скажу: клево быть Сантой. А лежать на нарах и смотреть в облезлый потолок пятнадцать часов в сутки — совсем не клево. Но я лежу и смотрю… В этот момент мне плевать, что меня арестовали, что я в камере с еще тринадцатью зэками, что меня могут «закрыть» на многие годы. Не страшно. Хочешь — верь, а хочешь — не верь.

Наверное, в тот момент мозг благополучно эвакуировал меня из той ситуации, в которой я оказался. Я ничего не слышал и не видел вокруг себя. Вместо серого потолка перед глазами была картина: Дима выглядывает в окно, Катя у стола молча режет хлеб, Фидель рассказывает какой-то анекдот и пытается снять со стены голову кабана… Открывается дверь, и заходит этот мент, а с ним еще четверо в штатском… «Добрый вечер»… Вот и все… Я раз за разом прокручивал в голове этот момент: «Добрый вечер»… А что это значит? Что вообще все это значит, почему я здесь?! То есть понятно, что «вор должен сидеть в тюрьме», но я был так осторожен… Я был суперосторожным Сантой!

Возможны два варианта: первый — я все-таки ошибся. Второй — меня кто-то сдал. В горле застрял комок. Если кто-то меня предал, то это мог быть только близкий человек. А значит, нет.

Это невозможно… Я закрывал глаза и вспоминал: последние сделки, клиенты, дампы, PIN-коды… Где я мог проколоться? Чем больше я лежал под серым потолком, тем больше начинал верить в предательство. Я, как Агата Кристи в каминном детективе, подозревал каждого. А детектив у нас действительно получался каминным. В этот момент («добрый вечер») я доставал шампуры с готовым шашлыком из камина. И все, кто в этот «добрый вечер» был на даче, так или иначе крутились в гостиной возле огня.

Мы были в деревне Липень в 100 километрах от Минска. Наша дача — крайний дом на улице. За ним начинался бесконечный лес с дикими кабанами и лисами, где мой дед всю жизнь служил лесничим. Это была дача моей девушки Кати. Мы уже жили в столице, но в Липень постоянно мотались. Как же я любил эту дачу…

Две вещи казались мне странными. Первая: зачем нужно было арестовывать меня в тот момент, когда я уехал из Минска, и превращать задержание в выездную спецоперацию? Я ведь не скрывался. В Минске можно было приехать ко мне домой и точно так же надеть наручники. Только намного проще. А может, хотели меня арестовать в тот момент, когда я выпиваю в компании и расслаблен? Что ж, тогда надо было действовать двумя днями ранее, когда мы отмечали годовщину моего сайта DumpsMarket. На «день рождения» собрались серьезные кардеры со всего СНГ и не только. Я, как создатель DumpsMarket, был в роли именинника. Алкоголь лился рекой, на столах танцевали шлюхи, пацаны нюхали кокаин… Заявись менты на ту вечеринку — их ждал бы приятный сюрприз. Но почему-то преступный шабаш их не заинтересовал. А значит, они ничего не знали, оперативная информация на меня появилась внезапно.

Второй момент, который вызывал сомнения: в тот день, 16 сентября 2004 года, мы собрались в Липене небольшой компанией. Мы не обсуждали по телефону, куда поедем, я лишь сказал: «За город». Я никому не объяснял дорогу — просто выехали кортежем из Минска и через час были уже на месте. Я буквально на днях купил новый «мерседес» и с удовольствием гонял по белорусским дорогам, с качеством которых могут сравниться разве что немецкие автобаны.

— Старший лейтенант ***, ваши документы! Сергей Александрович, ваша скорость превышена на… Счастливого пути, Сергей Александрович! Внимательнее на дороге!

Знал бы этот лейтенантик, который тормознул меня за превышение уже почти в самом конце пути, что мой телефон прослушивается или, еще хуже, за мной следят, и он не стал бы брать у меня двадцать баксов. Но сейчас речь не о нем. Может,

кто-то по телефону все-таки назвал адрес, и опергруппа поэтому рванула в Могилевскую область? Или и вправду за нами следили еще от Минска… Да фиг с ним! Узнать мое местонахождение ментам, пожалуй, было не так уж и сложно, при их-то возможностях. Хотя все равно странно…

Итак, гости. Герои моего каминного детектива.

= Катя — моя герлфренд (вообще-то она Катя номер два, но здесь, как хозяйка дачи, идет под первым номером).

= Дима Бурак, он же Граф, — мой двоюродный брат и самый близкий друг по жизни. С ним мы связаны не только кровью, но и многими общими делами. От брата у меня нет секретов. Он — моя правая рука.

= Сергей Сторчак, он же Фидель, — коренной одессит, приехал в Минск на годовщину DumpsMarket да так и остался. Понравилось ему у нас. 17 сентября у Фиделя день рождения. Его-то мы и отмечаем. Фидель — один из наших основных партнеров. Я ему не очень доверяю, поэтому дела с ним ведет Дима.

= Илья Сапрыкин, он же Postal. Двадцать три года, неглупый еврейский мальчик. Работал с нами и был в курсе многих дел. До знакомства со мной в основном занимался «обналом» по мелочам.

Вот Постал мог бы меня сдать. Информации у него хватало… И как же я забыл, что он ехал на дачу отдельно от всех! В последний момент откололся от компании, сказал, что есть дело в Минске… Мы уехали в Липень без него. И только через два часа, когда баня была уже вытоплена, а мясо для шашлыка нанизано на шампуры, темно-синяя BMW Ильи наконец закатила во двор.

Из машины вышла эффектная блондинка, тоже вроде Катя. «Так вот какое дело задержало его в Минске», — подумал я, с интересом разглядывая девушку. «Да черт, зачем я про нее вспоминаю! Блондинка точно не в звании, таких смазливых милиционеров не бывает». Итак, следующий номер…

= Подружка Сапрыкина, блондинка Катя.

= Кирилл Калашников, он же kaiser. Кайзеру всего 17 лет. Он нездешний. Работал с нами, но жил в России, в Екатеринбурге. Приехал в Минск тоже на годовщину моего форума и так же, как Фидель, решил остаться на party в Липене.

Помню, как пацаны взяли пистолеты и пошли на край двора стрелять по банкам. Я тоже стрелял и чаще других попадал. Это очень заводило. Я прыгал по резиновым колесам, вкопанным в землю вокруг клумб, падал, как дурак. У меня, наверное, было кислородное отравление. Дима выстрелил, а я сделал вид, что ранен. Проковылял несколько метров и упал на землю. Пальцы

нащупали то место, куда вошла пуля, и прижали пульсирующую струйку крови. Чувствовалось, как бьется сердце, даже через куртку. По небу летели высокие облака. Осенью воздух такой прозрачный, обидно было бы умирать под таким красивым небом. Лежать на золотистой листве и остывать. Я закрыл глаза, меня уже не было. Может, и надо было умереть тогда. Но мне помешали. Сначала запах Euphoria от Calvin Klein, потом теплые влажные губы. Когда я открыл глаза, неба уже не было. Все закрывало Катино лицо. Огромные нежные глаза. Одного такого взгляда достаточно, чтобы сердце встало.

— Ты меня любишь?

— Люблю Катю. Ты Катя?

Мир стал живым и безопасным, как на холсте.

Нет, Катя не смогла бы предать. Хотя у нее на то были причины. Я ей изменял, я ее не любил, я… разве этого недостаточно?! В тот момент, когда к нам в дом вошли люди в штатском, она одна не растерялась. В ответ на «добрый вечер» подошла вплотную к этим типам:

— Здравствуйте. В чем дело?

— Милиция. Чей это дом?

— Моего отца…

И она зачем-то повторила наш адрес, спокойным голосом назвала фамилию, имя и отчество своего отца — владельца дома. Меня это успокоило. Как будто мы думаем, что они ошиблись и в темноте перепутали деревенскую хату, а на самом деле шли в гости к трактористу напротив или хотели спросить у соседки парного молока… А у нас коровы нет, самогона тоже. До свидания, ребята. Но менты не спешили уходить.

— Вы стреляли? Соседи пожаловались, что слышали выстрелы, — объяснил причину своего визита единственный из всех милиционер в форме. В его руке почему-то был табельный «макаров».

— Мы стреляли по банкам из пневматики, — начала было Катя таким же спокойным и рассудительным тоном, но Илья Сапрыкин ее перебил и затараторил:

— А хотите, я сбегаю в машину? Я вам покажу, из чего мы стреляли. А вы знаете, что на пневматику не нужно разрешение?

Вот дебил-истеричка! Это даже ребенок знает, что пневматика без лицензии, а уж мусора и подавно. Тем, похоже, надоело ломать комедию. Я не успел моргнуть глазом, как один из «мэн ин блэк» подошел ко мне и надел наручники. Всем сказали не расходиться, быть в одной комнате.

Дима выглядел испуганным. Сидел на подоконнике молча и смотрел на меня, как бы спрашивая: что делать? Среди нас,

братьев, я всегда был старшим. Хотя на самом деле Дима родился на три месяца раньше меня.

Нет, Дима не предатель. Он скорее руку себе отрежет. Он повязан со мной по всем делам. Кто-то предал нас обоих. На Диму, правда, не надели наручники. Последний раз я видел брата в отделении ГУВД Минска. Нас по одному допрашивали. Дверь случайно приоткрылась — Дима сидел в кабинете напротив. Он помахал мне рукой, мол, все будет хорошо. Я заметил, что пальцы у него в черной краске, как и у меня. У Димы точно нет никаких причин (никакого мотива) меня топить…

Или есть? От мысли, которая пришла мне в голову, стало дурно. Серый потолок камеры СИЗО поплыл, появились круги. Это что, слезы? Я попытался взять себя в руки: нельзя становиться параноиком. Другой голос внутри моего сознания возразил: «Но и никаких деталей упускать нельзя! В жизни случается и не такое, поэтому учитывай все». Я зажмурился и стал вспоминать.

Девять месяцев назад… Новый год…1 января 2004 года там же, на даче, я впервые просыпаюсь в одной постели с Катей. У нас был спонтанный секс. И теперь мне неловко. Потому что Катя много лет была девушкой моего брата. Они недавно расстались, не знаю, из-за чего. Насколько там все серьезно — тоже не знаю. Катя спит рядом голая… На трезвую голову мне с ней стыдно лежать. Я тихонько встаю, чтобы не разбудить. Наступаю на что-то… Лифчик! Вот я мудак! Что, девушек мало? Тем более в Киеве у меня есть подружка. И не одна. Я спускаюсь по лестнице вниз, мне надо побыть одному. По закону подлости встречаю Диму, который моет посуду.

— Сигареты есть? — спрашиваю я у брата.

— Закончились. Давай тебе кофе налью? Хочешь есть? Могу курицу с картошкой разогреть.

— Блин, Дима! Восемь утра. Ты моешь посуду. И тебе не лень еще разогревать мне курицу? Я, конечно, не хочу ни разу. Но скажи, ты нормальный вообще?

— Ради тебя мне никогда ничего не лень…

Он сел напротив и улыбнулся так открыто и по-доброму, что я не удержался и сказал:

— Я переспал с Катей. Что мне делать?

— С твоей Катей? Вы опять вместе?

— Нет, с твоей Катей, вчера. Я был пьяный… Да нет. Дело не в том, что я… Она мне вообще-то нравится.

— Ну, она хорошая. Ты же знаешь.

Это прозвучало как благословение. К тому же Дима снова улыбнулся. Чувство вины, висевшее камнем у меня на душе, растворилось. Вместо него возникло волнительное предвкушение

любовного флирта. Я думал: как хорошо, что есть брат. И есть мужская дружба. В то утро я все-таки съел кусок курицы, выпил кофе со сгущенкой, а за плитой нашлась пачка Marlboro. Мы сидели с братом на кухне, смеялись, вспоминали наше детство, школу, как мы слушали Deep Purple… Я всегда вижу людей такими, какими хочу. А может, Диме на самом деле в то утро было больно и он это скрывал? Тогда он мог бы и еще что-нибудь скрывать от меня…

Оперативники выразили желание осмотреть дом. Не обыскать, а именно осмотреть, потому что для обыска нужна санкция прокурора. Сапрыкин начал нервно крутиться по комнате, изображая из себя оппозиционера на демонстрации, права которого нарушаются, а он «будет жаловаться». Постал вполне мог быть стукачом… А его поведение — отвлекающий маневр, чтобы все видели, как он «ментов на место ставит». Позже он сник, ушел в себя, сидел и грыз ногти. У его подружки, казалось, было больше самообладания. Она, как проститутка, попавшая в отделение милиции, наблюдала за происходящим с достоинством и даже ухмылкой. Возможно, даже получала удовольствие от шоу. Понимала, что она здесь не участник, а зритель. Забегая вперед, скажу, что у этой девочки еще будет шанс побывать в нашей шкуре — ее отец Андрей Малышев, руководитель дилерских центров «Фиат» и «Альфа-Ромео», будет обвинен в неуплате таможенных платежей, сбежит из Беларуси, и его объявят в международный розыск.

Фидель молча курил. Сложно было понять, что у него на уме. Наверное, он думал: «Вот, блин, подарочек мне от белорусских друзей…»

Кайзер испуганно хлопал глазами. На его лице читалось: «Расскажу вам все, сдам всех, только дайте из Беларуси уехать».

Я много раз думал про возможный арест и даже пугал себя. Это как в детстве представляешь, что мама умерла, и сам себя жалеешь. Такая черта, за которую страшно заглянуть, но приятно осознавать, что можно в любой момент себя ущипнуть, и кошмарный сон уйдет. Но сегодня все по-настоящему. И я, признаюсь, был напуган. Мозг как будто выключили. Я сел на табуретку и попытался представить, что это сон. Тяжесть наручников тут же вернула меня в реальность. Внезапно я снова почувствовал запах Euphoria. На меня смотрела Катя:

— Зайчик, ты слышишь меня? Слушай. Что с тобой будет — неизвестно. Сейчас ты можешь сделать только одно: поесть. Потому что когда еще в следующий раз будет такая возможность… — на глазах Кати появились слезы. — Ну, ты, короче, понял…

В меня почти насильно впихивали плов, шашлык, салат. Горбушку хлеба Катя спрятала мне в карман куртки. Я наблюдал за ней и удивлялся, как быстро она вошла в роль жены декабриста.

«Пластик» нашли.

Тебе интересно, как оно — впервые оказаться в СИЗО?

Сначала «отстойник». Потом общая камера. В минском СИЗО пахнет квашеной капустой. Ни в одной спортивной раздевалке, ни в одной качалке ты не встретишь такого запаха. Ты будешь готов заплатить любую цену, лишь бы отсюда выбраться.

Я не мог есть, не мог спать. Ночью вместо сна я погружался в бредовое состояние. Даже во сне я искал выход, пытался обдумать сложившуюся ситуацию. Что говорить следователю? Как передать записку с важными указаниями на волю? Так прошло пять дней. 21 сентября я вконец вымотался и заснул. Провалился в темноту, где не было запаха капусты, сырых стен и тупого отчаяния…

Глава 2
Адвокат

— На, ознакомься, — какая-то незнакомая тетка швырнула на стол передо мной газетную заметку.

http://www.securitylab.ru/news/214385.php

Краснодарская милиция искала белорусского кардера по всему миру

22 сентября, 2004

17 сентября в Осиповичах (Беларусь) был задержан кардер, объявленный в международный розыск. Операцию по задержанию проводили Управление по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий МВД Беларуси и ГУВД Минска. Молодого человека, подозреваемого в изготовлении и сбыте поддельных кредиток, сотрудники белорусских правоохранительных органов разыскивали с 2002 г. Помимо этого 21-летний белорус успел наследить в Украине, Бельгии, США и других странах. А ГУВД Краснодарского края он был объявлен в международный розыск «за совершение преступлений против информационной безопасности», сообщает «Советская Белоруссия». 21-летний житель поселка Гатово Минского района был задержан в Осиповичах на даче у своих знакомых. Задержание произошло в половине первого ночи. При обыске у кардера были обнаружены более двадцати поддельных банковских кредитных карт.

«Так называемый белый “пластик”, — рассказали в отделе информации и общественных связей ГУВД Мингорисполкома. — То есть карточки были с PIN-кодами, но без “опознавательных знаков” бан- но без “опознавательных знаков” банка-эмитента и платежной системы, голограммы и других степеней защиты». Сам он собирался ими воспользоваться или готовил на продажу, установит следствие. Но ни тем ни другим планам на этот раз не суждено было сбыться.

По сообщению БелТА, задержанный являлся руководителем международной группы хакеров и кардеров, которые похищали реквизиты банковских

кредитных карт клиентов зарубежных банков, после чего переписывали их на магнитную полосу карточек. Обналичивались деньги, как правило, с помощью подставных лиц через банкоматы или магазины Беларуси, России и Украины.

— Нормальный такой послужной список. Что это за белый «пластик» и где ты брал PIN-коды к карточкам?

— Начинается… — я с недоверием посмотрел на нее. — Не успели познакомиться, а уже вопросы.

— Сергей Александрович, я, конечно, не следователь, но вопросы буду задавать схожие. Для того чтобы максимально хорошо защитить вас, я должна владеть всей полнотой информации. Понимаю, что вы можете настороженно отнестись к моим вопросам, наверняка в камере уже наслушались, что все адвокаты «шпилят на одну руку с мусорами», «ворон ворону глаз не выклюет» и т. д., — тетка ловко перешла на тюремную «феню», и даже голос у нее не изменился.

Я не был настроен на явку с повинной, и она сама только что назвала причину. Видимо, на моем лице это было написано, потому что адвокат вдруг встала и перетащила стул поближе к свету. Наконец я смог ее рассмотреть. Чуть полноватая женщина где-то под полтинник. Она могла бы по возрасту быть мне мамой. Высокий лоб, интеллигентские очки, старомодная прическа, огромные, наверное, от полумрака зрачки. И смотрит на меня не моргая, как кобра.

— Послушай, Сережа, меня нанял твой брат. Он очень за тебя беспокоится.

Если какие-то слова в этот момент могли выбить меня из равновесия, то моя адвокат их только что произнесла. Я неделю находился в СИЗО и ничего не знал о Диме. Я догадывался, что Катю отпустили сразу — она ведь совсем не при делах, но что с братом, где он, допрашивали ли его, куда повезли после ГУВД — ничего этого я не знал. Может, он вообще сидит в соседней камере и точно так же ничего не знает про меня…

— Значит, с ним все в порядке?

— Да. Ему ничего не угрожает. В отличие от тебя.

Я в который раз за свою жизнь подумал, что со мной происходит что-то нереальное. Прибитая к столу пепельница, лампа в лицо, чужая тетка… А где моя мама? Может, она меня просто обнимет, я расплачусь, как в детстве, попрошу прощения и меня отпустят домой? А может, я просто себя ущипну и проснусь в своей постели? Адвокат, видимо, прочувствовала момент и продолжила властно, уже на «ты», забыв мое отчество:

— Мне надо знать все как есть! Как ты узнал пароли от чужих кредитных карточек?

Я тихонько ущипнул себя под столом. Собрался с силами и посмотрел прямо в глаза моей «кобре»:

— Не так быстро. Можно взглянуть на ваше удостоверение?

— Да, пожалуйста, — она полезла во внутренний карман жилета и достала жетон с номером кабинета, в котором мы находились, и служебную «корочку».

«Нестерович Галина Аркадьевна, — прочел я в книжечке. — Юридическая консультация Центрального района города Минска».

— Ну что, убедился, что я не переодетый милиционер? — с улыбкой спросила Галина Аркадьевна.

— Мало ли…

— Тогда повторяю свой вопрос: как ты узнал пароли от чужих кредиток?

— Какие еще пароли?! Вы хоть какое-то представление имеете о том, что такое кредитная карта?

— Ну, кредитная карта у меня есть…

Адвокат попыталась отшутиться, но сама явно смутилась и наконец отвела взгляд в сторону:

— Если честно, я абсолютно не разбираюсь в компьютерах, а кредитная карточка у меня появилась лишь две недели назад.

Сверкнула молния замка, зашуршали какие-то бумажки, и из недр женской сумочки Галина Аркадьевна извлекла карточку.

— Можете спать спокойно. Это дебетная VISA Electron, самая распространенная карточка в России и Восточной Европе. С такой картой вам ничего не угрожает — ими кардеры типа меня редко интересуются.

— А какими интересуются?

— Теми, на которых есть деньги. Например, VISA Signature — я с них по $9900 за один раз снимал. «Бин» вроде 4 14750 был.

— Нехило! Ты в месяц сколько зарабатывал?

— М-м-м… Ну, где-то $30 тыс. (чуть было не вырвалось реальные сто).

— Значит, ты кардер… — задумчиво произнесла Галина Аркадьевна.

— Да. Карточные воры в своей среде называют друг друга кардерами. Своих жертв мы называем кардхолдерами (от англ. cardholder — «владелец карты»).

— Signature что такое?

— VISA Signature — именная карта для очень состоятельных людей.

— А «бин»?

— BIN (Bank Identification Number) — это первые шесть цифр номера карты, по которым можно определить банк-эмитент, который ее выпустил, и ее тип. Вся информация о «бинах» хранится в специальных базах данных — VISA Interchange Directory, Mastercard Member Directory и др. К примеру, BIN 3 71535 — это American Express CENTURION, а если ввести в базу 4 14750, VISA Signature, о которой я уже говорил, то увидим примерно следующее:

BIN: VISA ® 4 14750
Issuer (эмитент): Merryl Lynch Bank USA
Issuer Phone: 800 — 637-7455
Country (страна): United States
Funding Type (тип счета: Debit, Credit, Prepaid): CREDIT
Card Type (тип карты: Classic, Cold и т. д.): SIGNATURE

Эмитентом пластиковой карты может выступать не только банк. Свои карточки выпускают кредитные союзы и даже крупные магазины (дисконтные карты).

— А что это за «тип счета»? Ты сказал, что моя Electron — дебетная…

— По типу счета все карты разделяются на кредитные и дебетные. На кредитных — деньги банка, которые ты тратишь, а потом раз в месяц возвращаешь. За пользование деньгами банк берет определенный процент. При открытии дебетной карты на счету ноль, и тебе будет доступна только та сумма, что положишь на счет, то есть твои кровные денежные средства. Prepaid-карты, их еще иногда называют gift card (подарочные карты), дают владельцу право на получение товаров или услуг на определенную сумму, указанную на карте. Prepaid переводится с английского как «предоплаченная». По сути, это обычная дебетная карта, только без нанесения на нее имени и фамилии владельца. В странах Советского Союза любую банковскую пластиковую карту часто называют «кредиткой» или «кредитной карточкой», однако это не совсем правильно. Ваша Electron вообще ориентирована на студентов и молодежь, а у нас в основном используется для начисления зарплаты…

— А у моего мужа какая-то другая VISA, классом повыше…

— Выше Electron стоит Classic — карточка для клиентов, уже имеющих опыт обращения с банковскими картами. Аналогичная карта у Mastercard — Mastercard Standard. Это самые распространенные карты в мире. Они, кстати, позволяют рассчитываться через Интернет, в отличие от Electron. Карты серий Gold (золотые) и Platinum (платиновые) — престижные карточки, подчеркивающие солидность их обладателей. Корпоративные карты (Corporate) предназначены для средних и

крупных компаний, сотрудники которых часто ездят в деловые командировки. С помощью этих карточек руководство компании может осуществлять эффективный контроль над расходами своих сотрудников. VISA Business — карты для проведения различных ежедневных платежей: расходов на командировки, оплаты представительских расходов, счетов за офисное оборудование, канцелярские товары, программное обеспечение и т. д. Технически карты «классик», «голд», «платинум», «корпорэйт» и другие ничем, кроме дизайна и стоимости выпуска и обслуживания, не отличаются. Владельцам золотых и платиновых карт многие магазины, страховые компании, фирмы по прокату автомобилей предоставляют скидки и бонусы, хотя большинство держателей карт о них даже не знают. Вдобавок нередко бывает, что с американского «классика» удается снять больше денег, чем с «голд» или «платинум».

— Почему так?

— Я думаю, многие американцы, как и русские, стремятся получить карты класса Gold/Platinum больше для «понтов» — для повседневного использования достаточно и Classic. Зато «снять» в баре знойную красотку будет проще, если светануть перед ней кредиткой «платинум». Ну или ключ от «феррари» на стойку положить…

— У меня VISA, ты упомянул Mastercard… Какие еще кредитки суще-VISA, ты упомянул Mastercard… Какие еще кредитки суще, ты упомянул Mastercard… Какие еще кредитки существуют и, особенно, что из них фигурирует в твоем обвинении?

— Ведущая платежная система мира — это VISA, около 57 % банковских карточек в мире приходится на ее долю. Главный конкурент, Mastercard, имеет примерно 26 %, третья система, American Express, лидер в области туризма и развлечений, — чуть больше 13 %. Существуют также карты JCB (Japan Credit Bureau — Японское кредитное бюро), Diners Club и Discover.

— Какие из них пользуются наибольшей популярностью у кардеров?

— Любые, на которых есть деньги. Правда, AmEx, Diners и JCB в меньшей степени — ввиду небольшой распространенности карт данных платежных систем в России и Европе. Discover я вживую вообще не видал. У меня в обвинении фигурируют только VISA и Mastercard.

— А самые престижные кредитки какие? Вот у тебя какая была?

— У меня?! — я даже немного удивился наивности вопроса. — Никакой — банки и платежные системы при всем

желании не в состоянии обеспечить сохранность денег на карточках. К тому же это «засвет» — отследить историю твоих покупок, а равно и перемещений труда не составляет. А мы все же бойцы невидимого фронта… Что касается карт VIP-уровня, то это VISA Infinite и Mastercard World Signia, а самые престижные карты — символ принадлежности их владельца к верхушке общества — черного цвета: VISA Black Card, черный Diners и American Express Centurion. Они доступны только ограниченному числу очень состоятельных клиентов. За одно открытие Centurion — самой престижной карточки в мире — придется выложить $5 тыс., ежегодная абонентская плата — $2500. Рассчитывать на получение этой карты могут люди, которые тратят $250 тыс. в год и выше. Конечно, и взамен получаешь немало: всевозможные услуги страхования, скидки до 50 % на отели, билеты и прокат авто, бронирование столиков в ресторанах, даже когда «мест нет», возможность пользоваться залами ожидания первого класса в крупнейших аэропортах мира вне зависимости от категории авиабилета, круглосуточный консьерж-сервис, бесконечный кредитный лимит и многое другое. Получая доступ в закрытые клубы для «сильных мира сего», владелец черного «пластика» переходит на новую социальную ступень. Часто это становится основной причиной приобретения карты класса премиум.

— Все это, конечно, очень интересно, — перебила меня адвокат, — но мы отошли от темы. У тебя в обвинении что написано? «Организовал совершение хищений имущества на предприятиях торговли и сервиса города Минска путем введения в компьютерную систему ложной информации (расчет поддельными банковскими карточками VISA и Mastercard) на общую сумму $9 тыс., руководил при совершении подобных хищений Воропаевым П. В. и Батюком С. Л.». Здесь все понятно, но какую «ложную информацию» ты вводил и куда именно?

— Среди обывателей распространено заблуждение, что баланс находится на кредитке, но это не так — деньги на ней физически не лежат, кредитка является как бы пропуском к карт-счету в том банке, который ее выдал. Иными словами, она проводит идентификацию владельца счета — может ли он забрать деньги из того сундучка, что стоит в банке. Продавец проводит карту через POS-терминал (от англ. Point of Sale — «торговая точка») — устройство, которое считывает информацию, записанную на магнитной полосе карты, и связывается с банком для проведения транзакции, тот соединяется с процессинговым центром и передает туда данные с вашей карты. Далее процессинг связывается с банком-эмитентом, выдавшим карту, и получает подтверждение или отказ в виде кода. Код успешной

авторизации — 00 — APPROVED (одобрено). В противном случае получают запрет на сделку, частенько обыгрываемый в голливудских фильмах («извините, ваш счет заморожен» и демонстративное разрезание карты ножницами). Платежная система типа VISA связывает все звенья этой цепочки воедино, за что и берет до 3,5 % с каждой сделки.

— Это понятно. Но причем здесь «ложная информация»?

— Очень просто — карточка поддельная, я не являюсь ее законным держателем, а значит, любой мой платеж априори считается ложным.

— Кассиры не догадывались, что «пластик» ненастоящий?

— Конечно, нет. Дамп-то был реальным, и деньги списывались с реально существующего счета. Поддельной была лишь сама пластиковая болванка, на которую записывался дамп.

— Что есть дамп?

— Дамп — это совокупность информации, записанной на магнитную полосу кредитки. Состоит из трех дорожек (треков). Первые два используются непосредственно для работы карты, а третий трек предназначен для записи различной служебной информации. Самый важный — это второй трек. Первый трек дублирует основные данные второго — номер карты, срок действия, CVV — код, а также содержит имя владельца карты.

Track1: B4 55990 75607 84214^SMITH/JOHN^1 10210 10000 00000 00000 05270 00000

Track2: 4 55990 75607 84214=11021 01000 00527 00000

Код 101 после срока действия карты указывает на то, что карточка является международной. Если вместо него будет, к примеру, 201 — это означает, что карточка является локальной, то есть по умолчанию работает лишь в «родной» стране. Имея на руках track2, можно легко сгенерировать track1, а вот наоборот сделать достаточно сложно. Для получения наличных в банкомате вполне достаточно только второй дорожки.

— Где ты брал дампы?

— На данный момент существует три способа. Изготавливаются либо приобретаются портативные ридеры (англ. cardreader) — инструменты для считывания магнитной дорожки платежной карты. Самые миниатюрные ридеры, что я встречал, были размером со спичечный коробок и изготавливались в Украине инженерами Boa Factory. Дальше устройства раздаются кассирам в бутиках и дорогих магазинах, официантам в ресторанах, валютным проституткам, и они проводят клиентскую карточку не только через легальный POS-терминал, но и через свой ридер.

Взламывается крупный процессинговый центр банка или

торговой сети, через который проходят платежи физических (не виртуальных) магазинов, отелей, ресторанов, и достается база их клиентов. Просто покупаются у тех, кто завладел ими одним из вышеперечисленных способов.

— Дампы ведь нужно еще записать на саму кредитку…

— Конечно. Для этого необходимо специальное устройство, называемое энкодером (encoder). Продаются они совершенно легально и стоят $800–1000. Самая распространенная в кардерских кругах модель — MSR 206. Подключил к компьютеру через USB-порт, вбил дамп в нехитрую программку, провел карточкой через прорезь — и у тебя в руках магнитная копия карты какого-нибудь американского «Буратино».

— Теперь можно идти в магазин? — сделала логическое заключение Галина Аркадьевна.

— Нет, в магазин пока рановато, так как дубликат реальной карточки у нас хоть и есть, но он на куске белого «пластика» (обычно марки CR-80). Продавец в магазине сильно удивится, если ты предложишь ему такую карточку.

— И что делать?

— Договариваешься с продавцом в каком-нибудь приличном магазине, типа: «Вася, у меня такая фигня есть, я приду к тебе, возьму ноутбук и “плазму”, потом продадим и бабло пополам». Это работает — владельцы ресторанов, бутиков и казино отдавали нам 40–50 % наличными от той суммы, что «прокатали», а мы им говорили, что нужно отвечать своему банку, если возникнут проблемы.

— Какие, например?

— Рано или поздно реальный кардхолдер (держатель карты) платеж опротестует. Пожалуется в свой банк, те — в VISA, и вот уже в наше казино нагрянули крепкие ребята из службы безопасности банка, который устанавливал в это казино POS-терминал. Придут и скажут: «Что ж ты, негодник, поддельные карты “катаешь”?» Ну, тут наш олигарх должен глаза пошире выпучить и сказать: «Ниче не знаю. Сейчас кассира, что работала в тот вечер, позову». Зовет Машу. Банкиры ей:

— Срок действия карты проверяла?

— Конечно.

— А подпись владельца карты на обороте была?

— А то. Я ее даже с подписью в его паспорте сравнила. И на слипе он точно так же расписался.

— На каком слипе? — Моему адвокату все приходилось объяснять, как первоклашке.

— Чек, который выходит после оплаты товара по кредитке, называется слипом. На нем печатается вся информация о покупке:

время, дата, название организации, реквизиты места, где была совершена покупка. Кстати, данные для слипа берутся из первого трека. И если дампу абсолютно все равно, какое имя ты укажешь в первой дорожке — реального владельца карты или имя, которое указано в твоем «левом» паспорте, то номер карты все равно надо писать оригинальный, иначе платеж (транзакция) не пройдет. А то было бы, конечно, неплохо: тупо обзаводишься «левым» паспортом, тупо идешь с ним все равно в какой банк в любой стране и так же тупо открываешь счет с дебетной картой. В результате на руках у тебя кредитка с именем Жени Соколова с $5 на ней и паспорт на то же имя с твоей фотографией. Стираешь на фиг все данные с магнитной полосы, берешь дамп из тех, что у тебя есть, меняешь в первом треке имя на Женю Соколова, пишешь этот дамп на карточку и вперед — хоть в банк, хоть в магазин. Закончились деньги на этом дампе — стираешь его, подготавливаешь и записываешь новый. И так, пока Женю Соколова не станут искать на всем земном шаре все банки и все магазины. Тогда покупаешь новый паспорт и по кругу снова. Ну а если уже в лицо начнут узнавать — то только пластическая операция тогда.

Галина Аркадьевна рассмеялась.

— Банкиры спросят, сверяла ли кассир номер карты и фамилию на чеке и лицевой поверхности карты — кассир ответит, что, конечно, да, добавит, что карта не была повреждена и признаков подделки не было, и на этом «допрос» окончен — при всех подозрениях у банка нет правовых оснований заблокировать платеж.

Конечно, если бы продавцы в минских магазинах проверяли, совпадают ли данные на слипе с цифрами на самой карте, то было бы невозможно превратить уже использованную карту в многоразовую, однако в Беларуси — стране непуганых идиотов — кассиры повсеместно «забивали» на правила по безопасному обслуживанию банковских пластиковых карт и мне нередко удавалось совершать покупки с дампов, записанных на оригинальные, но просроченные, а то и вовсе на дисконтные карты.

В работу с белым «пластиком» нередко вовлекались бизнесмены, которые задолжали криминальным авторитетам и у которых не было выбора. Конечно, мы не «доили» одну точку слишком часто, иначе обслуживающий банк мог отобрать терминал и мы бы остались вообще без работы.

— Погоди, ты сказал белый «пластик». Вот и в обвинении у тебя фигурирует этот «пластик», двадцать штук, которые якобы у тебя нашли…

— Только не у меня нашли, а у Сапрыкина. И он сказал мусорам, что это я ему их передал, назвал PIN-коды и попросил снять кэш в минских АТМ (банкоматах). Надеюсь, что такое PIN — вы знаете?

— Знаю, четыре циферки, без которых наличные в банкомате не получишь.

— Верно. Но я дополню. Во-первых, PIN-код нередко требуется и при оплате покупок. А во-вторых, PIN (Personal Identification Number — «персональный идентификационный код») необязательно состоит из четырех цифр. Его длина должна быть достаточно большой, чтобы минимизировать вероятность его подбора методом проб и ошибок, а с другой стороны — достаточно малой, чтобы кардхолдер мог его запомнить. Поэтому длина PIN-кода варьируется от четырех до две-PIN-кода варьируется от четырех до две-кода варьируется от четырех до двенадцати цифр. Чаще, конечно, четыре.

— «Пины» ты где брал?

— «Пины»… Рядовые кардхолдеры уверены (и банкиры постоянно твердят им об этом), что PIN-код взломать или украсть невозможно, но я знаю способов десять, как это сделать.

— Ого! Рассказывай, — к этой теме Галина Аркадьевна проявила неподдельный интерес.

— Может, не сегодня? Это тема для отдельного разговора, а я устал что-то, пойду в камеру.

— Я могу передать твои письма родственникам…

— О, конечно. Сейчас напишу.

«Малява», небольшая записка, письмо «по-зеленой» (без цензуры)… Написать в ней можно много чего, и даже нужно, но вот безопасно ли это?.. Адвокат, конечно, представляет мои интересы, и в руки к следователю моя записка не попадет… Или попадет? Ведь и адвоката могут прошмонать после того, как он выйдет от меня… Впрочем, выбора особого нет, пишу:

«Здравствуй, Лисичка! Я в порядке, держусь, больше за тебя переживаю. Письмо твое получил и уже написал ответ — скоро получишь. Прошу, каждое свое письмо нумеруй по порядку, и я так же буду — чтоб не пришлось потом гадать, все ли дошло. Передачу получил, спасибо огромное. Свяжись с Кайзером (u26 — мой модератор на DM), он должен нам 10k, пусть тебе отдает. Найдите Питерского — он тоже десятку висит.

По Илье Сапрыкину. Пусть продает офис и возвращает мою часть вложенных денег, отговорки слышать я не желаю.

Диме скажи, чтобы срочно (!) сменил пароли ко всем моим “аськам” (мусора наверняка в них висят) и предупредил всех клиентов, чтобы не велись на мусорские прокладоны. Всем

нашим привет. Очень люблю тебя».

— Вот, написал. Спрячьте только понадежнее, — попросил я адвоката.

— Я прочту, о'кей?

Я согласно кивнул. Галина Аркадьевна быстро пробежалась глазами по тексту, сложила «маляву» вчетверо и засунула ее… в свой лифчик.

— Ну кто к старой женщине в бюстгальтер полезет? — видя мое недоумение, сказала она.

Я согласился.

— Завтра приду, продолжим разбираться в твоих похождениях, кардер, — последнее слово она произнесла нарочито медленно, словно старалась его запомнить. — Как тебя тюрьма встретила?

— Да нормально все, спасибо. До завтра.

Глава 3
Володарка, Володарка, в твоих стенах очень жарко

Тело здесь, а душа далеко,
Плюну я в полупьяный конвой.
Тело здесь — для отчета ментам,
А душа — там, где мать родила.
Гр. «Бутырка». По этапу

Ты хочешь знать, как выглядит тюрьма? Ты и вправду хочешь это знать?

Что ж…

Есть тюрьмы «красные», где вся власть принадлежит администрации, а значит, навязан жесткий режим содержания, и «черные», где основные вопросы решают авторитетные заключенные, понятное дело, с ведома и при молчаливом согласии тюремного начальства. Володарка того периода, к моему огромному облегчению, была тюрьмой «черной», в отличие от, скажем, ближайшего к Минску жодинского централа, «красного», как советский флаг.

Первым делом в следственном изоляторе попадаешь на «шмон» (личный досмотр), где из твоей обуви стоимостью, нередко превышающей зарплату тюремного контролера, выламывают супинаторы, а у тебя отнимают запрещенные вещи и предметы, включая поясные ремни и шнурки. Ты начинаешь робко протестовать, мол, как же я без шнурков-то буду, а тебе в ответ: «Не положено. Вдруг ты еще в камере повесишься», хотя даже самому далекому от тюрьмы человеку (а менту и подавно) известно, что в камерах расплетаются все вязаные вещи — свитера, шапки и даже синтетические носки (из которых получается особо прочная нить) — и из всего этого добра можно хоть корабельный канат соорудить. Да и на простыне при большом желании всегда можно повеситься.

«Разденьтесь. Трусы тоже. Вытяните руки. Присядьте три раза» (вдруг ты что запрещенное между ягодиц зажал)… «Одевайтесь, проходите. Следующий».

Впереди спецчасть — фото анфас/профиль, снова отпечатки пальцев, анкетные данные, включая давно забытую национальность… Затем тебя препровождают на «сборку», она же

«отстойник» — полутемное помещение примерно 15 квадратных метров, с парашей в углу, крохотным зарешеченным окном без стекол и «сценой»-помостом из грубо сколоченных досок, где обычно размещаются 30–40 человек, где сидишь два-три, а иногда — если, не дай бог, попадешь на праздничные дни — и пять-шесть дней. Господи, и это здесь мне придется жить?! А-а-а, мамочки…

На следующий день нас отвели в душ, взяли кровь из вены (для анализа на ВИЧ, сифилис), сделали флюорографию. Некоторых — по неизвестному мне пока принципу — дергали к «куму» — оперативному работнику СИЗО, в обязанности которого входит предотвращение беспорядков и побегов, а также «разработка» (прослушивание, подсаживание «наседок») интересующих следствие людей. Можно сказать, мне крупно повезло: в «отстойнике» я пробыл всего сутки, а на следующий вечер нас выдергивали по пять-шесть человек и куда-то вели.

Тюремные коридоры, залитые жидким электрическим светом, выглядели на удивление просторными. По обе стороны темнели ровные прямоугольники металлических дверей с огромными засовами и номерами хат, и трудно было представить, что за каждой дверью — камера, вмещающая иной раз до тридцати человек.

Вначале нас завели на склад, где выдали положенные вещи: матрас толщиной с пододеяльник, на котором, вероятно, умер уже не один постоялец минского «Алькатраса», подушку, затертое до дыр полушерстяное одеяло, алюминиевую ложку с обломанным под корень черенком и такую же кружку без ручки. Еще немного по коридору — и спустя мгновение тяжелая металлическая дверь со встроенной «кормушкой» с глухим стуком захлопнулась за моей спиной…

— Здорово, пацаны! — сказал я и в нерешительности замер на пороге.

— Ну привет, — поздоровался кто-то в ответ. — Статья какая?

— 212-я.

— А что это?

— Хищение с использованием компьютерной техники…

— Хакер, что ли?

— Не совсем.

— Ну проходи.

Только сейчас я наконец смог разглядеть того, с кем разговаривал, — худощавого паренька двадцати с небольшим лет, всего в татуировках — из-за табачного дыма, клубами висящего над головами, сделать это с порога было невозможно.

— Макар, — представился он. — Смотрю за этой хатой. А тебя как зовут?

— Сергей.

— Тезка, значит. Ты откуда?

— Из Минска, последний год жил в Украине. Вернулся на родину — и на тебе.

— Неудивительно. Хочешь сесть в тюрьму — приезжай в Беларусь. Хочешь быстро сесть — приезжай в Минск. Слышал такую поговорку?

Я отрицательно помотал головой.

— Ну, еще не раз услышишь. Долго в «отстойнике» продержали?

— Меня нет, вчера привезли — сегодня «подняли». Остальные с пятницы сидели.

— Знаешь, че за камера?

— Нет.

— Эх ты, — Макар сокрушенно покачал головой, — надо было смотреть. С той стороны «тормозов» (так называют дверь камеры) написан номер хаты. Могли бы и к петухам завести, и что б тогда делал?

— Не знаю, но что-то бы делал. Может, «вскрылся» бы или из них кого порезал.

На «сборке» бывалые арестанты рассказывали, что иногда опера специально заводят тебя в хату к «обиженным», если хотят сломать, и в случае, если ты, не дай бог, попал в такую хату, нужно сделать все, чтобы тут же «выломиться» оттуда.

— А смог бы? — с интересом поглядел на меня смотрящий. — «Мойка» хоть есть?

— При себе, — я разжал кулак и показал ему острое узкое лезвие от одноразового станка Bic, которое до этого держал во рту.

— Ладно, отдыхай с дороги, вон на той шконке, — показал он на нижние нары в середине камеры. Там еще один человек спит — Игорем зовут, будете по очереди отдыхать, по двенадцать часов. Это еще ничего, — Макар, видимо, заметил удивление на моем лице, — в других хатах и в три смены спят. Если будет сильно «рубить», договаривайтесь между собой, кто когда отдыхать будет, все на понимании. По быту тебе пацаны объяснят, что будет неясно — у меня поинтересуешься. Ладно, отдыхай, брат, позже поговорим.

Мужику, с которым я делил шконку, было около сорока, и в шрамах на его стриженой голове отчетливо отражались все отмеченные им праздники — вот это я Новый год встретил, а вот этот шрам — после дня рождения. Буйный алкоголик, он сидел по

замене режима — вначале ему дали «химию» за неуплату алиментов.

Я поставил свою сумку (по-тюремному — «кешар») — клетчатый пластиковый баул, с какими советские «челноки» ездили в Польшу, — в угол хаты, присел на свои нары, перевел дух и огляделся. Помещение освещалось тусклой желтой лампочкой, забранной в тонкую металлическую решетку. Четыре двухъярусные шконки, унитаз в углу (по-тюремному — «дольняк»), прямо над ним — кран с холодной водой, небольшое окно с решеткой и «ресничками»-жалюзи с внешней стороны и узенький стол-общак. Хата была слишком маленькой (не больше 15 квадратных метров) и слишком переполненной — на всех двухъярусных шконках лежали люди. Пахло давно немытыми телами, нестираными носками и табачным дымом. Вентиляция в камере отсутствовала, к тому же все без исключения сидельцы курили. Неудивительно, что туберкулез — самое распространенное заболевание в белорусских тюрьмах.

Шконки стояли так близко друг к другу, что протиснуться между ними можно было только боком. Некоторые из них были завешены жиденькими одеялами, другие открыты, но белье, развешанное на веревках, натянутых над нарами, не позволяло определить, сколько же человек отдыхает наверху, однако было понятно, что арестантов в хате много больше, чем положено, — как позже выяснилось, тринадцать человек.

Я где-то читал, что по эмвэдэшным санитарным нормам на каждого заключенного в СИЗО полагается не меньше 2 квадратных метров площади камеры — в тогдашней Володарке реальная норма была сведена меньше чем к 1 квадратному метру на человека.

Мир сузился до размеров камеры, окончательно и бесповоротно материализовавшись в пространстве 3 х 5 м. Где-то там, за непроницаемыми стенами централа, вовсю кипела жизнь большого города: по проспектам и улицам сновали бесчисленные табуны машин, заключались контракты в офисах фирм и банков, сдавались экзамены в институтах.

Где-то вдалеке (далеко) по радио заиграла Mattafix:

Big City Life,
Me try fi get by,
Pressure nah ease up no matter how hard me try.
Big City Life,
Here my heart have no base
And right now Babylon de pon me case…

Я прилег на нары и закрыл глаза…

Глава 4
Флешбэки

Мы отдыхали на побережье Коста-Дорада, в городке Салоу, неподалеку от Таррагоны. Испания запомнилась мне низкими, по сравнению с Минском, ценами, отличной погодой, очень соленым Средиземным морем и огромным тематическим парком развлечений Port Aventura — наподобие Диснейленда, только от студии Universal.

Однажды вечером мы сидели в местном баре в Салоу и раздумывали, где бы нам провести сегодняшнюю ночь.

— Все надоело, я не высыпаюсь ни хрена, — жаловался я. — Сплошная пьянка и дискотеки. Может, хватит? Надо было со своими бабами ехать — хоть бы страну посмотрели…

— Да ладно, брат, успеем еще посмотреть, — Дима дружески похлопал меня по плечу. — Когда мы еще так повеселимся? Потом будут семья, дети…

— Ну хорошо, куда на этот раз? — я нехотя уступил.

— Поехали во FlashBack, — предложил Илья. — Там мы еще не были.

— Вызывай такси.

Клуб FlashBack встретил нас внушительной очередью из желающих попасть внутрь, собравшихся у входа в одноэтажное здание ближе к полуночи, и порадовал несколькими танцполами и обилием музыки на любой вкус: в одном зале играло ретро, в другом — евротранс и хаус, в третьем — еще какой-то драм-н-бэйс. Вход — 10 евро, футболка с эмблемой клуба в подарок.

— Ну что, guys, по пятьдесят для разогрева?

— По пятьдесят, ха-ха.

— Double tequila, please, — Илья недолго раздумывал над заказом.

Сексапильная барменша схватила с полки три высоких узких стакана для сока, щедро насыпала в них колотого льда, налила текилы и довершила незамысловатый ансамбль коктейльной соломинкой.

— Э-э-э… это, простите, что? — посмотрел я прямо в глаза юному

созданию.

— Ваша текила, парни.

— Э-э… а где соль, лайм?

— У нас текилу пьют именно так.

— Детка, я не знаю, как ее пьют у вас, но мы хотим пить так,

как привыкли. Повтори-ка теперь в маленькие рюмочки и дай нам соль и лайм, — попросил Дима.

— О'кей, ребята.

Текила, опять текила, двойная текила, текила-бум, опять двойная и снова…

— Guys, are you crazy? — глаза девчонки округлились от созерцания этой нашей алкогольной вакханалии.

Я посмотрел на ее грудь, к тому моменту в моих глазах прибавившую размера два, и заплетающимся языком ответил:

— No, we're Russian…

— Эй, Серега, просыпайся. Четырнадцать часов не вставая, — кто-то отчаянно будил меня. — Уже утро, скоро следаки и адвокаты начнут приходить. Приснилось что? Ты улыбался во сне.

Сегодня мне снилась мама,
Мне снились пацаны с района,
Мне снилась Красная площадь и угол моего дома.
Я спал так сладко, не ожидал облома,
Зачем я просыпался — лучше бы я впал в кому.
Я чувствую, как кто-то за ногу меня теребит:
Вставай, все уже вышли, опоздаешь, студент,
Я огляделся, резко закружилась голова,
С этим сном я совсем забыл, где я и кто я.
Я спустился с «пальмы», протер глаза, вылез на продол,
Хата за спиной осталась пуста.
В шеренге занял одно из свободных мест,
Нас посчитали, все правильно — семьдесят шесть.
Обратно большой черно-серой толпой,
Бог мой… Еще один день, еще один бой.
Передо мной строгая хата,
И зэков строят,
Что за спиной двадцать лет жизни какой-никакой…

Приснилось… Железное небо мне приснилось… и камеры вместо хижин…

— Вставай, щас чифирнем — быстро раскумаришься.

Приснилось… FlashBack… как же переводится слово «флешбэк»?.. А, обратный кадр. Иллюстрация, прерывающая повествование, чтобы вернуться к прошлому… Из головы все не выходили слова Сапрыкина: никаких личных встреч и пьянок с клиентами и партнерами по грязному бизнесу… С партнерами-то еще куда ни шло (Сапрыкин ведь и сам наш партнер), а вот с клиентами… Неужели все-таки прав Ильюха, и меня сдал кто-то из тех, с кем мы встречались в Испании?.. В это было трудно

поверить. Black Monarch… этот отпадает сразу. Это благодаря ему я в последние полгода заколачивал по сто штук в месяц. Тем более что мы крепко повязаны — утону я, потонет и он. И наоборот. Кто еще? Junkers, Sebi, xalexx — они румыны, а румыны вообще мутные все до одного… Был еще и eNdi — тоже румын, обналичивал мне дампы с «пинами», но с ним мы не увиделись. Кстати, а почему мы не увиделись?! — страшная догадка вонзилась в мое сознание. А, точно — он же уехал из Испании… И как раз в день нашего прилета. На автобусе, в свою Румынию. Семью, мол, проведать, давно не видел. Странное совпадение. Все четверо знакомы друг с другом — прямо мафиозная семья какая-то. Впрочем, неудивительно — это как в анекдоте про Чапаева: глянул я на карту — сколько там той Румынии… Наверное, кто-то из них меня и сдал.

Глава 5
Рога и копыта

Чифирь оказался о-о-очень крепко заваренным черным чаем. Пили — по старой арестантской традиции — из одной кружки, по два глотка. Каждый глоток хоть и давался мне с трудом — всыпь на 200 мл воды 40–50 г мелколистового черного чая, тогда поймешь, — но давал такую бодрость, что через десять минут у меня даже волосы на руках зашевелились.

— Ждешь кого сегодня? — поинтересовался у меня Игорь, с которым я делил шконку.

— Адвокат обещала прийти, правда, не знаю во сколько. Хотел что?

— Я тебе телефон жены своей напишу. Пусть брякнет ей, скажет, чтобы передачу мне привезла.

— Давай, без проблем.

Через час меня выдернули на кабинеты. Галина Аркадьевна благоухала каким-то дорогим, но слегка старомодным французским парфюмом, чем-то очень знакомым, не то «Фиджами», не то «Пуазоном».

— Здравствуй, Сергей, — первой поздоровалась она.

— Здравствуйте.

— Ну как первая ночь в тюрьме?

— Не первая — я ведь в «отстойнике» уже ночевал. А в хате да, первая. Нормально, выспался хоть, четырнадцать часов спал.

— Кате записку твою передала, она тебе тоже пару строк черканула. У нее все нормально. У Димы тоже.

— Кайзер и Фидель уехали?

— Да, в тот же день, как их всех отпустили.

— Ну слава богу, — я с облегчением вздохнул: моих друзей не задержали.

— Мама сильно за тебя волнуется и спрашивает, почему ей не пишешь.

— Да я не представляю просто, что ей писать. Как-то стыдно, что ли.

В тюрьму ведь попал. И по уголовной статье к тому же.

— Ты это брось, — поспешила разубедить меня Галина Аркадьевна, — от сумы да от тюрьмы не зарекаются. Сидят и миллиардеры — вон, Ходорковского недавно «приняли», и генералы, и министры. И не только у нас — по всему миру. И не все из них по политическим статьям.

— Хорошо, передайте ей, что напишу на днях.

— Вот и молодец. На чем мы в прошлый раз остановились?

— На ликвидации вашей безграмотности в сфере применения банковских пластиковых карт.

— Точно. Ты рассказал мне об устройстве банковских пластиковых карточек, о дампах и о том, что белый «пластик» можно было обналичить через знакомых владельцев магазинов, казино и т. п. Как еще вы похищаете деньги с кредиток?

— Шура Балаганов был очень изумлен, когда Остап купил для конторы «Рога и копыта» чернильный прибор: «Остап Ибрагимович, вам не стыдно было платить за этот чернильный набор живые деньги?!» Прав был Шура, поэтому за лицензионный софт, доступ на порносайты и к различным платным ресурсам (интернет-библиотеки, онлайн-игры) я всегда платил только чужими кредитками. Можно, конечно, и фотоаппарат или ноутбук какой в интернет-магазине приобрести — называется это «вещевым» кардингом, но это все тоже баловство.

Для игроков более тяжелого веса — изготавливается чемодан белого «пластика» с записанными дампами, открывается контора а-ля «Рога и копыта», снимается офис, закупается товар — компьютеры там всякие, электроника, и начинаем торговать — по себестоимости или даже себе в убыток. Цены в нашем магазине низкие, молва об этом быстро разносится, поток клиентов увеличивается. Открываем счет в банке, заключаем договор и ставим POS-терминал. Начинаем прокатывать через него карточки клиентов, а также свои собственные свежеоткрытые «креды» разных банков — приучаем банк к большому объему покупок с использованием кредитных карт. В один прекрасный момент прогоняем через него весь этот чемодан белого «пластика», деньги падают на счет, забираем кэш — и к девкам.

Конечно, все не так просто, вначале надо внимательно изучить страну, где собрались это делать (в странах бывшего Союза по многим причинам не стоит), возможные подводные камни, систему безопасности банка, который ставил вашей конторе «United Братва» POS-терминал, сроки зачисления ваших кровно заработанных на счет (чем быстрее — тем лучше), продумать пути отхода, просчитать затраты — много чего еще. Само собой, нельзя открывать такую контору на себя.

— Но это все имеет мало отношения к твоему обвинению. Вас обвиняют в том, что вы по поддельным карточкам скупали товар в минских магазинах…

— О’кей, пойдем дальше — к более сложному. Изначально есть чистый CR-80-«пластик» и дампы. Как бы напечатать и сделать кредитку один к одному, чтобы можно было спокойно идти в любой магазин в любой стране?

Для начала надо приобрести готовый «пластик» с «голубками» или «глобусом» либо же купить эти голограммы отдельно. Потом надо найти типографию либо купить свое оборудование, которое позволит напечатать на чистом CR-80-«пластике» что-то красивое — причем практика показывает, что абсолютно все равно, какой банк там указан и соответствует ли он реальному банку. Печать, понятное дело, двусторонняя. Напечатали с горем пополам. Теперь надо сделать эти вдавленные номер кредитки, имя и прочее — придется покупать эмбоссер (аппарат, который выдавливает символы на картах) и типпер (устройство для нанесения на них серебристого или золотистого покрытия). Дорогие модели эмбоссеров имеют встроенный типпер. Дополнительно к этому всему надо на обратной стороне «креды» наклеить полоску особой бумаги, на которой ставится подпись владельца карты.

— Это ж сколько денег на оборудование уйдет… — рассеянно заметила Галина Аркадьевна.

— Верно. Один хороший эмбоссер, Matika Z3, например, — около «десятки» стоит. Поэтому самостоятельно «пластик» я никогда не изготавливал, а тупо покупал у нужных людей. Низкого качества, пригодного для шопинга только внутри СНГ, — у Boa Factory в Киеве, отличные VISA Electron — у Флинта на realplastic.org и самый лучший офсетный «пластик» — у китайских товарищей, благо Интернет стирает границы. Дампы на полностью готовые болванки, понятное дело, можно было записать и самому — не все доверяли изготовителям «пластика» эту почти интимную процедуру.

Не прошло и полгода, а у тебя уже чемодан дубликатов кредиток, к качеству которых никто не придерется. Какие варианты с чемоданом? Покупаешь билет в Сингапур, например, или в Преторию и плотно там скупаешься, пока не опустеет чемодан. А лучше вообще в Италию — своеобразную Мекку фальшивых кредитных карточек. В Милане, если продавец догадается, что производится покупка по фальшивой карточке, он не будет сообщать в полицию, а наоборот, попросит, что если, мол, есть еще такие кредитки, то пусть покупатель не стесняется. В магазине знают, что банки всегда возместят им убытки. Потом как-то куда-то все это «железо» или серебро-золото пристраиваешь, продаешь, раздаешь. Меняешь страну. И по новой, с другим паспортом и другими кредитками. Мы вот в Минске скупались — зря, конечно, — нельзя красть там, где живешь.

Между покупками дампы необходимо было периодически проверять (по-нашему, «чекать»), поскольку самым неприятным

при шопинге было «выбивание» на экране POS-терминала кодов 43 (украденная карта — изъять и позвонить в центр авторизации) или 07 (изъять карту и постараться задержать мошенника). Проверять дампы на работоспособность (валидность) можно было тремя способами: если дело происходит в Европе, то нет ничего проще, чем засунуть кредитку в телефон-автомат, который принимает кредитные карты. В России это таксофоны «Комстар». Можно зайти в аптеку, булочную, любой небольшой шоп с минимумом охраны и отсутствием видеокамер и купить какую-нибудь мелочовку. А не пройдет карта — всегда можно мило улыбнуться продавщице и рассчитаться наличкой. Третий способ предполагает мгновенную авторизацию небольшой суммы ($0,5–2) через любой онлайн-сервис или магазин. Подобное называется checking-сервис (от англ. check — «проверять») и широко используется по сей день. Владельцы «чекеров» в огромных количествах скупают взломанные мерчанты (шлюзы для оплаты кредитками) к интернет-магазинам и берут за проверку одного дампа в среднем $1.

Несмотря на то что большинство торговых точек в мире оборудовано электронными POS-терминалами, в Минске все еще полно и импринтеров — механических устройств, отпечатывающих рельефные данные с карты на бумажный чек. Бумажные чеки, сделанные с помощью импринтера, называют также слипами (от англ. slip — «скользить», «прокатывать»). Они являются документальным подтверждением совершения сделки. Для авторизации кассир надиктовывает информацию из слипа оператору процессингового центра по телефону. Естественно, при оплате через импринтер наличие дампа на магнитной полосе кредитки не требовалось, что, когда до меня это дошло, дало мне неограниченный простор для «работы». В это время в Беларуси и даже в России еще прекрасно работали американские дампы, которые стоили какие-то копейки, а суммы на них бывали очень внушительными.

— Ладно, Сергей, — прервала меня адвокат, — с карточками для шопинга вроде разобрались, давай теперь пройдемся по картам с «пинами». Сапрыкин утверждает, что именно ты передал ему 20 белых карт, написал маркером коды на каждой и попросил обналичить в минских банкоматах. Это правда?

— И да и нет.

— ?!.

— У Сапрыкина самого рыльце в пушку…

— Ладно, роль каждого прояснится по ходу следствия. А пока Сапрыкин является свидетелем. Против тебя.

— Я слышал, что у нас порой свидетели очень быстро

переходят в разряд обвиняемых…

— Ну ты же его грузить не собираешься? Как бы там ни было, а «группа лиц» тебе сейчас вовсе ни к чему. Итак, где ты доставал PIN-коды к карточкам?

Глава 6
Дороги

Телевизора в хате не было. Настольных игр, за исключением вылепленных из хлеба шахмат, тоже. В этой камере, 144-й, сидели под следствием в основном наркоманы, алиментщики и те, кому не сиделось спокойно на «химии» (в Союзе это называлось «стройками народного хозяйства»). Смотрящий за камерой, Сергей Макаров, был инъекционным наркоманом с немалым, несмотря на его двадцати-пятилетний возраст, стажем и колол в вену все, что было запрещено законом. Наверное, если бы был запрещен аспирин, то Макар бы «вмазывался» и им. От него же я узнал, что если раньше белорусские наркоманы чаще всего употребляли героин, маковую соломку (в сезон) и метадон, то сегодня самым распространенным кайфом стали так называемые бубки — семена опийного мака, какими нормальные люди посыпают булки с маком.

— Пришла эта мода к нам из России, — однажды вечером после выпитой кружки чифиря начал Макар. — Вместе с технологией экстракции опия. По закону весь пищевой мак, продающийся в торговой сети, должен проходить термообработку, которая разрушает содержащийся в нем опий. В реальности же обрабатывают не больше 10 % всего мака.

— Сколько сейчас героин в Минске стоит? — перебил я Макара.

— Герыч и «витамин» — по 40 баксов за грамм, метадон — 140.

— А «бубки»?

— Три года назад, в 2001-м, когда еще никто в Минске не знал, что пищевым маком можно колоться, его цена составляла около $3 за 1 кг. Сегодня — от тридцати и выше. Для кого-то это крупный бизнес.

— А что такое «витамин»? — полюбопытствовал я.

— Амфетамин. Синтетический аналог кокаина. Неплохо «ускоряет», но мне не нравится — это больше для дискотек. Подельники есть у тебя? — переключился на другую тему Сергей Макаров.

— Да, — я вздохнул, — к сожалению. Один под подпиской о невыезде, другой здесь где-то плавает.

— Подельники — это плохо, — глубокомысленно изрек Макар. — Хуже нет, когда каждый начинает одеяло на себя тянуть и грузить других. Мусорам это только на руку. Если уж

занимаешься криминалом — не важно каким, — делай все один. Одному оно и надежнее, и безопаснее. В какой он хате?

— Кто?

— Ну, подельник твой.

— Пока не знаю. Если увижу его где на коридоре или кабинетах, так спрошу.

— Можешь поисковую написать, — посоветовал мне Макаров. — Эта «малява» по всем хатам централа пройдет, может, и найдется кент твой.

Я написал так называемую поисковую «маляву», тщательно упаковал ее в несколько слоев целлофана от сигаретной пачки и оплавил зажигалкой — «дорога» в нашей хате работала «по-мокрой», через унитаз. Как устроена эта самая «дорога» — тюремная почта, о которой ты наверняка слышал? Для начала нужно сплести «коня» — самодельную веревку из заранее распущенных вязаных вещей. Делается это методом кручения: четыре-пять тонких ниток складываются вместе и перекручиваются между собой, затем складываются пополам и еще раз перекручиваются — получается тонкая и относительно прочная веревка. К одному ее концу прикрепляются «ежи» — сделанные из спичек колючки, или «поплавки» — туалетная бумага, запаянная в целлофан. В соседней хате делают то же самое. Затем два «коня» опускаются в дальняк и с помощью большого количества воды попадают в канализационную трубу, где спутываются между собой. Все, «дорога» наведена. После сработки один из «коней» убирается, а на другом гоняются «малявы» и грузы — в основном чай и сигареты.

По всем хатам централа поисковая «малява» проходит в среднем за два дня. Я отправлял ее дважды, и ни в одной из хат, через которые она прошла, не оказалось моего подельника и когда-то доброго знакомого Паши Воропаева.

— Макар, — обратился я к смотрящему за хатой, — поисковая дважды ни с чем вернулась.

— Такое случается. Посмотри на эту «маляву» внимательно: там отмечены номера всех хат, через которые она прошла. Значит, в этих хатах твоего кореша нет. Но здесь ведь отмечены, — он взял в руки мою «маляву», — далеко не все хаты, которые есть на тюрьме. Есть ведь еще и нерабочие, где навести дорогу по разным причинам невозможно, и откровенно «красные» хаты, где сидят коммерсанты, таможенники, менты и всякое сучье — не исключено, что твой Воропаев в одной из таких хат. Это у нас тут братский ход… В других камерах срабатываются по воздуху. Это если в соседних хатах окна недалеко друг от друга находятся. Одна хата делает «ружье» — полую трубку из плотной

бумаги, чаще всего из журнальных листов, и клейстера — самодельного клея из пережеванного и пропущенного через простыню черного хлеба, а также волан — конусообразный дротик из бумаги, утяжеленный тем же хлебом. К волану привязывается «контролька» — тонкая плетеная нить из синтетического носка. Волан из этого самодельного духового ружья выстреливается в сторону соседней хаты. А там уже ловят его «причалом» — самодельной палкой, сделанной из тех же журнальных листов и клейстера. Сработались, потом «конь» запускается, и все как обычно. «Дорога» — это святое, кровеносная система любой тюрьмы, без «дорог» прекращается общение, не решаются общие вопросы, не знаешь даже, что творится на соседнем корпусе — вдруг мусора или суки бьют кого, а от одной «малявы» часто судьба человека зависит — мало ли какие показания с подельниками нужно согласовать или еще какой вопрос серьезный решить. От показаний зависит очень многое в твоем уголовном деле. Вот взять, к примеру, дачу взятки. Сунул «десятку» гаишнику, стало об этом каким-то образом известно — все, держи дачу взятки. Ан нет, всегда можно сказать — если диктофонной или видеозаписи нет, конечно, — что гаишники у тебя деньги вымогали, сказали: «Не дашь лавэ — заберем права». Взятка, данная под угрозой или вымогательством, таковой не считается. Или еще пример: статья 214 УК РБ, «Угон». Скажешь, что хотел автомобиль на запчасти разобрать и так продать — это уже не угон, а кража, и часто за нее наказание меньше, чем за «просто покататься». Тут уже надо в зависимости от стоимости автомобиля смотреть, чтоб не вышла кража в особо крупном…

Глава 7
Все врут, или тринадцать способов получения PIN-кодов

Надо мыслить. Меня, например, кормят идеи.
Остап Бендер

— Вернемся к нашим баранам, точнее, PIN-кодам, — заявила моя адвокат во время своего следующего визита ко мне. — Итак, где ты брал «пины» к карточкам?

«Пины»… В свое время Boa — лучший в мире кардер — говорил: «Если вдруг в очередной раз вы где-то увидите, что кто-то продает дампы с «пинами», — не верьте глазам своим. Дампы с «пинами» — это все равно что кэш в кармане. А что-то никто пока не продавал $100 за $20. Если $100 отпечатаны в Вашингтоне, конечно, а не в Грозном или Тегеране». Первым, кто это опроверг, стал Dark Elvis.

Все началось с того, что однажды утром моя «аська» буквально взорвалась от кучи практически одинаковых сообщений от моих коллег, партнеров и просто клиентов:

— Ты не знаешь, кто такой Dark Elvis?

— Бро, это не ты, часом, Dark Elvis?

— Плиз, подскажи, где найти Дарк Элвиса.

— Да кто это вообще такой?! — возмутился я. — С чего это он вас всех так интересует? Как с цепи сорвались…

— Кого всех?! — первым ответил мой испанский партнер eNdi.

— Утром andycredit спрашивал, потом Mondeo, сейчас ты…

— Бро, ты случайно не заболел? Обычно ты узнаешь обо всем раньше нас. Элвис продает дампы с «пинами».

— М-м-м, дампы с… «пинами»?! Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Dark Elvis был все равно что НЛО — таинственный объект, о котором все слышали, но никто его не может найти. О нем было известно только то, что он не сидел в тюрьме, но почему не сидел — неизвестно. Зато все знали, что у Элвиса десятки тысяч дампов с «пинами», кто-то даже видел бин-лист, и, конечно, каждый мечтал первым его найти.

— Auger, поделись контактом Dark Elvis'a, — наудачу написал я в ICQ своему постоянному поставщику дампов.

— Ты шутишь?! — практически мгновенно ответил тот.

— А разве похоже на шутку?

— Ладно, проехали. Контакт не дам, но можешь работать с ним через меня. Тебя что интересует?

— То же, что и всех, — дампы с «пинами».

— Ну давай на мыло зашлю парочку штук на тест. Если о'кей — заплатишь за них $600. Идет?

— Да.

Через несколько часов Auger скинул мне два дебетных американских дампа с PIN-кодами, один Maestro, другой — VISA Classic.

— Когда отработаешь? — последовал вопрос.

— Мгновенно — энкодер под рукой.

Сорок минут спустя я уже потрошил один из киевских банкоматов. VISA не сработала, зато Maestro в два приема «подарил» мне $3 тыс., притом что последние $600 упорно не хотели сниматься — проверка баланса перед началом работы показала, что на карточке было $3600.

Наверное, дневной лимит установлен в размере $3 тыс., — догадался я.

— Что ж, попробую «добить» ее после полуночи, когда банки посчитают, что начался новый день. С этой мыслью я взглянул на свои часы и отправился коротать оставшиеся до полуночи два часа в McDonalds на Крещатике. Почему именно McDonalds?

В Киеве самая большая в мире концентрация красивых женщин. Спускаешься в метро — навстречу девушка… одна, вторая, третья… на четвертой твоя голова против воли заворачивается назад, да так, что можно шею свернуть. И по новой — одна, вторая, третья, четвертая. А в McDonalds на Крещатике прелестных украинских девушек еще больше, чем в метро. Киев — это рай для холостяка. Средняя продолжительность жизни мужчин там — всего пятьдесят шесть лет, и на каждого двадцатилетнего мужчину приходится четыре женщины того же возраста.

После 24:00 моя Maestro уже не работала. Я пробовал в нескольких банкоматах, но везде выбивало DECLINE (отказ). Впрочем, получить трешку «зеленых», затратив всего шестьсот, было тоже очень даже неплохо.

— Ну как результат? — замигало окно моей «аськи» сообщением от Auger, когда я добрался до дома и подошел к компьютеру.

— Нормально. Classic — нерабочий. Maestro — о'кей.

— Жду 300 wmz. Кошель знаешь.

— Лови, — я открыл свой Webmoney Keeper и, не откладывая,

перевел Аугеру 300 баксов.

— Ага, есть. Спасибо. Тебе все еще нужен контакт Элвиса?

— Да мне, по большому счету, без разницы, с кем работать, — не хочешь «палить» Элвиса, тогда давай работать с тобой.

— Ну давай, — согласился Auger. — Вот условия.

И тут он меня немного разочаровал: один европейский дамп с «пином» предлагался за $2 тыс., нерабочие не обменивались (в отличие от первой тестовой партии), минимальная партия составляла десять дампов. Хочешь — бери, не хочешь — не бери.

Я взял один раз — на $20 тыс. И все бы ничего, да отсутствие замен свело рентабельность этой работы к нулю. Больше я в эту лотерею не играл.

И все же я думаю, что в роли мифического Dark Elvis'a выступал сам Auger…

— Не поняла, какой Auger? — у Галины Аркадьевны не было доступа к моим воспоминаниям.

— Ну Аугер — мой поставщик дампов, который продавал мне и дампы с PIN-кодами.

— А-а-а. И почему ты уверен, что Элвис и Auger — это одно и то же лицо?

— Когда я только начинал работать с Аугером, тот обмолвился, что его напарник Aizek[797] как раз работал над реверсией…

— ?..

— Расшифровкой «пинов» из их базы с дампами. Да и невозможность установить прямой контакт с Элвисом укрепляла меня в моей догадке. Скорее всего, у Аугера — высококлассного киберпреступника с многолетним стажем — было несколько сетевых имен, которые даже его партнеры по нелегальному бизнесу не связывают друг с другом, а считают их принадлежащими разным людям.

— Он не сидит? — отчего-то поинтересовалась адвокат.

— Нет-нет, такие люди не сидят. Когда я общался с Аугером в последний раз, тот собирался, по его словам, прикупить какое-нибудь комфортное кресло в «Газпроме» — пару миллионов долларов они с Айзеком уже заработали, — и навсегда завязать с кардингом. Если птица не садится на гнездо, а поднимается все выше и выше, она в конце концов попадает в сетку птицелова. Тот, кто не чувствует, когда нужно остановиться, нарушает законы природы…

— Как Айзек расшифровал «пины»? — прервала мои философские рассуждения Галина Аркадьевна.

— Основное требование платежных систем к хранению и

передаче PIN-кода: значение PIN должно всегда находиться в зашифрованном виде, начиная от его ввода на клавиатуре банкомата или POS-терминала и заканчивая проверкой в «святая святых» любой платежной системы — защищенном аппаратном модуле шифрования (HSM-модуле) банка-эмитента. Этот модуль хранит ключ генерации PIN-кодов, и проникновение в него повлечет за собой компрометацию всех PINов, когда-либо сгенерированных с помощью этого ключа. Поэтому доступ к HSM-устройствам строго ограничен как физически (применяются взломостойкие модули), так и через Сеть.

— Что же сделал Айзек?

— На разных этапах обработки PIN-коды проходят множество ступеней шифрования/дешифрования, и не все HSM, через которые проходят «пины», находятся в защищенной от внешних вторжений сети банка-эмитента. Зато все они поддерживают морально устаревший интерфейс Standard Financial API, которому уже больше тридцати лет. Через уязвимость в этом интерфейсе Aizek и ломанул HSM на каком-то промежуточном хосте (узле сети). Дальше просто — на взломанный HSM-модуль устанавливается сниффер — программа, перехватывающая PIN-коды в открытом виде либо в зашифрованном, но доступном для декодирования. На осуществление подобных взломов порой требуется несколько лет.

— Почему производители HSM-устройств не закроют эти дыры? — задала логичный вопрос адвокат.

— Ну, они заявляют, что все HSM-модули поставляются заказчикам со стандартными настройками, не позволяющими подобных атак, однако их установкой и настройкой могут заниматься не всегда ответственные или добропорядочные люди, поэтому система действительно уязвима. Случается, что и ломать ничего не надо — по недосмотру разработчиков программы, которые используются в торговых точках для обработки платежей с пластиковых карт, сохраняют не только дампы, но и PIN-коды. Недавно так отличилась компания Fujitsu Transaction Solutions.

— Выходит, банкиры лукавят, заявляя, что взломать PIN-коды невоз-PIN-коды невоз-коды невозможно…

— Everyone lies[1].

— А «пины», которые нашли у Сапрыкина, — перешла к более предметному разговору Галина Аркадьевна, — они откуда?

— В начале 2004 года я познакомился с Black Monarch — одним из модераторов carder.org — первого в мире форума для кардеров. Тот продавал американские дампы с «пином», но только для «своих», так как не мог делать их много — всего штук по пятьсот в месяц.

— Ничего себе! Как вы обналичивали такие количества?

— Отдавали дропам (обнальщикам) в разных странах, оставляли им 15–30 %, и те присылали нашу долю по Western Union. Все из них, за исключением обнальщиков на местах, которых я контролировал лично, обманывали нас и утаивали огромные суммы. Проверить, сколько сняли с твоего дампа, чаще всего невозможно.

— Ты сказал, что Black Monarch «делал» дампы с «пинами». Как он их делал? — оживилась адвокат.

— Вкратце схема такова: берем дамп с оригинальным первым треком — там есть настоящее имя кардхолдера. Заходим на www.accurint.com, вбиваем ФИО жертвы, находим его SSN (Social Security Number — номер социального страхования, который положено иметь всем гражданам США в возрасте от одного года), дату рождения, адрес и телефон — чем больше данных о жертве соберем, тем лучше. Понятно, что если имя холдера будет John Smith, то мы устанем гадать, кто же из тех двух тысяч джонов смитов, что выдаст нам в результатах поиска accurint, и есть наш, поэтому дамп нужно изначально выбирать с редкой для Америки фамилией. Дальше идем на сайт банка, выдавшего карту, «энроллим» ее (от англ. enroll — «регистрировать») — то есть открываем онлайн-доступ к карте — и особым образом меняем PIN-код. Правда, сменить его можно было не на всех картах, тогда такие дампы с уже открытым онлайн-доступом к карте, а значит, известным балансом, мы продавали — за 15 % суммы на карте. Рентабельность моей работы с Black Monarch превышала 300 %.

Когда совсем нечем было заняться, я через Skype звонил «терпилам» и под благовидным предлогом разводил их на «пины». Можно это и в автоматическом режиме замутить: жертве позвонит программа-робот, озвучит заранее записанный текст, предупреждающий о подозрительных операциях с его счетом, и проинструктирует клиента сообщить номер его кредитной карты, срок ее действия и PIN-код.

— А что делать, если нет доступа к конторе типа accurint? Где искать SNN и прочие личные данные владельца карты?

— На кардерских форумах хватает людей, которые поставили поиск личных данных американцев на поток. Стоит все удовольствие $3–5. Почему именно американцев? Дело в том, что подробные базы с полной информацией о гражданах, включая сведения о браках и разводах, судимостях, месте работы, движимом и недвижимом имуществе, зарегистрированном оружии, кредитную историю и т. п., есть только в Штатах. По Евросоюзу единой базы нет, только по отдельным странам. К тому же в Америке проживает 300 млн потенциальных

потерпевших, а, к примеру, в Бельгии — всего десять. Есть разница?

— Как еще можно узнать PIN-код?

— В последний год серьезные обороты набрал фишинг (phishing).

— ?..

— Искаженное английское fishing («рыбалка»). Пользователям рассылаются сообщения со ссылками на сайты, как две капли воды похожие на сайты настоящих банков, платежных систем, социальных сетей и т. д., где злоумышленники выуживают у доверчивых пользователей ценные личные данные — логины и пароли, номера кредиток, PIN-коды, доступы к различным платным сайтам и прочее. По сути, фишинг — это классическая разводка, искусство выдавать себя за того, кем не являешься. Он основывается на незнании пользователями элементарных вещей — в частности, того, что банки и различные сервисы никогда не рассылают писем с просьбами сообщить свои учетные данные. Фишинг особенно распространен в США, где высокий уровень законопослушности населения — если банк прислал запрос, то на него надо обязательно ответить.

— А для чего фишеры крадут доступы к аккаунтам в социальных сетях?

— Для заманивания новых лохов, конечно. Вероятность того, что участник социальной сети пройдет по присланной от имени друга ссылке, примерно в десять раз выше, чем если бы эта ссылка пришла к нему по электронной почте.

Для защиты от фишинга производители интернет-браузеров уже встраивают в них антифишинговую защиту, но проверка на фишинг увеличивает время загрузки страниц и многие юзеры ее просто отключают. Невнимательность и наивность по-прежнему остаются главной причиной любых проблем. Известен случай, когда утром в Лондоне на парковках возле офисов компаний были кем-то «потеряны» флешки. Нашедшие их сотрудники, недолго думая, засовывали устройства в рабочие компьютеры — видимо, хотели посмотреть, что на них записано. Вот так, без особых усилий во многие корпоративные сети проник «троян».

— Ну а какое отношение «пины» имеют к фишингу? — недоумевала моя адвокат.

— У многих фишеров скопились просто гигантские массивы карт и PIN-кодов. Заметьте, карт — но не дампов. Зато дампы были у нас, кардеров, и некоторые из баз насчитывали миллионы треков. Мне пришла логичная идея сравнить на соответствие базы карт с базами дампов. Сравнение происходило, понятное дело, по номеру карточки.

— Получилось?

— Еще бы. Процент совпадений не превышал 0,3 %, но, учитывая, что и у фишеров, и у кардеров на руках были миллионы карт, это стало для меня отличным заработком.

Также существует, но сегодня уже начинает «умирать», еще одна тема по получению «пинов». Услышал я о ней от американцев еще осенью 2003-го. Фишка заключалась в генерации дампа при наличии на руках только номера кредитки, срока ее действия и PIN-кода. Здесь вновь выручили фишеры — этого-то добра у них хватало. Самым сложным было написать рабочий дамп.

Любой дамп — а для банкомата достаточно только второй дорожки — содержит номер карты, срок действия, а также некий защитный трех-значный код. В системе VISA он носит название CVV (Card Verification Value), а у Mastercard — CVC (Card Validation Code). Возьмем, для примера, кредитный дамп Fleet Bank: 4 30550 00923 27108=1102 10100 00529, CVV в данном случае 529.

Или любимый многими MBNA Bank: 4 26429 43183 44118=12011 01000 00445 00000, здесь CVV — 445.

Кстати, ввели этот защитный код в начале 1990-х после весьма занятной истории.

В 1990 году Королевский суд Винчестера в Англии осудил двоих преступников, использовавших простую, но эффективную схему. Они стояли в очередях к банкоматам, подсматривали PIN-коды клиентов, подбирали чеки, оставленные клиентами после завершения транзакции, и копировали номера карт с них на пластиковые заготовки с магнитной полосой. Таких людей называли трэшерами (от англ. trash — «мусор»). Эта уловка удавалась потому, что банки печатали на чеке номер кредитки клиента полностью (сейчас большая часть скрыта звездочками), и прекратили это делать лишь с 1993 года, после того как по телевидению и в СМИ журналисты опозорили эти банки, подняв шумиху вокруг таких вопиющих случаев халатности. Тогда же платежные системы и придумали коды CVV/CVC — чтобы полностью исключить возможность того, что злоумышленник создаст работоспособный дамп, если подсмотрит номер карты клиента.

Казалось бы, теперь подобной схеме мошенничества поставлен надежный заслон. Но нет — несмотря на имеющуюся возможность контроля и сегодня полно банков, которые ей пренебрегают. В основном этим грешат американские банки, но вычислить их можно только эмпирическим путем — ни один кардер не поделится подобной информацией. Из-за отключенной

проверки CVV американские банки потеряли миллиарды долларов. Агентство Gartner подсчитало, что только за 2004 год американские финансовые институты потеряли из-за этой аферы около $2,75 млрд. И это только за один год! В 2004 году примерно половина американских банков не проверяли CVV при банковских транзакциях, а также транзакциях с использованием дебетных карт, требующих обязательного ввода PIN. Citibank, крупнейшая американская финансовая организация, пострадала сильнее всего. PIN-ы стали святым граалем для кардеров.

— Но все эти способы слишком сложны для обычного человека…

— На каждого мудреца довольно простоты — несмотря на многочисленные предупреждения, многие держатели карт записывают PIN-коды прямо на карточках. В случае утери или кражи в руках вора окажется и карточка, и PIN. Я еще понимаю американцев — у них в среднем около семи карт на душу населения, но наши-то… Если уж и записываете PIN на карте, то делайте это так, чтобы никто не понял, что это он, — запишите его под видом номера телефона, например, где первые или последние цифры номера и будут PIN-кодом. Да, и еще одно: номер службы поддержки банка записан на оборотной стороне карточки. Перепишите его куда-нибудь в мобильник, так как, если карту украдут, начнутся беспорядочные метания в поисках нужного телефонного номера, а этого времени может быть достаточно, чтобы мошенник увел ваши деньги.

И последнее: по правилам платежных систем операции по карте, которые были произведены с вводом PIN-кода, опротестовать невозможно. Когда вы получаете карту, то подписываете документ, где указывается, что вы получили конверт с PIN-кодом. Там написано, что вся ответственность за сохранность этого номера лежит полностью на клиенте. И если клиент этот номер «провтыкал» — это его проблемы. Банк имеет полное право отказать в рассмотрении жалобы о краже денег и будет совершенно прав. Поэтому не сообщайте никому свой PIN-код, равно как и карточку в чужие руки не давайте.

Следующие методы получения PIN-кодов подразумевают определенные физические действия с банкоматом. Для первой аферы нужны ровные руки и суперклей. Заклеиваешь на банкомате клавиши «Ввод», «Очистить», «Отмена» и устраиваешь засаду. Приходит жертва, засовывает карту в щель банкомата, набирает PIN-код, после чего обнаруживает, что нужные клавиши не работают, и уходит — например, в отделение банка за помощью. Тут жулики выскакивают из засады и снимают с карты деньги с помощью тачскрина (почему-то кардхолдеры забывают,

что все функции управления продублированы на экране банкомата).

Встречаются также фальшивые платежные терминалы, «посы» и даже банкоматы, которые эмулируют настоящие, но запрограммированы только на сбор дампов и PIN-кодов. Нападения этого вида были впервые описаны в США еще в 1988 году. Мошенники построили машину, которая принимала любую карточку и выдавала пачку сигарет. Данное изобретение было размещено в магазине, а PIN-коды и дампы передавались посредством модема. Трюк распространился по всему миру.

Еще одним источником проблем для банков являются тестовые транзакции. Для одного типа банкоматов использовалась 14-значная ключевая последовательность для тестовой выдачи десяти банкнот. Кроме того, руководство по настройке любой модели банкоматов можно найти в Интернете. В нем подробно объясняется, как перевести банкомат в диагностический режим и перепрограммировать на свое усмотрение — например, убедить машину, что она наполнена однодолларовыми купюрами вместо «двадцаток», и получить не $20, а $400. Конечно, вход в такой режим требует знания специального кода, однако большинство банкоматов используют пароли по умолчанию, которые указаны в руководстве.

По своей сути любой банкомат или POS-терминал — это тот же ком-POS-терминал-терминал — это тот же ком- это тот же компьютер. И если «посы» работают на собственных «операционках» типа Unicapt или Telium, то банкоматы работают под управлением Windows, а значит, их можно успешно заразить вирусом. Правда, в большинстве своем сети банкоматов не подключены к Интернету, и единственный способ инфицировать банкомат — это снять с него крышку и подключить к специальному разъему ноутбук с заранее сконфигурированным программным обеспечением. Как раз недавно группа украинских кардеров разработала вирус, после установки которого в банкомат можно снять все имеющиеся там деньги с помощью специальной карточки доступа. Помимо этого, вирус позволяет ввести на клавиатуре банкомата определенный код и получить распечатку всех дампов и PIN-кодов, прошедших через зараженный аппарат.

— А разве банкоматы не оборудованы видеокамерами, которые заснимут подозрительные манипуляции с открыванием крышки банкомата и т. п.? — задала резонный вопрос Галина Аркадьевна.

— В каждом втором белорусском банкомате видеокамеры отсутствуют. Я и говорю — страна непуганых идиотов…

Есть еще такой способ получения PIN-кодов, как траппинг (от англ. trap — «ловушка»). Ты подходишь к банкомату, вставляешь карту, вводишь свой PIN и… ничего. Тут к тебе подходит незнакомец и спрашивает, в чем дело, банкомат, что ли, не работает? Ты пытаешься объяснить и вводишь PIN-код у него на глазах. Естественно, опять ничего не происходит. Деньги не снять, карту тоже не достать — она застряла. Разозленный, ты идешь ругаться в отделение банка. Тем временем незнакомец быстро дергает за кусочек тонкой фотопленки, которая была внутри приемника для карты и мешала считать информацию, и вытаскивает ее вместе с твоей картой — а PIN он уже подсмотрел. Чтобы избежать этого, пользуйтесь простыми правилами: не давайте никому подходить к банкомату в то время, пока им пользуетесь вы, и не слушайте ничьих советов. Проблемы с картой решайте, не отходя от банкомата, если что — звоните в службу поддержки своего банка или банка, установившего банкомат. Вводя IN-код, прикрывайте клавиатуру свободной рукой. Правда, все эти меры предосторожности не помогут, если мы имеем дело со скиммингом.

— ?..

— Скимминг (от англ. skim — «снимать») — один из самых ненавидимых банкирами всего мира видов кардинга. Скиммер — это незаметное, толщиной всего в несколько миллиметров, устройство, которое вставляется в прорезь для карты и выглядит как обычный считыватель карты, поэтому неискушенному человеку его заметить крайне сложно. Жертва вставляет карту в приемник банкомата, не подозревая, что перед ним установлен хорошо замаскированный скиммер, считывающий дамп карты и сохраняющий его во встроенную флеш-память. Существуют и более сложные модели скиммеров со встроенным GPRS-модемом, отсылающие данные по SMS или вообще на «мыло» кардеру. Стоимость подобных устройств на рынке начинается от $8 тыс.

— Постой, а как же PIN-код? Скиммер ведь копирует только дамп…

— Съем PIN-кода в данном случае — тоже искусство. В ход идут замаскированные видеокамеры или даже муляжи клавиатуры, накладываемые поверх настоящей. «Не устанавливайте скиммер в утреннее время, поскольку прохожие более бдительны в это время. Не выбирайте банкомат, через который проходит больше 250 клиентов в день. Избегайте городов с населением меньше 15 тыс. жителей — местные отлично знают, как выглядят их банкоматы, и могут заметить ваш скиммер», — гласила инструкция, прилагающаяся к скиммерам, продающимся на одном из кардерских сайтов.

— Кардеры, фишеры, скиммеры… Неужели все так плохо?

— На самом деле — нет. Просто, совершая любую операцию с пластиковой картой, будь то получение налички в банкомате или же покупка в интернет-магазине, стоит сто раз проверить все окрестности, прежде чем демонстрировать данные вашей карточки. Для компьютерных платежей неплохо бы включить антифишинг и своевременно обновлять антивирусные программы. Когда расплачиваетесь карточкой в магазине (ресторане, гостинице и т. д.), не допускайте, чтобы карта пропадала из виду. К примеру, официант запросто может сказать, что терминал находится там-то и ему нужно отойти, чтобы прокатать вашу карточку. В этом случае идите вместе с ним. После оплаты в сомнительном месте внимательно изучите чек — нет ли там каких-нибудь лишних сумм. Старайтесь не расплачиваться картой в странах повышенного риска — в Турции, Египте, Таиланде, Украине. Особенно это касается кредитных карт, потому что в этом случае вы теряете деньги банка, и на вас будет висеть долг, да еще и с процентами.

Банкоматы лучше использовать те, которые находятся в помещении банка — меньше шансов, что на них будет установлен скиммер. Выработайте у себя привычку внимательно смотреть на прорезь для карты — нет ли там какой посторонней накладки, и на клавиатуру банкомата. Стоит помнить, что здравая толика паранойи способна уберечь ваши деньги лучше, чем ложная скромность и истинная безалаберность.

Кстати, вы не в курсе, в какой хате сидит Паша Воропаев? — я сменил тему разговора.

— Не знаю, но поосторожнее с ним, — предостерегла Галина Аркадьевна. — У них с Батюком один на двоих адвокат, а это возможно, только если их позиция по вашему уголовному делу совпадает. Так что, скорее всего, они «грузят» именно тебя, гляди, еще и организатором сделают. Будут петь в унисон, и будь ты хоть трижды прав, но нашему «правосудию» ничего не докажешь. Надо было тщательнее подельников выбирать, а лучше вообще без них, если это возможно.

«Организатором»… «грузят»… да-а, попал. Наверное, и сдали меня они. Засветились при шопинге в Минске — на них вышли менты. «Где взяли поддельные карточки?» — «У Павловича»… Ни грамма не весело…

Глава 8
Подельники

Работники из вас, как из собачьего хвоста сито.
Остап Бендер

Как же меня угораздило так вляпаться? Ведь не свяжись я тогда с Пашей и Степой — и никакого засвета, а тем более уголовного дела не было бы. Вот уж действительно: подбери пчелу из доброты — и ты узнаешь, чем плоха доброта. За них попросили… позвонил один авторитетный дядя и попросил помочь «правильным пацанам» с кредитками. Они, мол, были недавно в Польше с Костром — Ромой Погарцевым — за солдатов его, шопились по «пластику», дело свое знают. С Костром разругались, хотят и дальше работать, да нет карточек. Почему разругались?

Поехали они, значит, в Польшу — Погарцев, Батюк, Воропаев и Коновалов — поработать по «пластику». Картами обеспечил Погарцев — Electron от Флинта. Скупали ноутбуки, часы, одежду, мобильники. На мобильниках и погорели — Коновалов пошел в IDEA — польский сотовый оператор, а Погарцев вместо того, чтобы проверить карточку, закинулся амфетамином и только подгонял Коновалова — быстрей, быстрей. Того «приняли» — парни по газам и подальше оттуда, да так, что заехали прямо во двор полицейского участка. К счастью, обошлось. По приезде в Минск Батюк и Воропаев смекнули, что лучше с умным потерять, чем с дураком найти, и без сожаления расстались с Костром. Тут им очень кстати встретился я.

Кроме отсутствия кредиток, у моих новоявленных знакомых не оказалось и денег, чтобы я мог заказать для них «пластик». На руках было лишь несколько отработанных Electron хорошего качества, парочка новых ноутбуков, купленных во время шопинга в Польше, и желание дальше работать в качестве дропов — теперь уже моих.

Я связался с Liratto — одним из владельцев Boa Factory, киевской фабрики по производству поддельных кредиток и всевозможных документов — от дипломов до паспортов. При заходе на boafactory.net в глаза сразу бросались соблазнительные предложения типа: «Хочешь российский паспорт за три дня? Нет проблем. Нужен диплом об окончании вуза? Запросто. Сертификаты, свидетельства, аттестаты, водительские права,

визы, разрешения на оружие и мигалки? Ты попал куда нужно, приятель». Boa Factory предлагали подделку практически любых документов с качеством, неотличимым от настоящего. Контора даже проставляла штампы о въезде/выезде из нейтральных стран, чтобы паспорт не выглядел новым. Стоимость услуг заметно разнилась в зависимости от сложности. Например, цена на русский паспорт была в районе $400, а на реальное, пусть и не совсем честно полученное, гражданство Ирландии доходила до 25 тыс. «вечнозеленых». Работала фабрика Боа и с реальным «пластиком», продавая как готовые кредитки, так и оборудование для их изготовления.

— Игорек, есть в наличии энкодеры? — поинтересовался я у Лиратто.

— Да, без проблем. Правда, остались только MSR 106 — не все карты записывают, только те, что с полосой Lo-Co (Low Coercivity). Это «магнитка» коричневого цвета, а для черной — High-Co — нужна модель MSR 206. High-Co (High Coercivity, если по-простому, это более высокий уровень намагниченности) более долговечной считается, перезаписывать ее можно намного больше раз.

— Делать нечего, придется 106-й брать. Только денег нет…

— Не понял…

— В прямом смысле. Есть ноутбук, Toshiba Satellite, новый — возьми в залог. Отработаемся по «пластику» — сделаем чейндж на лавэ.

— Ну хорошо, приезжай.

Через несколько дней мы со Степаном были уже в Киеве. О, Киев произвел на меня неизгладимое впечатление. После тихого патриархального Минска, лет на тридцать отставшего от бега времени, столица Украины показалась нам настоящей Европой. Бесчисленные кафешки с демократичными ценами, огромные торговые центры, высотки, выставки, кипящая ночная жизнь — казалось, свободой пронизано все вокруг, начиная от воздуха и заканчивая сознанием живущих там людей.

Несколько дней мы пили крепчайший австрийский ром в компании молодых, но очень талантливых кардеров с форума carder.org — Нео, Мазафакера и Лилу (которая в реальности оказалась милой девушкой Олей) и обменивались опытом. Я рассказал им о реальном «пластике», а киевляне поделились своими наработками в «вещевом» кардинге. После трех дней загула, во время которых мы со Степаном посетили чуть ли не половину злачных мест Киева, я наконец встретился с Liratto, обменял ноутбук на энкодер, и с чувством выполненного долга мы со Степой вернулись в Минск.

Тут и понеслось: записываем дамп на бэушную пластинку, отрабатываем по-быстрому, стираем, наверх другой дамп, и по-новой. Наш MSR 106 не выключался ни на минуту. В это время в Беларуси еще отлично работали американские дампы, которых у моих поставщиков было как грязи и которые стоили всего $5–10. Тридцать ящиков водки, ящик коньяка, золото, парочка фотокамер, швейцарские часы, деликатесы, сигары, парфюм, телефоны, бензоколонки, бутики, рестораны и сауны оплачивались по «пластику». Очень легко почувствовать себя богачом, когда в кармане «пластик» с бездонным VISA Infinite. Мы настолько вошли в азарт, что почти не думали о безопасности — ящики с водкой загружали прямо в инкассаторский микроавтобус, принадлежавший знакомому Пашиному банкиру, подолгу «долбили» одно и то же место, пренебрегали камерами наблюдения (я, конечно, ни перед одной не засветился). Город стал для нас тесен — мест, где принимали к оплате карточки и где бы нас не знали в лицо, в Минске не осталось, да и было их в 2002 году не больше тридцати.

— А поехали на «выезде» поработаем — здесь нас уже каждая собака знает, — однажды утром, проснувшись после очередного удачного шопинга, закончившегося обязательной попойкой, сауной и женщинами нетяжелого поведения, предложил я. — Есть у меня одно местечко на примете, за три тысячи километров отсюда — я прошлым летом там очень удачно поработал.

На следующих выходных мы уже загружали в купе поезда наши нехитрые пожитки: ноутбук, энкодер, с десяток карточек от Лиратто и Флинта, личные вещи и несколько огромных пакетов с водкой и продуктами, купленными опять же по «пластику».

Олег, мой давний интернет-знакомый, к которому мы и ехали, встретил нас на вокзале и разместил в своей двухкомнатной холостяцкой квартире.

Деньги, привезенные с собой, закончились через два дня.

— Олег, у тебя машина есть? — поинтересовался я у нашего радушного хозяина.

— Нет, а зачем?

— До места, что я наметил для работы, отсюда еще 120 километров.

— А, ну у моего приятеля есть. Бензин только оплатите.

— В долг пусть отвезет, лавэ вообще нет, — начал соображать и входить в рабочий ритм Степан. — Заработаем — тогда и рассчитаемся, нет проблем.

Я позвонил своему давнему приятелю, с которым работал в этих местах прошлым летом:

— Толик, здорово, это я. Приводи себя в порядок, есть работа.

Завтра я буду в твоем городе. Одежда приличная есть? Костюм там какой…

— Костюма нет, но что-нибудь подходящее найду.

— Обувь подороже надень — на ботинки сразу обращают внимание. Часы я тебе свои дам. Встречают по одежке — провожают по уму. Слышал такое? Постригись там, побрейся, ну, в общем, все как в прошлый раз — чтоб выглядел представительно и был похож на заезжего миллионера. Короче, завтра в десять мы у тебя. До встречи, братуха.

Назавтра мы в полной боевой экипировке: Степан в строгом костюметройке, Паша — в олимпийке Adidas Original, рваных дизайнерских джинсах и кепке, эдакий городской бездельник, и я — стояли в месте общего сбора и поджидали Толяна. Тот запаздывал.

— А он точно справится? — переживал Степан. — Непунктуальный — это уже нехорошо.

— Да не кипиши ты, — стараясь подавить упаднические настроения, отрезал я. — Здесь ведь не дороги в нашем привычном понимании, а горные серпантины — возможно, поэтому и запаздывает. Дроп подготовленный — в прошлый раз идеально сработал, эдакий загулявший заезжий москвич, который бухал неизвестно где неделю с девками, а теперь не знает, как перед женой вину загладить, вот и скупает разные золотые колье, цепочки, браслеты и кольца. А я типа сына его играл. На «ура» прошло. Подождем — наше от нас никуда не денется.

Толян появился через полчаса. Вид у него был извиняющийся и слегка помятый.

— Серый, братан, — полез он ко мне обниматься, — ты как уехал, я все время тебя ждал. Такую тему мне показал и свалил… Я уже себе и компьютер купил, и Интернет скоростной провел, все кардерские форумы облазил — а карточек готовых так и не нашел. Давай работать.

— Какой работать, пудра?! — тут же осадил его Степан. — Ты себя в зеркало видел? Просили ведь: приведи себя в порядок, а ты что? Похмелился хоть с утра? Работник хренов…

— Степа прав: как говорил Остап Бендер, вы же босяк, Шура, горьковский тип! Вас надо приодеть, умыть, дать вам капитальный ремонт. Ладно, Степа, не наезжай на него, — сменил я гнев на милость. — Щас мы его быстро в рабочий вид приведем. Легкая небритость даже не повредит. Пойдем со мной, «работник».

Я отвел его к нашему автомобилю, сунул в руки обувную щетку и крем, дал свежую рубашку Ferre, золотой браслет, снял со своей руки и нацепил на его запястье дорогие часы и для

полноты картины побрызгал небритую шею Толика своим любимым Hugo Boss Dark Blue.

— Ну вот, теперь порядок, — я одобрительно похлопал товарища по плечу. — Места для шопинга присмотрел?

— Серый… тут, блин, такое дело… — замялся Толик. — После нашего с тобой прошлогоднего вояжа по всему городу поснимали терминалы и щас только наличку принимают. Всего три-четыре места осталось, где «картон» еще канает — мы там еще не были.

— Что ж ты сразу не сказал! — я чуть не заплакал от досады.

— Так ты ведь не предупреждал, что приедешь…

Действительно — мы приперлись за три тысячи километров, а я даже не удосужился позвонить кому-нибудь из местных и пробить обстановку. А сейчас в карманах один сквозняк, и надо срочно что-то замутить, чтобы было за что хоть домой вернуться.

— Ладно, Толян, что там за заведения, где еще принимают «пластик»?

— Салон сотовой связи, парочка спортивных магазинов, парфюмерия, — словно заученный урок тут же выдал мой друг.

— Мда-а, негусто…

Мы возвратились к нервно курившим в ожидании Степе и Паше.

— Пацаны, тут такое дело… — неуверенно начал я. — В общем, практически нет мест для работы. Были — и сплыли. Поэтому ты, Степан, сейчас идешь в «Мобильные ТелеСистемы» и берешь ведро мобилок, Паша — в спортивный магазин, а я — с Толиком, подстрахую его, если что. Всем все понятно?

Парни согласно кивнули. Я раздал карты: Степану лучшие, что у нас были, — VISA Classic от Boa Factory. Пашке — Electron от Флинта, себе с Толяном — вразнобой. Встретиться условились возле машины, ну или звонить друг другу на мобильный, если что.

— Захожу я, значит, в салон, — торопливо рассказывал Степан через час, — что почем, выбираю, пробую, интересуюсь — отобрал пять аппаратов, скидку прошу — как-никак мелкий опт. Менеджер согласился. Даю карту — кассирша ее долго крутила в руках, полосу для подписи пробовала ногтем поддеть, а после под ультрафиолетовую лампу какого-то черта сунула. Спросила документы — ну «левые» эстонские права у меня при себе, конечно, и карты на это же имя — здесь все ровно, я не волновался. Короче, пацаны, что она только с этой картой ни делала. И это все еще до оплаты, представляете?! Я чуть не обделался, когда она картонку под лампу сунула, думал, конец. Спрашиваю: «В чем дело?» А она мне вместо ответа инструкцию

под нос сунула — читайте, мол, и не трындите. Если интересно, конечно. Короче, вот она — я ее с собой «случайно» прихватил, смотрите.

> Основные признаки поддельных карт VISA и EUROCARD/MASTERCARD, наиболее часто встречающиеся в настоящее время в России, и методы их выявления.
>
> Голограмма (объемное изображение). На поддельных голограммах изображение может переливаться всеми цветами радуги, однако ОБЪЕМ изображения отсутствует. Фон настоящей голограммы чистый, изображения легко различимы и детальны. Фон поддельной голограммы тусклый, а изображение нечеткое. Поддельная голограмма EURO часто отслаивается (пузырится) при надавливании на лицевую поверхность и изгибе карты в районе голограммы. Фольга с изображением поддельной голограммы задирается ногтем. Настоящая голограмма не пузырится при изгибе карточки, не дает утолщений и не может быть повреждена при попытке снять ее с пластика ногтем.
>
> Панель для подписи. Вместо панели для подписи наклеивается полоска белой бумаги. Края панели легко задираются. На панели в ряде случаев отсутствует или стерт фон в виде трехцветной надписи Mastercard (карточки EURO), синей или трехцветной надписи Visa (карточки V?SA).
>
> Ламинирование. На лицевой стороне карты (иногда и на оборотной стороне) может быть нанесена прозрачная клеящаяся пленка — ламинат. Ламинирующая пленка отслаивается на краях карты, а иногда в районе поддельной голограммы и эмбоссинга неплотно прилегает к пластику.
>
> BIN банка-эмитента. Первые четыре цифры номера счета (карты), продублированные краской (обычно черной), могут стираться с карты. На настоящей карте BIN стереть невозможно.
>
> Логотип. Логотип Visa отличается по цвету от стандартного и стирается с карты.
>
> Микропечать. Микропечатъ вокруг логотипа Visa практически не читается и легко стирается с карты.
>
> Стилизованные символы. Символы V или MC сделаны грубо и отличаются от стандартных.

Ультрафиолетовые символы. В ультрафиолетовом свете на картах могут отсутствовать изображение летящего голубя у Visa или буквы MC у EURO. На некоторых подделках эти символы имеются, однако они нечетки и размыты, а также светится сама карта, чего не должно быть.

Магнитная полоса. Данные магнитной полосы не соответствуют эмбоссингу.

Торцевая часть карты темная, а не белая.

— Я как восьмой пункт увидел, — продолжал Степан, — у меня внутри все опустилось, пару лет жизни точно потерял. Правда, зря опасался — «пластик» выдержал все проверки. Надо будет потом дома глянуть, есть там голубь или нет, у меня как раз где-то фонарик ультрафиолетовый валяется. Потом кассиршу немного отпустило, она картонку через POS прокатала, и оба ждем. И охранники у двери тоже ждут. Код 05, Decline — отказ. Даю другую карту — выбивает 01, Call to bank. Девка снимает трубку и начинает в банк названивать. Думаю — ну его на фиг, второй раз так не повезет. Забираю карту, телефоны прошу упаковать — мол, в машину за кэшем схожу, — и ноги оттуда. Идиоты какие-то. Вон в Минске у нас и дисконтные карты под видом VISA катали без проблем, а здесь как-то строго все…

— Ладно, Паша, что у тебя? — обратился я к другому подельнику.

Тот рассказал, что в двух магазинах спортивной одежды, где он побывал, POS-терминалы хотя и были, но не работали.

У Толика — та же картина.

— Почему сразу две карты не сработали? — спрашивая то ли меня, то ли самого себя, недоумевал Степан. — В Минске такого не бывало. Ты проверял их на валидность? — обратился он уже ко мне.

— Да, за минуту до того, как ты пошел в МТС.

— А дампы на них какие?

— Америка.

— Так, может, давай попробуем «европу»? — проявил несвойственную ему сообразительность Степан. — Вдруг пиндосовские карты здесь вообще не канают…

— Может, и попробуем… — немного раздраженно ответил я. — Если найдем ее, конечно, — я на все карты американские дампы записал, в прошлом году ведь работали.

В прошлом году… — я сам не поверил, что сказал и сделал такое… Вот идиот! В пластиковом мире за день все, бывает, меняется, а тут почти год прошел… В моем компе, конечно, были

«неамериканские» дампы — немного, они стоили по $50–100, но штук пять я бы нашел. Правда, и риск огромный — с такой бдительностью, которую только что продемонстрировала продавщица в салоне связи, они по-любому будут циферки на чеке и карте сверять, а это никуда не годится. Карт-то новых у нас нет, если и записывать, то только на эти. Нет, не выход, стопроцентное «палево». Что же делать? Денег даже на обратный билет нет.

— Толик, а что, если нам сходить в тот шоп, где одежду брали в прошлом году? Там же бутик, шмотки дорогущие — терминал по-любому будет? — спросил я больше для подтверждения уже принятого решения.

— Ну давай, если ты настаиваешь… Хотя… Ай, была не была.

— Встречаемся на этом же месте через час, — сказал я своим минским парням, и мы разошлись в разные стороны.

Какое-то дурное предчувствие закралось в мое сердце. Работать в том же месте, которое ты недавно «нагрел» почти на три штуки баксов… Но выбора уже не было.

Толя ушел вперед. Я подождал, пока он отойдет метров на триста, и направился следом. Не спеша прошли одну улицу, другую — вот и нужный шоп. Мой приятель зашел внутрь, а я незаметно наблюдал с другой стороны улицы, но не стоял на месте, а прохаживался туда-сюда — метров двести в одну сторону, затем в другую. Пять минут, десять, двадцать, полчаса наконец — а моего дропа все не было. Зато на крыльце магазина вдруг появилось подозрительно много покупателей в штатском. Пора было сматывать удочки. Я вернулся к машине.

— Парни, надо сваливать!

— ?!. — недоуменно посмотрели они на меня.

— Пока еще не поздно. Толика «приняли»…

Мы сели в авто и возвратились к Олегу. Я тотчас же позвонил в Минск, и нам выслали $300 по «Вестерн Юнион». Поезд отправлялся завтра. Правда, денег хватило только на два билета — Степе и Паше. Мне пришлось остаться.

Ребята уехали. Новый денежный перевод из Минска должен был прийти только через два дня. Толян, оказавшийся в «плену», знал домашний телефон Олега, и мы понимали, что его приезд вместе с опергруппой — лишь дело времени. Нужно было срочно менять квартиру. Олег попросил свою любовницу приютить меня на несколько дней, а сам стал дожидаться приезда ментов. Перед уходом я попросил Олега забрать у провалившегося дропа мои часы и браслет. Визит «гостей» прошел гладко — они поняли, что опоздали, и не стали переворачивать вверх дном квартиру Олега. Я дождался понедельника, забрал деньги в отделении «Вестерна»,

сел в такси и поехал в ближайший аэропорт, до которого было не меньше 300 километров. В город выехали в сумерках, к тому же шел сильный дождь, и я пусть всего на пять минут, но опоздал на рейс. Пришлось ночевать в продуваемом всеми ветрами хлипком здании аэровокзала и лететь утренним рейсом, хотя любое промедление было чревато для меня крупными неприятностями. Впрочем, удача все еще благоволила мне, и я преспокойно добрался до Москвы. Сейчас, спустя годы, я вижу и еще одну нашу ошибку: билеты на поезд и самолет мы оформляли на наши реальные документы, и будь у легавых чуть больше заинтересованности в нашей поимке, им ничего не стоило снять Пашу и Степана с поезда, а меня встретить по прилете в столицу нашей необъятной Родины.

Глава 9
Арест

— Расскажи теперь подробно об обстоятельствах твоего задержания. Попробуем обжаловать твой арест, — попросила Галина Аркадьевна при нашей следующей встрече.

— Вы бы, может, узнали у следователя, когда он ко мне собирается, — я выдвинул встречное предложение.

— Придет, никуда не денется. По закону срок предварительного следствия — два месяца. По особо тяжкой статье, как у тебя, могут продлить и до полутора лет. Но я ему, конечно, позвоню и узнаю. Сколько ты уже в СИЗО?

— Почти две недели.

— Понятно. Думаю, на следующей неделе придет. Я тебе заранее сообщу.

— Как фамилия следака, кстати?

— Макаревич… Теперь давай о твоем аресте.

— До полутора лет… И это только следствие… — мысль о том, что я могу провести здесь столько времени, пугала и не давала сосредоточиться.

— И на суд бери еще год, — «обрадовала» меня адвокат. — Это максимум.

— Итого два с половиной года… Ни разу не весело.

— Ну, я думаю, у нас все быстрее закончится. Во всяком случае, я сделаю все от меня зависящее.

— Это радует. А то при задержании мне дали какого-то дежурного адвоката, фамилия вроде Казак, — так она мне чуть ли не с порога говорит: «Следователь у тебя хороший, давно его знаю, советую тебе рассказать все как было», — я чуть со стула не упал от такой юридической «помощи».

— Чистосердечное признание смягчает приговор, но увеличивает срок, — с иронией произнесла Галина Аркадьевна.

— А вы все время адвокатом работали?

— Нет, в прокуратуре двадцать лет проработала.

— Сколько стоят ваши услуги?

— Один приход сюда — $100. День в суде — в два раза больше.

— Все ясно. Что вы хотите узнать по поводу моего задержания? И зачем вообще это — я ведь уже в СИЗО?

— Если менты в ходе твоего ареста нарушили хоть одну из норм уголовно-процессуального кодекса — основной книжки, которая регламентирует все действия следствия, начиная от

задержания и заканчивая судом, — то можно попробовать «сорваться» под подписку о невыезде. Шансов, конечно, немного, но писать нужно. Хотя бы потому, что потом будет проще обжаловать другие решения по твоему делу, например продление сроков содержания под стражей и т. п.

— Хорошо, спрашивайте.

— Давай с самого начала. Где тебя задержали, кто, что говорили, куда отвезли, что ты делал и где находился за несколько часов до ареста? Кто из твоих друзей присутствовал при задержании? Важна каждая деталь.

* * *

— В субботу — я хорошо это помню — 11 сентября 2004 года для нас с братом было важное событие. Это был день создания DumpsMarket, моего форума для кардеров, и мы непременно хотели отметить сей факт в кругу ближайших партнеров и друзей. Из Одессы приехали Error32 и Fidel — владельцы еще одного кардерского форума CarderPortal.org, kaiser — мой модератор с DumpsMarket — прибыл из Екатеринбурга, Саша Суворов, он же JonnyHell, один из сильнейших хакеров в мире, — из Эстонии, Илья Сапрыкин и другие ребята были из Минска. Кто-то в силу различных обстоятельств приехать не смог. Я арендовал небольшой частный отель, который располагался всего в пяти минутах езды от минской кольцевой, на территории бывшего пионерлагеря, и имел все необходимое для комфортного отдыха: турецкую и русскую бани, бассейн, шесть уютных номеров с огромными кроватями и шкурами диких животных на полу, автостоянку, Wi-Fi, бильярд, пейнтбол, уютный каминный зал, штат поваров и озеро с огромными карпами и осетрами, которых можно было ловить и тут же готовить на гриле. Сутки аренды на полном пансионе, включая еду, пиво и безалкогольные напитки, обходились мне всего в $800. Это вообще было правилом хорошего тона — когда мы периодически встречались с коллегами, то принимающая сторона оплачивала всем проживание, выпивку, сауну, девочек и прочие развлечения. Понятно, что и гости приезжали не с пустыми руками. Кайзер подарил нам две бутылки эксклюзивного коньяка L'Or от «Мартель» в хрустальных графинах Bacarrat, одесситы притащили резиновую бабу, которую торжественно вручили моему брату и которую мы потом наполовину высунули из наглухо, до зеркального блеска затонированного окна моего «мерседеса» и так проехали через полгорода, вызывая улыбки и смех на лицах утомленных долгой рабочей неделей минчан.

Веселье продолжалось четыре дня, после чего Джонни и Макс (Error32) уехали, сославшись на неотложные дела… Хотя какие

могут быть «неотложные дела»? Не так уж часто мы и встречаемся. Черт, неужели кто-то из них меня сдал?!. Джонни не мог — чревато неприятностями и для него, а вот Эррор… с ним мы особых дел не имели, больше с Фиделем работали, Дима впоследствии с ним сильно сдружился. А Макс… ну так, приезжал ко мне пару раз в Киев, и в Одессе мы дважды встречались, но совместного бизнеса не вели. Хотя, может, он там с Фиделем «прикуривает», кто его знает. Скромный такой парень… Фидель — так тот балагур, душа компании, абсолютно без комплексов и по-одесски разговорчивый. Все «клеил» девчонку Сапрыкина. А может, она его. А вот Эррор все больше молчал. И уехал раньше всех. Случайно ли? И почему Максим был первым, на кого я подумал, что он нас сдал?! Мама всегда говорила мне, что первое впечатление самое верное… Фидель остался — на него не подумаешь. Остался праздновать с нами день своего рождения. Сколько ему было? А, вспомнил, 20 лет исполнялось, круглая дата. Мы с Димой подарили ему часы, Longines Dolce Vita, что-то около $1 тыс. за них отдали. Сереже они сразу понравились. Когда это было? Точно, 16 сентября. Баня, камин, шашлык, все по-домашнему. А дальше все как в тумане.

Я-то понимал, что приехали за мной и только за мной — вместе в Беларуси мы еще ничего криминального совершить не успели. Ноутбуки, мой и брата… ну вот зачем мы их с собой взяли? Собирались зависнуть на даче на пару дней, думали, придется работать — «гномы» ведь постоянно обрывали наши телефоны — им дампы нужны семь дней в неделю, а нас уже двое суток нет на связи. Наработались, блин… Хорошо хоть Катя догадалась деньги от мусоров спрятать, 25 штук баксов, а то был бы им подарок… Я их к деду собирался отвезти — был у меня чемоданчик металлический, я в него свои сбережения складывал и у деда на огороде закапывал, так что даже из родных никто не знал. Тысяч под двести там уже было. Дед… как же он перенесет мой арест?.. Нет, нельзя ему говорить, что со мной приключилось, надо бы маму предупредить. Фидель от своего компьютера сразу открестился, мол, ничего не знаю, из моих вещей здесь только паспорт, телефон и обратный билет. Правильно сделал — неизвестно, что там еще менты найдут. Придется мне, видимо, весь «прикуп» на себя брать, ну да ладно, ноутом больше, ноутом меньше. Главное, что вся информация на них зашифрована программой BestCrypt. А она, как уверяют на всех кардерских форумах, не ломается. Вот и проверим.

— Катя рассказала мне, что вас брали у нее на даче, — отвлекла меня от воспоминаний Галина Аркадьевна. — Ты не задумывался, почему именно там? Всех остальных ведь

отпустили. Тебя одного могли и дома взять, без лишнего шума и пыли. А так пришлось еще и КГБ привлечь, хорошо хоть не «Альфу»…

КГБ… А действительно, при чем здесь Комитет?! Ведь дела в отношении кардеров, насколько мне известно, расследует отдел «К», а это милицейское подразделение. Тем не менее при задержании присутствовал и оперативник из КГБ, я у него еще удостоверение посмотрел. Лет тридцати, короткостриженый, в черной кожанке — встретил бы такого на улице, подумал бы, что точно «браток» какой-то. Он потом за руль моего «мерседеса» сел (а в «мерсах» же не «ручник», а «ножник»), так минут пять тронуться не мог — то с тормоза сняться, то коробку-автомат включить. Деревенщина, блин.

— Как мне удалось выяснить, «пасли» вас еще под Минском, когда вы в Ратомке развлекались большой компанией, — подкинула новый ребус адвокат.

Странно. Определенно странно. Почему же тогда дали спокойно уехать Джоннихеллу и Эррору?.. Или… кто-то из них меня сдал? Опять загадки.

— Ладно, Сергей, не ломай голову, — видя озадаченность на моем лице, остановила меня Нестерович. — Мне показали рапорт об ОРМ — оперативно-розыскных мероприятиях — из КГБ по г. Минску и Минской области. Там было примерно следующее: «16 сентября 2004 г. стало известно о том, что группа молодых людей, среди которых находится подозреваемый в совершении особо тяжкого преступления Павлович С. А., около 18 ч выехала из Минска на автомобиле Mercedes-Benz E320 темного цвета, госномер 9999ТЕ, и направилась в сторону государственной границы с Украиной. Просим вас принять меры к задержанию Павловича С. А. на автодороге Минск — Гомель». Этот рапорт чекисты направили в Осиповичский РОВД, понимая, что на пути в Украину вам так или иначе придется проезжать Осиповичи. Так что оперативники не знали, что вы направляетесь на дачу, думали, на Украину уезжаете. Осиповичские менты, соответственно, должны были задержать вас, но что-то у них там не срослось.

— Ну, гаишники меня останавливали на трассе. Но отпустили. Во сколько просьбу о моем задержании направили? После 18:00. Пусть по факсу, то есть мгновенно. Я до Осиповичей доезжаю в среднем за 40 минут. Выходит, что этих гаишников просто не успели в курс дела ввести.

— Получается так, — согласилась адвокат.

— Когда на меня уже наручники надели, я еще играть пытался, мол, вы, наверное, меня с кем-то перепутали и все такое.

Мусор, который рядом стоял, Новик его фамилия, только хитро улыбнулся в ответ, мол, все ты прекрасно знаешь, за что мы тебя арестовали. И ошибки здесь никакой нет. Я с «браслетами» на руках еще поужинал, рюмку водки выпил напоследок — кто его знает, через сколько лет снова выпадет такая возможность, меня усадили на заднее сиденье моего автомобиля и отвезли в Осиповичский РОВД, в 10 минутах езды. Там всю нашу компанию развели по разным кабинетам, проверили содержимое карманов — у меня долларов восемьсот при себе было, легавые их аккуратно на столе разложили и все фотографировали. А один придурок в очках, вроде бы Миклашевич, еще и меня пытался сфоткать, да я лицо закрывал. Потом по одному выдергивали во двор — сильный ветер с дождем хлестал по лицу, помню, — и досматривали автомобили. Понятых взяли из «обезьянника», алкашей каких-то. В моей машине ничего не было. В Катином «гольфе» тоже. BMW Сапрыкина обыскивали последним. Ну кто мог подумать, что у него при себе, в пачке из-под Winston, окажется отработанный еще две недели назад «пластик». Белый. И PIN-коды на каждой маркером. А он знал ведь, что у него такая фигня в машине. Не мог скинуть по дороге до РОВД, дурак. Ну все, конец. Снова по разным кабинетам: что, почем, откуда, чьи? Я молчал, понятное дело. Один мент — Новик — вышел, и десять минут его не было. Вернулся: «Еще раз спрашиваю, что за карточки?»

«Впервые вижу».

«Дурак ты, Полисдог. Сапрыкин тебя “грузит”, а ты в несознанке. Судья этого не оценит. Вот знаешь, что он говорит? Что это ты ему их дал и попросил снять кэш в банкоматах».

«Да врет он! Показания мне его письменные покажи».

«Как скажешь», — Новик вновь вышел из кабинета.

Я опять остался в компании «ботаника» Миклашевича.

«На, читай», — швырнул на стол передо мной исписанный крупным размашистым почерком лист бумаги появившийся через пятнадцать минут Новик — ну прямо чертик из табакерки.

Я пробежался взглядом по тексту — все так, как менты и сказали.

«Не, ерунда все это. Я ведь почерк Сапрыкина не знаю, вдруг ты это сам написал. А даже если это и Илья, то роли не играет, я все равно ничего не знаю».

Потом у всех, включая девочек, взяли отпечатки пальцев и отвели нас в какой-то актовый зал, дали мыло — типографская краска, с помощью которой «откатывают пальцы», без него плохо отмывается. Хотя в той же соседней Польше уже давно применяют электронные сканеры отпечатков.

Повезли в Минск. Я дремал на заднем сиденье своего, а может быть, уже и не своего «мерседеса». Наручники не сняли. Сапрыкина и его девушку еще в Осиповичах, как оказалось, отпустили. Остальных привезли в ГУВД, усадили на стулья (уже, кстати, 8 утра было), и мы три часа сидели под присмотром какого-то милиционера, типа чтоб не переговаривались. Но мы все равно болтали, конечно, мент особо не цеплялся. Я шептал Кате на ушко нежности всякие и раздавал последние указания. Фидель, как мог, старался всех приободрить. Дима ушел в себя. Кайзер отчего-то волновался больше всех. Все сильно устали — никто из нас этой ночью не спал.

Ближе к 10 утра появился следователь Макаревич. Снова по разным кабинетам, «чай, папиросы, ответы на вопросы, — как Шнур поет, — допросы, опять допросы». Мне, правда, не чай, а кофе предложили. Фиделя допрашивали в соседнем кабинете, было слышно, как он операм кричал: «Да Серый хороший хлопец, отпустите его». А на прощание, когда их всех уже уводили, сказал мне: «Сереня, держись, мы тебя вытащим». Дима тоже молодцом держался, помахал мне рукой, мол, все будет хорошо. Конечно, будет, вопрос теперь, через сколько.

— Ну, пока у тебя «от шести до пятнадцати», — нарушила свое долгое молчание Нестерович.

Да знаю я, что мне грозит! Вот зачем она мне все время это напоминает? Видимо, не врет, что в прокуратуре работала, прокурорские замашки остались.

— Дальше ИВС — изолятор временного содержания, выходные провел там. Та еще дыра. В 6 утра врубается радио, первый национальный радиоканал, и твой день начинается с прослушивания белорусского гимна. Я, конечно, ничего не имею против нашего гимна, но еще бы ничего, если б тихо играло, а так орет ведь напропалую. К тому же был разгар кампании по уборке зерновых, и к концу первого дня я уже мог с точностью до центнера сказать, «колькі збожжа намалацілі ў кожнай вобласці».

В воскресенье подсадили «наседку», но об обстоятельствах своего дела я с ним, конечно, не разговаривал. Да он и не «пробивал» сам, больше слушал. Или «они» слушали, в ИВСе такое практикуется, многие хаты на «прослушке», официально называется «слуховой контроль».

— Откуда знаешь? — спросила адвокат.

— Ну знакомые ведь сидели.

На следующий день утром Гриша этот говорит:

— Меня сегодня отпускают, если хочешь, пиши «маляву» — передам, кому скажешь, мне несложно.

Еще бы, чего ж тут сложного: взял записку, спрятал

понадежнее и отнес… следователю или оперативнику, кто его там послал. Поэтому я отказался. Ограничился тем, что дал ему Катин номер и попросил передать, чтобы нашла мне нормального адвоката и передачу привезла.

После обеда повезли в прокуратуру. Завели в наручниках в кабинет.

— Вину признаешь? — нехотя оторвав взгляд от своих бумаг, спросил не по годам располневший мужик в очках и синем мундире, оказалось — зампрокурора города.

— Нет.

— Поедешь в тюрьму? — с удивлением посмотрел он на меня.

— А есть варианты?

— Вариантов не было, так я и оказался здесь, — закончил я свой рассказ и посмотрел на адвоката, которая глядела на меня так, как удав смотрит на мышь.

— Зацепиться особо не за что, — покачала головой та. — Но мы все равно напишем, пусть даже формально. Бумага все стерпит.

— Как мы вообще защиту строить будем?

— Пока все отрицаешь. Ознакомимся с текстом обвинения, посмотрим, какими фактами располагает следствие, и только потом будешь давать показания. Так будет правильнее. Потому что наш суд больше всего не любит, когда есть расхождения в показаниях: при задержании одно говорил, на предварительном следствии другое, а в зале суда придумал третью версию. Сразу понятно, что врешь и пытаешься выкрутиться. Судебный процесс — это маленькое шоу, и чем больше симпатий ты вызовешь своей искренностью, тем лучше. Поэтому в зале суда нужно говорить правду и только правду. Но не всю. Да, и еще: если в Европе, и даже в той же Грузии, приоритет имеют показания, которые ты даешь в зале суда, то в Беларуси в 99 % случаев за основу берут именно первоначальные показания. Так что смотри не путайся на допросах, каждое слово взвешивай.

Тактика поведения, предложенная моим защитником, во многом совпадала с моим видением уголовного процесса, и ее безоговорочно было решено принять за основу.

— Ладно, дорогой, мне пора, — резко куда-то заторопилась адвокат. — Я еще попробую по своим каналам разузнать что-нибудь о ходе следствия. Катя сказала, что договорилась с кем-то о твоем переводе в другую камеру — уж очень ее напугали те бытовые условия, которые ты ей описал. Так что, переводить?

— Да, — без тени сомнения ответил я.

— Ну пока, держись.

Из кабинета мы вышли одновременно. Меня отвели в узкий «стакан», где обычно ждешь, пока тебя поднимут в камеру, а Нестерович — на выход из «учреждения».

— С таким адвокатом тебе нечего волноваться, — походя бросил мне какой-то тюремный начальник в погонах майора, видевший, как мы с Галиной Аркадьевной выходили из одного кабинета. — Она из первой пятерки…

Что это за мифический топ-5 белорусских адвокатов, я до сих пор так и не узнал.

На следующий день меня перевели в другую камеру.

Глава 10
BadB

В Москве я познакомился с одним из «отцов» форума CarderPlanet, скрывавшимся в Сети под ником BadB. Мы уже давно работали с ним, но через Интернет — то он покупал у меня дампы, то я у него.

Владик — так его звали в «реале» — был очень креативен: постоянно придумывал нестандартные маркетинговые ходы и создавал вокруг себя информационный ажиотаж, чтобы лучше продавать кредитки, дампы и прочий запретный товар. Правда, нередко случалось, что он впаривал своим покупателям откровенное фуфло — благо статус дона на CarderPlanet позволял ему не слишком заботиться о своей репутации. Справедливости ради следует добавить, что продажей одного и того же товара в несколько рук грешили процентов семьдесят торговцев нелегальным виртуальным товаром. Да, это не делало нам чести, но приносило дополнительный доход. До откровенной продажи всей партии во вторые и даже третьи руки доходило редко, обычно продавались отдельные кредитки или дампы, по каким-то причинам не использованные первым покупателем и остававшиеся «живыми» и спустя полгода после продажи. Товаром подобного качества было удобно закрывать «дыры», когда особо надоедливые клиенты, которые, к слову, и сами постоянно обманывали нас с количеством сработавших/несработавших карт, просили «замены».

BadB был, как позже выяснилось, одного со мной возраста, хотя и выглядел лет на десять старше. Среднего роста, чуть полноватый кареглазый брюнет с двумя паспортами: израильским и украинским. Острый живой ум, подвешенный язык, по-девичьи длинные ресницы и хорошо заметный рваный шрам, обезображивавший его верхнюю губу.

— Владислав, — представился он, когда мы сидели и пили за знакомство в одном их бесчисленных московских ночных клубов. — Вырос на Украине, сейчас вот в Москве. Надоест здесь — еще куда-нибудь перееду, но здесь мне пока нравится. Все лучшее, что есть в мире, сразу же появляется и в Москве. Ночные клубы — самые модные, магазины — так целые города, бухло, наркотики — любые, рестораны, автомобили — все самое-самое. Ну и телки опять же здесь самые красивые…

— Ну это понятно: в Москву едут искательницы приключений со всей России. Самые красивые, умные и амбициозные. Как и в

Киев — со всей Украины. Только там душевнее все, проще. Даже проститутка в Киеве тебе с утра запросто борщ сварит, а надо — так и носки постирает. Это я образно, конечно. А в Москве… Москва похожа на огромный супермаркет. Не люблю я этот город с его вечными пробками. Да и заносчивые все слишком — без году неделя в столице, а я уже москвичка, не подходи, что ты. А израильский паспорт у тебя откуда? — сменил я тему разговора.

— Вымутил в свое время. Рассказать как?

— Ага, — с интересом ответил я, подливая Martell XO в наши бокалы.

— Тогда слушай, — Влад медленно отпил большой глоток коньяка. — Вопрос получения второго паспорта, позволяющего свободно путешествовать по миру, думаю, волнует почти всех. Израильский паспорт подходит для этого как нельзя лучше. Во-первых, он дает право на безвизовый въезд почти во все страны мира, включая Великобританию, но, правда, исключая США. Во-вторых, обладатель этого паспорта абсолютно безбоязненно может говорить на русском языке, и это не вызовет никаких подозрений. Преимущества можно перечислять очень долго.

Как же получает гражданство Израиля обычный честный советский человек, желающий покинуть нашу с тобой Родину? Он обращается в организацию под названием «Сохнут» — это созданная на деньги израильского правительства контора, которая вербует людей для переселения в Израиль на ПМЖ. Офисы «Сохнута» есть во всех крупных городах СНГ. За каждого переселенца они получают премию и заинтересованы набрать их как можно больше. Должен же кто-то жить в пустыне и защищать от арабов! Вкратце легальная схема выглядит так: человек приходит в «Сохнут», выражает желание уехать, приносит документы, подтверждающие его еврейское происхождение, их проверяют, он приносит чистый заграничный паспорт с печатью ОВИРа «Выезд на ПМЖ», ему ставят туда эмигрантскую визу и заказывают билет на самолет в один конец. По прилете в Израиль у него забирают российский паспорт и выдают временный израильский. Настоящий паспорт он получает только через год безвыездной жизни в этой стране, и называется он «Даркон». Новоприбывший эмигрант также получает денежную помощь, размер которой варьируется и которая называется «корзина абсорбции». Часть денег он получает в аэропорту кэшем, часть чеками, а остальное — приблизительно равными частями на счет в течение семи месяцев (снять их можно через банкомат где угодно). На семью из трех человек корзина получается около $9–10k.

Но нам простые пути не нужны. Жить в пустыне ты ведь не

хочешь, а хочешь денег и паспорт, верно? Поэтому для начала покупаешь подтверждение своего еврейского происхождения — это могут быть свидетельство о рождении, справки из синагоги и т. п. Не думаю, что это большая проблема. То, что в паспорте написано «русский», никого в «Сохнуте» не удивит — раньше многие евреи меняли национальность. Идешь в «Сохнут», подаешь документы, заполняешь бумажки и ждешь окончания проверки. Если все сделано грамотно, проверка ничего не даст, да и проверки у них «левые».

Проверка пройдена. Заводишь чистый загранпаспорт и ставишь в него «левую» печать ОВИРа о выезде на ПМЖ. Отдаешь его в «Сохнут» на получение эмигрантской визы. Пока идет оформление, подаешь этот паспорт в утерю и делаешь себе новый. Делаешь туристическую визу в Израиль через турагентство. Получаешь эмигрантскую визу в первый паспорт и заказываешь билет на самолет. Получаешь туристическую визу во второй паспорт. В первый паспорт проставляются штампы российских пограничников на ту дату, когда забронирован билет. Итак, что у тебя на руках? «Утерянный» паспорт с «левыми» штампами ОВИРа, печатью погранцов и настоящей эмигрантской визой. А также нормальный паспорт с турвизой и билет в один конец.

Граница проходится с нормальным паспортом. Летишь в самолете, пьешь водку. По прилете достаешь первый паспорт, с ним проходишь израильскую границу и отдаешь его уже навсегда представителям государства Израиль.

Получаешь временный израильский паспорт, деньги. Пьешь, гуляешь. Покупаешь билет обратно и улетаешь по своему второму паспорту. Семь месяцев снимаешь деньги в банкомате. Через год возвращаешься в Израиль по новой турвизе и получаешь «Даркон» — настоящий паспорт. Все это время будет считаться, что ты не покидал пределов страны, так как никто не будет знать, что ты уехал по второму паспорту.

Что имеется в пассиве? Затраты на свидетельство о рождении и несколько фальшивых печатей, на оформление двух загранпаспортов и билеты туда-обратно. Что в активе? Легальный паспорт, дающий право на безвизовый въезд по всему миру и $9–10k от правительства Израиля за находчивость.

В те годы кардеры еще не особо скрывали друг от друга свои реальные данные и охотно делились опытом. Фамилия BadB была Хорохорин. Родился и вырос в городе Донецке. Очень эмоциональный, импульсивный и необязательный. Беспринципный и очень азартный, с отличным нюхом на деньги — ни одна серьезная кардерская тема в мире не проходила мимо

него. Очень коммуникабельный. Настоящий гангстер. Первейший враг Соединенных Штатов. Опасен тем, что разноплановый: немного хакер, немного кардер, немного спамер, немного фальшивомонетчик и уж, конечно, авантюрист международного масштаба. Любимым выражением Влада было: «Красть — так миллион, спать — так с королевой». Он всегда жил на широкую ногу и заставлял мир вертеться вокруг него. Если случалось так, что у BadB не было денег — а это бывало нередко, с учетом того, что он все спускал на рулетку, выпивку и шлюх, — то в течение максимум пары дней Влад умудрялся замутить какую-нибудь новую тему и достать пару тысяч. «Один мой друг, — динамик в BMW Влада запел голосом Андрея Макаревича, — он стоил двух, он ждать не привык; был каждый день последним из дней. Он пробовал на прочность этот мир каждый миг — мир оказался прочней».

— А ведь про тебя песня, — сказал я Владу.

Тот улыбнулся.

BadB любил широкие жесты: подавшей ему стакан воды тетке-лоточнице он давал $20, а в ночных клубах мы могли запросто «снять» и забрать с собой всех стриптизерш. Как и многие кардеры, он не был привязан к определенному месту жительства, его авантюрная натура ежечасно требовала приключений, и когда я сообщил ему, что через неделю, возможно, навсегда улетаю в Киев, Владислав вызвался лететь со мной. Он же заказал два билета в бизнес-класс.

Я упаковывал последние вещи, BadB уже ждал в такси. Мне надо было проверить свой Webmoney Keeper, где были $9600, которые я должен был обналичить и отдать сразу по прилету в Киев, и я хотел убедиться, что с деньгами все в порядке. Когда я запустил «Кипер», то денег там не увидел. Более того, даже мои Z- и R-кошельки отсутствовали. Я несколько раз перезапускал приложение, все еще надеясь, что это глюк, но мои усилия были напрасны. Влад каждые две минуты названивал мне на мобильный и орал благим матом, что мы опаздываем. Я захлопнул ноутбук, схватил дорожную сумку и выбежал из дома. Надо ли говорить, что на рейс мы опоздали? Пришлось взять билеты на следующий самолет и лететь уже в эконом-классе.

— Выпьем? — предложил BadB, как только мы набрали высоту. — Шеридан, ликер — сладкий и немного тягучий, в полете самое то.

— Че-то не хочется, — отказался я. — Есть проблема.

— Какие у тебя, двадцатилетнего гарного хлопца, могут быть проблемы?

— «Веб-мани» украли. А мне их по прилете нужно отдать.

— Вот блин! Много?

— Порядком, почти 10k. Поэтому мы и опоздали. Я открыл «кипер» — кошельков нет. Думал, показалось спросонья, протер глаза, перезапустил прогу — та же картина. Наверное, меня обокрали.

— И как ты догадался?! — издевался Влад. — Webmoney Transfer утверждает, что за время существования компании (с 1998 года) не было еще ни одного случая, чтобы кому-то удалось взломать систему напрямую, то есть через уязвимость в ее серверах или программном обеспечении. Во всяком случае, об этом не сообщалось.

— Следовательно, доступ к своим деньгам мог дать неизвестному хакеру только я сам…

— Молодец, всем четверка — тебе пятерка! Когда хакер получает доступ к твоему кошельку, он обычно не мешкает и не рассматривает с умилением пятизначные цифры, а тут же переводит лавэ на свой кипер, после чего сразу же обналичивает их через ближайший обменник электронных валют или еще каким способом. На все это требуются считаные минуты. Вернуть бабло практически невозможно. Сейчас дорога каждая секунда, так что по прилете в Киев — не по бабам, а бегом за компьютер, понял?

Безусловно, я все это понимал. Когда ты «провтыкал» такую сумму, да еще не своих денег, действовать надо было без промедления. В Киеве я первым делом написал письмо в арбитраж Webmoney, подробно перечислил обстоятельства исчезновения моих виртуальных дензнаков и попросил как можно скорее принять меры. К чести Webmoney Transfer, ответ не заставил себя долго ждать: мне сообщили, что $300 уже потрачены и их не вернуть, зато остальные $9300 они заблокировали на кошельках, куда их перевел неизвестный злоумышленник. Кроме того, в письме сообщались и IP-адреса вора, оказавшегося из Краснодара. Надо сказать, что мне крупно повезло: возврат моих $9300 был теперь делом времени, а похищенные $300 стали небольшой платой за прорехи в безопасности моего компьютера.

— Хочешь знать, как тебя ломанули? — поинтересовался BadB вскоре после ответа из Webmoney, за два дня вдоль и поперек перелопативший портал securitylab.ru и другие сайты по информационной безопасности.

— Выкладывай.

— Через уязвимость в службе RPC DCOM, ответственной за удаленное выполнение команд. Сообщения об ошибке памяти в последнее время всплывали?

Я кивнул.

— А об отключении сервиса svchost.exe с последующей перезагрузкой компа?

— Да.

— О-о, ты тоже стал жертвой! RPC — протокол, позволяющий программе, работающей на одном компьютере, полностью выполнить код на удаленном компе. Атакующий может выполнить код с правами SYSTEM на атакуемой машине, а значит, и выполнить любое действие, включая установку программ, удаление данных, создание нового пользователя с правами администратора и т. д., — зачитывал Влад информацию с сайта securitylab. — Опасности подвержены все компьютеры с Windows 2000/XP и открытыми 135, 139, 445 или 593 портами. Этого достаточно, чтобы завладеть компьютерами большинства пользователей сети Интернет, — резюмировал он, довольно потирая руки. — Именно через эту уязвимость распространяется нашумевший червь MS Blast. Так что, Серый, надо было своевременно антивирус обновлять и «фаерволл» правильно настроить — отключить все неиспользуемые TCP/IP-порты.

— Я так и делал, — недоуменно произнес я. — Антивирус у меня от Касперского, а сетевой экран — Agnitum Outpost Firewall — лучшие в своем роде продукты в мире. И обновлял я их чуть ли не ежедневно…

— Постой-ка, когда тебя взломали?

— Три дня назад, 13 июля.

— Ага, а специалисты по информационной безопасности обнаружили эту уязвимость только 16 июля. Вот где собака зарыта! — с важным видом мой друг поднял вверх указательный палец и стал похож на Архимеда, открывшего свою «эврику». — Это называется уязвимостью нулевого дня (0day, или zero-day) — такая уязвимость, для которой уже написан код, позволяющий ее использовать, а поставщик программы, взламываемой этим кодом, либо еще не знает об этом, либо не успел выпустить исправления. По данным компании IBM, ежегодно выявляется около 140 тыс. уязвимостей, данные о которых не публикуются. В реальности же их число в несколько раз больше. А значит, любая машина, подключенная к Интернету, несмотря на наличие антивируса и «фаерволла», совершенно беззащитна, — с оживленным блеском в глазах закончил BadB.

Мои деньги вернули спустя две недели. Я заплатил триста баксов знакомым фээсбэшникам, и очень быстро мне предоставили адрес, телефон и список людей, прописанных в квартире, откуда был осуществлен взлом. Правда, мой звонок на домашний телефон ничего не дал — трубку сняла какая-то

старуха, ровесница Ленина, а кроме нее в квартире был прописан только дед и какой-то 12-летний Никита. Неужто мои десять штук баксов увел этот сопляк?! В это было трудно поверить, но… когда спустя два месяца после инцидента я проверял свои старые почтовые ящики, которыми не пользовался уже полгода, я наткнулся на e-mail следующего содержания: «Простите, что воспользовался Вашими WMZ. Я понимаю, что сумма немалая и вы все равно станете меня искать. В прикрепленных файлах — идентификатор, пароль и ключи от кошелька, куда я перевел ваши деньги. Еще раз извините».

Сказать, что я был удивлен, — это значит ничего не сказать. Понятно, что, прочти я это письмо раньше, необходимость обращения в арбитраж Webmoney с последующей блокировкой моих денег отпала бы сама собой. Но в тот момент я поступил абсолютно правильно. Наверное, и в самом деле мой компьютер взломал этот маленький мальчик, потому что более опытный взломщик обратил бы мои «веб-мани» в кэш в течение часа, а этот умудрился еще и свой IP спалить.

Целый месяц мы с BadB кутили в Киеве, посещая все подряд бары, стрип-клубы и дискотеки. Как сейчас помню наш первый визит в дэнс-клуб с по-иностранному непонятным названием «111», который разместился в подвале киевской гостиницы «Лебедь», — эдакий гибрид американского бара «Дикий койот» и дискотеки. Музыка ретро, демократичные цены, очаровательные девушки и круглая барная стойка с высокими стульями, на которой то и дело рассыпались искрами фейерверки и танцевали полуобнаженные юные барменши. А далеко за полночь эта круглая стойка начинала медленно вращаться — вначале в одну, а потом в другую сторону, так что становилось непонятно — или ты уже настолько пьян, или стойка и вправду несколько минут назад двигалась в другую сторону.

Power in the money, money in the power, —

напевал из колонки, установленной над баром, Coolio:

Minute after minute, hour after hour
Everybody’s running, but half of them ain’t looking,
It’s going on in the kitchen, but I don’t know what’s cooking.
They say I gotta learn, but nobody’s here to teach me.
If they can’t understand it, how can they reach me.
I guess they can’t, I guess they won’t I guess they front, that’s why I know my life is
out of luck, fool.

We've been spending most our lives, living in the gangsta's paradise.
We've been spending most our lives, living in the gangsta's paradise.
We keep spending most our lives, living in the gangsta's paradise.
We keep spending most our lives, living in the gangsta's paradise…

Через несколько дней BadB укатил в Донецк, и я остался один на один с огромным мегаполисом.

Глава 11
Чай, папиросы, ответы на вопросы…

Хата № 97 располагалась на четвертом этаже «старого» корпуса, и уже с порога понравилась мне тем, что была раза в три просторнее моего прежнего «люкса» — здесь было шестнадцать нар, огромное по тюремным меркам окно и не так уж много постояльцев — всего-то… двадцать пять человек.

Привет — откуда — статья — как зовут. Традиционная чашка чифиря за знакомство. Чем занимался на свободе? В каком районе жил? Что умеешь делать, может быть, рисовать или «стос» (игральные карты) клеить? На «дороге» стоял? Здесь у нас все чем-то занимаются…

Я огляделся. В глаза бросилось то, что в хате, после тесной 144-й напоминающей стадион, все действительно были заняты своим делом: одни крутили «коней», другие пропускали через плотную ткань хлеб для клейстера, кто-то стоял на «дороге» — эдакий местный филиал английских клубов по интересам — пришло мне на ум сравнение.

Смотрел за хатой Дима Батон — импозантный неглупый парень из Бреста. Тридцать семь лет от роду, профессиональный угонщик — на двоих с подельником больше тридцати эпизодов угонов «ауди» A8 и A6, а также BMW X5.

— Познакомься, хакер, — Батон показал на бородатого крепыша ростом не более 160 см, — это Славик Белоскурский, из Минска тоже, домушник, по 205-й, часть 4, заехал, это в особо крупном, — представил он одного из людей, с которыми делил хлеб и общался. — Тот, что спит в углу, — это Андрей Филонов, скоро в лагерь поедет, уже отмеряли семерку за разбой, хотя ты ведь понимаешь, какие в Беларуси разбои: дал по морде, забрал куртку или телефон — вот тебе уже и разбой.

— Я думал, разбой — это когда врываются в масках, «терпилу» в наручники, паяльник ему в задницу: «Где деньги?!» — перебил я.

— Все так, но не здесь. Вот телку в Москве прямо на проспекте Мира из «Порше» выкинули и уехали — это тоже разбой. А в Беларуси все больше на грабеж похоже. Мельчает криминальный мир…

Я обернулся в сторону человека, на которого указывал Батон — в миру Дима Батов, внучатый племянник героя Великой Отечественной генерал-лейтенанта П. И. Батова. Филу, который уже проснулся, сидел на нарах и курил трубку, было немногим

более тридцати, у него были правильные черты лица, очки и борода-эспаньолка.

— Тридцать четыре года ему, — подсказал Батон. — Из них девятнадцать в тюрьме.

Я с удивлением посмотрел на Диму — всем своим видом Филонов меньше всего походил на коренного обитателя тюрьмы.

— В меру умный, дьявольски хитрый, — продолжил Батон. — В другое время и в другой стране мог бы возглавлять службу безопасности какого-нибудь банка. Вот тот светловолосый интеллигент, — Дима показал в сторону высокого худощавого мужчины примерно тридцать пять лет, — это Борис Чуносов, «незаконный предприниматель», статья — до семи лет. Импортер косметики Nivea в Беларусь. По официальным данным таможни, за год в страну ввозилось «Нивеи» всего на $8 тыс. В реальности же группа, в которую входил Боря, импортировала ее на $4,8 млн. Это из-за них подался в бега начальник Следственного комитета Жора Жук, а глава ОБЭП республики Клименков получил десять лет. Жук и Клименков «крышевали» Бориных конкурентов, те попросили их прикрыть фирму Бориса и К°. Чуносова с подельниками в СИЗО — казалось бы, дело сделано, да не тут-то было — Борин подельник Ладис Каросас накатал «телегу» в КГБ, вскрылись многие коррупционные схемы, и полетели головы у таможенников и мусоров. В общем, легавые рыли яму другим — а сами в нее же и попали. Кроме них, — Батон обвел рукой Славика, Фила и Борю, — в хате есть еще парочка нормальных малых — на «дороге» стоят, хоть и «нарики». Коснулось недавно — смотрящий за централом написал «прогон», чтобы наркоманов отстранили от общих дел, типа, какое им доверие — за дозняк и мать родную продадут. Так оказалось, что и «малявы»-то гонять некому — другие либо спят, либо «тормозят», а здесь нужны ребята подвижные. Остальные в хате — «пивные львы», знаешь, как CENTR поет:

> У соседа украл поросенка и тазик алюминиевый из бани,
> Таких полтюрьмы сидит — Иванов,
> И все, конечно же, невиновные…
> Алкоголики…

На воле под магазином стоят с протянутой рукой. Впрочем, мне их уголовные дела и будущее неинтересны, со своими бы проблемами разобраться.

— Я здесь уже видел таких — бухают вместе, один говорит: «Возьми мою машину и сгоняй за поддачей». Тот берет ключи, садится пьяным за руль и едет. Останавливают гаишники —

трубка — дыхните — алкоголь — разбирательство. Идут к владельцу автомобиля: «Ты Петрову свое авто давал?» — «Ну давал». — «А знал, что он находится в состоянии алкогольного опьянения?» — «Знал, мы вместе бухали». — «Раз так, лишаем тебя “прав” на три года — за то, что “передал право управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения”. Все ясно?» — «Ая-яй, гражданин начальник, не надо». — «Ладно, тогда пиши заявление об угоне». И Вася, понятное дело, пишет — и отправляет в тюрьму на два-три года вчерашнего собутыльника.

— А наркоманов возьми, — решил развить тему Дима. — Вот колется он тихо-мирно, никого не трогает. Прознали об этом мусора — втираются к нему в доверие под видом такого же «торчка» и просят в следующий раз, как будет покупать себе, взять пару граммов и им. Тот, конечно, соглашается — можно будет ведь и от чужого «откроить» себе, покупает и приносит — мусорам, как позже выясняется. Называется это контрольной закупкой. Один-два таких факта — и у тебя уже распространение, часть 3 статьи 328 УК РБ — от восьми лет. Лучше бы барыг закрывали, цыган там всяких, кто детей на наркоту подсаживает.

— Не-е, барыги платят. И дальше сбывают наркоту, которую сами же мусора им и приносят.

— А какой он наркоторговец? Просто больной человек, который соглашается помочь таким же, как и сам. А мусора таким образом раскрываемость повышают — как же, раскрыли целый синдикат, особо тяжкая статья, звезды на погоны и премии, — сокрушался Батон.

— А Славик Белоскурский за что «угрелся»? — поинтересовался я у смотрящего.

— Обвиняли в квартирных кражах, в том числе и на $600 тыс. из хаты какого-то помощника президента по науке. Следаки очень хотели раскрыть это громкое дело, сфальсифицировали улики, но Славик каждый день строчил жалобы в различные инстанции и кое-чего добился — в краже из квартиры ученого его больше не обвиняют. Взял на себя даже пару чужих эпизодов на радостях, лишь бы все поскорее закончилось. На днях в суд поедет, года три получит по третьей части своей 205-й — и в лагерь. Считай, сорвался.

— Слышь, Дима, а чего он ходит с трудом, вон еле передвигается? — показал я на Славика.

— Да избили при задержании, почки сильно отбили, «Алмаз» брал — целое контртеррористическое подразделение. Он уже четвертый месяц отойти не может. Сам его потом спросишь, захочет — расскажет.

Движение в камере не прекращалось ни на минуту — все что-то варили, жарили, курили, играли и спорили друг с другом. Дорога в три стороны — в соседние камеры и этажом ниже, — телевизор, радио, круглосуточное общение и молодежь — здесь было на порядок веселее, чем в зачуханной, сильно переполненной и давящей на психику хате один-четыре-четыре. Я с первого дня влился в компанию Батона, Фила и Славика, мы вместе «ломали хлеб», курили одни на всех сигареты, переживали друг за друга и жили одной в меру дружной арестантской семьей. Где-то раз в месяц я загонял в хату $200–300, и нужды у нас не было ни в чем.

Я опять отправил поисковую «маляву» в надежде найти Пашу Воропаева и пообщаться с ним раньше мусоров, но моим надеждам не суждено было сбыться.

Глава 12
Допросы, опять допросы…

Ты хочешь узнать, как выглядит допрос?

Первый допрос — это как первый сексуальный опыт: ждешь его и волнуешься уж точно не меньше. Ты никогда не знаешь наверняка, когда это случится — утром, днем или даже ночью (бывало и такое). Просто нервно ждешь: на людях храбришься, а в душе очень переживаешь, поскольку этот единственный, самый первый визит следователя может приоткрыть завесу неопределенности и неизвестности над твоим будущим. Вроде бы и ожидаешь постоянно, когда за тобой придут, и дежурные ручка с блокнотом всегда наготове, но этот равнодушный металлический голос за дверью: «Павлович, с бумагами!» — все равно оказывается неожиданным. Сердце начинает биться так, что кажется, будто его стук слышен и в соседних хатах. Но надеваешь на себя маску безразличия и идешь. Куда идешь? Да навстречу своей судьбе, к кому-то благосклонной, а к кому-то не очень.

Первый раз меня допрашивали вечером 4 октября. Ты скажешь: «Какого черта! Человек уже восемнадцать дней за решеткой, а к нему только сейчас пришли!» — и будешь абсолютно прав. Я и сам каждый день сгорал от желания поскорее узнать, в чем же меня обвиняют и какие испытания приготовила мне судьба. Правда, следователи не разделяют эту точку зрения и намеренно держат тебя в неведении — неделю, две, три. Наверное, это один из элементов оказания психологического давления на подследственных по особо важным уголовным делам — человек, впервые заключенный под стражу, находится в непривычных, незнакомых, довольно жестких, порой нечеловеческих условиях, и кому-то этих нескольких недель может оказаться достаточно, чтобы сломаться и при первой же встрече со следователем написать явку с повинной, которая, при благоприятном стечении обстоятельств, может обернуться подпиской о невыезде и пусть временной и иллюзорной, но свободой.

Вхожу в кабинет, прищуриваюсь — настольная лампа специально повернута так, чтобы светить мне прямо в глаза. Обшарпанный деревянный стол с намертво прикрученной пепельницей, пара прикрепленных к полу табуреток, небольшое окно, забранное выкрашенной в белый цвет железной решеткой, мой адвокат Нестерович и долговязый, похожий на сухую сосновую жердь уже знакомый мне следователь Макаревич.

Редкие свежевымытые волосы, дешевый костюм от «Коминтерна» с брюками не по длине… Сколько же ему лет? — пытаюсь угадать, но юношеский румянец на щеках Макаревича путает все карты, и с равным успехом ему может быть как двадцать пять, так и около тридцати.

— Ну здравствуй, Сергей, — протянул мне руку следак. — Как поживаешь?

— Вашими молитвами, — я ответил на рукопожатие. — Слушаю.

— Вот обвинение, прочти. Особо не заморачивайся — оно предварительное и в процессе расследования еще не раз изменится. Ну, прочел?

— Да.

— Вину признаешь?

— Нет, конечно.

— Хорошо, так и запишем. Подпиши здесь и здесь. Пароли от своих зашифрованных дисков не скажешь?

— Угадали — не скажу.

— Ну, как знаешь. До встречи, — Макаревич поднялся и собрался уходить.

— Когда вас в следующий раз ждать?

— По закону срок предварительного следствия — два месяца. Это если не будем продлевать. Так что в любой день. До свидания, Сергей Александрович.

— Ага, пока, — буркнул я себе под нос.

Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Раз спрашивал пароли — значит, мои диски они еще не открыли. Это хорошая новость. Раз уж ФБР методом брутфорса (подбора пароля по словарю) за год не смогло расшифровать жесткий диск, защищенный программой BestCrypt, то наши недоумки и подавно не смогут.

Я внимательно прочел текст обвинения: «приготовление к хищению с использованием компьютерной техники» (часть 2 статьи 212 УК РБ) — из-за Сапрыкина и часть 4 статьи 212 за шопинг в Минске с Пашей и Степаном. Вернулся в хату, поужинал. Пацаны с расспросами не приставали.

— Славик, расскажи, как тебя вычислили, — чтобы отогнать от себя дурные мысли, спросил я у Белоскурского.

— Спалился на телефонных звонках, — неожиданно охотно начал тот. — «Выставил» пару хат, без шума и пыли — все тихо. Прозваниваю остальные, чтобы изучить примерный распорядок дня хозяев — из таксофона набираю, разумеется. Наметил одну квартирку, вхожу, включаю свет — не включается. Вот блин! Достаю из кармана фонарик, включаю, иду по коридору —

откуда-то из темноты удар, прямо в челюсть. Я и свалился сразу. Лишь тени надо мной прыгали. И каждая норовила побольнее ударить кованым ботинком, уроды. Думал, ниндзя — оказалось, «Алмаз». На чем прокололся? Да на карточке таксофонной. У меня самая большая была, на семьсот пятьдесят единиц. Я все хаты — и последнюю, и те, в которых раньше побывал, с одной этой карты прозванивал. Телефоны-автоматы, само собой, менял, а вот про карточку-то и не подумал. А ведь у нее тоже серийный номер есть — минуты же как-то списываются. Мусора взяли распечатку звонков из тех хат, где я уже побывал, — ага, есть звонки из таксофонов, вычислили серийный номер моей карты, пробили, куда еще я с нее звоню — а я же в эту последнюю хату особенно часто «долбил», ну и устроили там засаду. Отбили все внутренности, — Славик тяжело вздохнул и взялся за правый бок, — почки особенно. Правда, это помогло мне в прокуратуре правды добиться — нашли с ними компромисс, чтобы и мусоров в тюрьму не сажать — за такой-то «прием», и с меня часть обвинений снять.

— Я вот тоже поначалу номера своих мобильников каждые две недели менял и трубки перепрошивал, — решил поделиться опытом я. — Недавно, кстати, появились трубки с плавающим IMEI. Нажал на кнопку — и идентификационный номер твоего аппарата уже другой. Вставил новую «симку» и звони. Правда, без толку все это — ты можешь свой номер хоть трижды на дню менять, но телефоны, куда ты регулярно звонишь, — матери, подруги, жены — остаются неизменными и мусора очень быстро вычисляют твой новый номер. Вот тебе и новые технологии: с одной стороны, сильно упрощают жизнь — вспомни, как ты жил без Интернета и мобильного телефона, а с другой — помогают мусорам выходить на наш след.

Всю следующую неделю на допросы не дергали, приходила лишь адвокат, которая исправно в обход цензуры приносила мне письма от родных и близких. Боря взял в руки форматную и газетную бумагу, клейстер, цветные ручки, самодельный трафарет — вот уж действительно, талантливый человек талантлив во всем — и смастерил новую колоду игральных карт, после чего упорно учил нас играть в преферанс.

— Ну что, Сергей, — с непроницаемым лицом обратился ко мне Макаревич во время своего следующего визита, — продолжаешь молчать?

— Ага, — не раздумывая, ответил я.

— А сейчас? — с этими словами он открыл свой блокнот, достал дорогой, наверное кем-то подаренный, перьевой Parker и нарочито медленно, как в дешевых фильмах, написал по памяти

пароль от большинства моих шифрованных дисков.

— Бл…! — не сдержался я, чтобы не выругаться. — Как вы их открыли?! — Это был удар ниже пояса.

— Очень просто. У твоего брата в The Bat — клиенте для электронной почты — на одном из ящиков такой же пароль стоял, а ты ведь знаешь, что достать из The Bat пароль проще пареной репы…

Подобный расклад оказался для меня очень неожиданным и неприятным — уж я-то был уверен в надежности BestCrypt, а мусора получили пароль таким простым путем. В руки следствия попали базы новых и проданных дампов, список моих клиентов, информация о тысячах переводов Western Union, вся моя бухгалтерия, «сканы» имевшихся в продаже поддельных паспортов и, что самое неприятное, полная история сообщений в ICQ, хранить которую было небезопасно, но необходимо для разрешения возможных спорных ситуаций с клиентами.

— Ну, Дима! Задушил бы собственными руками! — ругался я на брата.

— Да ладно тебе, — остановил мой порыв следователь. — Не ты первый, не ты последний. За время работы нашего отдела мы уже тысячи разных паролей подобрали. По статистике, самыми распространенными в мире паролями являются 123456 и password. Но это не про вас — у кардеров, конечно, посложнее. У некоторых, как, например, у Олега Бунаса, владельца обменника электронных валют Webmoney.by, длина пароля и до пятидесяти символов доходит. Правда, однажды ему надоело вводить такой пароль вручную и Бунас записал его в текстовом файле на рабочем столе. По иронии судьбы именно в этот день мы к нему и пришли. Человеческий фактор…

— А я еще имел глупость поставить один и тот же пароль на несколько криптоконтейнеров…

— В этом ты не одинок — 56 % интернетчиков из Франции являются обладателями единого пароля для всех сайтов. Такая же привычка характерна для 45 % пользователей из стран Бенилюкса, 35 % британцев и 16 % граждан Германии. Но ты же не используешь один и тот же ключ для своего дома, автомобиля и гаража, правда? Пароли нельзя записывать на бумаге, нельзя их сохранять в текстовых и любых других файлах, в идеале все пароли должны храниться только в твоей голове. Кроме того, нельзя их сохранять в различных приложениях, ICQ, почтовых клиентах, при работе в, почтовых клиентах, при работе в Интернете — каждый раз па- Интернете — каждый раз пароли следует вводить заново. Идеальный пароль кроме тебя не знает никто, а у вас с братом был один на двоих…

— У нас и женщины порой одни на двоих.

— Ну, это дело ваше. Кстати, пароли надо менять раз в несколько месяцев. Их сложность должна зависеть от важности защищаемых данных. Для важной информации символы пароля нужно выбирать из случайной последовательности, для менее важной — допустимо применение осмысленных парольных фраз.

— Я именно так и делал. Погляди, какой пароль был на моих криптоконтейнерах — *#%IHateTheP liCe%#*.

— «Я ненавижу полицию»… — перевел значение моего пароля на русский Макаревич. — Ну не смеши меня. А на другие твои диски какие «пассворды» стояли? *#%IHateTheP0liCe_icq%#* и *#%IHateTheP0liCe_stuff%#*. Нам понадобилось всего пять часов, чтобы «сбрутить» пароли к двум другим твоим дискам. Так что чем меньше в твоих паролях логического смысла и закономерностей — тем лучше. Идеальный пароль не должен быть слишком длинным, чтобы ты в один прекрасный день не записал его на стикере и не приклеил к монитору, но и не должен быть слишком коротким. Четырнадцать-шестнадцать символов — вполне достаточно. Ну что, продолжаем играть в «молчанку»?

— Я подумаю.

— Думай. Приду через неделю, — с гордым видом победителя Макаревич удалился.

Глава 13
CarderPlanet

— Ну что, спутал нам твой следак все карты? — то ли спрашивала, то ли утверждала моя адвокат, когда мы увиделись в следующий раз. — Я так понимаю, в твоих компьютерах вся доказуха налицо?

Я утвердительно кивнул.

— До сегодняшнего дня можно было смело в отказ идти — кроме показаний Воропаева, Батюка и Сапрыкина, против тебя ровным счетом ничего не было, и дело мы бы выиграли. А теперь уже надо в другом направлении думать и действовать, — подытожила Галина Аркадьевна.

— Хоть какие-то шансы есть? — волновался я. — Мне вовсе не улыбается провести здесь «от шести по пятнадцати».

— Понимаю, — сочувственно вздохнула адвокат. — Ладно, не дрейфь — не зря же я двадцать лет в прокуратуре города проработала. Что-нибудь придумаем, — многозначительно добавила она. — Я вот удивляюсь, как ты вообще стал киберпреступником? Такой перспективный молодой человек…

* * *

Наверное, в жизни каждого человека случаются определенные поворотные моменты, которые разворачивают ход твоей жизни в совершенно другую сторону. Для меня таким событием стало знакомство с форумом CarderPlanet. Нет, я, конечно, и раньше промышлял — занимался «вещевым кардингом» и часто посещал первый в мире форум для кардеров carder.org, но «Планета» изменила буквально все…

Впервые о сайте CarderPlanet я узнал где-то в 2002 году. Сейчас уже не помню, каким образом, но прекрасно помню, какое впечатление он произвел. Наверное, те же чувства испытал Али-Баба, когда наткнулся на пещеру, доверху наполненную сокровищами. Каждый раздел содержал кучу информации о том, как можно разбогатеть, что говорится, не отходя от компьютера. Непонятные и уже знакомые термины, такие как «дампы», «дропы», «ваеры», «креды», вдохновляли на изучение этой мудреной науки. Соблазн для паренька, который легально в своем городе мог заработать не больше $200 в месяц, был слишком велик. Помню, как мы с другом обсуждали открывшиеся горизонты и мечтали о миллионах…

CarderPlanet был уникальным информационным ресурсом, на котором кардеры просто жили — недаром его назвали

«Планетой». Это было своеобразное кардерское братство, где все друг друга выручали и всем помогали. Подражая участникам мафиозных кланов, создатели форума называли себя «семьей». Это была верхушка пирамиды. В нее входили Script — основатель форума, RyDen, Boa, Pan Kohones, VVC3, Bigbuyer и BadB. Все они пользовались всеобщим доверием и уважением. Члены «семьи» имели статус Don, Script — Godfather (крестный отец), — пользователи со статусом capo di capi (босс всех боссов) отвечали за безопасность и помощь семье, Capo были проверенными «мемберами» и т. д. Несмотря на этот пафос, дела на «Планете» проворачивались большие и вопросы обсуждались серьезные. Форумы CarderPlanet приютили не только кардеров всех мастей, но и хакеров, спамеров, вирусописателей и многих других представителей компьютерного андерграунда. Большинство из них были настоящими мастерами своего незаконного дела.

Множество уникальной и полезной информации, проверенные люди, сервисы по продаже различной информации («картон», paypal и eBay-аккаунты, банковские акки) и обеспечению безопасности (VPN, соксы и прокси), по рассылке спама, по продаже поддельных документов и пластиковых карт стабильно приводили на сайт новую публику. Периодически народ делился разными вкусностями (шестизначные аськи, хостинг или акки на взломанные ftp) бесплатно. «Планета» давала кардерам все необходимое: информацию, инструменты, услуги — своего рода all inclusive для кардера. Неудивительно, что для многих из нас она стала вторым домом.

В то время я учился на журфаке и встречался с Катей — веселой, озорной, острой на язык, умной и амбициозной девочкой из хорошей семьи, с которой мы познакомились на факультете. Катерина любила крепкое словцо, собак, Париж, сыр с плесенью, духи «Красная Москва», обожала порно и экстремальный секс — мы занимались им на минском стадионе «Динамо», в примерочных, на балконе ее дома в самом центре Минска, в заполненном купе поезда на верхней полке… Она всегда точно знала, чего хочет, писала для меня длинные умные статьи в районную газету «Запаветы Леніна», когда я проходил там практику, ездила со мной на охоту и прощала мне даже то, что я уделял ей мало внимания.

Специальность, которую я избрал на журфаке, называлась Public Relations и была мне в общем интересна. К сожалению, неудачный второй брак моей матери с алкоголиком, постоянные скандалы, вызванные его беспробудными пьянками, мое нежелание и невозможность жить дома, а также катастрофическая нехватка денег в семье не способствовали моей успешной учебе.

Днями напролет я просиживал в компьютерных клубах. Вначале играли — Counter Strike, заложники, бомбы, взрывы, террористы и контртеррористы. Тут же, прямо за компами, и ели — в основном «Роллтон» и «Кириешки», запивали все «Балтикой». Помню, как впервые увидел третьих «Героев»… и забылся в беспамятстве дня на три. Очнувшись от Катиного звонка: «Павлович, ты ваще офигел?! Забил на меня совсем…» — я понял, что мир, в котором я прожил последние три дня, сильно отличался от реального. А уж когда в клубы провели Интернет, с моей учебой разладилось окончательно — хорошо, если я бывал на лекциях раз-два в неделю. С Катей тоже было не все гладко — свое свободное время я предпочитал проводить на форуме CarderPlanet. Какие там журналистика и пиар, когда, включив соображалку, можно было, не вставая из-за компьютера, заработать за день сто-двести баксов! К лету 2002 года кардинг окончательно захватил мое воображение.

Однажды, когда очередная учебная сессия была с горем пополам сдана, мой знакомый Andre, с которым мы по мелочам мутили на «Планете», предложил мне провести лето на Кипре. «Отличная идея! — подумал я. — Только с финансами сейчас туговато. Ладно, что-нибудь придумаю». С этими мыслями я открыл глубоко запрятанный в недрах моего компьютера файл с кредитками. Чужими, понятное дело.

Первым делом я заказал авиабилеты — зашел на сайт польской авиакомпании LOT, забронировал и оплатил картой два билета по маршруту Варшава — Прага, поскольку прямой рейс до Ларнаки на сайте LOT почему-то отсутствовал. Потом то же самое проделал на сайте Czech Airlines, направлением Прага — Ларнака. При заказе авиабилетов через Интернет на руки получаешь лишь электронную форму, подтверждающую броню и оплату, а бумажные билеты выдаются в аэропорту вылета после предъявления этой распечатки и паспорта.

Варшава встретила нас современными небоскребами — это был мой первый выезд за «железный занавес» — и штрафом $40 за безбилетный проезд в трамвае, поскольку Andre — чертов скупердяй — решил «сэкономить» на покупке талончиков.

Приехали в аэропорт. Касса. Протягиваем паспорта и распечатку с сайта. Кассирша говорит, что все о’кей, но хотела бы видеть кредитную карточку, с которой осуществлялась проплата, или хотя бы ее скан по факсу.

— Черт! — выругался Andre. — Этого-то мы не предусмотрели. Что будем делать? — Он посмотрел на меня.

— Саня, надо ехать в интернет-кафе, садиться за комп и рисовать скан карты. На все про все потребуется минимум два

часа.

— Мадам, — обернулся тот к кассирше. — Нам нужно связаться с нашим другом — владельцем карты, чтобы он выслал по факсу копию карточки. Поэтому мы придем за билетами чуть позже, — сказал он, и мы направились в ближайшее интернет-кафе.

— Саша, — я обернулся в сторону соседнего компьютера и тронул приятеля за плечо, — у тебя на «мыле» или где-нибудь еще случайно Farrington не завалялся?

— Какой еще фаррингтон?! — непонимающе уставился на меня тот.

— Farrington — это название шрифта, которым вот уже как 74 года набирают символы на картах.

— А, не, нет у меня его, — другого ответа я, впрочем, и не ожидал.

— А дизайны карт есть? Хоть какие примерные?

— Нет, и этого добра тоже нет, — безрадостно ответил Andre.

Я открыл список контактов своей «аськи» — никого из знакомых «фотошоперов» в онлайне не оказалось. Выходило, что самостоятельно нарисовать копию карты нам было не под силу.

— Серега, ну че бум делать? — спросил у меня Саша.

— Положимся на человеческий фактор и приедем в аэропорт за час до вылета — в кассах будут большие очереди, да и кассиры вымотаются за рабочий день — авось и не спросят про карточку.

Мой расчет полностью оправдался, и на этот раз билеты нам выдали без лишних проволочек. Правда, на этом сюрпризы не закончились: у стойки регистрации польские пограничники отказались пропустить нас на рейс, так как в наших паспортах отсутствовали транзитные чешские визы.

— Но мы же не будем покидать здание пражского аэропорта, — пытался я втолковать пограничнику на ломаном английском. — Вот, у нас есть electronic ticket на рейс из Праги, — продемонстрировал я ему распечатку с сайта Czech Airlines.

Видя, что произошла какая-то заминка, к нам подошел представитель LOT и поинтересовался, в чем дело. Мы по-быстрому объяснили. — Ладно, ребята, попробую вам помочь, — вызвался тот. — Сейчас вызвоню представителя нашей авиакомпании в Праге, и если тот до-говорится с чехами, то вы улетите.

— Спасибо вам, — поспешил поблагодарить я.

За следующие сорок минут менеджер LOT так и не смог дозвониться до своего коллеги.

— Пойдем отсюда, Саша, — я потянул товарища за рукав. —

Он, — я показал рукой на работника LOT, — только делает вид, что пытается нам помочь. Видимо, вышколенность сотрудника образцовой европейской компании не позволяет ему ответить нам прямым отказом.

— Да-да, — согласился со мной Andre, — только погоди минутку, — с этими словами он подошел к кассе, сдал авиабилеты и попросил сделать рефанд (возврат средств) на карточку, с которой производилась оплата.

— Зачем ты это сделал? — я не совсем понимал смысл Сашиных действий.

— Очень просто: если «терпила» заметит, что с карты исчезла такая сумма, то будет разбирательство, а мы при этом светанули наши реальные паспорта. А так — ну возвратилось лавэ и возвратилось — мало ли, где по ошибке сняли. Вкурил теперь?

Я согласно кивнул.

На Кипр мы так и не улетели. Ни в этот день, ни в последующие. И слава богу, скажу я тебе. Почему? Да стремно все это — покупка авиабилетов по чужой «креде». Светишь данные своего паспорта, камеры наблюдения фиксируют твое лицо, а времени от заказа электронного билета до минуты вылета может оказаться достаточно, чтобы кардхолдер обнаружил пропажу, заявил куда надо, и в итоге по прилете в пункт назначения тебя будет ждать совсем не тот «прием», на который ты рассчитывал. Конечно, всегда можно заявить, что тебя подставили — мол, купил билет за полцены где-то в Интернете — и кое-кто из моих знакомых таким способом зарабатывал, — но как бы то ни было, а кардеру лишний «засвет» ни к чему, правда?

Вечером мы сели в автобус и поехали в Украину.

Глава 14
Левиафан

— Милейшая, а что это за город?

— Как, вы не знаете?! Это же Арбатов!

— Ах, Арбатов!.. То-то я смотрю… это не Рио-де-Жанейро!

Из к/ф «Золотой теленок»

Одесса относится к тем полным очарования городам Украины, первый же взгляд на которые отсылает тебя в лучшие времена Ильфа и Петрова. Узкие, кое-где мощеные брусчаткой улицы, легкий флер провинциальности, небольшие, по сравнению с Минском, цены и размеренный, неторопливый уклад жизни его горожан. Снять жилье в разгар курортного сезона оказалось невозможным, а знакомых, у которых мы могли бы остановиться в Одессе, ни у меня, ни у Andre не было. Два дня мы в прямом смысле слова жили на пляже. Днем купались в Черном море и загорали. Вечером — бухали с местными и бродили по городу. Ночью — спали прямо на песке, благо теплый южный климат позволял делать это. Саша снова «экономил» на билетах — и весь город нам пришлось исходить пешком. Дерибасовская, Французский бульвар, Греческая… Одесса навсегда забрала себе частичку моей души, и я люблю возвращаться туда снова и снова. Особенно хорошо там ранней весной, когда буйство распускающейся зелени поражает своим великолепием, а от моря, отдохнувшего за зиму от многочисленных и шумных купальщиков, веет тысячелетней мощью и прохладой.

В Одессе проживала добрая треть «отцов» CarderPlanet, включая самого Скрипта. Я прежде работал только с Leviafan, и раз уж вышло так, что я оказался в Одессе, грех было не познакомиться с ним в реальной жизни.

— Привет, Филипп, — набрал я Левиафану. — Я в Одессе, проездом, можем увидеться.

— О, привет, мэн. Конечно, мэн, — Филипп оказался, как всегда, словоохотлив. — Ты где? Я сейчас приеду.

— В McDonalds на вокзале.

— Хорошо, мэн, двадцать минут. Жди.

Папа Филиппа был большой шишкой в одесской налоговой инспекции, поэтому сам Leviafan, в жизни оказавшийся махровым

рыжеволосым евреем примерно тридцати лет, ничего не боялся и с такой легкостью согласился встретиться с собратьями по ремеслу.

— Какими судьбами, Серж? — Филипп приветливо улыбался и чуть не искрился от какой-то одному ему известной радости.

— Да проездом, случайно. Летели на Кипр по кардженным авиабилетам, но поляки нас завернули — транзитной чешской визы не было. В итоге оказались здесь.

— А дальше куда? — спросил Левиафан, заказывая для нас капучино.

— Мой приятель, — я кивком головы указал на Сашу, — домой, в Минск, а я — дальше на юг, в курортный город Н. Мы уже третий день в Одессе — не было у кого остановиться, так на пляже ночевали.

— Ну, мэн, ты даешь, — удивленно покачал головой Филипп. — Мог бы и мне позвонить.

— Да я вспомнил о тебе только сегодня — сразу и набрал. Это что у тебя такое? — в руках одессита я заметил пластиковую карту, сильно напоминавшую VISA.

— Аа-а, это… реальный «пластик»… от Воа. Читал соответствующий раздел на «Планете»?

— Читал, конечно. Я форум весь перечитал. Дай-ка взглянуть, — я протянул руку и осторожно, словно карточка была сделана из стекла, взял ее в руки.

— На качество особо не смотри — есть и лучше. Впрочем, для шопинга в пределах Советского Союза и такого вполне достаточно. Когда Воа пришел на «Планету» и привнес эту тему в массы, наши доходы увеличились раз в двадцать, — мечтательно закатил глаза к небу Филипп.

— Кстати, а как расшифровывается никнейм Воа?

— Bank of America…

Так я в «реале» познакомился с тем, что в корне изменило мои представления о масштабах кардинга, многократно увеличило мои доходы и стало пусть очень опасным, но интересным и прибыльным занятием на следующие несколько лет.

Глава 15
Первый «пластик»

В городе Н. проживал Толян — мой давний знакомый, у которого я мог остановиться если не бесплатно, то за пиво уж точно. Главное, что у него был постоянный Интернет, что для меня, учитывая отсутствие денег в карманах, было особенно важным. День за днем я проводил за изучением бесценных информационных кладовых «Планеты», не оставался в стороне и «вещевой» кардинг. Не прошло и двух недель, как в моих карманах вновь зазвенела монета, а вместе с ней появилась возможность дать себе непродолжительный отдых, посещать дискотеки и многочисленные прибрежные рестораны.

Так вышло, что в том же городе отдыхал с женой и модератор carder.org Flint24. Мы разговорились по «аське», в тот же вечер увиделись и на радостях пропьянствовали до шести утра. Мне было девятнадцать, и мне льстило, что я на равных общался с гораздо более опытными, взрослыми и уважаемыми кардерами. Эйфория от того, что отныне весь мир запретных финансовых технологий и секретов открыт передо мной, кружила голову.

Алексею — так звали Флинта в реальной жизни — было около тридцати лет, он был рассудительным, спокойным как удав и очень скромным человеком. Его портмоне было буквально забито фальшивыми карточками от Boa.

— Гляди, Серега, этот «пластик», — достал он из кошелька и продемонстрировал мне одну карточку, когда мы пили L owenbr? au у? него на кухне, — из первой, так сказать, тестовой партии, которую выпустил завод Boa Factory. Особым качеством не отличается — напечатана на кардпринтере, голограмма приклеена плохо, отдирается ногтем, полоса для подписи напечатана прямо на «пластике», хотя должна быть из специальной бумаги, на которой по мере износа проступает слово void (недействительна). Короче, эта карта приближена к оригиналу процентов на пятьдесят, не больше. Вот, сравни, — Алексей достал из кармана свою настоящую VISA Gold какого-то московского банка.

Alexey Stroganov — прочел я на карте.

— Леша, скажи, тебе эти карты от Boa сейчас нужны? — начал я издалека.

— Не особо — я ж сюда отдыхать приехал, а не работать. А что?

— Может, ты мне их отдашь? — я набрался наглости. — Тема

для меня новая, хочу попробовать. Нормально отработаюсь — так загоню тебе потом их стоимость и доляну.

— Ну хорошо, забирай, — на удивление легко согласился Флинт. — Только будь осторожен: шопинг с поддельными картами — это крайне экстремальное занятие, идущее вразрез с уголовным кодексом. Здесь нужен серьезный подход, надеяться на то, что это халява, быстрые и легкие деньги, не стоит — все намного серьезнее. Это работа, притом тяжелая, нервная и очень опасная, — Алексей сделал ударение на последнем слове, мы выпили еще пива и закурили по сигаре. — Ты никак не застрахован от того, что при оплате не выбьет Pick up (изъять карту) или код 94 (повторная транзакция — это когда реальный кардхолдер совершает покупку в Америке, а через минуту ты посылаешь запрос на авторизацию этой же кредитки из России). Имей в виду, что и выглядеть нужно соответствующе. Двадцатилетний студент в рваных, пусть и дизайнерских, джинсах и майке, достающий из кармана голдовую VISA или, еще круче, платиновый AmEx и покупающий, к примеру, часы за «десятку», выглядит очень подозрительно. Первое, что придет в голову продавцу, — кардер гоп-стопнул какого-нибудь дядечку, забралу него «креду», а теперь пытается по ней отовариться. Даже если продавец и не выскажет свои опасения, то наверняка звякнет в банк, чтобы убедиться, что деньги ему потом придут. А кому это нужно? Разве тебе необходимо, чтобы тебя подозревали, чтобы на тебя обращали повышенное внимание? Я думаю, нет. Чем меньше ты заметен в тылу врага, тем лучше. Мы же все-таки работники невидимого фронта. Не стоит также подбегать сразу к самому дорогому товару и кричать: «Заверните — я плачу!» Продавец не дурак, ему надо продать как можно более дорогой товар, и он сам тебе его предложит и еще будет уговаривать его купить. Так меньше подозрений. Сразу не покупаешь, а подробно расспрашиваешь про товар. Просишь упаковать и лишь после этого, в самом конце, даешь карту. Потому как из банка могут позвонить и сразу после транзакции, а если в это время кассир еще упаковывает твой товар… в общем, хорошего мало. И последнее, Серег, — добавил Леша, когда мы уже допили «Левенброй» и встали из-за стола, — запомни: вежливость — главное оружие вора.

Назавтра Flint улетел в Москву, и я в тот же день опробовал одну из его карт в работе. Магазин для первого раза выбирал особенно тщательно: тихая улица, небольшой магазин спортивной одежды, никакой охраны и три явно неспортивных продавца — в общем, все, что нужно для солдата. Выбрал серебристые кроссовки Nike, подхожу к кассе, достаю из кармана

VISA Classic (вторая карта была Platinum), протягиваю ее девушке… Кассир неспешно прокатала ее через POS-терминал, набрала на нем сумму покупки, долгое ожидание… и тут полез чек из POS — наверное, самый лучший звук в жизни. Вздох облегчения. Расписываюсь на чеке. Вдруг откуда-то сбоку второй кассир — девка с крысиным «хвостом»:

— Что-то у вас подпись на карточке сильно затертая…

Еще бы — на первых картах от Boa Factory ее приходилось буквально выцарапывать на «пластике».

— Да это от частого использования, — сам удивляюсь, как это у меня получилось так быстро отреагировать.

Вроде бы удовлетворило объяснение. Второй вздох облегчения. Кроссовки под мышку, карту в карман, «спасибо за покупку». Ага, всегда пожалуйста.

Первый опыт оказался удачен. По уму — так мне следовало «выдоить» эту работающую карту до конца, но инстинкт самосохранения подсказывал мне, что девятнадцатилетний мальчишка, массово скупающий дорогой товар по кредитке, да еще в маленьком городе, может вызвать подозрение. Да и эйфория от того, что первый шопинг оказался настолько простым и удачным, мешала настроиться на рабочий лад.

Я возвратился домой, рассказал Толяну о своих успехах, посвятил его в тонкости работы с «пластиком» и отдал ему оставшуюся карту «платинум».

На следующее утро, не успел я еще толком проснуться, Толик появился на пороге с охапкой различных «трофеев» и сбивающимся от волнения голосом стал рассказывать.

— Серый, я вначале попробовал твой вчерашний «классик» — уже не работала. Зато эта карточка, — он достал из кармана Platinum, — наверное, будет жить вечно. Поехали скорее.

Я умылся, мы наспех позавтракали и уже вдвоем отправились в новый шоп-тур, который принес нам изрядное количество золота, бытовой техники и дорогущей фирменной одежды.

* * *

Незаметно наступил август. Я полностью изучил раздел «Реальный “пластик”» на CarderPlanet, не оставался в стороне и «вещевой» кардинг. Приходило время возвращаться домой. Мой значительно улучшившийся платежный баланс позволил мне забыть о поездах, и я улетел самолетом, что сэкономило мне нервы и время.

Флинт — когда я рассказал ему о результатах своей работы и перевел $600 — сообщил мне, что на паях с Бигбаером организовал в Москве производство собственного «пластика», не в пример более качественного, чем карты от Boa, и тут же передал

мне несколько образцов через проводника поезда Москва — Минск.

Ребята пошли по легкому пути и в качестве объекта для подделки избрали VISA Electron, на которых не было голограмм и для персонализации (нанесения номера карты, срока действия и Ф.И.О. владельца) которых, в отличие от классических VISA и Mastercard, не требовалось дорогостоящих эмбоссеров.

Персонализация настоящего ElectronElectron осуществляется методом лазерной гравировки. Когда я взял в руки образцы от Флинта и К°, я сразу отметил, что ребята упростили для себя и этот процесс: вместо лазерной гравировки была использована прозрачная сверхтонкая самоклеящаяся пленка, на которую обычным лазерным принтером наносились данные. Пленка наклеивалась на лицевую поверхность карты, разглаживалась и обрезалась по контуру. Наверное, после этого карту можно было бы прогреть феном, чтобы пленка не отслаивалась, — лично я, превращая болванки Флинта в многоразовые «орудия совершения преступления» (не выбрасывать же по $100 за одну болванку), так и делал. В целом же их карты были отличного качества: офсетная печать, хорошо читаемый микрошрифт, полоса для подписи с проступающей по мере износа надписью void — все было на должном уровне.

Глава 16
Кто убил Пола Хлебникова

Однажды вечером на пороге нашей хаты появился не совсем типичный для обитателя минской тюрьмы персонаж. Среднего роста, спортивного телосложения, в дорогой кожаной куртке Sean John, черные угольки глаз и черные же, как смоль, но местами уже седеющие волосы. Прямо man in black — подумал я. Волевой подбородок, мягкая кошачья походка, на вид лет сорок… Что-то вызывающе противоречивое было во всем его облике — за внешним спокойствием и уверенностью, что выдавало во вновь прибывшем человека, не понаслышке знакомого с отечественной пенитенциарной системой, скрывалось огромное внутреннее напряжение — незнакомец был похож на сжатую пружину, готовую в любой момент высвободить таящуюся в ней силу.

Вату-скрутку (матрас, одеяло, подушку) в сторону:

— Здорово, пацаны! Меня Валид зовут.

Хата притихла, с интересом разглядывая новичка.

— Проходи сюда, присаживайся (в тюрьме не говорят «садись»), сейчас раззнакомимся, — пригласил незнакомца в наш «ходок» Дима Батон. — Эй там, кто-нибудь, — позвал Дима одного из помощников, — кофе, что ли, заварите, не видите — человек заехал. Кто, откуда, за что? — обратился он уже к Валиду.

— Чеченец. Из Москвы. По убийству Хлебникова…

— Епт, киллер! — позабыв про чувство такта, вырвалось у меня — я выписывал Forbes и знал об убийстве его главного редактора несколькими месяцами ранее.

— В «Журавинке» брали, — продолжал чеченец, — «Алмаз», человек сорок. Плюс опера — ГУБОП, КГБ. Мы тренировались спокойно в зале — вдруг откуда ни возьмись, из всех окон и щелей маски-шоу повалили, как тараканы. Уложили нас быстро, естественно. Обвинили в нарушении паспортного режима, потом две недели в спецприемнике-распределителе и сюда.

— По жизни кто? — поинтересовался Батон.

— Блатной, — уверенно ответил Валид.

— Ну давай сюда, — Дима показал на свободную шконку в дальнем углу нашего «ходка». — Располагайся, отдыхай — поди, устал в «отстойнике». Утро вечера мудренее.

В тюрьме я легко сходился с людьми разных взглядов, возрастов и социального положения — нашел я общий язык и с Валидом. Уже на следующий день я играл с ним в шахматы, во

время игры узнавая подробности жизни моего нового знакомого. Выяснилось, что Валид Агаев вместе с задержанным с ним же Казбеком Дукузовым (в Москве известен под «погонялом» Черный) являлись основными подозреваемыми в убийстве Пола Хлебникова. В Беларуси им предъявили обвинение только в нарушении паспортно-визового режима, что в нашей стране, занимающей промежуточное положение между Россией и Западом, являлось серьезным правонарушением. А Дукузову вменяли еще и оказание сопротивления властям: будучи мастером спорта по боксу и дзюдо, тот здорово отметелил нескольких спецназовцев, и теперь ребята ожидали экстрадиции в Россию. Валид был мастером спорта по вольной борьбе, и одно время вместе с братом Мамедом (Валид звал его Мусиком) даже выступал за сборную Москвы.

В шахматы он играл не очень. А может, специально мне проигрывал, взяв на вооружение слегка переиначенный принцип: «Если хочешь завоевать человека, позволь ему победить себя в споре».

Сразу же после ареста Агаева и Дукузова все мировые СМИ наперебой затрубили об их причастности к убийству Хлебникова.

— Валид, а как вы спалились? — спросил я однажды у чеченца. — Как вообще получилось, что вышли на вас?

— Во всем виноваты гребаные мобилы, — лицо Валида исказилось от досады. — Вроде как позвонили заказчику прямо с места преступления. Не, ну вот скажи мне: все знают, что сотовый телефон — это одно из величайших изобретений человечества, подарившее нам свободу общения и передвижения. При этом мало кто задумывается, что мобила — это еще и прекрасный радиомаяк, позволяющий отслеживать любые перемещения абонента в пространстве. Вся территория, покрываемая мобильной связью, поделена на соты, оборудованные собственными вышками, или базовыми станциями. Каждая вышка имеет четкий адрес. В результате в технической информации о конкретном соединении содержится не только телефонный номер абонента, с которым ты связался, но и адрес вышки, через которую осуществлялась коммутация. Помимо этого, фиксируется и так называемый сектор — то есть информация о том, где находился звонивший относительно вышки (к северу, югу, западу или востоку). Вдобавок технические возможности аппаратуры сотовых компаний позволяют определить мощность сигнала, что, в свою очередь, указывает на то, где находился абонент в момент разговора — на улице, в машине или в здании. Отслеживая перемещения звонившего от одной вышки к другой, можно составить маршрут его следования с погрешностью до 300–500

метров.

— А можно ли как-то защититься от такого биллингового слежения?

— Можно — никогда не пользоваться мобильным телефоном.

— Валид, но если ты так хорошо все знаешь, то почему вы сами наступили на эти грабли?

— Это не я, брат, это кто-то из моих ребят. А мусора взяли у сотовых компаний распечатку всех звонков из соты, где завалили журналиста, поработали над ней, вычислили наши номера и поставили их на прослушку.

— Кстати, есть такая штука, которая позволяет перехватывать и прослушивать GSM непосредственно с радиоэфира. Санкция прокурора, как ты понимаешь, для этого вовсе не обязательна. Называется она GSS Pro-A. Производится в Канаде, стоит около $400 тысяч и умещается в небольшой чемоданчик. Я ее видел на global-security-solutions.com. Конечно, есть и дешевле, но эта система — лучшая. Она абсолютно невидима и не поддается обнаружению, обладает высокой производительностью, имеет возможность дальнейшей модернизации, многоканального (4х, 20х или 100 абонентов) перехвата сотовых телефонов и записи как информации о разговорах, так и самих разговоров. Система имеет встроенный сложный RF-локатор, по методу триангуляции с точностью до двух метров определяющий местоположение объекта, в том числе внутри зданий и на конкретном этаже. Работа GSS Pro-A происходит незаметно для телефона объекта прослушивания и оператора сотовой связи GSM. Система также перехватывает SMS, факс и e-mail. У вашей ФСБ она точно есть.

— Да уж… Хорошего мало, — задумчиво произнес Валид. — Но я вот все гадаю, как на нас в Минске вышли?.. Из Москвы уехали в никому не известном направлении, в Минске жили в спальном районе у земляков, нигде особо не светились…

— Ну да, ездили на Mercedes CL в тюнинге от AMG, за двести штук баксов, каждый день зависали в «Журавинке», и трубка у тебя какая была?! Vertu Signature, за 25k… А в остальном да, «нигде не светились»… Для Беларуси все это слишком. Кстати, Валид, а правда ли, что спецслужбы могут тайно и без твоего ведома дистанционно включить микрофон телефона, чтобы прослушивать разговоры, которые ведутся в непосредственной близости от такого телефона-жучка?

— Слухи о способности мобильника работать в режиме подслушивающего устройства муссируются довольно давно. Но недавно эта информация подтвердилась во время рассмотрения в суде Южного округа Нью-Йорка дела известной мафиозной семьи Дженовезе. Для слежки за мафиози ФБР использовало программу

под названием roving bug (передвижной жучок) — дистанционно активированные мобильные телефоны подозреваемых передавали все их разговоры на подслушивающую станцию ФБР. Устройство функционировало независимо от того, был телефон включен или выключен. Конечно, подобное происходит с санкции суда и при полном содействии сотовых операторов, но разве это проблема для спецслужб?

— Валид, и как нам с этим бороться? — услышанное меня немало озадачило.

— Единственный способ — не просто выключать телефон, но и снимать с него аккумулятор. Или не вести по телефону и рядом с ним разговоров, которые могут заинтересовать правительство. Кстати, если в твоем автомобиле установлен GPS-навигатор, лучше отключи его. Принцип тот же: мусора при содействии мастеров на твоей станции техобслуживания могут перепрограммировать его — незаметно включить микрофон и получить возможность слышать все, что происходит в машине.

— А тебя, когда закрывали, на видеоучет ставили?

— Ага. Сфотографировали — анфас/профиль, на видео засняли, отпечатки, а также образцы почерка и голоса взяли.

— Знаешь, для чего? — решил и я немного просветить своего друга.

— Ну, с видео и фото понятно. С почерком тоже. А голос им на фига?

— Наш голос, как и отпечатки пальцев, имеет уникальные параметры, по которым легко определить человека. Идентификация отпечатка пальца одного человека из 10 млн занимает меньше минуты. Идентификация одного уникального голоса из тех же 10 млн образцов занимает приблизительно столько же времени. Однажды записав параметры твоего голоса, элементарно отследить все твои переговоры по мобиле, независимо от того, SIM-карты каких операторов ты используешь, хоть каждый час их меняй. Самая большая на сегодняшний день база голосов преступников собрана в Мексике — около миллиона голосов правонарушителей. База хранится в подземном бункере в Мехико вместе с другими данными по преступному миру. Сейчас и в Беларуси подобную базу собирают. Как открыто («видеоучет»), так и втихую. Звонишь ты, к примеру, в службу поддержки своего сотового оператора, и пока ждешь ответа, робот тебе говорит: «Для обеспечения более высокого качества обслуживания ведется запись разговора». Короче, теперь и на других людей оформлять свою «симку» понта нет. Или на ж/д и автовокзалах: «Для предупреждения возможных конфликтных ситуаций между пассажирами и кассирами ведется запись разговора»…

Встроенную систему распознавания голоса (по военной технологии RF-триангуляции) имеет, кстати, и GSS Pro-A. По голосу часто террористов вычисляют.

— О, а знаешь, как в Москве чеченцев «упаковывают»? — оживился мой приятель. — Особенно после всех этих взрывов жилых домов…

— Нет, не знаю.

— Ты ходишь по супермаркету, что-нибудь выбираешь, складываешь в тележку, занят, в общем. В это время карманник, которого подослали мусора, подбрасывает к тебе в карман кусочек тротила. На выходе шмон — вы подозреваетесь, бла-бла-бла, давайте осмотрим содержимое карманов. Ну, ты, конечно, опасаясь, чтобы легавые чего не подкинули, сам лезешь в карманы и начинаешь их выворачивать — посмотрите, мол, ничего нет. В этот момент тротил попадает на твою кожу и под ногти, и хрен ты уже докажешь, что тебе его подбросили, — любая экспертиза скажет, что, помимо присутствия взрывчатки в карманах одежды, ее следы обнаружены и на твоих руках.

— И как этого избежать? Так ведь любого можно посадить — одним взрывчатку, другим — наркотики…

— Остановив тебя, менты могут попросить показать карманы и вещи. Ты можешь согласиться, но — сюрприз — можешь и отказаться, потому что без понятых и протокола они сами не имеют права рыться в твоих вещах и прикасаться к ним. Поэтому просьба все вынуть и показать — всего лишь уловка мусоров. Если ты намерен действовать в соответствии с законом, тогда требуй двух понятых одного с тобой пола (желательно с местной пропиской), досмотра в помещении и протокола. Если менты подозревают, что, кроме лишних денег, у тебя ничего интересного нет, то, встретив такие требования, они, скорее всего, поленятся везти тебя в отделение и искать понятых. И отпустят. То же касается и поиска запрещенных предметов, например оружия и наркотиков, в автомобиле. Досмотр транспортного средства по российскому закону можно проводить на улице, но опять же — при наличии понятых и протокола. В иной ситуации ты можешь вежливо отказаться от досмотра своей машины и попросить стражей порядка исполнить все по закону…

Валид Агаев жил на Кутузовском, любил погонять в футбол и, насколько я понял из наших продолжительных бесед, был, как сейчас принято выражаться, «авторитетным бизнесменом». При этом он нисколько не кичился своим богатством, а был скромным и воспитанным в соответствии со строгими горскими традициями человеком. Задавал я ему вопросы и об источниках его доходов, на что Валид отвечал, что в свободное время тренирует

спортсменов-«вольников», а деньги зарабатывает тем, что сдает в аренду несколько принадлежащих ему контейнеров на Черкизовском рынке. Много лет назад эти двадцатифутовые контейнеры для морских перевозок обошлись ему в $5 тыс. каждый, сегодня же цена одного приближалась к $50 тыс. Каждый арендатор платил Агаеву «десятку» в месяц, и тот не особо заботился о хлебе насущном. «Если хочешь, помогу и тебе взять пару контейнеров, как освободишься. “Отбиваются” за полгода», — предлагал мне Валид и приглашал переехать в Москву. Многие из кавказцев, с которыми мне доводилось общаться, были довольно скользкими и неприятными типами, но от Валида исходили какое-то внутреннее тепло и искренность и мне было очень комфортно и интересно общаться с ним.

В нелегких тюремных условиях Агаев был и оставался правоверным мусульманином — не ел никакого мяса и питался одним лишь «Роллтоном» до тех пор, пока Фил, воспользовавшись своими связями среди тюремных мусоров, не наладил «дорогу» с близкими чеченца и тому не зашла передача с бараниной, курдюком (бараньим салом) и кониной. Там же был и молитвенный коврик, и Валид усердно молился по пять раз в день.

Однажды Валид попросил Фила передать кое-что из угодной Аллаху еды в соседнюю хату.

— Друг, а кому там ты хочешь все это передать? — полюбопытствовал я.

— Я когда заехал на тюрьму, — отвечал Валид, — искал по «малявам» кавказцев. В соседней хате сидит дагестанец, я с ним пишусь — так он жалуется, что не ест ничего из неверной еды, исхудал весь.

— Как его погоняло? — поинтересовался Филонов.

— Борз. По-чеченски это значит «волк».

— Валид, — вмешался в разговор я, — он не волк, а черт. Настоящее имя этого полудагестанца — Саша Доскин, я ловился с ним в 144-й. Он в каждой новой хате представляется по-разному, «наседка кумовская», да и сало за обе щеки уминает — чужое в основном, — сообщил я вмиг помрачневшему чеченцу.

— Ладно, давайте передадим ему этот «грев», — стоял на своем Валид, — я ему пообещал уже.

После этого Агаев с ним не общался.

Казбек Дукузов — подельник Валида — сидел на спецкоридоре — в сырых камерах на два человека, с арочными сводами, откуда из-за сырости постоянно отваливались и неприятно застревали в волосах хлопья побелки, с пятнадцативаттной лампочкой, закрытой ударопрочным

акриловым стеклом, с решетками, стальными щитами, сеткой и прочими «намордниками» и преградами на окнах — так, что невозможно сработаться и отправить «маляву», — видимо, Казбека боялись очень сильно.

Спецкоридор, он же с/к, — самое зловещее место в тюрьме. Шестнадцать хат, скрытых за бронированной дверью с электрозамком, отдельный охранник. Здесь сидят особо опасные: бунтари, лидеры ОПГ, приговоренные к «вышке» и просто те, кого нужно очень хорошо спрятать. Стены метровой толщины, сквозь которые не проникает ни один посторонний звук, сводчатые потолки — совсем как в фильме «Иван Васильевич меняет профессию», два одноярусных шконаря на высоте десяти сантиметров от пола, железный стол, железный шкафчик для туалетных принадлежностей, дольняк в углу и тишина… гробовая — ни радио, ни телевизор, ни телефон на с/к не ловит. Хаты находятся в подвале — окна выходят на уровень земли. Очень сыро — одежда, после бани развешенная для просушки, не высыхает и за три дня. Связи с внешним миром и даже с соседними хатами никакой, сработаться невозможно — окна закрыты не стеклом, как везде, и даже не решеткой с «ресничками»-жалюзи — на пути твоей «малявы» как минимум пять преград: решетка, стекло, сплошной железный лист с отверстиями диаметром с сигарету, «реснички», «намордник», по форме напоминающий допотопный совдеповский кондиционер, и металлическая сетка в довершение. По дольняку тоже не вариант — в трубах установлены ножи, о которые режутся «кони». Из-за недостаточности освещения ни читать, ни тем более писать ты не можешь. А что можешь? Да плевать в потолок и размышлять о бренности всего сущего. И спать по 15–16 часов в сутки. Спать беспокойно, вскакивая в холодном поту из-за очередного приснившегося кошмара. Это, наверное, от накопившейся в стенах за столетия негативной энергии и страданий постояльцев «с/к-хилтон». Кровь, убийства, сами стены давят. И тишина…

Глава 17
Аукционы

Сознался наш Скумбриевич, не выдержал очной ставки. Подкачал!
Остап Бендер

— Со своими подельниками ты где познакомился? — начал следователь Макаревич через неделю.

— С какими еще подельниками?! — с деланным удивлением спросил я в ответ.

— Ай, ну только не «репетируй», что их не знаешь, — Макаревич явно не хотел терять свое время. — С Батюком и Воропаевым.

— Не знаю, о ком вы.

— Повторяю вопрос: когда и при каких обстоятельствах ты познакомился с Воропаевым Павлом Владимировичем и Батюком Степаном Леонидовичем?

— Впервые о них слышу, — продолжал играть я.

— А их фотографии на твоем ноутбуке откуда?! — следак начал выходить из себя.

Черт, про фотографии-то я и забыл. Вот спрашивается: на фига на своем рабочем компьютере хранить фотографии подельников, тем более с которыми ты не общаешься уже почти два года?! И здесь недоглядел…

— Ладно, проведем очную ставку, может, вспомнишь, — сказал Макар на прощание.

Через шесть дней он вызвал меня вновь. В кабинете уже находилась моя адвокат. Следователь выглянул за дверь, что-то сказал дежурному контролеру, и через минуту в комнату ввели Пашу Воропаева.

— Привет, Серега, — Павел явно был рад меня видеть и протянул мне руку. Я неуверенно пожал его сухую ладонь и начал пристально рассматривать его лицо, всем своим видом показывая, что пытаюсь вспомнить, видел ли его раньше.

— Ну сейчас-то узнаешь? — следователь внимательно следил за моей реакцией.

— Впервые вижу.

— Ладно, Паша, — переключился Макаревич на моего подельника, — кто этот человек? — он жестом показал на меня.

— Павлович Сергей. Это он нас заставлял покупать товар в минских магазинах, — уверенно начал Воропаев.

М-да-а… со старта грузит… «он нас заставлял»… — противно слушать…

— Павел, когда вы познакомились? — продолжал следователь.

— В ноябре 2004-го…

Похожий спектакль мне пришлось повторить и со Степаном, которого на следующий день Макар привел в СИЗО специально для очной ставки со мной.

— Зря ты так, Полисдог, — с почти отеческой «заботой» советовал мне Макаревич, — судьям не понравится, что ты в полном отказе.

— Ну я ж тебе не советую, как с женой спать, — взъелся я.

— Ладно, не кипятись, — примирительным тоном сказал он. — Ноутбук узнаешь?

Я украдкой взглянул на Toshiba Satellite, который вместе с подключенным к нему портативным струйным принтером стоял на столе.

— Впервые вижу.

Макар заулыбался.

Конечно, я узнал его — этот мой первый ноутбук, который Паша и Степа украли по «пластику» в Польше, а после я подарил его Никрону.

— Кстати, как ты познакомился с Никроном? — словно угадав, о чем я думаю, спросил Макаревич.

— Где-то в Интернете, в 2002 году.

— Где именно?

Ага, так я тебе и рассказал.

Никрона я нашел на «Планете». Почему именно «нашел»? В то время я подумывал заняться «разводом» на интернет-аукционах и искал поставщиков взломанных аккаунтов к аукциону eBay. Одним из таких продавцов и оказался Nicron.

eBay никогда не был просто торговой площадкой — это скорее выставка человеческих прихотей, где можно найти все что угодно: от права навсегда вытатуировать свою рекламу на чьем-нибудь лбу ($10 тыс.) и бейсбольной карточки Хонуса Вагнера ($1,65 млн) до партии в гольф с легендарным гольфистом Тайгером Вудсом ($425 тыс.) и обломков космической станции «Мир».

С аукционов начинали многие — этот вид кардинга не требовал особых знаний и денежных вложений (разве что на «картон») и при надлежащей работе давал неплохой доход. Самым распространенным мошенническим приемом на eBay была и остается продажа несуществующего товара.

Вкратце схема работы такова: регистрируемся как продавец

(seller) — для этого нужна информация о кредитной карточке. Вбиваем ее, и если все о'кей, то с кредитки снимается $1 за регистрацию. С этого же картона оплачиваем сборы за выставление лота на продажу. Для начала продаем какую-нибудь мелкую электронику, например портативный DVD-плеер за $150–200. Дороже нельзя — все товары на eBay разделены на группы риска по степени популярности у мошенников, и если с нового акка выставить сразу «цифровик», видеокамеру, ноутбук, мобильник или ЖК-монитор — твой аккаунт сразу же прикроют. Победитель аукциона платит тебе чеком (cheque) или почтовым переводом (money order). Можно уломать на ваер (wire transfer — перевод на банковский счет) или даже на «Вестерн Юнион». После проплаты покупатель, само собой, ждет свой товар. А тебе в это время нужно связаться с дропом и быстренько загнать его в банк, чтобы он обналичил чек. Иногда на это требуется несколько дней. Твой «терпила» начинает возмущаться: «Где мой товар? Я отзову платеж». Как протянуть время? Звонишь дропу:

— Эй, Вася, сходи-ка на почту и отправь по такому-то адресу кирпич ну или что-нибудь подходящее по весу. Сделал? Вот и молодец. Дай-ка мне tracking number…

Все, «терпила» спокоен, и пара дней у нас есть.

Впрочем, для большего успеха аферы товар лучше выставлять не со свежезарегистрированного акка, а от имени продавца с большим количеством положительных отзывов (фидбэков). Как это сделать? Можно накрутить рейтинг нового seller-аккаунта с помощью подставных покупателей. Можно взломать какой-либо сайт, хранящий информацию о eBay-аккаунтах пользователей. Можно… Nicron ломал сам eBay.

Брат Никрона, Scorpo — один из сильнейших хакеров в мире, был в то время основным поставщиком дампов на мировом подпольном интернет-рынке. Я был модератором нескольких разделов на небольшом кардерском форуме LNCrew и какое-то время торговал там и на «Планете» eBay-аккаунтами Никрона. Правда, их продажа была связана с возникновением многих спорных ситуаций с покупателями, и я постепенно свел ее на нет. Зато оказалось, что и у Nicron было немерено дампов, а их реализация была в сотни раз прибыльнее, чем торговля акками к аукционам, короткими ICQ-номерами, «картоном» и прочей мелочовкой, которой я занимался до знакомства с Никроном. Так я стал продавцом дампов.

Глава 18
Nicron

— Кто такой Борис Дранкман? — шепотом спросила у меня Галина Аркадьевна, когда Макар куда-то отлучился из кабинета. — Это и есть Никрон, о котором спрашивал следователь?

— Да, это он. Но вам-то откуда о нем известно?

— Пробила по своим каналам. Твои подельнички и его сдали. Как он оказался в Минске?

— В марте 2003 года у Бори произошли большие неприятности: в собственной машине из пистолета ТТ был застрелен вор в законе, с которым Никрон дружил и общался. Боря находился рядом с ним, когда подбежал киллер и в секунду разрядил всю обойму в авторитета. Умирая, тот закрыл Бориса своим телом. Правда, одна из пуль прошла навылет, задела Никрона и сломала ему ребро. Находиться в Коми стало для Бори слишком опасным, и я, не раздумывая, пригласил его в Минск. Тот сразу согласился.

Борис оказался умным и воспитанным парнем моих лет, уважал творчество Михаила Круга, обожал McDonalds и был довольно сентиментален. Мы сняли квартиру в центре города, и с того момента я больше никогда не жил с родителями. Никрон каждый день взламывал различные сайты и платежные системы в Интернете, я продавал дампы из более чем миллионной базы, которой Борис владел совместно со своим братом Scorpo, и проблем с деньгами мы не знали. Вместе с Jungi — capo di capi с «Планеты» — мы занимались рефандами (англ. refund — добровольный возврат средств со счета продавца на карт-счет покупателя). Взламывали интернет-магазины, получали доступ к их мерчантам, снимали по нескольку долларов с тысяч кредиток, аккумулировали деньги на одном счету и делали рефанд на одну из карточек Джанги. Тот обналичивал их в банкоматах и присылал нам наши честно заработанные 50 %. Эти же мерчанты мы использовали и для проверки «пластика» перед работой в магазинах. Позже Никрон научил меня пользоваться сканером Fluxay для поиска уязвимостей, показал, как делать SQL-инъекцию, и я нередко взламывал сам. Правда, больше по мелочи — трудные «мишени» мне не давались.

— А где сейчас Никрон, ты, часом, не знаешь? — вкрадчивым тоном поинтересовался у меня вернувшийся следователь Макаревич.

— Нет, не знаю, — хотя я прекрасно знал не только город, но и точный адрес, где проживал Борис.

— Могу рассказать, как ему удалось уйти от нас, — попытался пробудить во мне интерес к беседе Макаревич.

— А я знаю, Боря рассказывал.

«Выхожу я, значит, из квартиры (я на третьем этаже жил), — вспоминал я в подробностях рассказ Никрона, — а там мусора в подъезде. Я не растерялся — одному ногой по яйцам, другому — ребром ладони в горло, я ж в саперном спецназе служил как-никак. Выбежал из подъезда, прыгнул в свою машину и по газам. Объехал дом — Наташка мне из окна мой ноут и энкодер скинула, воздушный поцелуй на прощанье — и в Россию. Ну его на фиг вашу Беларусь».

— Ну не совсем так все было. Но наши опера и вправду лоханулись: ждали его у подъезда, Никрон вышел, быстро сел в свой «мерс», заблокировал двери, а когда опера подбежали к машине и приложили к стеклу милицейскую ксиву, развернулся и уехал. Чуть нашего сотрудника не придавил. А то придумал мне тоже… «саперный спецназ»…

— Да какая разница! Главное, что Никрон поступил абсолютно правильно: не растерялся, сохранял невозмутимость и тем самым сохранил себе свободу и будущее. Ищи теперь ветра в поле.

— Ладно, все это лирика, — прервал мои рассуждения Макар. — Расскажи лучше, как ты оказался в Киеве.

В Киеве…

* * *

22 марта 2003 года на Кипре были арестованы Boa и Лиратто, и русские производители контрафактного «пластика» понесли первые потери. На CarderPlanet эта новость наделала много шума, и люди, которые решили срубить денег на громком имени, не заставили себя долго ждать. Как на форумах, так и в «мыльницах» появилась куча спама с предложением услуг о переклейке паспортов и т. д. Объединяли их три вещи: наличие магических слов Boa Factory в строке адреса, полная копия сайта Boa и то, что за всем этим стояли обычные рипперы (кидалы).

В это же время мне срочно понадобилось кое-какое оборудование для изготовления карточек, и я наудачу набрал прежний номер Liratto в надежде, что трубку снимет кто-то из оставшихся на свободе сотрудников Boa Factory. Мне неожиданно ответили — человек, представившийся Александром, рассказал о деталях ареста Boa и Лиратто, поинтересовался, кто я, чем занимаюсь, рассказал, что, в свою очередь, могут делать они, и оставил координаты для связи. В апреле Саша и его напарник

Сергей приехали в Минск и привезли необходимое мне оборудование.

Не прошло и трех месяцев со дня ареста Boa Factory, как в Москве были задержаны и участники синдиката RealPlastic.org Флинт, Bigbuyer и Майкл. Gabrik, который поставлял им дампы от Никрона и Scorpo, был объявлен в международный розыск, и его портрет долго украшал сайт ФСБ. На «Планете» тут же был организован сбор средств для ребят из RealPlastic.org: мы понимали, что подобное может случиться с каждым из нас. Не помню, сколько денег удалось собрать, но сочувствующих хватало.

Через пару дней после разгрома конторы Флинта мне позвонила мама и сказала, что у нас дома был обыск. Точной причины я не знал, к тому же их могло быть несколько: это и наши вояжи по минским магазинам вместе в Пашей и Степой, и разработка круга общения Флинта и прочее. Я решил не искушать судьбу и тут же уехал в Польшу, а оттуда в Украину.

Глава 19
Первые $100

— Сергей, ну что тебе мусора говорили? — участливо поинтересовался Валид, когда я наконец вернулся в камеру.

— Да все плохо, брат. Подельники «грузят». Не только меня, но и моего ближайшего партнера сдали, не знаю, что и делать. Пока в отказе.

— Попробуй найти компромисс с мусорами. Надо деньги — отдай деньги. Не хватит — залезь в долги. Никакое лавэ не заменит свободы. А заработать на жизнь, судя по всему, ты всегда сумеешь. Сколько тебе лет, кстати?

— Двадцать один.

— Молодой, да ранний. Как ты вообще до всего этого дошел?

— «Предпринимательский» талант во мне проснулся рано. В пять лет я уже выдавал канифоль за янтарь и обменивал на разные нужные мне вещи: значки, батарейки, рыболовные крючки, патроны, наконечники для стрел. Кому «впаривал»? Да таким же деревенским мальчишкам, как и сам, разве что чуть постарше — они тоже того янтаря в глаза не видели. Позже я собирал цветные металлы — латунные радиаторы, медные провода, старые трансформаторы. Так я заработал свои первые $100. В середине 1990-х вообще стало весело. Сначала все продавали/перепродавали красную ртуть, которой и в природе-то не существует. Затем немецкие швейные машины «Зингер» — прошел слух, что их основание отлито из нацистского золота и для отвода глаз выкрашено в черный цвет. Все кинулись искать эти «Зингеры» и пытаться их перепродать. Я, помнится, нашел три штуки, оставил за одну залог $70, привез скупщику, а этот умник говорит: «Так это ж не “Зингер”, а австрийская “Сингер”. Идиот — “Зингер” на немецком и пишется как Singer». Интересное было время. После этого я целых два месяца работал менеджером на станции техобслуживания у своего отчима, но этот ублюдок мне не заплатил. Так я и занялся криминалом. А ведь мне всего-то и нужно было $200–300 в месяц.

— Когда предприниматель не находит возможности реализовать себя, он становится мошенником, — философски изрек Валид.

— Ну как есть, брат.

— А почему именно в интернет-криминал подался?

— У меня персональный компьютер появился в двенадцать лет — у многих еще только приставки «Денди» были. И Интернет

почти сразу же. Я там как рыба в воде. Знаешь, что такое «вещевой» кардинг?

Чеченец отрицательно помотал головой.

— Раньше интернет-магазинов было мало, и для того, чтобы отовариться в них, достаточно было вбить номер кредитной карты и адрес доставки в простенькую HTML-форму. Как-то раз, году эдак в 1998-м, мы с братом играли в Quake по сети: соединили два компа кабелем через COM-порты, выходили с одного из них в Интернет по модему и делили мощность одного интернет-канала на двоих. Играть надоело — Дима полез на какие-то музыкальные сайты, я читал новости.

— Брат, у тебя «картон» есть? — отвлек меня от чтения Дима.

— У меня-то есть, но зачем тебе?

— Открой файл для общего доступа, а я со своего компа залезу. Хочу альбом один музыкальный прикупить.

— Открыл. На диске D смотри.

— Что такое «картон»? — уточнил Валид.

— Для совершения покупки через Интернет достаточно знать номер карты, срок окончания ее действия, Ф.И.О. владельца и CVV2 — трех- или четырехзначный защитный код, который находится на полосе для подписи на оборотной стороне карты и используется для проверки ее подлинности при оплате через Интернет. В узких кругах это называется «картоном». Попал он мне случайно: кто-то из моих интернет-знакомых искал, где приобрести эти самые кредитные карты, я вызвался помочь и очень быстро нашел его на доске объявлений «Компьютерной газеты». В то время это была самая черная интернет-барахолка в Беларуси. Там не только продавались кредитки, но и происходила купля-продажа украденного по ним товара. Милиция в то время еще пользовалась печатными машинками, да и то далеко не все сотрудники знали, с какой стороны к ней подойти. Мелким оптом «картон» продавали где-то по баксу.

Брат что-то где-то вбил в форму (он английский лучше меня знал), в качестве адреса доставки указал адрес одного нашего общего знакомого, и через неделю фирменный концертный CD Deep Purple оказался у нас в руках. С этого все и началось.

В середине 1990-х еще никто не знал о махинациях с кредитками, а редкие случаи пропажи денег были ошибками магазинов и банков. Поэтому непуганые интернет-магазины охотно принимали несуществующие карточки, номер которых был сгенерирован по тому же алгоритму, что и у настоящих карт. Обман вскрывался только в конце месяца, когда магазины запрашивали у банков перевод денег с карт на оплату товара. Понятно, что денег магазин не получал, так как запрошенных

кредиток просто не существовало в природе. Пока владельцы американских магазинов опомнились и перестали безоглядно выполнять заказы из России и Восточной Европы, многие алчные кардеры успели сколотить состояния.

Конечно, мы понимали, что занимаемся, мягко говоря, не совсем законным делом, поэтому никогда не заказывали товар на свои домашние адреса, а использовали для этого подставных лиц, которых называли дропами (от англ. drop — «бросать»). Находили их в основном среди людей, предрасположенных к алкоголю, а также дальних родственников. Часто их использовали втемную. Для дропов, которые получают в банкоматах наличные с чужих кредиток, американские журналисты придумали название «денежный мул» (money mule, или cash-out mule).

Критериев отбора товара практически не существовало, тащили все, что плохо лежит. В первую очередь, конечно, компьютерные комплектующие, ЖК-мониторы и телевизоры, цифровые фотоаппараты, видеокамеры, ноутбуки и мобильники — то есть очень редкий на постсоветском пространстве и ходовой товар. Наиболее остро стоял вопрос сбыта похищенного — минские фирмы прознали об источниках происхождения товара и наглым образом сбивали цены до 30–40 % от рыночных. Впрочем, и это было выгодно: мы имели налаженный сбыт, компьютерные магазины — свои комиссионные, а потребители не испытывали дефицита в приобретении самой современной и сложной техники.

У многих кардеров были свои «прибитые» таможенники или курьеры из служб UPS, DHL, FedEx и TNT, которые за 10–15 % от инвойсовой стоимости привозили товар прямо к тебе домой. Правда, иногда случались накладки — не всегда получалось заранее сообщить своему человеку номер посылки (tracking number) или нужные люди находились в отпуске. Приходилось брать дропа в охапку и тащиться на таможню самому.

Как-то утром, помню, звонит мне мой дроп Андрей Назаров:

— Серый, привет. Мне тут посылка пришла — извещение о том в почтовый ящик вкинули. Ты что-нибудь заказывал?

— Нет, блин, — это тебе бабушка из Америки подарок прислала. Заказывал, конечно, и много чего. Как бы нам узнать, что именно прислали… Ты на таможню звонил?

— Звонил.

— И что?

— Сказали приезжать в аэропорт «Минск-2» и забирать посылку. И поскорее, иначе через две недели будем платить по $1 в день за хранение.

— Ну так поехали.

— Когда?

— Сейчас. Или тебе деньги не нужны?

— Скажешь тоже, — недовольно проворчал в трубку Назаров. — Через час на автовокзале «Московский», о'кей?

— Договорились.

Вскоре мы уже садились в автобус, следующий до аэропорта «Минск-2». Несмотря на небольшое расстояние (40 километров), ехать туда было больше часа.

— Уважаемый, где здесь таможня? — обратился я к случайному прохожему, когда автобус высадил нас на конечной остановке.

— Аа-а, это вам нужно еще пройти пешком во-о-он в ту сторону.

— Далеко?

— Нет. Километра три.

— Scheisse! — на немецком выругался я.

Делать нечего — закурили и потопали. Вот и таможня. Предъявляем паспорта — аэропорт ведь объект режимный — и получаем временные пропуска. Находим нужное здание. Что тут у нас? Вывески DHL, UPS, Federal Express, курьеры в красивой униформе и фирменные автомобили-фургончики. Вот и кабинеты таможенников. И очередь, как всегда и во всех государственных учреждениях в Советском Союзе. Хорошо хоть небольшая — всего человек десять.

— Скажите, посылки здесь выдают? — Да, здесь. Только сперва нужно документы оформить и, возможно, растаможку оплатить. Где-то одного человека в час оформляют.

— Вот дерьмо! — вполголоса выругался я уже по-русски. — И кто последний?

— А вы частное лицо? — поинтересовалась миловидная, но уставшего вида дама, судя по всему, мелкий офисный клерк.

— Самое что ни на есть, — ответил дроп Андрей.

— Тогда вам в другой кабинет, там раза в два быстрее, — улыбнулась барышня. — Здесь только фирмы.

— Спасибо.

Находим нужную дверь. Ждем, курим. Снова курим. Уже и сигарет почти не осталось, надо будет в следующий раз побольше захватить. Наконец заходим.

— Здравствуйте, нам бы посылку забрать, вот извещение.

— Назаров кто? — задал вопрос усатый таможенник в серой форменной рубашке.

Я вышел из кабинета, Андрей остался. Полчаса его нет, час. Наконец вышел.

— Ну что там? — поинтересовался я у него.

— Одежда какая-то. От Abercrombie&Fitch. Прикольная такая, молодежная. Заказывал? На полштуки баксов…

— Ага. Чего так долго-то? Я думал, тебя уже «приняли».

— Мне тоже так показалось.

— В смысле?!

— Ну я инспектору паспорт отдал, а он мне инвойс — ну бумага какая-то, типа накладной, — читай, мол. Там адрес шопа, его название, список товара, стоимость. Протягиваю руку, чтобы паспорт забрать, а таможенник его резко к себе и в ящик стола спрятал. Я гляжу и не врубаюсь, что происходит. А таможенник прищурился и с хитрым видом мне говорит: «А вы, случайно, не юный хакер?» А я: «Какой же я хакер, у меня даже и компьютера-то нет». Он еще с минуту меня пристально рассматривал, а потом стал бумаги оформлять.

— Не протокол хоть?

— Да нет.

— Зря, конечно, вдвоем к нему заходили. Впредь будем осторожнее. Андрей, а ты откуда знаешь, что там товара на пятьсот баксов? Я хорошо помню, что просил магазин занизить стоимость в инвойсе до $90, чтоб растаможку платить не пришлось.

— Таможенник сказал: «Надо бы переоценку товара сделать — тут его минимум долларов на пятьсот». Но потом передумал. Конец рабочего дня, наверное, пятница — кому охота работать.

— Точно. Человеческий фактор.

— А ты, Серый, где все это время был?

— Сначала курил, что сумасшедший, пока сигареты не закончились. Потом на улицу вышел, бродил по двору, круги нарезал — паранойя, понимаешь, час тебя нету. Потом наткнулся на кое-что интересное.

— Что?

— Не твоего ума дело! Иди-ка лучше за посылкой. Инспектор, наверное, уже все оформил.

— Ладно, жди. Держи сигарету.

Андрей ушел. Меня снова начала долбить «измена» — что стоило таможеннику за время, пока нас не было, вызвать наряд милиции?..

Назаров появился через 20 минут. Довольный и сияющий, с фирменной коробкой DHL в руках.

— Валим отсюда, — потащил я его за рукав.

— И то правда, — ответил мой дроп, и мы покинули территорию таможни.

— Сергей, ну что ты там нашел? — начал канючить Андрей, когда мы уже ехали в автобусе.

— Где там?

— Ну во дворе.

— Аа-а, адреса магазинов. Которые все еще шлют товар в нашу многострадальную Беларусь.

— И что?

— Совсем не врубаешься? — я подивился его тупости. — Хотя да, куда тебе, дроп — он и есть дроп. Во дворе таможни стоят мусорные контейнеры, куда уборщицы выбрасывают пустые коробки от посылок. Теперь догоняешь?

— Не очень.

— На коробках написаны веб-адреса магазинов, которые еще работают с нашей страной. Они сейчас на вес золота.

— Серега, э-э-э, ты что, в помойке рылся?

— Нет, блин, буду покупать один адрес шлющего шопа за $50–100. Хорошо еще, что посылку быстро забрали — люди в очереди говорили, что порой и по два дня приходится за одной посылкой ездить.

Склады временного хранения аэропорта в то время были буквально завалены MP3-плеерами от diamond.com, гитарами, продвинутой бытовой техникой от hammacher.com, металлоискателями, КПК, одеждой и прочим товаром. Таможенники тоже не оставались внакладе — они быстро научились отличать кардерские посылки от обывательских, могли запросто намекнуть дропу о сомнительном происхождении товара и попросить приехать за посылкой через несколько дней. Те, понятное дело, пугались и повторно не приезжали. По существующим правилам таможенники должны были отсылать невостребованный товар назад, но на практике огромное количество наших посылок растворялось в коридорах таможни и уже звонкой монетой оседало в карманах инспекторов.

Нередко посылки приходилось растаможивать. Это случалось, если их стоимость по инвойсу превышала $100. Размер госпошлины составлял 30 % от стоимости для частных лиц и 50 % — для юридических. Причем рассчитывалась эта пошлина не только от цены товара, но и от стоимости доставки. Представляешь, какой абсурд?

Валид беззвучно покачал головой.

— Присылают тебе, допустим, холодильник. Цена по накладной — $90. Стоимость доставки — $300. Значит, растаможка составит $390 x 0,3 = $130. Понятное дело, что многие такие посылки не забирались.

В 1999 году большинство американских интернет-магазинов вообще перестали выполнять заказы из стран СНГ, а те, кто еще работали с нами, стали обращать пристальное внимание на то,

чтобы адрес доставки (shipping address) совпадал с адресом плательщика (billing address). Нередко просили скан обеих сторон кредитной карты, который приходилось рисовать в фотошопе. Огромное значение приобрела и правильная настройка компа, с которого делались заказы, — необходимо было создать полную иллюзию того, что ты действительно богатый Джон Смит из Невады и хочешь купить парочку ноутбуков по «трешке» каждый. Следовало использовать исключительно английскую версию Windows, выставлять часовой пояс, соответствующий стране, из которой делался заказ, магазин могло насторожить даже наличие русского языка для ввода с клавиатуры. Ну сам подумай, какой извращенец станет сидеть под русской «виндой», живя в Америке, да еще с именем John Smith? Аналогично надо было использовать прокси-сервер, чтобы скрыть свой реальный IP-адрес, причем желательно, чтобы IP этого прокси-сервера соответствовал штату, а еще лучше городу владельца карты. Здесь была одна проблема: американосы прекрасно понимали, что если человек зашел под прокси, то ему есть что скрывать. А что можно скрывать? Конечно же, свое реальное местоположение. И будь у тебя прокси, хоть тысячу раз соответствующий нужному штату, тебя пошлют прогуляться лесом. Именно поэтому нужны были socks-proxy, висящие на нестандартном порту, чтобы магазин не заметил подмены реального IP-адреса. Тогда же появился и поныне здравствует отличный сервис 5socks.net.

Следовало также учитывать и человеческий фактор: например, американцы чаще всего совершают покупки в Интернете либо во время обеденного перерыва на работе, либо вечером у себя дома. Соответственно, в эти часы интернет-магазины получают больше всего заявок и у твоего заказа будет меньше шансов привлечь внимание менеджеров. Кроме того, стоило обращать внимание на официальные выходные в той стране, откуда делаешь заказ: заказы, сделанные в праздничные дни, обрабатывались только через несколько дней, и эта задержка могла стать роковой. Все это усложняло и без того нелегкий процесс заказа товаров в американских магазинах. Пришлось брать в руки словарь и начинать «долбить» немецкие, испанские и французские магазины, которые до той поры оставались в девственной чистоте от посягательств кардеров. Я тогда сильно «присел» на аукцион «Сотбис».

На Sotheby's не было мобильников, компьютерных деталей, ноутбуков и фотокамер, зато было много ювелирки, часов известных брендов, живописи и т. п. В форму оплаты на «Сотбис» можно было вбить сразу две кредитки, и если денег не было на одной, аукционный дом автоматом снимал их с другой. Правда, в

стране назначения отсутствовала Беларусь, но я легко решал эту проблему — местом доставки выбиралась Германия, а в поле адреса несколько раз вписывалось Weissrussland, что на немецком и означает Беларусь. В Германии, где был очень крупный узел приема грузов, все знали и слали к нам.

В середине 1999 года мир белорусских кардеров-«вещевиков» узнал о существовании самого большого онлайн-магазина книг и дисков barnesandnoble.com. Он слал компакт-диски, и как слал! Это была просто песня — к началу 2000 года огромный склад, состоящий из многих ангаров, был наполовину забит только посылками с B&N. По всему СНГ стали по бросовым ценам расходиться фирменные диски и подарочные версии Pink Floyd, Eric Clapton, Rolling Stones и Led Zeppelin. А что сталось с магазином, когда он начал продавать первые «читалки» электронных книг e-book! Цена на них в Минске не превышала $100–150 (при их номинальной стоимости $300–400). Потом был найден выход на скупщиков в Москве, и barnesandnoble.com просто «зашился» в наших заказах. Так он слал больше года и, по самым скромным подсчетам, понес убытков где-то на $1,5 млн.

В 2000 году расцвела кража товара таможней и курьерами. Известнейший магазин женского белья VictoriasSecret.com, который слал «Федексом», просто терялся в недрах таможни, каждую третью посылку оставляли себе курьеры. Тот же Abercrombie стал «золотым дном» для DHL — вся таможня была усыпана выпотрошенными посылками от этого магазина модной одежды. Тогда же мне приходилось заказывать пусть и не слишком ходовой, но приятный во всех отношениях товар: отличные швейцарские перочинные ножи Victorinox, бинокли, аппараты для измерения артериального давления, парфюм, дорогую косметику и цветы.

Как-то раз я сильно поссорился с известным белорусским «вещевиком» BuyMicro. Я был не прав, но исправить недоразумение не мог в силу имевшихся финансовых проблем. BuyMicro постоянно названивал мне домой и высказывал угрозы. Поначалу я принимал их серьезно, а потом перестал обращать внимание — собака, которая лает, не кусается. Через месяц я вообще позабыл об этом. Однажды вечером приезжаю из института…

— Тут тебе какие-то цветы привезли, — с порога сообщила мне мама.

— Какие еще цветы? — удивился я.

— Ну на балконе посмотри.

Захожу — точно, букет цветов. Шикарные бордовые розы длиной больше метра — такого красивого и огромного букета я в

жизни не видал.

— Мам, сколько здесь? — я пару раз пробовал пересчитать розы сам, но всякий раз сбивался со счета.

— Странно, но ровно сто…

Действительно странно… четное количество… Что бы это могло значить?

Да ведь на похороны привозят четное количество! — внезапно осенила меня не самая приятная догадка. Итальянские мафиози в качестве предупреждения отправляют посылку с дохлой рыбой, в фильме «Крестный отец» вообще отрезанные лошадиные головы жертвам в постель подкладывали, а мне вот венок… тьфу ты, букет. И кому я уже дорогу перешел?! Кому… А, точно — Баймикро! А ведь он вполне может себе позволить прислать такой букет, от него не убудет. Да-а, встрял Сережа. Надо срочно деньги искать, закрывать наш вопрос и извиняться. Если Баймикро присылает цветы, которые стоят больше, чем я ему должен, страшно даже представить, что может быть дальше.

— Мам, а кто их привез?

— Мужик в униформе — сказал, что курьер, попросил расписаться.

— А упаковка от него где? Бумага, инвойс?

— Сына, ну ты такие вопросы задаешь… Если бы я еще знала, что такое инвойс.

— Ну накладная с описанием товара, его стоимостью, адресом отправителя…

— Упаковку я выбросила, а инвойса точно не было. Только карточка какая-то.

— Какая карточка? Давай ее скорее!

Беру, читаю: With best regards, flowers.com.

Ну слава богу, отлегло. Ведь это я сам еще недели три назад заказал по чужой кредитке эти цветы и уже успел забыть об этом. А магазин выполнил заказ, видать, карточка попалась хорошая. А отчего четное количество цветов? Так это только у русских есть разделение: четное — на похороны, нечетное — по всем остальным поводам, у иностранцев такого нет.

В этом же году мы «нарыли» и корейский веб-шоп digital-digital.com, который продавал DVB-карты для подключения к спутниковому Интернету, и за несколько месяцев разорили его полностью.

В конце года отметились тупые немцы — fototechnika.de вроде бы. Выслали нам цифровых фотиков на 68 тыс. дойчмарок, а когда поняли, что их обманули, сразу обратились в полицию. Через Интерпол все дошло до КГБ, в Администрацию президента, милицию, и в 2001 году, сразу после принятия нового Уголовного

кодекса, начались облавы. Брали как по заявлениям дропов, так и по результатам слежки и прослушки телефонов таможни и курьеров. В неравной борьбе полегло около тридцати кардеров, на каждого заводили по нескольку десятков уголовных дел (одна посылка — одно дело). Дрожали все. Первый приговор по делу о кардинге был вынесен Октябрьским судом Минска 7 июня 2001 года. В стране появились первые осужденные по статье 212 (хищение с использованием компьютерной техники) — братья Макеевы. Осудили их по факту «биллинг равен шиппингу», то есть сразу было понятно, что платили они не сами. Сейчас по этой же статье «грузят» меня. Наказание — от шести до пятнадцати. Вообще с ума сошли — за убийство меньше дают!

Валид Агаев, до того внимательно слушавший, с сочувствием посмотрел на меня.

— А сейчас эта тема еще канает? — спросил он. — У меня много чеченцев по всему миру — в Лондоне, Канаде, США…

— Надо пробовать, Валид. Сейчас даже и не знаю. В 2002 году шопы перестали высылать товар на отличный от биллинга адрес, и убедить магазин, что ты решил сделать подарок племяннику в другой стране, было очень сложно. Конечно, можно было открыть онлайн-доступ к кредитке (называется это enroll) и через сайт банка поменять там billing address (тот адрес, на который банки присылают держателям карт выписки по их картам) на адрес твоего дропа в тех же Штатах, а также зарегистрировать телефон, на который интернет-магазин может позвонить и задать уточняющие вопросы насчет твоего заказа — короче, геморроя много.

— А если там указать какой-нибудь всегда занятый номер? — проявил сообразительность мой собеседник.

— Идея хорошая. Я так и делал — указывал телефоны модемных пулов интернет-провайдеров, шоп думал, что ему отвечает факс, несколько дней пробовал дозвониться и в итоге все же выполнял заказ — магазину ведь тоже надо на что-то жить. Позже появились и профессиональные сервисы по «прозвону», например небезызвестный www.callservice.biz — женским или мужским голосом прозванивали магазины, банки, интернет-казино и всякие другие конторы. Сейчас тоже сидят, кстати.

— Да у вас в стране все сидят, — безрадостно заключил Валид.

— Ну не скажи. До 1999-го в белорусском Уголовном кодексе вообще отсутствовали статьи, по которым можно было привлечь за кардинг, а сотрудничество нашей милиции с Интерполом, Европолом, Секретной службой США, Отделом по борьбе с киберпреступлениями ФБР (IC3) и Службой почтовой инспекции

США было налажено из рук вон плохо. Правда, с принятием соответствующих статей УК появилась нормативная база и белорусский отдел «К» быстро наверстал упущенное.

— Сергей, я вот из всего рассказа не понял только, где вы кредитки чужие берете?

— Да просто все: взламывается какой-нибудь интернет-магазин, уводится база их клиентов, а там вся информация по заказам с данными кредиток.

— Это получается, что в Интернете вообще ничего покупать нельзя? А то еще и мою кредитку уведут…

— Риск, конечно, существует. Поэтому совершай покупки только в крупных интернет-магазинах — их гораздо сложнее взломать и украсть клиентскую базу со всеми номерами карт. А лучше вообще для операций в Сети заведи отдельную карту, например VISA Electron или Maestro, и забрасывай на эту карту-«смертницу» только необходимую для конкретной покупки сумму.

Глава 20
Мир острых углов, или Правила жизни в тюрьме

Это мир не ангелов, а острых углов, в нем люди говорят о моральных принципах, но действуют согласно принципам силы; мир, где мы всегда высоконравственны, а наши враги всегда безнравственны.
Сол Алински

Я находился в тюрьме уже три месяца. За это время я сменил две хаты, и ко мне периодически подсаживали «наседок», некоторые из них по непонятным причинам признавались мне в своей миссии и сообщали, что именно мусора хотят узнать. Эти признания всегда выглядели неожиданными, но нельзя ни на минуту забывать, что в тюрьме и у стен есть уши.

Наш быт отличался редким однообразием. Утром, после завтрака, мы шли на прогулку в тюремный дворик. Впрочем, назвать его двориком можно было лишь с натяжкой — самый большой из них не превышал размером гостиную в типовой советской квартире, а самый маленький был не больше лифта. Толстая металлическая решетка с наброшенной сверху сеткой, положенная на кирпичные перегородки, разделяла небо на равные квадратики, и это небо в клеточку, так же, как и силуэты охранников, застывшие наверху, создавали ощущение тоски и обреченности.

Время от времени мы смотрели телевизор. Когда он надоедал, играли в карты на интерес. Самыми популярными играми были «рамс», «тысяча», «дурак» и преферанс. Игральные карты за небольшую плату приносили менты, либо мы изготавливали их сами. За игру в карты можно было загреметь в ШИЗО (штрафной изолятор), но это никого не пугало. Официально были разрешены только шахматы, шашки, домино и нарды.

— Ты только посмотри на этот контингент, — сокрушался чеченец Валид, разглядывая обитателей нашей камеры. — Люди твоего возраста и младше не знают, кто такие Гитлер и Сталин, про Ленина говорят: «вроде был такой царь», не знают дату начала Великой Отечественной войны и кто написал «Евгения

Онегина», зато без запинки перечислят двадцать марок «хорошего недорого» вина и видов десять наркотиков, которые они пробовали. Послушай, как они говорят: вместо брюк — «бруки», вместо коридор — «калидор», супинатор у них это «ступинатор». А еще «кардон», «квантуз», «интригант», «очки-халимоны» и, это вообще хит, — телефон «нокио». И ведь уверены, что так и надо. Или взять ту же религию — когда они были на воле, о Боге и не помышляли. А теперь у них руки по локоть в крови, но они на себя по пять икон и крестов вешают, целый иконостас прям. Глядя на то, как они веруют в Бога, так и хочется уверовать в черта. Так что не ищи себе друзей в тюрьме, 99 % из наших сокамерников — это волки в овечьей шкуре, лицемеры и приспособленцы. Спросишь любого бывалого арестанта, какое основное правило, помогающее выжить в тюрьме, и он ответит: «Не верь, не бойся, не проси». Все так, но я бы добавил к этому: «Не болтай, не мешай и не спеши». Пойми, это камерная система, и надо обладать железными нервами, чтобы быть приветливым каждый день с одним человеком. Нужно обязательно думать перед тем, как что-то сказать. Лучше помалкивать и казаться дураком, чем открыть рот и окончательно развеять сомнения. Говори мало и строго по делу, тогда каждое твое слово будет емким и к нему станут прислушиваться. Уметь слушать гораздо важнее, чем уметь говорить. Если бы это было не так, Аллах не дал бы нам два уха и один рот. Слишком много людей думают своим ртом вместо того, чтобы слушать и задавать вопросы. Не раскрывай никому своих планов, а то часто бывает, что расскажут в камере типа «в суде все решено, завтра пойду домой», а потом долго удивляются, почему это судью сменили… Не давай поспешных обещаний, вернейший способ сдержать слово — не давать его. Никого не оскорбляй и не унижай, даже тех, кто ниже тебя по статусу. Особенно осторожно выражай сарказм — минутное удовлетворение, полученное от едких слов, может быть перечеркнуто ценой, которую ты за них заплатишь. Говорить не думая — все равно что стрелять не целясь. Вырабатывай способность ко всему относиться отстраненно. Ни под каким видом не позволяй задевать себя. Я видел, как взрослые люди плачут, когда сокамерники, заметив, насколько те зависимы от писем из дома, писали им письма якобы от жены, где было сказано о необходимости расстаться. И сорокалетние мужики плакали, представляешь?

— Жестоко, конечно, — я представил себя на месте получателя такого «письма».

— А вдруг баба действительно такое напишет, и что — вешаться, что ли? — продолжал мой друг. — Слушай анекдот,

вспомнил только что. Солдат получает письмо от любимой девушки. Та пишет, что встретила другого, и просит вернуть ее фотографию. Опечаленный солдат собирает все ненужные фотографии женщин у всего взвода и посылает их с запиской: «Дорогая, к сожалению, я не могу вспомнить, кто из них — ты. Пожалуйста, забери свою фотографию и верни остальные». Вот так нужно действовать. Стань скользким мячиком, который невозможно удержать: никому не показывай своих болевых точек и слабостей. Пресекай всякие попытки разговоров на интимные темы, а то за решеткой хватает умников, которые заводят невинный, на первый взгляд, разговор о том, кто как со своей женой, а потом загоняют тебя в «гарем». В России больше 40 % осужденных подвергались сексуальному насилию в местах заключения. В камере будь как можно незаметнее. Если не знаешь, как поступить в той или иной ситуации, лучше поинтересуйся у более опытных сидельцев. Если их нет в твоей хате, отпиши по централу — люди есть везде. Избегай конфликтных ситуаций, старайся уважать себя, окружающих и сложившийся в хате быт и порядок. Ни в коем случае не лезь в чужую игру на интерес — ни с советами, ни с поправками, ни даже если заметил, что один из игроков мухлюет. Не вступай в тюремные споры. Единственный способ победить в споре — не ввязываться в него. И последнее, Серега: никогда не бери чужие вещи, не спросив предварительно разрешения. В остальном разберешься сам, главное — ничего не бойся и будь самим собой.

* * *

Катя влипла в ужасно неприятную историю: оказалось, что Гриша — тот самый урод, что был со мной в ИВС и которого я просил позвонить Кате, втерся к ней в доверие и под видом того, что его родственник работает на Володарке и может передать мне мобильный телефон, «развел» ее на $3 тыс. Когда же спустя неделю я так и не вышел на связь и Катя потребовала у этого подлеца вернуть деньги и телефон, ублюдок подбросил в ее машину пять граммов «травы» и позвонил куда следует.

— Ну, как дела? — начал издалека невзрачный рыжий следователь Радненок, который как-то раз заменял Макаревича.

— Плохо, но привык. Чем обязан?

— Все молчишь?

— А то.

— А Катя твоя, оказывается, наркоманка…

— В смысле?! — я, как мог, постарался придать своему лицу удивленное выражение, хотя еще вчера узнал о случившемся от адвоката и был в курсе, что вопрос уже решается.

— Да-да, у нее обнаружили наркотики, — ехидничал

Радненок. — А ведь мы бы могли ей помочь, но ты нам ничего не хочешь рассказать…

— Себе лучше помоги, — сквозь зубы процедил я и выдохнул в лицо следаку клуб густого сигаретного дыма. — Бог не фраер — он все видит!

Против Катерины завели уголовное дело по статье 328 УК РБ, предусматривавшей, между прочим, от двух до пяти лет лишения свободы, продержали ее пару дней в ИВС, и если бы не связи наших друзей и ее полная невиновность, дело могло закончиться очень плохо. Стоило огромного труда прекратить это дело и добиться возбуждения его в отношении того, кто подбросил ей наркотики.

Глава 21
Новый год

Расследование моего дела шло своим чередом. Катерина постоянно поддерживала меня, присылая порой по нескольку писем в день. Она же взяла на себя всю организацию для меня передач и всю работу с адвокатами. Следователь предоставил нам двухчасовое свидание, на котором от нее впервые прозвучало, что мы могли бы пожениться, но ни она, ни я не хотели делать этого, пока я нахожусь в СИЗО. Было решено дождаться мало-мальской определенности, а уже потом думать о бракосочетании.

Моя мать тем временем пыталась оформить развод со своим мужем-алкоголиком, но тот отчаянно сопротивлялся и не давал ей развода.

— А что за гусь этот Новиков? — спросил однажды Макаревич во время нашей очередной встречи.

— Какой Новиков?! — я не сразу сообразил, о ком идет речь.

— Да отчим твой.

— Аа-а, этот недоразвитый… А что такое?

— Да звонил мне как-то, примерно через неделю после твоего ареста. Сам меня нашел — я ж его знать не знаю. Представился и сказал, что может предоставить какие-то улики против тебя и все такое. Я отправил к нему опергруппу, те приехали к вам за город — неблизкий свет, а этот Новиков пьяный, еле языком ворочает. Сунул моим операм дискету какую-то «со следами твоих преступлений». Размагниченную, как позже в отделе выяснилось.

— Да мразь редкая. Матери моей всю жизнь испортил, теперь вот и мне пытается…

— Кто ищет, тот найдет, — непонятно к чему произнес Макаревич.

— Это ты о чем?

— Рано или поздно все свое находят. Это он тебя чекистам сдал…

— Что?! — я не поверил собственным ушам.

— Ну а как, ты думаешь, мы на тебя вышли? Батюк с Воропаевым проплати… Нет, лучше по-другому: ваше дело было приостановлено в связи с тем, что ты скрылся и был объявлен в розыск, и лежало в самом дальнем сейфе. Ты возвращаешься из Украины, уже полгода зависаешь в Минске, постоянно на виду — клубы-рестораны, и только через полгода тебя берут. Никогда не задумывался, почему так? А ведь мы практически сразу узнали о твоем возвращении в Беларусь.

Чем больше Макаревич рассказывал, тем отчетливее в моей голове складывался пасьянс из на первый взгляд незначительных, но неотвратимых событий, приведших в итоге к моему аресту.

— И не сидел бы ты сейчас здесь, если бы твой отчим не поехал в КГБ и не настучал, что ты, находясь во всевозможных розысках, преспокойно живешь в Минске и ни от кого не прячешься, — продолжил следователь.

Ага, это объясняет, почему при задержании вместе с мусорами присутствовал кагэбэшник, — положил я еще один пазл в общую картину.

— За что он с тобой так? — отвлек меня от размышлений больше риторический вопрос Макаревича.

За что… А действительно, ЗА ЧТО?! Я не находил логичного ответа на данный вопрос, но вслух сказал:

— Источник всех своих проблем и ссор с моей матерью Новиков видел не в своих бесконечных запоях и рукоприкладстве, а во мне. Типа я мать настраиваю против него. Шизофреник чертов. Он в армии в разведке служил. На Дальнем Востоке. Там и спился.

Ну и как объяснить, что не прошло и недели после моего разговора с Макаром, как мой несостоявшийся папаша сменил прописку на соседнюю в прямом смысле хату? Не имея за свои пятьдесят ни малейших проблем с законом, он сел за убийство. Ну, как я уже говорил, бог не фраер…

— Давай заберем его к себе в хату, — уговаривал я Фила. — Поговори с мусорами, я пять «листов» заплачу. А там посмотрим, что с ним делать.

Филонов записался на прием к оперативнику.

— Не получится, Серый, у нас забрать его, — сказал он мне через час. — Видно, опасаясь расплаты за свои грехи, твой отчим уже с порога написал заявление на имя начальника тюрьмы, где просил ни в коем случае не переводить его к тебе.

А жаль.

За убийство человека Новиков получил всего девять лет, из которых отсидел только четыре с половиной.

Менты, желая лишить меня малейшей возможности «сорваться», разбили дело на отдельные производства: эпизоды шопинга с Пашей и Степой — в одно, а все, что связано с продажей дампов, — в другое, что предполагало вынесение двух приговоров с последующим сложением сроков. Быть может, это имело и другую подоплеку, так как к моей маме приезжал Вова Боянков, который когда-то был моим подельником, но как-то подозрительно быстро стал всего лишь свидетелем, и предложил за взятку в $30–40 тыс. решить вопрос о прекращении моего

второго дела. Мама, предупрежденная мной на случай возникновения подобных ситуаций и наученная горькой историей, произошедшей с Катей, записала все его предложения на диктофон и отклонила. Было это попыткой Баяна срубить денег по-быстрому либо же он действовал в сговоре с ментами из отдела «К», осталось за кадром.

В канун Нового года, 31 декабря, Андрей Филонов отозвал меня в сторонку с видом заговорщика.

— Курить будешь? — спросил он у меня.

— Спасибо, у меня есть, — я достал из кармана пачку красного Marlboro.

— Да не сигареты — травы покурим, сегодня зашла, — Фил разжал кулак и продемонстрировал несколько шишек. — Сканк, голландская, пробовал?

— Нет, блин, я в лесу родился. Слышь, откуда она?

— Достать в тюрьме любые наркотики не проблема, были бы деньги.

— Когда будем? — я понизил голос до шепота.

— Да хоть сейчас.

— Может, позже — вдруг меня еще на кабинеты дернут? — сам не знаю, отчего сопротивлялся я.

— Да не переживай ты, сейчас шесть вечера, кто к тебе придет? Адвокат ведь сегодня уже была…

— Ну ладно, — дал я себя уговорить.

Приготовления заняли около часа. Фил достал курительную трубку, специальный ершик и стал очищать ее от табачной смолы. Я взял наперсток — весь черный от нагара, пропитанный характерным запахом — видно, через него уже не раз курили, иголку и стал прочищать отверстия наперстка. Потом мы завесили большими полотенцами наш ходок — четверо нар в дальнем конце хаты, возле окна, где мы спали, собрались компанией — я, Батон, Фил, Славик-домушник, еще пару нормальных пацанов…

— Валид, ты с нами?

— Благодарю, парни, я не по этим делам. У меня еще сегодня молитва. Да и апельсины с водкой зашли, я лучше по алкоголю, — уверенно отказался чеченец.

— Ну как знаешь, захочешь — присоединяйся. Травы навалом, — сказал Дима Батон.

— Значит, так, пацаны, — начал Фил напутственную речь. — Трава убойная — прошу не «борщить». Многие до вас думали, что уже попробовали в этой жизни все, спросишь его: «Курил раньше?» А он: «Да с малых лет, меня уже даже не берет» — а потом два «напаса», пару вопросов, и он уже готов назвать номера

всех своих счетов с миллионами или из хаты выламывается. В этом деле лучше недобрать, чем перебрать. Сделал затяжку — подожди две минуты, пропусти круг, почувствуй «приход». Все должны быть приблизительно в одинаковом эмоциональном состоянии, иначе не будем понимать прикол и друг друга. Если мало — позже догонимся.

— Братан, может, хватит? — остановил Фила Батон. — Здесь все курили, — он обвел рукой собравшихся, — причем, как я понимаю, — он пристально посмотрел на каждого в отдельности, — не маляры, а художники.

И понеслось. Затяжка — следующий — передохнем, пацаны. Ну что, всех вставило? Да-а, то, что надо. Хороша, чертовка! Анекдоты, веселые и не очень истории из жизни.

Поболтали, посмеялись. Вспомнили вольную жизнь. Повторили. Меня «накрыло» так, что я не то что встать со шконки, я слово «мама» с трудом выговаривал.

Стук в «кормушку».

— Мужики, кто там? — крикнул в дальний конец хаты Дима Батон.

— Павлович, — послышалось через несколько минут.

— Блин, Серый, тебя, — сказал Дима. — Иди на кабинеты.

— Вот черт! Как чувствовал, что не стоит курить.

— Ты, главное, не грузись, — советовал мне Фил. — Ничего страшного не произошло. Веди себя естественно. Если адвокат, так она и не чухнет.

— П-п-постараюсь.

— Удачи.

Я с трудом переоделся, взял с собой какие-то документы по делу, ручку, еще что-то.

— Ну что, готов? — послышалось из-за двери.

— Да погоди ты, старшой. Две минуты, — я оттягивал время.

— Серый, иди помой лицо холодной водой, — подошел ко мне Валид. — Попустит.

Вывели за дверь. Ноги ватные, идти не хотят, каждое движение дается с трудом. И рой мыслей в голове: кто бы это мог быть? Адвокат? Так ведь была уже. Следак? Маловероятно, 31-е число, вечер — он уже, поди, дома, оливье нарезает. Ладно, дойти бы до тех кабинетов для начала, а там разберемся. «Не волнуйся, Сережа, веди себя естественно», — всю дорогу повторял я про себя.

Тюрьма будто вымерла. В это время уже темно, на продолах включено только дежурное «ночное» освещение, а все арестанты, скорее всего, готовятся к встрече Нового года — нет-нет, да из-за дверей, к которым мы порой подходим слишком близко,

раздается дружный смех. Четвертый этаж, третий, второй, первый, снова второй — все так медленно и длинно — наверное, на Голгофу путь был короче.

— Старшой, какой номер кабинета? — интересуюсь у контролера, надеясь получить подсказку: четная сторона была для адвокатов, нечетная — для следователей.

Молчит старшина. Как рыба об лед. Может, глухой? Сердце стучит так сильно, что, кажется, сейчас разобьется о внутреннюю сторону ребер. Заводят в «стакан» метр на метр, где обычно после ухода адвокатов и следователей ожидаешь, пока тебя отведут обратно в хату.

— Э-эй, старшой, да скажи ты номер кабинета, — бешено стучу я в дверь «стакана».

— Да погоди ты, сейчас вызовут, — раздался недовольный ответ.

Куда вызовут, кто вызовет? Опять рой гудящих пчел-мыслей. Так-так-так… Если адвокат, то сразу бы в кабинет отвели. Если следователь — та же картина. Значит, не они. Тогда кто?! И тут меня осеняет — «кум»! Что ж ему от меня надо? Видать, какая-то сука уже сдала, что мы траву курили… Да, точно, «кум». Что же он будет спрашивать?! В моей голове закружился водоворот возможных вопросов и ответов: если спросит это — отвечу так, а спросит то — отвечу по-другому. Ааа, мамочки, и чего ж так не везет? Зачем я курил?! Хоть бы не раскрутили, не хватало мне еще только «триста двадцать восьмой»… А вдруг это все в хате специально замутили? Писала же мне Катя: «В тюрьме никому верить нельзя», да и Валид же говорил… И как потом ей и маме в глаза смотреть?! Блин, ну вот зачем я курил?!

Лязг замка. — Павлович, на выход. — Куда? — Прямо по коридору.

В этой части тюрьмы я еще не был. Длинный коридор метров в десять и прямоугольники одинаково неприветливых, обитых черным дерматином дверей по обеим сторонам. Как в ОГПУ, или, как там, НКВД, — неизвестно, когда вернешься домой…

Иду осторожно, выверяю каждый шаг — попробуй угадай, за какой из дверей тебя ждут. Глаза в пол опустил, чтоб никто не «выкупил», что накуренный. Неожиданно третья справа дверь плавно открылась.

— Заходи.

Когда-то лакированный стол. Стул. Полумрак, верхнего освещения нет. И два мента — тучный капитан с лоснящейся мордой и сопливый лейтенантик лет двадцати трех.

— Присаживайся, — капитан показал мне на обшарпанный стул.

Лампа прямо в лицо. Настольная. Черт, ну ведь точно «выкупят», что накурен в хлам. Если бы не лампа, то еще ничего. А так…

— Как дела, Сергей? — начал капитан.

— Н-нормально, — стараюсь придать твердость голосу и справиться с волнением.

— Догадываешься, зачем позвал?

— Никоим образом (догадываюсь, конечно, ведь сдали ж. Нет, ну вот зачем я курил?..).

— Из прокуратуры запрос пришел, я должен тебя допросить, — начал приоткрывать завесу тайны капитан. — Взятку гаишникам давал?

— Какую взятку?!

— Да мне все равно, я ж не следователь. Я допрошу и отправлю твои ответы, а прокурор уже будет решать вопрос о возбуждении уголовного дела.

— Ну о'кей, я готов, спрашивайте.

— …числа сего года, когда тебя остановили на трассе Минск — Гомель, ты прошел в служебный автомобиль сотрудников ГАИ… Как они выглядели?.. Кто именно?..

Блин, пока он спрашивает, я уже начало вопроса забываю. Что-то трава не попускает. Убойная штука.

— Дайте я сам прочту, — пытаюсь выхватить у опера листы с вопросами.

— Эй, стой! — запротестовал кум. — Тебе нельзя это читать. Это я тебе должен их задавать.

— Ну давайте, только быстрее — Новый год скоро, я устал за день с этими следаками, адвокатами, а теперь еще и с прокурорами.

— Ну ладно, иди. Тебе сообщат из прокуратуры, если дело заведут. Может, и пронесет. Ничего особо криминального я здесь не увидел.

— Дай-то бог.

— В хате все нормально? — не отпускал «кум».

— Нормально. Хата хорошая, пацаны тоже. «И вообще, — подумал я про себя, — я люблю весь мир, только отпусти меня уже отсюда поскорей».

— Посотрудничать со мной не желаешь?

— В смысле?

— В прямом, — подключился к разговору молодой лейтенант, — рассказывать все, что происходит в камере.

— Не хочу.

— Ладно, иди, — наконец разрешил капитан.

Ух, пронесло. Завели обратно в хату.

— Ну что там? — поинтересовался Фил.

— Да у «кума» был, прокуратура поручила ему меня допросить. Экстрим, блин. Я уже все силы небесные вспомнил.

Ближе к отбою зашел корпусной Саша Рубин, который проводит утреннюю и вечернюю проверку — все ли на месте.

— Мужики, с Новым годом вас. Всем скорейшего освобождения.

— Спасибо. И вам желаем хорошо встретить, — нестройным хором ответили мы.

Простое человеческое внимание. Всего восемь слов, но не ожидаешь их в этих стенах, и оттого теплее вдвойне.

— Серый, пойдем дунем, — тащил меня за рукав Славик Белоскурский.

— Э-э-э, нет. Мне достаточно, — я наотрез отказался. — Я лучше с Валидом по апельсинам.

— Ну как хочешь.

Больше я не курил. Мы зажгли свечи. Откуда-то появилась хвойная лапка. Запах из детства. И каждый, вероятно, думал о том, что дома ждут, что дома очаг, семья, мандарины под елкой и шампанское на столах. Дети, жены, матери и близкие…

Новый год в тюрьме — в этом есть что-то противоестественное, неправильное. Для меня первый, для кого-то десятый, для иных — двадцатый. Сколько их еще будет?.. Грустно. На глазах слезы. И через расстояние чувствуешь тепло тех, кто ждет тебя дома…

В январе Валида Агаева перевели в другую хату. Причина? Он в открытую покровительствовал мне, что не могло понравиться Филу, который хотел извлечь из общения со мной определенную выгоду для себя. Валид не особо расстроился — со дня на день его должны были экстрадировать в Россию — и периодически писал мне «малявы» с другого корпуса.

Через пару недель его и Казбека действительно увезли в Москву, и они находились в фээсбэшном следственном изоляторе Лефортово. Я несколько раз звонил ему на мобильник, делился своими скудными новостями, а Валид рассказывал о себе.

— Убийство Хлебникова мне уже не шьют, — радостно кричал он в трубку. — Обвинили только в организации похищения с целью выкупа дагестанского бизнесмена Ахмед-Паши Алиева. Я его у чекистов перекупил, которым тот задолжал $300 тыс. Что? Да не потому, что я такой добрый, — просто из-за отсутствия Алиева могла сорваться одна очень крупная сделка, в которой я участвовал. Да все нормально, брат, вопрос и здесь решается, и, скорее всего, до суда дойдет только обвинение по статье 222 УК РФ (незаконное приобретение, передача, сбыт,

хранение, перевозка или ношение оружия) — за то, что принес в квартиру одного земляка сумку с тремя пистолетами, двумя гранатами и патронами, — на мажорной ноте закончил Агаев.

Мне до сих пор неизвестно, кто убил Пола Хлебникова — были это Агаев с Дукузовым или кто-то еще. Впрочем, я и не хочу это знать. Но в чем я абсолютно убежден — так это в том, что, пока в России не прекратят убивать журналистов, ни Путин, ни тем более Медведев никогда не построят нормального государства.

Глава 22
Дилемма заключенного

В суд я поехал с обвинением по части 4 статьи 212 УК РБ, предполагав- 212 УК РБ, предполагав-212 УК РБ, предполагавшей от шести до пятнадцати лет лишения свободы.

Каждый выезд в суд — это серьезное испытание для нервной системы. Будят рано — около пяти, но, как правило, ты и сам в это время уже не спишь — шутка ли, завтра предстоят серьезные испытания, встреча с неизвестностью, а также с родными, поэтому можно и всю ночь не сомкнуть глаз. Наскоро умываешься, одеваешься, пытаешься унять дрожь — то ли от холода, то ли от волнения, завтракаешь через силу, ждешь неизбежного «Павлович, с вещами!» за дверью, в одну руку матрас (перед каждым выездом в суд сдаешь его на склад, чтобы вечером получить обратно, и отговорки типа «У меня ж еще двадцать судебных заседаний впереди, я вернусь в эту камеру» не канают), в другую — скромную пластиковую папку с документами по делу и вместе с двадцатью-тридцатью такими же «счастливчиками» попадаешь в «отстойник».

С «отстойника» в тюрьме все начинается, им же и заканчивается. Полпачки выкуренных сигарет, пару часов ожидания, скудные тюремные новости (кому сколько дали), однообразные бессмысленные разговоры или разгадывание сканвордов. Если сильно повезет, можно словиться и со своими подельниками.

— Привет, Паша, — офигел я от неожиданности, уже при первом выезде в суд завидев Пашу Воропаева.

— Здорово, Серега, — он выглядел побледневшим и осунувшимся.

— Я два раза отправлял «малявы» по всему централу, искал тебя, но тщетно.

— А у меня хата нерабочая, — пояснил Воропаев, — семь-шесть, в торце старого корпуса. Над нами 100-я, «коммерс-хата», а кроме них сработаться и не с кем. Через легавых тоже не вариант — «малява» запросто попадет на стол к «куму».

— Ну как ты в целом поживаешь?

— Привык, — безразличным голосом ответил Павел.

— Что думаешь?

— Даже боюсь загадывать, а ты?

— Паша, у нас статья до «пятнашки» — нам нет смысла топить друг друга. Есть же Боянков, другие действующие лица —

на них и выедем. Ты слышал когда-нибудь о дилемме заключенного?

— Нет, а должен был?

— Вообще-то любому преступнику знать ее не помешает. Значит, в 1950 году Мелвин Дрешер и Меррил Флад обнаружили так называемую дилемму заключенного. Вот ее суть: двое подозреваемых арестованы перед банком и содержатся в разных камерах. Чтобы заставить их признаться в планировавшемся ограблении, полицейские делают им предложение. Если ни один из них не заговорит, обоим дадут по два года тюрьмы. Если один выдаст другого, а тот не заговорит, то тот, кто выдал, будет освобожден, а тому, кто не признался, дадут пять лет. Если оба выдадут друг друга, оба получат по четыре года. Каждый знает, что другому сделали такое же предложение. Что происходит дальше? Оба думают: «Я уверен, что другой расколется. Он меня выдаст, я получу пять лет, а его освободят. Это несправедливо». Таким образом, оба приходят к одинаковому выводу: «Напротив, если я его выдам, я, возможно, буду свободным. Незачем страдать обоим, если хотя бы один может выйти отсюда». В действительности в подобной ситуации большинство людей выдавали друг друга. Учитывая, что сообщник поступил точно так же, оба получали по четыре года. В то же время, если бы они как следует подумали, они бы молчали и получили только по два года. Еще более странно следующее: если повторить опыт и дать подельникам возможность посовещаться, результат остается таким же. Двое, даже выработав вместе общую стратегию поведения, в конце концов предают друг друга.

— Ну и что?

— Как что?! Ключевая фраза здесь: «Если бы они как следует подумали, они бы получили только по два года», — а вы со Степаном уже на два срока наговорили. Так что давайте хотя бы в суде придерживаться единой версии. Идет?

— Ну хорошо, — как-то подозрительно легко согласился Воропаев.

Около 8:00 приезжают автозаки. Точку в любом уголовном деле ставит суд, и хотя твою вину еще никто не доказал, ты уже априори виновен — даже далеких от тюрьмы людей, например по неосторожности совершивших наезд на пешехода, на суд возят в наручниках. Женщинам — спереди, мужчинам — сзади.

Металлический лязг: «Воропаев, на выход!»

— Паша-а-а, помни, о чем мы договорились! — кричу я вдогонку.

Отдельного упоминания заслуживают автозаки — металлические «гробы» на колесах, в которых перевозят

заключенных. Открой пенитенциарные правила любой европейской страны и обязательно увидишь там примерно следующее: «Запрещено транспортировать заключенных в плохо вентилируемых и освещенных транспортных средствах или условиях, причиняющих им излишние физические страдания или унижающих их». А у нас что? Машина класса ГАЗ, или «газель», без окон, разделена на три отсека: кабина водителя, отсек для конвоиров и узкие «стаканы» для раздельной транспортировки заключенных, проходящих по одним уголовным делам, а также общая клетка — около 6 м, в которую иногда набивают и до двадцати человек. Почти без света, чьи-то руки — ноги — головы — локти — колени — как селедки в банке, не иначе. И наручники на каждом ухабе еще сильнее зажимаются…

Привезли в суд. Завели через черный ход. Снова «отстойник», на этот раз поменьше — для одного-двух человек. Если повезет и никого не подселят, можно неплохо скоротать ожидание. Какое? Случается так, что в суд привозят к девяти, а в зал судебных заседаний поднимают лишь к четырем, и то не факт. Бывает, что с утра послушают десять минут, а потом «вымораживаешь» до пяти, и большая удача, если в обед тебя заберет конвой из соседнего районного суда. А бывает… вот как у Батона однажды случилось:

— Блин, пацаны, что сейчас было… — вернувшись из суда, начал Дима.

— Что?

— Привезли из суда — ведут в самый дальний «отстойник». Пару часов «висим» там, все как обычно. Вот уже и по хатам пора поднимать, но за нами все не идут, только за дверью возня какая-то. Через десять минут открыли «тормоза», а за ними — все черным-черно. От масок.

— Каких еще на фиг, масок? — поинтересовался коммерсант Боря Чуносов.

— Да «маски-шоу», — Батон зло сплюнул. — Милицейское спецподразделение «Алмаз». Всех, кто был в «отстойнике», пропустили через строй их дубинок.

— Что ж это происходит?! Бьют ни за что ни про что средь бела дня, — недоумевал я. — XXI век все же на дворе…

— Это во всем мире XXI век, а здесь же Бе-ло-рус-си-я, — по слогам произнес Дима, русский по национальности. — Скоро будут судить банду Морозова — ОПГ из Гомеля, там около пятидесяти обвиняемых. Прямо в СИЗО судить будут. Менты рассказывали, что в актовом зале огромную клетку сооружают. Вот «Алмаз» и тренируется — на месте, так сказать, будущих событий.

— Д-а-а, блин, дела…

Две недели после этого весь централ били изо дня в день. Заходили во время просчетов, в основном вечерних — малейший шепот или, не дай бог, косой взгляд в их сторону — и вся хата убита в кровь. Просто так. На ком еще тренировать жестокость, как не на бесправных заключенных?..

В другой раз Батона привезли в суд — статья от трех до двенадцати. Иск в $300 тыс. и трое малолетних детей. «Вину признаете?» — «Нет». — «Прошу назначить наказание в виде двенадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества». Приговор — через месяц. Перед ним — бессонная ночь, и не одна. Утром заказали с вещами. Завтрак на скорую руку, пачка крепких Marlboro, «отстойник», ожидание. Час, два, три. Всех уже увезли. «Эй, а как же я?» — «Жди, приедут и за тобой». Ждет. До пяти вечера. Подняли в хату.

— Димон, ну сколько привез?

— Нисколько.

— Где ж ты весь день шлялся?

— На «сборке» просидел, даже до суда не довезли.

— Да уж… Может, и к лучшему, дали б «десятку».

— И не говори.

— Когда в следующий раз?

— Через месяц опять.

— Держись, братуха.

Спустя месяц томительного ожидания Батона все-таки довезли до суда. Опять «отстойник», на сей раз в суде, ожидание… В зал так и не подняли.

— Дима, ну что?

— Ничего, все повторилось. В «стакане» день просидел. Детей бы хоть пожалели.

— Эти пожалеют, как же…

И только через три месяца, когда его нервы стали окончательно сдавать, Батону объявили приговор — восемь. Строгого. С конфискацией. И трое малолетних детей…

Когда в первый раз в жизни едешь в суд, не по себе от мысли, как будут смотреть на тебя друзья, родные и близкие. Стыдно, что ли, как-то и неуютно. И дрожь по всему телу от волнения.

Вводят в зал: клетка, конвоиры, казенная мебель, яркий дневной свет, от которого уже успел отвыкнуть, семья и близкие друзья. Взгляды у всех теплые, ласковые, сочувствующие — ни одного осуждающего, зря я переживал. Сидишь, как зверь в клетке, и некому тебе помочь — даже адвокат от тебя черт знает где сидит, хотя даже в той же России защитник находится рядом с тобой и может подсказывать и советовать.

«Паша-а-а, помни, о чем мы договорились!» — А он все равно

несет то же, что и раньше. Правы были Дрешер и Флад. Я шел на процессе «паровозом» — то есть главным обвиняемым по делу. Прокурор не увидел доказательств по части предъявленных эпизодов и переквалифицировал обвинение на часть 3 статьи 212 (от трех до десяти). Ну слава богу — уже полегче. Запрос: Батюку и Воропаеву — по три года, Павловичу, как организатору, — три с половиной. Вообще отлично! Приговор — на следующий день. Ночь без сна, красные глаза, кофе, сигареты, нервы ни к черту. Судья зачитывает нарочито медленно: «Назначить наказание… Батюку и Воропаеву… в виде трех лет… ОГРАНИЧЕНИЯ свободы… Павловичу… в виде пяти лет… ЛИШЕНИЯ свободы с отбыванием наказания в колонии усиленного режима… применить к Павловичу… дополнительное наказание в виде конфискации имущества…»

Глава 23
Компромисс

— Что за дела? — спрашивал я у своего адвоката на следующее утро. — Почему мне столько дали?! После запроса в три с половиной я ожидал три, ну максимум три с половиной. А тут пять!.. Дали больше, чем просила прокуратура… Это что такое вообще?

— Сергей, послушай. Ты, конечно, можешь нанять себе другого адвоката, это нормально. Но я сделала все, что в моих силах, — оправдывалась Нестерович. — Пойми, если бы тебе дали три — с большой долей вероятности последовал бы прокурорский протест, смена состава суда и приговор лет в восемь. А так дали больше, чем просил гособвинитель, а значит, и оснований для протеста нет.

Я не знал, сколько было в ее словах правды, а сколько вымысла, но определенная логика, надо признать, была.

— Ладно, работаем дальше. Коней на переправе не меняют, — сменил я гнев на милость.

При задержании мусора украли все, что находилось в моей машине: очки Chanel, диодный фонарик, туалетную воду Trussardi Python, дисконтные карты в лучшие рестораны города, дверную ручку для «мерседеса» и брюки Etro, всего на сумму примерно $2 тыс. — на- тыс. — на-тыс. — наверное, вид дорогих вещей, окружавших меня, сильно поразил их скудное воображение, да так, что они не остановились даже перед кражей полупустого парфюма. Помимо этого, в моем ноутбуке было около двух сотен дампов с PIN-кодами и около $3 тыс. в Webmoney и e-gold. Где это все сейчас? Одному богу известно — наши ноутбуки, стоимостью по $3 тыс. каждый, по решению суда уничтожены…

Через неделю вышла амнистия, и мой срок сократили на год.

Тут же было возобновлено расследование второго дела в отношении меня, касающегося продажи дампов и деятельности моего форума DumpsMarket. Следователь Макаревич, действуя в рамках своих полномочий, предложил мне компромисс: торговля дампами, в зависимости от некоторых обстоятельств, могла квалифицироваться как статьей 212 УК РБ, так и намного более мягкой статьей 222 (от трех до десяти лет).

— Короче, слушай мое предложение, — без прелюдий начал Макар. — Твои ноутбуки у нас. Что в них — тебе отлично известно. Полное доказательство твоей вины — лишь вопрос времени. Но мне не хочется перечитывать десятки тысяч страниц

твоей переписки с клиентами, рассылать множество запросов о правовой помощи в разные страны и формировать устойчивую доказательную базу. Дело твое мне уже неинтересно — у тебя и так «пятерка» в кармане.

— Ну хорошо, в чем конкретно заключается предложение?

— Я могу подогнать твои действия под статью 222 — пособничество в изготовлении поддельных кредитных карт, она от трех до десяти, интересует?

— Спрашиваешь!..

— Вдобавок в сопроводительной записке для прокурора я укажу, что ты оказал неоценимую помощь следствию, вывел на след целого преступного синдиката, и попрошу применить статью 69 УК РБ — больше пяти тебе не дадут. Соглашайся.

— Александр Валерьевич, но ведь 69-я предполагает, что я должен сдавать подельников…

— А они у тебя есть?! Ты ж вроде один работал — поумнел, что ли, после прошлой «делюги»… В общем, думай, я не тороплю. Посоветуйся с адвокатом, она женщина опытная, и если да, то я приготовлю список вопросов, вы недельку подумаете над ответами, потом ты полностью признаешь вину, я провожу один-единственный допрос, парочку формальных экспертиз и закрываю дело.

— Хорошо, я подумаю.

Я выглянул в окно. За ним стояла весна 2005 года, у меня было приподнятое настроение, да и предложение следователя было более чем заманчивым.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь? — спросила адвокат после ухода Макаревича.

— Очень заманчиво. Но рискованно — вдруг он обманет? Вы же сами мне говорили: «Мусорам веры нет — в 99 случаях из 100 они блефуют».

— Говорила, помню. Но здесь немного другое. Следак открыл карты. Ты ведь понимаешь, что в случае отказа доказательства твоей вины он все равно соберет? Я думаю, можно рискнуть.

Так мы и поступили. Правда, поскольку никаких осязаемых гарантий, кроме своего слова, Макаревич не дал, мне пришлось изрядно понервничать в период между дачей признательных показаний и предъявлением окончательного обвинения.

— Давай теперь юридическую сторону предложения Макаревича рассмотрим, — предложила Галина Аркадьевна после того, как я сообщил следователю, что готов признать вину. — Вот в чем разница между 212-й и 222-й?

— Ну смотрите: если я тупо продал готовую карточку или дамп, то это изготовление поддельных платежных карт, а если

взял эту кредитку и что-то купил в магазине ну или в банкомате снял — то это уже хищение с использованием компьютерной техники, статья 212-я.

— А в реальности ты что с дампами делал?

— Продавал.

— Для чего?

— Как для чего?! Мои клиенты брали дампы, записывали их на «пластик», готовые карты раздавали своим дропам, и те скупали товар в магазинах по всему миру.

— То есть ты знал о том, что покупатели твоих дампов в конечном счете станут использовать их для хищения товаров в магазинах?

— Конечно, знал.

— Нет, дорогой мой, ты «не знал».

— ?..

— Очень просто, — видя, что я не «догоняю», начала объяснять Галина Аркадьевна. — Если ты знал, что с помощью твоих дампов будут совершать хищения, то у тебя все равно будет 212-я — как пособничество в хищении путем использования компьютерной техники. И если не следак, то прокурор на суде на нее точно переквалифицирует. Поэтому на допросе ты говоришь что?

— Ну типа: «Дампы я продавал через Интернет. Мне было известно, что мои покупатели, в свою очередь, перепродавали их дальше более мелкими партиями. Это своеобразный бизнес. О том, что проданные мной дампы запишут на пластиковые карточки и будут с их помощью совершать покупки в магазинах, я даже не предполагал, так как для изготовления карт требуется дорогостоящее оборудование, которого у моих клиентов — насколько мне известно с их слов — не было. Я пребывал в уверенности, что дампы у меня приобретались в целях дальнейшей перепродажи».

— Вот и умница — имеешь статью 222. Давай теперь вернемся к тексту обвинения. Объясни мне своими словами, в чем тебя обвиняют.

— Изготовил двадцать штук белого «пластика» с PIN-кодами и передал их Сапрыкину — но это ерунда, я в суде докажу, что Илья Сапрыкин наглым образом врет. А будет стоять на своем — этот болван может, — так и его за собой потащу. Обвиняют также в создании интернет-форума DumpsMarket, где происходило общение лиц, занимающихся хищениями денег с чужих кредитных карточек, и в продаже посредством форума дампов без «пинов», что причинило экономике США ущерб на сумму более $15 млн.

— То, что ты создал DumpsMarket, соответствует действительности?

— Да, здесь Макаревич ничего не отнял и не прибавил.

— Когда ты его создал?

Когда?..

* * *

Осень 2003-го застала меня в Киеве. Дампы, а равно и деньги, были постоянно. Конечно, порой случались перебои с дампами определенных стран, и тогда их приходилось покупать у Gabrik, Auger (сменившего ник на Twilight) и KLYKVA. Все они были серьезными взрослыми людьми, на ценовую политику Габрика я мог влиять через Scorpo — брата Nicron, а с KLYKVA, как и с другими участниками Boa Factory, у меня вообще никогда проблем не возникало.

Следует отметить, что в это время сфера торговли дампами на всех кардерских форумах де-факто была монополизирована их владельцами, и привлечение новых покупателей превращалось в проблему. Именно тогда мне и пришла идея создания собственного форума, который я назвал DumpsMarket (рынок дампов). Вначале он размещался в доменных зонах. com и. net, но конкуренты разослали миллионы спам-сообщений вида:

> «Добро пожаловать на dumpsmarket.com — сайт с украденными кредитными карточками, детским порно, поддельными документами и полной информацией обо всех гражданах США!
>
> Вы можете найти свежие украденные дампы здесь: ссылка
>
> Кредитные карты с CVV2 здесь: ссылка
>
> SSN number database здесь: ссылка
>
> Контакт: panther[757] ICQ 440 07777».

Получатели этих писем нажаловались в антиспамерские конторы, и мне пришлось спешно регистрировать домены в зонах. cn и. ws. Каюсь, порой и я использовал этот проверенный способ устранения конкурентов и как-то раз уничтожил сайт BadB.biz (Владик, прости).

По иронии судьбы создание DumpsMarket совпало с черной для Америки датой 11 сентября.

— Где ты брал дампы? — отвлекла меня от воспоминаний Галина Аркадьевна.

— Торговля дампами, как и любым другим товаром, возможна в двух принципиально разных направлениях: когда ты продаешь свое, — то есть являешься селлером (от англ. sell — «продавать»), и реселлинг (reselling) — когда перепродаешь

чужое. Большинство торговцев дампами были реселлерами. Хакеры, достающие дампы, редко продавали их сами, предпочитая отдавать на реализацию какому-нибудь реселлеру с раскрученным именем.

Дампы доставали исключительно русские хакеры — Скорпо, nCux, Никрон, ViperSS и Aizek[797].

— Как они их доставали? Ломали какие-то сайты?

— Взлом чего угодно — он и есть взлом, самое сложное — найти, что ломать. Мерчант взломать достаточно сложно, и нет гарантии, что там будут именно дампы, а не обычный «картон». Процессинговые центры — мишень еще сложнее. Зато POS-терминалов куча, да и защищены они плохо — их и нужно искать. В идеале — найти центр обработки платежей какой-нибудь торговой или гостиничной сети.

— Ты был селлером или реселлером?

— Когда продавал нашу с Никроном базу, то, конечно, селлером. Когда своих дампов не было, приходилось продавать и чужое.

— А сам не взламывал?

— Нет. Квалификации не хватало. Находил места, где были дампы, и отдавал их на растерзание профессионалам. Те доставали базы, мы вместе сортировали их по странам и «бинам» и выбрасывали на рынок. Первые два-три месяца работа с новым поставщиком всегда шла гладко, но потом ребятки распробовали вкус больших денег, у них изменялись запросы, возрастали потребности, появлялись новые оптовые покупатели дампов, и ценник на дампы, в том числе и для меня, постоянно возрастал. С каждым днем моих партнеров было все труднее заставить вернуться к работе, которая обычно подменялась девочками, алкоголем и наркотиками. Приходилось сутками торчать в онлайне, ожидая их, либо искать новых хакеров.

— То есть, если я правильно поняла, банки ты сам не взламывал, и все, что тебе могут предъявить, это продажу реквизитов украденных карточек?

— Да, все верно. Причем мне нет разницы, что продавать: дампы, «картон», паспорта, презервативы, трактора… Исключая детское порно и наркотики. Дампы, конечно, выгоднее всего — несколько цифр, а стоят не одну сотню баксов.

— Сколько у тебя было конкурентов?

— Серьезными были только Script, BadB, Tron, diE, Gabrik и KLYKVA.

— Сколько ты зарабатывал на продаже дампов? — вопрос о моих доходах, похоже, не давал моему адвокату спокойно спать.

— Рентабельность продаж составляла от 100 до 500 %, — все

же уклонился я от прямого ответа, — и сильно зависела от качества треков и привередливости покупателей. Любая база процентов на восемьдесят состояла из американских дампов.

— А русские дампы встречались?

— Очень редко — жителей бывшего СССР мы принципиально не трогали. Почему? Жалко было. В Америке все банковские счета застрахованы, а у нас владельца карты по милициям затаскают, все будут подозревать, что он сам у себя украл, а теперь еще и вернуть хочет. На наш век и буржуев хватит. Проявление патриотизма, что ли. Уже не помню, откуда это правило взялось, но все кардеры его свято соблюдали — своих не трогали.

— Сколько дампов ты обычно продавал за месяц?

— Тысяч пять-десять. В руках хакеров нередко оказывались просто гигантские массивы информации — одна наша с Никроном база насчитывала больше миллиона треков. Правда, чтобы не «уронить» цены, приходилось действовать по принципу «Если на планете останется только четыре человека, дампов нужно продавать столько, чтобы их хватило только двоим».

— Как покупатели расплачивались?

— По «вебмани», e-gold, переводом на банковский счет или по Western Union. Чаще, конечно, по «Вестерну».

— Что еще продавалось на DumpsMarket?

— Документы — водительские права, ID (удостоверения личности), паспорта — все производства той же типографии, услугами которой когда-то пользовался и Boa. Комплект из паспорта, прав и внутреннего «айди», например, Франции обходился мне всего в 150 евро.

— А качество?

— Довольно высокое. Правда, ни один из этих паспортов не давал права на проживание в стране, обозначенной в паспорте, — потому что паспорта, как вы понимаете, выдавались не государством, а DumpsMarket, то есть являлись хорошо напечатанными подделками.

При создании DumpsMarket я постарался объединить в нем все лучшее, что было на carder.org, Boa Factory и Carder Planet — броский дизайн, многоязычный интерфейс, удобство навигации и строгий отбор модераторов. Помимо этого, я добавил свои «фишки» — поиск по «бину», генератор track1 из track2, подборку лучших программ для безопасности и статьи о каждом направлении кардинга от признанных авторитетов в своей области.

В продвижении форума я использовал все, что подсказывала мне интуиция: продажу дампов пакетами по фиксированной цене, скидки и бонусы, задействовал сарафанное радио и наладил

сотрудничество с китайскими производителями «пластика» — при заказе дампов у меня клиент получал огромную скидку на самый лучший в мире контрафактный «пластик».

Поскольку большинство иностранных посетителей DumpsMarket составляли китайцы, вполне логичным стало создание на форуме раздела на китайском языке. Черт его знает, что они там писали, но модератором китайского раздела я поставил человека, которому доверял, — Майкла Чунг Хо. Он и его жена Лам по прозвищу Конфетка (candy) стояли во главе транснациональной преступной группировки, использующей поддельные банковские карточки для шопинга по всему миру, и имели прямое отношение к триаде.

Роковой ошибкой Майкла стало то, что он хранил при себе флешку со следами преступлений — дампы, контакты поставщиков и прочую стремную информацию следовало хранить на удаленном сервере, доступ к которому записан только в твоей голове. Вдобавок он сохранял переписку ICQ (вместо того чтобы пользоваться web-ICQ) и общался на криминальные темы посредством SMS.

Моей ошибкой было то, что я сообщил ему свое реальное имя, контактные данные и даже номер банковского счета. Кроме того, хранить дома и пользоваться украденными по «пластику» ноутбуками и телефонами уж точно не стоит — все они имеют серийный номер, а это уже весомая улика.

Временами я чувствовал одиночество — я полностью посвящал себя работе, выкуривал по две пачки крепких Marlboro, набрал десять лишних килограммов, а специфический характер моих занятий не предполагал активного поиска новых друзей. Не стремился я к новым знакомствам и с женщинами. Неудивительно, что в ту пору я спал в основном с дорогими шлюхами — высокие доходы позволяли мне иметь лучших из них.

Belgian Federal Police – Liaison Office
Attached to the Belgian diplomatic mission
in Russian Federation
ul. Malaya Molchanovka, 7
121069 Moscow
Tel: (007 095) 291 04 63
Fax: (007 095) 937 35 39
GSM: (007 095) 724 05 53
E-mail: loberu@co.ru

DATE	05011403/1 T1/234
TO	НЦБ Интерпола в Республике Беларусь Г-ну ЛЕВИТАНОВУ В.Г. Факс: 375. 17. 2270884
SUBJECT	Предоставление информации с целью направления Международного следственного поручения. Мошенничество с кредитными картами. Изготовление и использование поддельных документов
REF	42/7506 от 19/11/04 IP/1017/OA/23/04
№	0501707/1 T 1/234

Уважаемый господин Левитанов!

Направляю вам синтез фактов по уголовному делу, рассле емому полицией округа Брюсселя..

Данная информация предоставляется по просьбе представителей МВД Республики Беларусь, присутствовавших на совещании Европола в Нидерландах 20.10.2004г.

1. **Ссылочные номера бельгийского досье:**
- Прокуратура. Королевский прокурор в Брюсселе BR.21.F1. 200934/2004;
- Бюро следственного судьи в Брюсселе MR. VAN AELST, dossier №10.98.250/04.

2. **Досье заведены на следующих лиц:**
- LAI John (13.06.84) кличка John /арестован 20.01.04 в Брюсселе/ гид группы 1;
- CHEUNG HO (07.11.63) клички Mike, Michael, Mondeo /арестован в Брюсселе 20.01.2004/ руководитель группы 1;
- CHONG Wai Chi (04.01.59) кличка Peter /арестован в Брюсселе 20.04.04/ курьер группы 1;
- LAM TSZ Kwan (24.09.63) кличка Candy /международный ордер на арест/ бухгалтер группы 1;
- CHONG Wing Chi (27.07.72) клички Long, A Long, John, Johny /арестован в Цюрихе 17.03.04/ изготовитель карт групп 1 и 2;
- TSANG Chio Man (19.06.73) клички Ronald, Roy /арестован в Сан-Никалосе (Бельгия) 10.02.04/ руководитель группы 2;
- TAM Wai Ki (07.09.77) кличка A Bee /международный ордер на арест/ укрыватель и контактное лицо групп 1 и 2;
- и другие, всего 14 человек.

Подозреваются в деяниях:

- руководство преступной организацией (CHEUNG) статья 324 ter §4;
- участие в деятельности преступной организации (LAM, CHONG Wing Chi, TSANG, TAM) статья 324 ter §3;
- членство в преступной организации (CHONG Wai Chi, LAI, LO, LUK, HUNG, HO, CHENG) Art 32 ter §1;
- изготовление и использование поддельных документов;
- мошенничество и попытка мошенничества;
- нарушение законодательства с использованием высоких технологий, ст. 210 bis;
- подделка с помощью высших технологий;
- изготовление и использование поддельных паспортов.

Изложение фактов:

20.01.04 и 10.02.04 десять человек (выходцы из Азии) были задержаны на месте преступления в Брюсселе и Сан-Никаласе во время совершения мошеннических действий с поддельными кредитными картами и предоставления поддельных паспортов. Было выявлено, что действует азиатская преступная группа, имеющая хорошо организованную сеть для изготовления в больших количествах и использования поддельных кредитных карт. Также организация располагала каналами для сбыта незаконно приобретенных товаров и отмывания доходов.

Одним из основных подозреваемых является CHEUNG Ho (Michel), род. 07.11.63 в Китае. У него был обнаружен Memory-stick SONY USB 2.0 с памятью 256 Мб, в котором имелись данные о различных махинациях с кредитными картами, которые имели место в Бельгии и других странах (Франция, Нидерланды).

Анализ данных показал, что данная азиатская преступная организация имеет сеть поставщиков (провайдеров) номеров кредитных карт. Речь идет о хакерах, которые продают CHEUNG Ho соответствующую информацию через Интернет. Эти хакеры используют имена POL1Ce Dog, MA, BadB. При контактах в криминальном кругу CHEUNG Ho использует имя Mondeo или Michael Mondeo.

CHEUNG связывается с «провайдерами» кредитных карт из интернет-кафе при помощи SMS-сообщений, и договаривается об определенном времени, когда ему сообщают номера в online через программу p2p ICQ. Также номера карт сообщаются на его адрес E-mail. В памяти обнаружены переговоры в чатах, во время которых открыто сообщались номера карт, а также обсуждалась их хакерская деятельность.

Для получения данных о кредитных картах (pistes 1 и 2), эти данные с Memory-stick складывались на PC laptop самого CHEUNG Ho, а также его жены LAM TSZ KWAN «Candy». В Memory-stick имелось и соответствующее программное обеспечение (принтер для печатания карт, считывающее устройство, редактор).

Изготовленные карты использовались как членами группы 1, так и группы 2 в Бельгии, Нидерландах и Франции при покупке дорогостоящих товаров (мобильных телефонов, компьютеров, часов, украшений).

СВЯЗИ С POL1CE DOG.

CHEUNG Ho поддерживал контакты с несколькими «провайдерами» данных кредитных карт, среди которых POL1Ce Dog, MA, Slimbaby, BadB и другими. Это подтверждается данными с Memory-stick (где сохранилось несколько бесед в ICQ) и историей SMS-сообщений. Расследованием установлено, что основным поставщиком номеров карт был POL1Ce Dog. Также известен как «panther[757]». Установлено, что под этими никнеймами скрывается Павлович Сергей.

Павлович Сергей (ПЕРЕСВИТ ЛТД, ул. Якира, офис 39, 04119, Киев, Украина) имеет для контактов три мобильных телефона. Также он пользуется белорусским номером мобильной связи (+375-29-6400463) и имеет банковский счет в Латвии (1310163301 swiftcode MULT LV 2x-bank: Multibanka, Riga, Latvia). Контактный E-mail: eurotradingonline@yahoo.com.

Цены кредитных карт:
Classic (EURO Classic = 70 USD)
Gold (Carte Gold = 90 USD)
Master (Master Card = 70 USD)

В одном из сообщений Mondeo приветствует POL1Ce Dog как Сергея. POL1Ce Dog просит Mondeo перевести деньги через Олега Шевченко. Также он ищет водителя автобуса или грузовика, чтобы съездить в Париж за товаром (компьютеры, фотоаппараты, мобильные телефоны).

Обмен сообщениями SMS между Mondeo и SG-Belarus и Kiev2 (предположительно принадлежат POL1Ce Dog):

- 20.12.03 в 07 ч. 43мин. CHEUNG HO отправляет SMS для Kiev2 по поводу оплаты MTCN 416507840 через «Holle Kitty from Taiwan» на 1.600 USD.
- 21.12.03 он направляет SMS для SG-Belarus по поводу перевода MTCN 4165667842 на сумму 2.000 USD Олегу Шевченко от CHEUNG HO.
- 05.01.04 в 11ч. 07 мин. CHEUNG HO спрашивает у Сергея, что происходит, и также пишет «I tried contact you and receive no dumps from you or «BadB» while all my people are staying in the hotel...»

Можно понять, что есть связь между POL1Ce Dog и BadBoy. Телефон BadB: +380-66-2713027

Приложения:

- *Приложение 1 (Annexe 1)*: сообщения SMS, обнаруженные в телефоне CHEUNG HO и адресованные POL1Ce Dog и BadBoy.
- *Приложение 2 (Annexe 2)*: Лист переводов WESTERN UNION от группы, возглавляемой CHEUNG HO, для Олега Шевченко в Одессу.
- *Приложение 3 (Annexe 3)*: Лист всех переводов WESTERN UNION для Олега Шевченко в Одессу с начала 2003 года. Десятки переводов WESTERN UNION были сделаны из разных стран мира.

Благодарю за сотрудничество.
С уважением Комиссар полиции Herman LEFIEF.

Перевод соответствует оригиналу

Глава 24
Боже, храни меня от друзей

Будь настороже с друзьями — они скорее предадут, так как легко поддаются зависти.
Р. Грин, американский писатель

Весной 2004 года рынок оптовой торговли дампами покинул Auger, очень мало треков оставалось и в базах Габрика. Периодически стали возникать перебои в удовлетворении все возраставшего спроса пользователей DumpsMarket в качественных и доступных дампах. Единственным, кто не столкнулся с данной проблемой, стал вездесущий BadB, который нашел практически неисчерпаемый источник поступления свежих дампов. Понятное дело, Владик не спешил поделиться со мной контактами своего поставщика, но через пару дней интенсивных поисков мне и самому удалось выяснить, что владельцем новой базы является известный выходец с carder.org JonnyHell.

База Джонни, по его словам, была из Wal-Mart, насчитывала больше миллиона дампов, и информация по факту данной утечки скрывается до сих пор. А представляешь, какой был бы удар по репутации «Уол-марта»? Всего один ролик, размещенный на YouTube рассерженным пассажиром United Airlines, снизил капитализацию этой компании на $180 млн. Нежелание негативной огласки — самая частая причина того, что организации, подвергшиеся атаке, сами проводят расследование либо всячески скрывают факт утечки персональной информации клиентов.

Поначалу Джоннихелл не слишком охотно шел на контакт и необходимые мне ценовые уступки, но мой немалый опыт общения с хакерами позволял мне всегда добиться приемлемых для себя условий, и Джонни не стал исключением — вплоть до самого моего ареста я брал дампы только у него. Наше взаимовыгодное сотрудничество приносило мне порядка $50 тыс. в месяц, притом что непосредственной работе я посвящал не больше трех часов в день.

Мои киевские знакомые Саша и Сергей не знали уровня моих доходов, но подозревали, что они намного превышают их собственные, и у них созрел хитроумный план. Я знал, что они что-то замышляют против меня (мир не без добрых людей), но не предполагал, насколько грязный способ они изберут для этого.

В то время я жил на Саксаганской — одной из самых престижных улиц современного Киева. Однажды в полдень, когда я еще спал, мне позвонил Сергей, спросил, чем я занимаюсь, и сообщил, что заедет через пару часов. Время позволяло еще немного поспать, и я юркнул под одеяло. Разбудил меня звонок в дверь. Толком не проснувшись, я подошел к двери и заглянул в глазок. Свет в подъезде отсутствовал, что меня, впрочем, не особо удивило — лампочки постоянно воровали.

— Кто там? — нетвердым спросонья голосом спросил я.

— Соседи, — послышалось за дверью.

— Чего надо?

— Вы нас водой заливаете!

— Какой, на фиг, водой?! — успел сообразить я. — Я ведь на первом этаже живу.

— Ладно, Сергей, открывай, — и я на автомате, сам не знаю почему, открыл замок входной двери. Что-то неслышно щелкнуло в моей голове: я решил, что раз назвали меня по имени, значит, это кто-то из знакомых. Это наваждение длилось всего секунду, но ее хватило, чтобы я сам открыл дверь незнакомым людям — адреса этой квартиры, кроме Саши, Сергея и Кати, не знал никто. В квартиру вошли трое, один ин из незнакомцев показал мне ксиву полковника Главного управления по борьбе с организованной преступностью (ГУБОП), и они сразу же стали вести себя по-хозяйски — прошмонали всю квартиру на предмет денег, компьютеров и других ценностей. В моем доме было $29 тыс. наличными, шесть из которых лежали прямо возле моего ноутбука, а оставшиеся — в ворохе грязного белья в барабане стиральной машины. Это бабло я еще вчера собирался передать маме в Минск, но проспал отправление поезда и даже поленился убрать деньги из квартиры, зная, что против меня замышляется что-то очень плохое. Непростительная оплошность.

Мусора, среди которых, как позже выяснилось, были капитан, майор и полковник — все из одного отдела, забрали мой ноутбук, два мобильника, $6 тыс., один из них закинул на плечо мой пулемет, и мы вышли из квартиры. Хорошо, что не нашли «пластик» — под линолеумом в одной из комнат находилось около двухсот китайских болванок VISA и AmEx высшего качества.

— Вот, дед, погляди, какого мы опасного преступника задержали, — сказал один из мусоров подозрительно оглядевшему нашу компанию старику-консьержу, — на балконе хранил пулемет.

— И правильно, — проворчал дед, — от таких, как вы, отстреливаться.

Мы сели в стоявшую за углом раздолбанную бежевую «девятку» и через пару минут въехали во двор ГУБОПа, оказавшегося на соседней улице Горького.

Поднялись в кабинет на четвертом этаже, где меня тут же, без объяснений стали избивать руками и ногами, после чего сцепили мои запястья наручниками так, что руки оказались связанными между ног, и продолжили бить уже на «растяжке». Несмотря на весь ужас происходящего, я трезво оценивал ситуацию и понимал, что бьют меня вполсилы, преследуя цель скорее напугать, чем покалечить. Раздавшийся через некоторое время на мобильник капитана звонок: «Да-да, у нас. Часов в шесть» — предположительно, от Сергея — лишь укрепил меня в моей догадке. Я взглянул на часы — до окончания кошмара оставалось меньше трех часов…

Избиение и «растяжки» не прекращались ни на минуту. Я стоял, упершись лбом в лакированный советский платяной шкаф, почти на шпагате, через 5–7 минут ноги нестерпимо затекали, и я непроизвольно падал назад, тяжестью собственного тела еще сильнее зажимая наручники. Мусора достали из ящика стола распечатку звонков с моих мобильников с заранее обведенными красным фломастером номерами Саши и Сергея, и стали допытываться, кому принадлежат данные телефонные номера.

— Понятия не имею, чьи это «цифры», — упирался я. — Мне в день до пятидесяти человек звонит, попробуй упомни всех.

— С этими абонентами ты общаешься чаще всего, — с железной логикой парировал тучный полковник.

Издевательства продолжились. Мусора начали свою любимую игру в доброго и злого полицейского — один меня постоянно избивал, а другой отводил в сторону и уговаривал рассказать все, что я знаю про Сашу и Сергея.

— Ты знаешь, кто твои друзья? — давил на меня до того не принимавший активного участия в шоу майор. — Они ведь страшные люди и не останавливаются даже перед убийством.

Я продолжал молчать. Тогда «оборотни» достали из шкафа видавший виды противогаз советского образца с перекрытым воздушным клапаном и предложили мне поиграть в «слоника». Я уже прежде был наслышан об этой «увлекательной» игре и хорошо понимал, что приятного в ней мало. К тому же мусора вставили в одно из отверстий противогаза зажженную сигарету Captain Black и натянули этот резиновый чулок мне на голову. Я сразу начал задыхаться, самообладание покинуло меня и тут же сменилось паникой. Я стал вырываться, наклонил голову к коленям, изловчился и сорвал эту ненавистную штуковину со своей головы.

— У меня сердце больное, козлы! — выкрикнул я. — Я щас сдохну здесь, задолбаетесь расхлебываться, — и тут же получил чувствительный боковой удар в челюсть.

Легавые повалили меня на пол, жирный «полкан» навалился сверху всей своей свиной тушей и несколько раз больно ударил меня локтем в грудь. После этого мне предложили написать объяснение, в котором рассказать все, что мне известно о Саше и Сергее, «погоняла» последнего, как сообщили мусора, были Гестапо и Фигура. Я отказался. Тут же последовала серия новых ударов, после чего меня отвели в соседний кабинет и передали на руки молодому следаку с замашками Генриха Гиммлера, где я еще около часа стоял на «растяжках» и выслушивал разный садистский бред.

Я опять взглянул на часы. Во власти мусоров я находился уже больше двух часов, и мне порядком надоел этот затянувшийся спектакль. Я написал объяснение, в котором не было ни слова правды, за что тут же получил несколько чувствительных ударов по почкам. Мусора стали пугать меня «звонком другу» — на уши накидываются провода от старого советского телефона, и наборный диск начинают вращать. Чем выше набираемая цифра — тем больше возрастает сила тока.

— Ни один из подозреваемых не выдержал даже цифры «восемь», — «участливо» проинформировал один из оборотней.

Бр-р-р… К счастью, я не испытал эту пытку на себе, но уверен, что приятного мало. Я переписал объяснение, в которое для правдоподобности добавил марки и примерные номера машин, на которых ездили Саша из Киева и Фигура, и еще какие-то несущественные детали. Правды в моем «признании» и на этот раз было не больше 10 %, тем не менее оно вполне удовлетворило мусоров. Для них и моих «друзей», которые за всем этим стояли, был важен сам факт написания, а не точность изложенных фактов. Через 20 минут одному из ментов позвонили, и «оборотни» сообщили мне, что «серьезные люди из украинского министерства внутренних дел просят меня отпустить».

За мной приехал Олег — водитель и помощник Саши, и я с облегчением покинул это негостеприимное место.

— Боже, храни меня от друзей, — с облегчением произнес я, — о врагах я позабочусь сам.

— Все так плохо? — с сочувствием спросил Олег, оценив мой далеко не самый лучший вид.

— Да вообще…

— Ну, я ведь тебя предупреждал… Чтобы получить хорошего врага, выбери друга: он знает, куда нанести удар.

— Ты прав, я сам дал им слишком много информации о себе — и про то, что нахожусь в розыске, и чем занимаюсь. Знаешь, Олег, я читал недавно в Интернете, что каждый пятый житель России сталкивался с насилием со стороны правоохранительных органов. Думаю, и в Украи не этот показатель не намного меньше. Боюсь представить, что было бы, если бы меня действительно подозревали в совершении какого-нибудь, не дай бог, убийства, — из этих застенков я бы вряд ли живым выбрался…

— Да, у нас бывали случаи, что люди выпрыгивали с четвертого этажа РОВД — не выдерживали пыток.

— В Беларуси подобное встречается крайне редко. Потому что милиция работает так, как ей разрешают работать. А прокуратура у нас жестко пресекает подобные методы «расследования».

В свою квартиру я больше не попал. Олег отвез меня сразу за город к Саше. Там же находился и Фигура, и они с ходу стали отчитывать меня, что я «не соблюдал должную осторожность, и если бы не их близкий знакомый, который жил в моем доме и случайно увидел, как меня уводили, то все могло закончиться очень плачевно». Понятное дело, дальнейший ход разговора предполагал, что я должен отблагодарить своих благодетелей, а именно: купить новую Toyota Camry за $40 тыс. Было очень противно выслушивать весь этот бред, но я не должен был подать вида, что знаю об истинном положении вещей. В руках у Саши было мое объяснение, он тряс им перед моим лицом, зачитывая вслух фразы, и пытался меня упрекнуть.

Мои телефоны, компьютер, деньги и ключи от квартиры остались в ГУБОПе, но Фигура, понимая, что без них я не смогу продолжать работу, привез мне все, кроме денег и ключей. Я жил на временной съемной квартире, под неусыпным контролем их человека, и у меня не было даже телефона владельцев моей квартиры на Саксаганской, чтобы взять у них запасные ключи и забрать «пластик» и оставшиеся деньги.

Мои вещи перевозили Саша и Сергей, перед тем вместе с «оборотнями» из ГУБОПа тщательно прошмонавшие мою квартиру. Даже здесь они показали свою мелочность, «забыв» привезти мой ЖК-телевизор, на который Фигура давно положил глаз, и дорогой электрочайник. В произошедшей ситуации я допустил еще одну ошибку: в Киеве я жил по другим документам, которые сейчас остались в моей прежней квартире, а мой белорусский паспорт находился у Сергея (чтобы не хранить дома несколько паспортов на разные имена). Теперь я понимаю, что гораздо лучше было бы хранить все документы, деньги и прочие

ценности в банковской ячейке, доступ к которой имели бы только я и, к примеру, моя мать. Через неделю Сергей привез мой родной синенький паспорт. Догадывались ли мои «друзья», что я собрался отвалить? Думаю, допускали такую мысль, но до последнего отказывались в это верить.

Примерно неделя потребовалась мне, чтобы усыпить бдительность моего «контролера», расположив его к себе, я собрал свои нехитрые пожитки, взял такси и под покровом ночи покинул город. Фидель звал меня в Одессу, но я поехал в Минск, перед тем убедившись через нужных людей, что в Беларуси меня уже не разыскивают.

Позже я узнал, что Саша сильно ругался на Фигуру за то, что тот переборщил с силовым воздействием на меня, из-за чего они лишились источника пусть небольших, зато регулярных доходов, но было поздно.

Впрочем, у них было чему поучиться: оба тщательно следили за своей безопасностью, четко усвоили, что длительная встреча ведет к провалу, и никогда не встречались больше чем на 30 минут: на «стрелку» всегда приходили загодя и неспешно разглядывали присутствующих, выбирали пути отхода; автомобили всегда ставили развернутыми в сторону возможного отъезда; когда мы работали по банкоматам, бутафорские пейсы, шляпы и шарфы — яркие детали, по которым будут искать, — были нашими верными спутниками. Доходило до смешного: даже PIN-код на клавиатуре банкомата Саша предпочитал набирать согнутой фалангой пальца. Разумеется, и машины свои мы оставляли в нескольких кварталах от места предстоящей «работы». Также мы дали условные обозначения местам, где бывали чаще всего, и по телефону можно было услышать только: «Ты где?» — «На “досках”» (бар, похожий на пивную бочку). Или «на базе» (дома) и т. д. Скажешь, паранойя? Возможно, да только неукоснительное соблюдение этих и других правил безопасности делало нас практически неуязвимыми.

Глава 25
JonnyHell

На подъезде к Минску меня встретили Паша и Степан. Ребята сообщили, что наше минское уголовное дело приостановлено, но дали понять, что мое присутствие в родной стране крайне нежелательно. Впрочем, их мнение в тот момент интересовало меня меньше всего. Лето проходило довольно спокойно и размеренно: работа форума была полностью отлажена, альянс с JonnyHell приносил мне очень высокий доход, и новых направлений для работы я не искал. Катя улетела в Штаты, я купил себе новый «мерседес» Е-класса, и мы с братом целыми днями колесили по городу и развлекались, уделяя работе не больше трех часов в день.

По роду деятельности мне приходилось много общаться с клиентами и партнерами из разных стран. Большинство из них были выходцами из Юго-Восточной Азии (Китай, Малайзия, Филиппины), и с ними никогда проблем не возникало.

У азиатов совершенно отличное от нашего мировоззрение, и такие понятия, как честь, долг, верность своему слову и порядочность, для них не пустой звук. Американцы же в основном представляют собой всякий сброд — ведь и исторически Соединенные Штаты были пристанищем для всякого рода бродяг, беглых каторжан и авантюристов. Безусловно, это наложило отпечаток на сознание многих американцев. Прибалты — много и красиво болтают, но сдуваются, когда доходит до реальных дел. Молдаване — кидалы все до единого. Румыны — наполовину. Вообще, с жителями экс-СССР было сложнее всего: русские не способны к долговременным партнерским отношениям и предпочитают «кинуть» компаньона хоть на $100, но сейчас, вместо того чтобы завтра зарабатывать с ним миллионы. В Интернете вообще очень часто «кидают» — во многих случаях ты даже не знаешь, из какой страны твой партнер, не говоря уже о его личных данных, поэтому многие сделки приходится заключать исключительно на доверии.

Кидалы (мы называли их рипперами) были мелкими, словно мухи, и практически безобидными, отнимающими только время, но были и другие, более матерые — они втирались в доверие к форумчанам, некоторое время честно выполняя заказы (например, обнал Western Union) и собирая положительные отзывы, а в ходе особо крупной сделки просто исчезали с деньгами. Такой тип кидал был неприятнее всего. Когда рипперов

стало слишком много, кто-то догадался создать специальный сайт kidala.info, где регулярно публиковалась информация о новых кидалах и просто подозрительных типах. Однажды утром мне позвонил Джоннихелл и предложил встретиться на нейтральной территории — в Москве.

— Приезжай, Полисдог. Познакомимся в реале, побухаем, с телками какими отвиснем. Бери с собой кого хочешь — я угощаю, все за мой счет, — перечислял Джонни все причины, из-за которых нам стоит увидеться.

Я тут же связался с Кайзером и пригласил его присоединиться к нам. Джоннихелл для полноты картины притащил из Питера двух порнозвезд.

— Куда едем, молодой человек? — открыл дверь своей машины таксист на Белорусском вокзале.

— В «Президент-отель», на Якиманке, — ответил я.

— Две тысячи рублей.

— Ты ваще сдурел?! — подивился я такой наглости. — Максимум рублей пятьсот…

— Ну ты же в «Президент-отель» едешь… — недовольно пробормотал водила.

— Так я потому туда и еду, что таким, как ты, по две штуки не плачу.

Я отошел метров двести от вокзала, поднял руку, и первый остановившийся «чайник» за восемьсот рублей довез меня до Большой Якиманки. Кайзер прилетел на следующее утро.

— Саша, — с легким прибалтийским акцентом представился светловолосый парень с серыми, чуть навыкате, почти прозрачными глазами, когда я спустился в холл нашей гостиницы.

— Сергей, — я пожал руку Джоннихелла.

— Будем знакомы. Поехали куда перекусим, что ли? — предложил блондин.

— Куда? — В Москве, похожей на гигантский муравейник, я ориентировался очень плохо.

— На Манежку, в Охотный ряд. Там есть отличный чешский ресторан «У Швейка».

Этот ресторан располагался на нижнем, самом последнем уровне торгового центра «Охотный ряд» — этой выставки человеческого тщеславия, где цены в бутиках поражали даже наше воображение.

— Что будешь есть? — поинтересовался Джонни после того, как я быстро пробежался глазами по меню.

— Саша, на твой выбор. Я так понимаю, ты в этом кабаке не в первый раз.

— Ну да, действительно. Тогда жареные шпикачки и резаное пиво.

— Какое пиво?!

— Сейчас увидишь.

«Резаное» пиво оказалось коктейлем из четырех-пяти разных сортов темного и светлого пива, которые осторожно, слоями наливались в бокал и из-за разной плотности не смешивались между собой. Что-то наподобие «Кровавой Мэри», только из пива — но безумно вкусно и дорого — порядка $20 за пол-литровый бокал.

Назавтра прилетел Кайзер, которому, к моему удивлению, оказалось всего семнадцать лет, и еще один парень из Минска, «отмывавший» для Джонни его деньги в офшорах, и мы веселой компанией зависали с девчонками-порнозвездами в саунах, ресторанах, а то и просто гостиничных номерах.

Глава 26
Приговор

Следователь Макаревич, к его чести, выполнил все свои обещания и даже в нарушение всяких правил дал мне ознакомиться с сопроводительной запиской, которая прилагается к каждому уголовному делу и где перечислены все смягчающие и отягчающие вину обстоятельства, мнение следователя о личности обвиняемого, рекомендуемая мера наказания и т. п. Хотя мы находились с ним по разные стороны баррикад и любить мне его, разумеется, было не за что, самодостаточность Макаревича, его независимость от начальства и верность своему слову вызывали только уважение.

Судья была та же, что и в первый раз. Сейчас, учитывая все смягчающие обстоятельства, мне не могли дать больше «пятерки», но вот незадача — окончательное наказание могли назначить методом частичного сложения приговоров, и это пугало. Вдобавок Сапрыкин вел себя как проститутка, в ходе следствия несколько раз менял свои показания относительно того, кто передал ему двадцать белых карт с PIN-кодами, и это могло сослужить мне плохую службу.

— Обвиняемый Павлович, где вы взяли дампы с PIN-кодами, которые впоследствии, выражаясь вашим языком, записали на белый «пластик» и передали Сапрыкину? — издалека начала судья Гончар — полноватая мужеподобная тетка слегка за тридцать.

— Я, ваша честь, ничего не записывал, Сапрыкину не передавал, PIN-кодов не сообщал и тем более не просил его получить наличные в банкоматах.

— Сапрыкин утверждает, что все было с точностью до наоборот, — включился в судебный процесс прокурор по фамилии Ермошин. — Как вы это объясните?

— Да у него семь пятниц на неделе. Прошу обратить внимание на его первоначальные показания, данные при задержании: «Карточки передал Павлович, назвал PIN-коды к ним и попросил снять кэш в банкоматах». На предварительном следствии у него появилась другая версия: «Павлович “пластик” не передавал, а оставил в своей куртке, которую забыл в моей машине». Сейчас же у него третья версия: «Чьи карточки, я не знаю, мы ехали на дачу, и у меня в BMW были вещи многих людей. Кто именно оставил эти злополучные карточки, мне неизвестно». Я же с первого дня и на всем протяжении следствия

утверждал, что не имею к этому «пластику» никакого отношения. Более того — при задержании карты оказались в машине Сапрыкина в пачке из-под сигарет Winston. Я же курю Marlboro. Как раз Илья и курит Winston. Я говорил операм, что надо было с карточек снять отпечатки пальцев, но, видимо, милиции это было невыгодно.

— Павлович, а как вы объясните, что на жестком диске вашего компьютера обнаружены те же дампы и «пины», что были на карточках, которые добровольно выдал Сапрыкин? — предчувствуя, что подловила меня, задала вопрос судья.

— А я и не отрицаю, что продавал дампы, в том числе и с «пинами». Сапрыкин вполне мог приобрести их у кого-то из тех, кому я продал.

— Свидетель, — обращаясь к Илье, задал вопрос прокурор, — так на какую из всех ваших версий нам ориентироваться?

— На первую: карточки передал Павлович и попросил снять кэш в банкоматах, — неуверенно пробормотал Илья.

— Да он лжет! — я не выдержал такой наглости.

— Все понятно, — даже удивительно, как до прокурора что-то дошло, — Ваша честь, — обратился «синий пиджак» к судье, — прошу вас написать в прокуратуру представление на возбуждение в отношении Ильи Александровича Сапрыкина уголовного дела за дачу заведомо ложных показаний.

— Все потом, сейчас продолжим заседание. Павлович, давайте вернемся к вопросу о том, откуда у вас появились дампы с PIN-кодами, — задала очередной неудобный вопрос судья Гончар.

* * *

Никрон взломал небольшую сеть супермаркетов в Атланте, где было всего восемь POS-терминалов, но данные с них стекались в очень простую для взлома SQL-базу. Базы данных являются основой многих современных веб-приложений. В них хранятся параметры доступа и аутентификации, финансовая информация, контакты клиентов, их предпочтения, данные о покупке и т. п. SQL является базовым языком запросов современных баз данных, которые делают веб-сайты комфортными для клиентов. Но именно атаки типа SQL-injection превращают сайты, использующие базы данных, в уязвимые объекты. На сегодняшний день этот способ вторжения является самым массовым — 62 % веб-приложений уязвимо для SQL-инъекции.

Когда твоя карта прокаталась в POS-терминале, существует два варианта развития событий: если магазин небольшой, то POS созванивается непосредственно с процессинговым центром банка,

который и выдал этот терминал, — по модему, GSM-каналу или через Интернет. Если это магазин побольше или целая торговая сеть, POS соединяется с главным сервером магазина (или сразу нескольких магазинов), а тот уже соединяется с мерчантом или банком-эмитентом для подтверждения транзакции. Практически все мерчанты — это интернет-организации, соответственно, и большинство POS-терминалов оказываются подключенными к Интернету. Наша сеть супермаркетов как раз относилась ко второму типу. Вдобавок, помимо дампов, там сохранялись и PIN-блоки.

Что такое PIN-блоки? По правилам платежных систем PIN-код нигде не должен появляться в открытом виде, за исключением хорошо защищенных криптографических HSM-модулей, поэтому на незащищенных участках сети он «путешествует» в специальной «лодке», называемой PIN-блоком. Задача осложнялась тем, что «пины» были зашифрованы симметричным блочным шифром TripleDES, который может быть взломан только методом полного перебора ключа, причем длина ключа 112 бит существенно превышает сегодняшний порог «вскрытия» симметричных алгоритмов шифрования (примерно 80 бит) и будет оставаться достаточной в течение следующих примерно тридцати лет. Тем не менее мы не оставляли попыток расшифровать «пины». Объясню, на что мы рассчитывали.

Откуда вообще берется PIN? Например, система VISA при выпуске новых карт в целях безопасности рекомендует, чтобы PIN к конкретной карточке не выбирался случайным образом (тем более нельзя позволять его выбирать кардхолдеру, так как он может выбрать PIN, который легко угадать), а получался посредством криптографического преобразования номера счета. Затем получившееся значение «пина» банки должны комбинировать с номером карты и зашифровать полученную комбинацию еще раз. Однако не все банки это делают, а некоторые «особо одаренные» еще и держат зашифрованное значение «пина» (PIN-блок) в файле. Это значит, что хакер может получить зашифрованное значение PIN-кода от собственной карты и выполнить в базе поиск всех других дампов с тем же «пином». Как видишь, на каждого мудреца довольно простоты. Применив данный принцип к нашей базе из Атланты, я нашел человека, который пошел в нужный магазин, совершил покупку по своей кредитке, сообщил нам свой PIN-код (а затем и «пины» от еще сотен других карт), мы нашли шифрованные значения этих «пинов» и таким образом узнали все PIN-коды, имевшиеся в базе.

— Обвиняемый, — отвлекла меня от воспоминаний судья

Гончар, — повторяю свой вопрос: где вы брали PIN-коды к дампам?

— Ваша честь, карточки с «пинами» я купил у кого-то в Интернете. У кого точно — я уже не вспомню, — несу я какой-то бред, который, на удивление, принимается.

— А вам известно, где сейчас находится ваш друг с «исконно русской» фамилией Дранкман? — словно прочитав, о чем я только что думал, задала судья вопрос о Никроне.

— Нет, неизвестно, — ответил я, а сам подумал, что, слава Богу, у Никрона сейчас все хорошо — семья, дети и легальная, как это ни удивительно, работа.

На этом рассмотрение дела в суде было закончено, и прокурор попросил назначить мне общий срок наказания в виде восьми лет лишения свободы. Учитывая непредсказуемость судьи Гончар, влепившей мне «пятерку» по первому делу при запросе всего в три с половиной, я внутренне настроился услышать цифру «десять». К счастью, обошлось, и мне добавили всего год к четырем имевшимся ранее.

Ошибок мы наделали много. Здесь и человеческий фактор — утром начальник охраны был предупрежден об участившихся случаях хищений, а вечером мы зарулили именно в этот магазин; и длительная работа в одном месте (в Минске мы работали в течение трех недель); и несоответствие внешнего вида и поведения стоимости приобретаемой вещи. Приезжать за краденым товаром на инкассаторском автомобиле — это, конечно, уже был верх глупости.

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

[РАЗДЕЛ ИЗЪЯТ]

Допрошенный в суде свидетель Пенкин В.А. показал, что работает начальником охраны магазина «Престон-Маркет», расположенного по ул. Богдановича, 153 в г. Минске. В торговом зале имеется 7 узлов расчета по безналичному расчёту. 29.01.2003 он встречался с оперуполномоченным ГУВД Мингорисполкома [redacted], который поставил его в известность об участившихся случаях оплаты поддельными банковскими карточками. Вечером того же дня он обратил внимание на двух мужчин (в дальнейшем опознал их как Ермоленко Н.Н. и Батюка С.А.), которые купили продукты питания на сумму около 1 млн. белорусских рублей. Мужчины брали самую дорогую водку, их поведение создавало впечатление, что денег они не считают и им всё равно, на какую сумму будет покупка. Затем Ермоленко Н.Н. расплатился банковской пластиковой карточкой, после чего они сели в машину марки «Фольксваген», госномер 9765 РН (инкассаторский автомобиль с миралкой и характерной окраской, принадлежащий «Белорусскому индустриальному банку»), и уехали.

[РАЗДЕЛ ИЗЪЯТ]

По сообщениям, оставляемым на форуме, Павлович С.А. заметил, что многих иностранных пользователей интересуют большие количества «дампов» банковских пластиковых карточек. Он узнал приблизительные цены, по которым люди готовы приобретать «дампы», а затем на других сайтах нашёл людей, которые продавали эту информацию. Многие иностранные пользователи (в основном, не знавшие русского языка, с ними он общался на английском) не знали этих продавцов, что позволило ему выступить посредником между ними и заработать на разнице цен, т.е. он покупал дампы оптом со скидкой, а продавал их чуть дороже и меньшими партиями. На этой разнице он зарабатывал 5-10%;

Павлович С.А. вёл учёт своей деятельности по продаже дампов, чтобы не повторяться в продаваемой информации и не потерять репутацию добросовестного продавца. Для каждого покупателя, в зависимости от взаимоотношений с ним, были разные цены. Все проданные дампы Павлович С.А. заносил в единую базу данных, которую разместил под названием «Sold" (проданные) на зашифрованном диске используемого им портативного компьютера;

Для того, чтобы не запутаться в платежах, Павлович С.А. вёл их учёт, сохраняя в файлах сведения о них в форме: отправитель платежа, имя получателя, MTCN (money transfer control number) платежа в системе Western Union, сумма платежа;

[РАЗДЕЛ ИЗЪЯТ]

Виновность обвиняемых подтверждается письменными материалами дела:

- электронной перепиской между Павловичем С.А., выступавшим под псевдонимом «PoL1Ce Dog», и Строгановым А.Т., являвшимся организатором интернет-проекта realplastic.org и выступавшим под псевдонимом «Flint», из которой следует, что Павлович С.А. с середины 2002 года активно использует поддельные банковские пластиковые карточки для совершения хищений имущества, которые проверяет на автозаправочных станциях. Карточки он заказывает у Строганова А.Т. и получает с использованием проводников поезда «Москва-Минск». Так, 01.12.2002г. Павлович С.А. просит сделать ему пять подделанных банковских пластиковых карточек на имя Игоря Золоткова. Изображение одной из таких карт обнаружено в ходе осмотра ПЭВМ Павловича С.А. При общении в Icq Строганов А.Т. обращается к Павловичу по имени Сергей;

- предоставленными Следственным комитетом при МВД России материалами переписки жителя Минска Погарцева Р.А. (осуждён судом Центрального района г. Минска 16 ноября 2004 года по ч.4 ст. 212 УК РБ), выступавшим под псевдонимом «костер» и Строгановым А. Т., выступавшим под псевдонимом «Flint», в ходе которой 04.02.2003 Погарцев Р.А. сообщает, что в реальности знает человека, использующего псевдоним «PoL-1Ce Dog», что это Павлович Сергей Александрович, контактный номер телефона которого +375296352492. Погарцев Р.А. также жалуется, что к Павловичу «перекинулись» люди, ранее работавшие с ним (Батюк С.Л., Воропаев П.В.);

- материалами, полученными в ходе оперативно-розыскных мероприятий с экрана монитора системы видеонаблюдения магазина «Европейский», из которых видно, что Воропаев П.В. и Ермоленко Н.Н. 30 и 31 января 2003 года находились в указанном универмаге (Т 1, л.д.271-278);

- Протоколом осмотра ПЭВМ Павловича С.А. от 2 декабря 2004 года, в ходе которого в ПЭВМ Павловича обнаружены фотографии Батюка С.Л. и Воропаева П.В;

- письмом от 26 июля 2005г. «VISA Europe», согласно которому в 95 файлах, хранящихся на зашифрованных дисках портативного компьютера Павловича С.А., содержится информация о 22542 банковских пластиковых карточках системы VISA, с которых в период с 5 января 2003г. по 11 февраля 2005г. были совершены хищения на сумму 15 151 984,44 долларов США;

- Протоколом выемки информации о телефонных соединениях, из которого следует, что Павлович С.А. активно общался с абонентами телефонной связи различных государств, среди которых были и покупатели дампов.

Таким образом, в ходе судебного заседания установлено, что Пав С.А до знакомства с Воропаевым и Батюком владел тонкостями совер преступлений с использованием поддельных банковских пластиковых карт и что он являлся участником нескольких интернет-проектов, пропагандир такую деятельность. Исходя из рекомендаций, распространявшихся участников этих проектов, Павлович С.А. избегал личного совер покупок при помощи поддельных пластиковых карточек, а использова этого подставных лиц (дропов) - Батюка С.Л., Воропаева П.В. и Ермо Н.Н. Исходя из этого, видна роль Павловича С.А. как организатора, невозможно объяснить его присутствие в компании с Батюком и Воропа а также характер их взаимоотношений после того, как Павлович скр уехав в Киев.

[РАЗДЕЛ ИЗЪЯТ]

28.04.2005г.
Судья

Глава 27
Цена свободы

— Галина Аркадьевна, мне этот год, что добавили, всю картину портит, — начал я разговор со своим адвокатом назавтра. — Надо бы его убрать. Тогда я отсижу в общей сложности всего два года и сорвусь на замену режима, я уже все подсчитал. А так мне придется «висеть» здесь на полгода больше.

— И что ты предлагаешь?

— Ну поговорите с кем-нибудь из своих людей, обсудите…

* * *

— Я договорилась! — светилась от важности моя адвокат через неделю. — … цать тысяч.

— Ни фига себе! — вырвалось у меня. — А че так много? Я слышал, что это удовольствие стоит $1 тыс. за каждый снятый год…

— Во-первых, такого уже давно нет. Во-вторых, почитай, что о тебе газеты пишут, — адвокат положила на стол передо мной свежий выпуск «БелГазеты».

> «В минувшем году суд Центрального района г. Минска признал 22-летнего Сергея Павловича виновным в сбыте “поддельных платежных карт”. Как установило следствие, в 2003–2004 гг. Павлович, известный в Сети под ником?oliceDog, создал интернет-проект DumpsMarket, на котором активно общались кардеры. По подсчетам правоохранителей, Павлович реализовал около 11,5 тыс. пластиковых карточек и их реквизитов, получив доход свыше $530 тыс. А ущерб, нанесенный банкам и платежным системам, превысил $15 млн».

— Сколько, по-твоему, должны попросить судьи, узнав, что у тебя $500 тыс. наличными?

— Так ведь не вся эта сумма принадлежит мне — примерно половину денег я отправлял Джоннихеллу и Black Monarch, которые поставляли мне дампы, — попытался я сбить цену.

— В общем, сумма известна, дальше тебе решать. Надумаешь — сообщи мне, отправим жалобу. Кстати, а почему тебе сумму ущерба такую огромную вменили — свыше $15 млн?

— Так вот же в моем приговоре черным по белому написано: «Виновность обвиняемого подтверждается письменными

материалами дела: письмом VISA Europe от 26 июля 2005 года, согласно которому в 95 файлах, хранившихся на зашифрованных дисках портативного компьютера Павловича С. А., содержится информация о 22 452 банковских пластиковых карточках Visa, с которых с использованием 6532 карточек были совершены хищения на сумму $15 151 984,44». Могли ведь и больше написать — я карточек минимум в два раза больше продал, просто не все они хранились на моем компьютере.

— А кому конкретно причинен этот ущерб? — не унималась Галина Аркадьевна. — Владельцам карточек?

— Нет-нет, кардхолдер никаких потерь не несет — все счета в американских и европейских банках застрахованы. Правда, по правилам платежных систем, если транзакция была с использованием PIN-кода, например в банкомате, тогда деньги кардхолдеру не возвращают, но и здесь возможны варианты: например, владелец карты докажет, что не выезжал из США, в то время как с его карты сняли деньги в Беларуси. Короче, в 99 % случаев ущерб причиняется не кардхолдерам и даже не банкам, а только страховым компаниям, в которых банки и платежные системы страхуют счета своих клиентов. Ну, эти не обеднеют — так что сплю я спокойно, кардхолдеры с протянутой рукой по ночам не снятся, — закончил я. — Кстати, а что с моим «мерседесом»?

— Конфискован в доход государства. Судья вначале отдала его твоей тетке, на которую он и был оформлен, но прокуратура тут же протест подала: мол, на самом деле данный автомобиль принадлежит Павловичу, что подтверждается историей его переписки в ICQ. Больше надо было «хистори» сообщений хранить… Зачем это было надо?

— Думал, пригодится для решения возможных спорных ситуаций с покупателями дампов…

— Ну вот и пригодилось — «минус» $50 тыс., — подвела итог адвокат. — Кстати, а чего у тебя госномер на нем был 9999ТЕ, попроще сделать не мог?

Я промолчал.

— «Понты» эти ваши все, выделяться хотите, — Нестерович резала без ножа. — Номер на твоей машине должен быть как можно хуже запоминающимся — в жизни всякое бывает. Да ладно, не расстраивайся, всего-то кусок железа, купишь себе еще. Впредь будешь умнее и хвастаться всем друзьям не будешь, что купил, за какие деньги да на кого оформил. Хотя и это порой не спасает. Ситуация: автомобиль у тебя по доверенности, в целях уберечь его от возможной конфискации оформлен на дальнего родственника или вообще «левого» пассажира. Чаще, конечно, на

родственников. Мусора знают, что де-факто владельцем машины являешься ты, но доказать это не могут. Что происходит дальше? Примерно следующее: звонят Васе, на которого оформлено твое авто.

— Алло, Вася Пупкин?

— Да, а что?

— Следователь Иванов. С участием принадлежащего вам транспортного средства марки такой-то, госномер такой-то произошло ДТП, в результате которого погибли двое детей. Виновник аварии с места происшествия скрылся, но мы подозреваем, да и камеры это подтверждают, что за рулем находились вы. Как не вы? Ну, уголовное дело по факту возбуждено, вам необходимо явиться к нам для допроса и других следственных действий. Весь разговор при этом записывается на диктофон. Санкция прокурора, само собой, имеется. Скорее всего, человек, на которого внезапно обрушивают поток подобной информации, потеряется и начнет оправдываться, мол, это не я, на меня машина только оформлена, а реальным владельцем является господин такой-то. Фамилия его такая-то, адрес, телефон, все вплоть до адреса любовницы — лишь бы не иметь проблем с законом. А ментам только этого и надо. Финита ля комедия, короче. Поэтому если оформляешь свой автомобиль на подставное лицо, позаботься о том, чтобы и с декларацией о доходах (их должно хватать на приобретение аналогичного автомобиля), и с водительским удостоверением, и, главное, с мозгами все было в порядке… Короче, Сергей, мне пора, — закончила Галина Аркадьевна. — Надумаешь писать, чтоб сняли год, маякни.

Глава 28
Postal

Однажды утром, когда я просматривал список «маляв», которые за ночь прошли через нашу хату, я увидел, что некий Илья Сапрыкин кого-то разыскивает. Ба-а, да не тот ли это Ильюша, которого я очень хотел бы видеть? Правда, искал он не меня.

— Андрей, — обратился я к Филонову, — по ходу, мой должник заехал, 18k «зелени» висит. Вдобавок давал показания против меня. Давай-ка заберем его к себе в хату.

— Ну давай, — согласился Фил и записался к «куму».

Назавтра возвращения Филонова с кабинетов я ожидал с большим нетерпением.

— В общем, это он, — начал Фил, — и отчество, и год рождения совпадают. Правда, есть одно «но» — твой потенциальный «терпила» сейчас на больничке, на сердце косит. К тому же его мать подъезжала к кому-то из местного начальства и просила, чтобы после медчасти Илью подняли на «новый» корпус и определили в маломестную хату. Ну, хоть и с трудом, но я этот вопрос решил — после выписки будет у нас.

Через несколько дней Андрея Филонова заказали на этап — он не вовремя «поставил» одного таможенника в хате на деньги, у того брат оказался большой шишкой в Министерстве внутренних дел, и Фила отправили в лагерь.

— Дима, на днях к нам в хату поднимется один гусь, — обратился я к Батону, — мой должник. Мы с Филом все это замутили, ну да ты в курсе. Надо бы его со старта «прибить», чтоб и не дергался никуда.

— Давай, я только за, — согласился Батон.

— Я не знаю точно, когда его поднимут, да и никто еще, кроме его лечащего врача, не знает, но как только он зайдет в хату, я тебе «маякну», а сам залезу под одеяло и послушаю, что он будет «плести». Выведи его в разговоре на меня — он наверняка наговорит лишнего. Ну, не мне тебя учить, в общем.

— Хорошо, малюпас, — Батон все понимал с полуслова.

Прошло пять дней. Ближе к вечеру открылись «тормоза».

— Дима, это он, — прошептал я и юркнул под одеяло.

— Здоровенько, пацаны, — Илья быстро научился тюремной фене.

— Привет, проходи сюда, — подозвал его Батон. — Кто, откуда, статья?

— Из Минска. Илья.

— Статья какая?

— 212-я…

— А че это? — Батон умело играл «быка».

— Компьютерная…

— Хакер, что ли?

— Ну да, — неуверенно отвечал Сапрыкин.

— Знавал я одного молодого «чемодана» с такой же статьей… — задумчиво протянул Дима, — пересекался здесь с ним. Может, ты с ним знаком? Сергей зовут, фамилия вроде на «пэ».

— Знаю, конечно, — оживился Илья. — И хорошо знаю. Он же здесь, на тюрьме, баландером работает.

— Кем, ты сказал, работает? — Батон брезгливо поморщился.

— Ну в хозобслуге, баланду развозит.

— Интересная версия, но у меня другая информация.

— Да нет же, — стоял на своем Сапрыкин, — я точно знаю.

— То-о-о-о-чно… А ты не допускаешь, что можешь ошибаться? Я даже где-то и уверен, что ты ошибаешься, так как в «баланду» он бы точно не пошел…

— Да нет же, я ЗНАЮ!.. — Илья, похоже, был полностью уверен в своей правоте.

— Знаешь… А если выяснится, что ты лжешь? Ведь это интрига получится, негодяйский поступок, а ты знаешь, что делают с интриганами?.. — Дима поставил Сапрыкину на вид его же собственные слова.

Должен сказать, что лежать под жарким двойным одеялом и слушать этот затянувшийся диалог мне к тому моменту надоело. Я вылез из своего укрытия, обошел Илью — он сидел напротив шконки Батона и не мог видеть, что происходит у него за спиной, — резко сел рядом с Димой и положил свою левую руку Сапрыкину на плечо:

— Ну здравствуй, Ильюша! Не думал, что вот так встретимся? Можешь не отвечать — по лицу твоему вижу, что не думал… Земля-то… она круглая.

Несколько минут я сидел напротив него и с интересом изучал этого еще совсем недавно бывшего мне близким человека — не сказать, что друга, но мы вместе работали и развлекались. Человек может говорить нам все что угодно, но его истинная натура проявляется в поступках. И если на словах у него одно, а в действиях другое — нужно держаться от таких людей подальше. Не стоит прощать лжи никому, особенно друзьям. Проблема в том, что мы любим своих друзей и закрываем глаза на многие их на первый взгляд невинные обманы. Со временем эта ложь

накапливается как снежный ком и больно бьет нас по голове — эти люди первыми и предают. Сапрыкину я прощал многое…

Голос Ильи уже перестал предательски дрожать, и лишь его глаза выдавали недавно пережитый ужас. Я вернулся на свои нары и подозвал его к себе. Ввел его в курс жизни в хате, рассказал, что можно делать, а чего не стоит, и сказал, что пока я в камере, его никто не тронет. Я давно не общался ни с кем, кого знал еще по свободе, — последним был Олег Бунас, и мне было интересно буквально все: новости и сплетни о жизни общих знакомых, обстоятельства дела Ильи и особенно то, как и когда он собирается вернуть мне долг. Выяснилось, что на протяжении полугода Сапрыкин и его подельник Артем Бурак снимали в банкоматах деньги по поддельным американским карточкам и таким образом украли около $200 тыс.

— Илья, до меня доходили слухи, что после того, как меня «приняли», ты работал на мусоров из отдела «К» — платил им, а также «стучал» и был чуть ли не личным водителем Новика и Миклашевича. Сейчас ты сидишь напротив меня. Здесь что-то не вяжется. Если ты представлял для них такой интерес… Короче, я хочу услышать твои объяснения.

— Взяли нас те же опера, что и тебя, — Новик и Миклашевич. Следак — Макаревич. Все это время я и Артем находились под подпиской о невыезде, но, как только начался судебный процесс, мне тут же изменили меру пресечения.

— С чего бы это?

— Помнишь, как мы с тобой в Испанию ездили?

— Такое забудешь. Словно вчера было…

— Так вот, я собрался туда отвалить. Начал оформлять «шенген», менты об этом как-то прознали и изменили мне меру пресечения. Так я и оказался в СИЗО.

— А что за история с «личным водителем»?

— Пару раз мусора просили встретить на машине их зарубежных коллег в аэропорту, не более того.

— Все ясно. Думал таким образом себе свободу купить?! Ладно, ты лучше скажи мне, зачем ты против меня показания давал? — перешел я ко второй части «марлезонского балета». — Не мог сказать, что «пластик» в твоем авто забыл кто-то из тех ребят, что уже уехали? Тот же Эррор, например, или Джоннихелл, не суть. Нет человека — нет проблемы. А я бы вообще все отрицал, и дело с концом. Развели тебя, как первоклассника. На первом же допросе сломался! — я начал выходить из себя.

— Сразу после того, как нас «взяли», я позвонил адвокату, и тот посоветовал валить все на тебя, чтобы исключить «группу лиц» и тем самым облегчить твое положение, — нагло, но, надо

признать, умело врал Илья.

— Ладно, — я сменил гнев на милость, — спать будешь там, — и указал Илье на шконку в середине хаты, не самую плохую, но подальше от себя.

Назавтра Батон, с которым мы успели крепко сдружиться за два года, проведенных в одних камерах, уехал на этап, а через несколько дней из хаты выдернули и Илью — видно, мольбы и деньги его матери все-таки дошли до тюремного начальства. Не знаю, сделало ли это его счастливее, но меня огорчило, так как, во-первых, с ним мне было повеселее, а во-вторых, я не успел взять у него расписку о долге.

Глава 29
Freedom [2]

Я свободен, словно птица в небесах,
Я свободен, я забыл, что значит страх.
Гр. «Ария»

До самой последней минуты я не знал точной даты своего освобождения — документы о представлении к условно-досрочному ушли в суд уже две недели назад, и теперь одному Богу было известно, когда судья их рассмотрит и вернет в СИЗО. Поэтому, когда на двадцатый день томительного ожидания, вечером, около 16 часов, лишенный эмоций голос за дверью произнес: «Павлович, с вещами!» — я совершенно не был к этому готов. Сознание затуманилось, я на полном автопилоте одевался, складывал в рюкзак важные для меня книги, открытки и особо душевные письма, пил с разными людьми чай, они мне что-то говорили, о чем-то просили, чего-то желали, но всего этого я уже не слышал.

Лязг «тормозов» (только сейчас в полной мере понимаешь, почему эта массивная стальная дверь называется именно так), сердце начинает биться так часто и сильно, что кажется, будто этот радостно-возвышенный стук слышен далеко вокруг, огибает железные лестницы, темные тюремные продолы, отражается от старинного сводчатого потолка и весенним менестрелем врывается обратно в сердце. Десять неуверенных шагов, двадцать, тридцать, сто… снова темный зачуханный и холодный «отстойник», правда, теперь он уже кажется просто малоосвещенным, слегка неубранным и прохладным от свежего весеннего ветра… еще 20 минут ожидания… «волчий билет» (справку об освобождении) на руки… звонок маме: «Встреть меня. — Не могу, я одна на работе, аптеку не на кого оставить»… Скрип закрывающейся за моей спиной двери… и СВОБОДА!!!

Нет, не кружится от избытка чувств и свежего воздуха голова, и ничего особо нового и радостного не испытываешь. Сознание почти сразу же переключается на новую задачу, и уже думаешь о том, где взять такси, куда ехать, что кому говорить при встрече. Правда, тюрьма все еще хранит на тебе свою тяжелую печать — выражается это в том, что людей я обхожу за много метров и мне постоянно кажется, что вся эта огромная людская толпа смотрит

только на меня, хотя, скорее всего, эти уставшие после долгого трудового дня люди не замечают никого вокруг и думают только о том, как бы поскорее вернуться в свои теплые и уютные дома и квартиры. Дом 'а… Неужели и я теперь дома? Так трудно в это поверить. И только прыгнув в такси и назвав адрес аптеки, где работала моя мама, я наконец расслабился и посмотрел на свои часы: среда, 11 апреля 2007 года.

Американские спецслужбы сильно удивлялись, как из шести лет мне удалось отсидеть всего два с половиной, тем не менее белорусское законодательство вполне позволяет сделать это: один год мне «срезали» по амнистии, а в соответствии со статьей 91 УК РБ до замены лишения свободы более мягким наказанием мне нужно было отсидеть половину.

Мой брат, к тому времени уже два года живший в Киеве, по счастливому совпадению оказался в Минске и, когда я ему позвонил, как раз встречался с моей Катей. Через полчаса они приехали. Плакала только мама, да и то от радости. Мы пили Martell XO из наших с Димой старых запасов и без конца разговаривали. Катя уехала. Я рассчитывал, что ближе к ночи мы с ней увидимся, но у нее на этот счет, видимо, были другие планы. Я не настаивал, и мы с братом всю ночь пропьянствовали. Помню, как в пять утра поехали смотреть на новую Национальную библиотеку… Назавтра Дима улетел домой, и я набрал Кате. Нам надо было многое сказать друг другу, и я не понимал ее, раз за разом отказывающуюся от встреч. За несколько месяцев до освобождения «доброжелатели» написали мне, что видели Катю в компании с каким-то парнем и что те явно флиртовали. Тогда я не придал этому значения, так как был уверен в своей девушке на все сто. Но когда она в течение нескольких дней так и не нашла времени и желания увидеться со мной, моя уверенность уже не была столь непоколебимой. В то же время я отказывался верить, что наши отношения остались в прошлом, и пытался найти объяснение ее поведению. Не знаю, какая борьба происходила у нее внутри в те дни, возможно, она просто не могла разобраться в себе и задавалась вопросом, столь ли сильна ее любовь ко мне, как и в первые дни наших отношений, — все-таки мы провели в разлуке долгих два с половиной года, — а может быть, Катя ждала определенных шагов от меня. Не знаю. Я и сам не мог разобраться в своих чувствах. Любил ли я ее? Любил ли я ее вообще когда-нибудь? Я не мог, а возможно, боялся дать себе ответ на эти вопросы. Сейчас, когда я пишу эту книгу и ЛЮБЛЮ лучшую для меня в мире женщину, впервые подарившую мне радость этого чувства, я понимаю, что нет. В тот момент мне казалось, что это любовь, но

на самом деле нам просто было хорошо вместе. Себя ведь не обманешь… Любила ли она меня? Несомненно, да. Только искренне и преданно любящая женщина могла выдержать все те испытания, что ей пришлось пережить, сделать это с таким достоинством и оставаться со мной несмотря ни на что.

Мы увиделись только через четыре дня. Проехались по магазинам — я обновлял свой гардероб, и зарулили в наше любимое маленькое кафе «Грюнвальд», донельзя кстати подходившее для предстоящего разговора. Взяли какой-то десерт, выпили по бокалу вина, мило поболтали на отвлеченные темы, заказали кофе. Никто не решался первым заговорить о том, что волновало нас больше всего. Наконец Катя не выдержала и прямо спросила, что я думаю по поводу перспектив наших дальнейших отношений. Ее странное поведение последних дней, нежелание (или боязнь?) видеть меня, ее отстраненная холодность не позволили мне верно оценить ситуацию, попытаться понять Катю, развеять ее страхи и сомнения, и подтолкнули к необдуманному решению. В моей голове, как назло, крутилась непонятно откуда взявшаяся мысль, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды, и я не решился на продолжение отношений.

— Мы могли бы попробовать начать все сначала, — сказала Катя, — но раз ты не хочешь, тогда это теряет смысл, — добавила она с разочарованием.

Не знаю, была ли она готова к подобному варианту развития событий, но в том, что в тот день произошло между нами, была исключительно моя вина. Я подумал лишь о себе, не попытался поставить себя на ее место и фактически оттолкнул от себя эту столь дорогую и близкую мне женщину, вычеркнув из ее жизни два с половиной года слез, ожиданий, надежд и переживаний.

«Ну и кто ты после этого?» — спрашиваю я себя сейчас. Самовлюбленный эгоист, вот ты кто, Сергей Павлович. Не знаю, как сложилась бы моя жизнь, не оттолкни я Катю в тот момент, — история не знает сослагательного наклонения. Возможно, мы бы поженились, у нас были бы дети и мы жили бы долго и счастливо. «Стоп!» — ловлю я себя на мысли. Ты забыл добавить, что продолжал бы изменять ей, редкая ты сволочь. «Просто ты не был достоин этой женщины, поэтому судьба и развела вас в разные стороны», — шепчет мне кто-то невидимый сверху…

Глава 30
I remember the time… [3]

Бендер: «Мне нужно пятьсот тысяч и по возможности сразу, а не частями!» — «Может, все-таки возьмете частями?» — спросил мстительный Балаганов. Остап внимательно посмотрел на собеседника и совершенно серьезно ответил: «Я бы взял частями. Но мне нужно сразу».

Из к/ф «Золотой теленок»

Человек очень быстро привыкает к хорошему. И очень медленно — к плохому. И наоборот. Плохое забывается очень быстро. Хорошее — не забывается. Через неделю о тюрьме я и не вспоминал.

Я был окрылен свободой и возможностью делать то, что хочу, а не то, что приказывают. Моя жизнь отныне принадлежала только мне, и земля уходила у меня из-под ног.

Кайзер отошел от дел со мной, стал работать с Джоннихеллом, продавать его дампы и даже открыл собственный чекинг-сервис. Не знаю, как складывается его жизнь сейчас, но для меня он навсегда остался порядочным человеком, подтвердив это тем, что вернул мне долг в размере $10 тыс.

Mondeo, отсидевший в бельгийской тюрьме всего два года из шести, находился в Гонконге и занимался «пилотным» выпуском каких-то ультрафиолетовых ламп для выращивания марихуаны — видимо, два года, проведенные в тюрьме недалеко от Голландии, не прошли для него даром. Правда, в той же тюрьме все еще оставалась его жена Lam, которую арестовали через год после него, дали такой же срок и за которую Майкл сильно переживал. Они оставались должны мне немалую сумму, и я попросил Майкла в счет долга прислать мне ноутбук Sony Vaio и плеер iPod nano — в тюрьме я соскучился по различным гаджетам и спешил сократить собственную техническую отсталость.

В категорию людей, ставших мне абсолютно безразличными, неожиданным образом перешел Фидель, который пообещал мне помочь в одном деликатном деле (контрабанда алкоголя в Йемен), но потом, испугавшись собственной смелости, отключил свой мобильник, когда я, проехав 2 тыс. км, был всего в 20 км от

Одессы.

Я занялся теннисом, регулярно посещал спортинг-клуб, где порой настреливал до трехсот патронов в день, возобновлял прежние связи и знакомства. По понятным причинам большая часть моего времени проходила в погоне за женщинами и сексом, и я часами просиживал на сайте знакомств mamba.ru. От отсутствия денег я не страдал — мне возвратили долги в размере $90 тыс., и можно было начинать практически любой бизнес, но я не стремился поскорее окунуться в работу, я просто прожигал жизнь и наверстывал все, что упустил за два с половиной года.

Мне хотелось всего и сразу. Я взялся за реализацию сразу нескольких тем, о которых раздумывал еще в тюрьме: спам, интернет-банк cash2hands, создание форума carderLAB и выпуск собственной водки под торговыми марками HACKER и CARDER категории суперпремиум. Дампы интересовали меня лишь в контексте работы над форумом — я не собирался возвращаться к торговле ими. Мне не хватало толковых исполнителей, а своими силами я со всем не справлялся. В то же время я не хотел привлекать в перспективные проекты случайных людей, и в связи с тем, что большая часть моего времени проходила в погоне за женщинами, работа по воплощению моих идей в жизнь двигалась крайне медленно. Сейчас я понимаю, что распыляться на много проектов сразу было не очень умным решением, что не позволило мне довести до ума ни один из них. Только проект Vodka оказался реализован на 90 %, и мне не хватило считаных недель, чтобы начать продажи по всему миру.

Почему я выбрал именно водку? Потому что это идеальный маркетинговый продукт. Ведь что такое водка? Спирт, вода и сахар. Себестоимость литра спирта не превышает $3, все остальное — чистый маркетинг.

Вот взять, к примеру, украинскую водку «Цельсий». Чем она привлекает покупателя? На вкус паршивая, зато дешевая и красивая. Дизайн упаковки — один из главных, наряду с ценой, способов выделиться среди конкурирующих марок. При этом можно следовать канонам своего рынка, а можно их и нарушить — например, взять нетипичный цвет или форму. Что сделала компания «Национальные алкогольные традиции»? Скопировала дизайн бутылки шведской минеральной воды VOSS, наклеила на нее не самую, сказать по правде, лучшую этикетку и провела массированную рекламную кампанию. Так на свет появился «Цельсий» — один из самых успешных украинских водочных брендов. Идти против стандартов своей категории — рискованный путь, но если хочешь выйти из ряда вон, надо рисковать. У новатора должны быть завышенные ожидания, иначе

его идея обречена на провал.

Томас Эдисон, американский изобретатель и промышленник, говорил: «Все воруют в коммерции и промышленности. Я и сам многое украл, но я могу воровать с умом». Как появилась на свет российская водочная марка «Парламент»? Взяли раскрученный бренд в другой товарной категории (сигареты «Парламент» знает даже моя мама) и под тем же названием, и даже в схожем цветовом оформлении, выпустили пользующуюся большой популярностью водку.

Идем дальше, водка Kauffman. «Зерно для выпуска этой водки закупили в семи областях центра России, долго его хранили и только потом отобрали из каждой из семи партий лучшую седьмую часть и смешали их. Эта партия и была переработана в спирт», — читаем мы в рекламе Kauffman. «Легенда» впечатляет. «Kauffman инаугурационная», выпущенная к торжествам в честь второй инаугурации президента Путина, стоит $600. Ты бы отдал такие деньги за бутылку водки? А $1 тыс. за самую дорогую в мире водку Diva? А ведь в мире хватает людей, которые ее пьют. Ценность вещи иногда заключена не в том, чего можно добиться с ее помощью, а в том, сколько она стоит. Все товары limited edition основаны на людском эгоизме и тщеславии. Наша природа не изменилась за долгие тысячелетия, и знание универсальных поведенческих законов позволит добиться успеха в любой сфере — хоть в продаже дампов, хоть в производстве водки.

Помимо этого, при продвижении любого товара ты должен использовать четкий и ясный посыл (слоган), обращенный к покупателю: «Наш принцип — быть честными с самими собой и покупателями», — заявляет Kauffman и смело указывает на своей водке since 2000 year, то есть подчеркивает, что хотя у бренда и нет столетней истории, но за качество им не стыдно. «Удовольствие от вождения» (BMW), «Время драгоценно, когда его мало» (часы Blancpain), «Живи с опережением» (Lexus), «Касается каждого» (инициатива stopspid.ru), «Создан из ваших желаний» (Mercedes-Benz), «Позаботится о ней, когда тебя нет» (плед из стриженой норки от Hermes), «Не смущайтесь. Это важно» (мыло для интимной гигиены Saugella), «Наши письма доходят всем!» (мои знакомые спамеры).

Любой товар, который ты продвигаешь, помимо высокого качества, должен иметь хотя бы одну, но присущую только ему уникальную маркетинговую фишку. Если это шоколад, то он должен притягивать внимание покупателя так же, как шоколадные наборы Kama Sutra. Если водка — быть такой, как, например, Beluga, где каждая линия говорит о чистоте и качестве. Выделяйся, не будь таким, как все! Успех лежит на тропинках,

которых еще нет. Вот и прокладывай свой путь, как это сделало Общество цветоводов и флористов: чтобы увеличить продажи цветов, профинансировало «изобретение» праздника — Дня святого Валентина. Пример прекрасно понял и развил испанский винодел Мигель Торрес, создав вино San Valentin. Головная боль по поводу символического подарка ко Дню всех влюбленных снята. Этикетка в форме сердца и ангелочек на веревочке красноречивее любых слов.

Сегодня водка перестала быть просто спиртным напитком. Качество упаковки и содержимого достигло такого уровня, что эксклюзивная водка становится ценным и желанным подарком. Алкогольные напитки под собственным именем выпускают многие звезды шоу-бизнеса, политики и просто известные люди: миллиардер Дональд Трамп, актер Жерар Депардье, дизайнер Роберто Кавалли, рэпер Пафф Дэдди (отличная виноградная водка CIROC). Я удивлен, что до сих пор нет шампанского Paris Hilton — уж она-то знает толк в самопиаре…

* * *

Через несколько недель после освобождения я повстречался со следователем Макаревичем, который по моей просьбе передал мне кое-какие файлы из моих прежних компьютеров. Этот представитель самой возбуждающей профессии был уже не тем полным энтузиазма капитаном в брюках не по длине, а солидным и знающим себе цену майором. Я был уверен, что повышение он получил за раскрытие нескольких громких уголовных дел, включая и мое, но Макаревич уверил, что очередную звезду ему дали по сроку службы. Мы пообщались без обид и расстались без взаимных претензий. Правда, не прошло и недели, как я приметил за собой «хвост» — не менее шести агентов в штатском.

Причем нарочно делалось все, чтобы я заметил слежку. Вечером того же дня, когда я обнаружил «хвост», Макаревич прислал мне e-mail, в котором предложил встретиться с некими людьми, желающими поговорить со мной.

Я набрал указанный номер телефона. Незнакомый голос в трубке попросил меня приехать к зданию Министерства внутренних дел. «Когда?» — уточнил я. — «Когда тебе будет удобно». — «О'кей, завтра».

У входа в здание МВД висел телефон внутренней связи. Я набрал уже известный мне номер:

— Это Сергей Павлович. Я внизу.

— Хорошо, выхожу.

Вышедший из подъезда очкарик оказался давно знакомым мне опером Миклашевичем.

— Привет, Сергей. Сколько лет, сколько зим…

— Не сказать, что я сильно рад нашей встрече… Чем обязан?

— А ты не изменился, — сказал мне вышедший следом также знакомый мне оперативник Новик, вместе с Миклашевичем арестовывавший меня в 2004-м. — Ну, как дела, Полисдог?

— Дела у вас… Лучше «топтунов» своих от меня уберите.

— Каких, на фиг, «топтунов»? — с плохо наигранным удивлением поинтересовался очкарик.

— Ой, можно подумать, вы не в курсе… Гоняются за мной по всему городу, в спину дышат. Одинаковые плащевые брюки, рубашки с коротким рукавом, рации «непроизвольно» срабатывают…

— Аа-а, так это не мы. Это Комитет, — Новик красноречиво посмотрел в сторону соседнего здания КГБ. — Тем более что ты их выкупил.

— Хочешь сказать, что ваших я бы не выкупил?

— Не в этом дело, — подключился к разговору Миклашевич, — просто нормальный «хвост» ты вряд ли определишь. А по твоим словам выходит, что все нарочно было сделано для того, чтобы ты их заметил. Ладно, пойдем в кафе — не на улице же, в самом деле, разговаривать — здесь недалеко. Ты никуда не торопишься?

— Не особо.

Надо сказать, что рандеву с милиционерами не входило в перечень моих обычных занятий и я еще на подходе к МВД на всякий случай включил диктофон на своем HTC Touch. Не стандартный, имеющийся в каждой «трубке», а нормальную продвинутую программу для записи голоса, коих очень много на различных интернет-сайтах. Настройка уровня сигнала, отсечение фоновых шумов, продолжительность записи, ограниченная только размерами флешки, — положил телефон на стол прямо перед носом собеседника и записывай себе на здоровье, не вызывая подозрений.

— Главная примета следящего, — продолжил Миклашевич по дороге, — неприметность. «Плохие» ребята редко носят плащи свободного покроя с поясом — твой «хвост», скорее всего, будет человеком, которого ты меньше всего ожидаешь увидеть. Например, женщина или пожилой человек. Слежку всегда ведут группой, переговариваясь по рациям или мобильным телефонам. Один человек идет непосредственно за тобой, а другой намного сзади, с тем чтобы прикрыть ближний «хвост». Другие члены бригады наблюдения могут следовать за тобой по другой стороне улицы или по параллельной улице. Следящий за тобой может менять одежду, прическу, очки прямо на ходу. Правда, нижнюю часть гардероба, например брюки или ботинки, невозможно

быстро поменять. Обращай внимание на такие приметы, как рост и характерные черты лица, запоминай личные вещи, такие как кольца или другие драгоценности, которые обращают на себя внимание. Если при выходе из автобуса перед тобой промелькнуло лицо, которое ты видел час назад, то вряд ли это совпадение. Впрочем, подобное маловероятно, так как «хвосты» работают посменно.

Обычно следящий выдает себя, когда теряет жертву из вида. Потеряв тебя, шпион занервничает. Используй это против него. Простой пример: зайди за угол и резко остановись. Твой преследователь сможет остановиться, только налетев на тебя. Если идешь в компании с другим человеком, пусть он остановится или попятится назад. Правда, следящие поймут, что слежка обнаружена, а это не есть хорошо. Сделай по-другому: сверни за угол, зайди в какое-нибудь кафе с прозрачными стеклами и наблюдай. Для этих же целей можно использовать проходные дворы. Вообще, если подозреваешь, что за тобой следят, то прежде, чем выйти на улицу, определи свой маршрут. Помни, что он не должен насторожить следящих. Маршрут выбирай такой, чтобы были пересадки в общественном транспорте.

— Садись в метро или автобус в последнюю минуту, — подсказал Новик.

— Ага, видал такой трюк в кино, — вспомнил я.

— Вставай у заднего окна, — продолжил «ботаник» Миклашевич, — чтобы можно было следить за дорогой. Не оглядывайся резко назад, не нервничай — иначе, заподозрив, что ты их вычислил, преследующие тебя люди станут еще осторожнее. Для обнаружения «хвоста» можно использовать витрины в качестве зеркал. Брось что-нибудь на тротуар и проследи, не поднимет ли кто этот предмет. Обращай внимание на людей с мобильниками, радиостанциями, просто на тех, кто часто подносит ладонь ко рту — в ней может быть зажат передатчик. Главная твоя задача — заставить шпиона или шпионов выдать себя своими нестандартными, несвойственными обычным людям действиями.

— Я, когда у одного из них рация рядом с моей машиной сработала, быстро за руль прыгнул, развернулся и уехал. Трое за мной метров пятьдесят бежали, потом в «Шкоду» серебристого цвета прыгнули… еле оторвался, километров пять по городу петлял.

— Если ты вычислил один «хвост», это не означает, что ты определил всех, — вновь оживился полковник (как позже выяснилось) Новик. — Старайся запоминать регистрационные

номера машин, которые едут за тобой. Сначала увеличь скорость, потом сбавь. Неопытный преследователь нажмет на тормоз, чтобы попытаться поймать твой темп движения, или же будет пребывать в растерянности, пытаясь замаскировать или как-то оправдать свои маневры. Проделай эту операцию несколько раз, с тем чтобы определить, кто как бы непреднамеренно (но, конечно же, с целью) постоянно поворачивает за тобой. Чаще меняй направление своего движения — так ты сможешь определить несколько «хвостов». Некоторые бригады наружки устраивают игры с фарами, чтобы в темное время их автомобиль выглядел поочередно как седан или мотоцикл. Это делается с помощью выключателя.

— Это понятно, — перебил я. — В выключенном положении в зеркале заднего вида я увижу одиночный свет фары и решу, что подозрительный седан, который я заметил ранее, уехал…

— Можно просверлить небольшое отверстие в заднем фонаре твоего авто — фонарь будет светить ярким белым пятном, а не красным или янтарным, и это позволит преследователю оставаться ночью на достаточном расстоянии даже при очень интенсивном дорожном движении. А можно не заморачиваться и просто вынуть одну из лампочек либо приклеить на твой бампер полосу светоотражающей пленки.

— Ты еще про радиомаяки забыл упомянуть — XXI век же на дворе, GPS сейчас сильно развит, — подсказал я.

— Ну да, точно, — согласился Новик.

— Сложно как-то все это…

— Определить профессиональную слежку чрезвычайно трудно, но можно. Да и в целом за личной безопасностью надо следить. Вот ты назначил встречу. Где встречаться? Открытое пространство не подходит, как, впрочем, и слишком закрытое. Могу посоветовать кафе — вот как мы сейчас…

Мы как раз подходили к кафе «Мирский замок», что расположено в Минске на проспекте Независимости — обычной советской забегаловке, в которой можно безбоязненно употреблять разве что чай в пакетиках да минералку. В кафе играла громкая музыка, что мне, с учетом намерения записать наш разговор, не очень понравилось, но у мусоров на этот счет, видимо, имелись другие соображения. А может, это было простым совпадением.

— Напротив окон и дверей не садись, — предупредил Миклашевич, — лучше спиной к стене.

— Слышь, пинкертоны, у вас паранойя уже, — шоу забавляло меня все больше.

— Стеклам свойственно вибрировать, по губам можно

читать, — продолжал очкарик, — сев спиной к стене, ты получишь возможность следить за происходящим в кафе. Еще лучше, если со своим собеседником вы будете переговариваться не вслух, а перепиской, — Миклашевич оглядел помещение кафе в поисках удачного примера, вероятно, ноутбука, — на бумаге…

Конечно, менты не предполагали, что я могу записывать наш разговор, иначе не общались бы со мной во весь голос, а последовали бы своему же совету.

— И вообще, — Новик вновь переключил разговор на себя, — помни: какое бы незначительное преступление ты ни совершил, всегда, запомни, всегда считай, что ты сделал что-то ужасное. Паранойя должна быть твоим спутником. А то вон в 2004-м вы до того офигели, что купленную по «левому» «пластику» водку, все тридцать ящиков, прямо в инкассаторский микроавтобус загружали.

— Немного странно слышать подобные наставления из уст легавых, вы не находите? — я уже не знал, что и думать.

— Жизнь вообще странная штука, — философски заметил Миклашевич, который так же, как и Новик, в то время уже носил погоны с тремя большими звездами.

— Вы про Бернардо Провенцано слышали?

— Нет, а должны были? — спросил один из мусоров.

— Легендарный мафиози, крестный отец сицилийской коза ностры, успешно скрывался сорок три года, никогда не фотографировался — у полиции было лишь одно его фото сорокалетней давности, его местонахождение знали лишь несколько приближенных, все приказы отдавал через pizzini — маленькие записки и все равно попался…

— Как? — спросил Новик.

— Полиция проследила путь доставки чистой одежды из прачечной его семьи до заброшенной фермы, где скрывался Провенцано.

— Сколько веревочке ни виться… Тебя, кстати, Кирпич сдал.

— Что за «кирпич»? — я вопросительно посмотрел на мусоров.

— Не «что», а «кто», — любезно пояснил Новик.

— Не знаю я таких.

— Ой ли?.. Фильм «Место встречи изменить нельзя» смотрел?

— Очень давно.

— Не суть. Там карманник был один, Садальский его играл, все говорил: «Кошелек, кошелек!.. Какой кошелек?!» «Погоняло» его было Кирпич. А фамилию не помнишь?

— Нет.

— А фамилия Кирпича была Сапрыкин. Вот мы Илью

Кирпичом и прозвали. Если б не его показания, оснований для твоего ареста навряд ли хватило бы…

— Да я понял уже, что он сказал при задержании все так, как вам было нужно. Мразь.

— Не то слово, — продолжил Новик. — Скулил, как баба, чтоб мы его не «закрывали». Его папаша — ну ты ж в курсе, у них там фирма строительная, проектную документацию делают.

Я кивнул.

— …задолжал моему приятелю 60 штук баксов. И не отдавал. Пока мы Илью не «прикрыли», ни копейки не вернул. Ну мы сыночка под замок ненадолго — благо оснований хватало, и папаше намекнули что к чему — 50 тыс. сразу вернул. Но вот же, блин, еврейская семейка — оставшуюся «десятку» старшой Кирпич зажал. Пришлось по-новой Илью поприжать.

— Так а приняли-то вы его за что? Я думал, он вам платит… свой в доску…

— Мы тоже так думали. И когда после твоего ареста деньги из белорусских банкоматов все так же продолжили исчезать, Сапрыкин был последним, на кого мы могли подумать. Рассказать, как он спалился?

— Спрашиваешь!

— Лавэ он снимал с американских карточек. И в банкоматах, где работал, — вот же сукин сын, узнал каким-то образом — видеокамер не было.

— Да они и сейчас только в каждом третьем АТМ стоят… В Минске так точно.

— Откуда знаешь?!

— То же мне, секрет Полишинеля…

— Ладно. Так вот, в банкоматах камер не было. Зато одна камера висела на магазине возле одного из банкоматов. Мы пленочку прокрутили — ага, в это время подъезжала черная BMW «пятерка», в кузове e39, и знаешь что? Пробили номера — оказалось, принадлежит старшему брату Сапрыкина.

— Вот дебил! Машину в таких делах надо за квартал оставлять, а то и дальше. Мы когда в Киеве по банкоматам работали, даже PIN-коды набирали фалангой пальца, чтоб отпечатков не оставлять.

— Некоторые кардеры набирают PIN через лист бумаги, ногтем или покрывают подушечки пальцев гидроксиквиналином (hydroxyquinoline) — прозрачным антисептиком, продающимся в аптеках как жидкий пластырь «Новая кожа» (New-Skin). Но это все лишнее, — Новик усмехнулся. — Мы вас по-другому вычисляем.

— Как?

— Смотри. В основном вы воруете деньги с американских

карт.

— Предположим.

— Да так и есть — с белорусскими нечего ловить. На сегодня по всей Беларуси всего около тысячи транзакций по иностранным картам в день. Все платежи обрабатываются в одном месте — Национальном процессинговом центре.

— Процессинговый центр — это технологическое ядро любой платежной системы, — подключился к разговору Миклашевич. — Именно здесь в режиме реального времени обрабатываются все транзакции. Наши ребята написали и установили туда сниффер (судя по всему, идея со сниффером принадлежала именно Миклашевичу), анализирующий все иностранные транзакции по следующим параметрам: большие суммы снятия, преимущественно в ночное время, удаленные от оживленных улиц банкоматы и повторяемость — вы же, если карточка начала давать, до самого конца ее «выдаиваете», верно? Система автоматически выбрасывает «алерт» (предупреждение), если сталкивается с этими рисками и особенно с их комбинацией. Согласись, реальный американец не станет в два часа ночи в банкомате в Шабанах раз за разом по пятьсот баксов снимать.

— Логично.

— К тому же вы нередко работаете по одним и тем же излюбленным банкоматам — там мы вас и будем ждать.

— Молодцы. Это вы сильно придумали. Как сказал бы BadB, всем четверка — вам пятерка.

«Ботаник» Миклашевич аж засветился от гордости.

— Это еще что, — продолжал он, — у нас на каждом кардерском форуме есть свои раскрученные персонажи. Ты бы очень удивился, если бы узнал их ники и статусы на форумах…

— После verified.ru — целиком и полностью мусорского форума — я уже мало чему удивляюсь.

Мы беседовали уже около часа. Я потягивал «БонАкву» без газа, купленную за милицейский счет, Новик что-то говорил — рассказчиком он оказался знатным, а Миклашевич, на руке которого поблескивали часы Breitling стоимостью около $2 тыс., откровенно скучал и крутил в руках свою «трубку» HTC.

— Хорошие часики, — я покосился в сторону «Брайтлинга».

— Ай, подделка, — попытался отшутиться Миклашевич.

— Ну мне-то не рассказывай. Фотографии в «Одноклассниках», как ты с семьей отдыхал в Майами, тоже фотомонтаж?

— Да нет, фото мои. Служебная поездка, так сказать. Американцы оплачивали… Разрешили и семью с собой взять. На океан хоть посмотрели…

— Так а что там с КГБ? — я хотел выяснить все насчет своих возможных преследователей.

— Да, точно, — встрепенулся о чем-то задумавшийся полковник Новик. — Ты в курсе, что Комитет крышевал Жданова?

— Краем уха слыхал…

* * *

Выглядело все примерно следующим образом.

Сидит Саша Жданов за столиком, потягивает «Клико» (или «Советское шампанское», если день неудачный), с барышней о чем-то тихо воркует, чистит омара (или там рака, если снова же день такой), дым от сигареты мирно вверх, пальмы вокруг (ну или елки, про день вы в курсе). Настойчивый звонок по мобиле:

— Алло, здравствуйте, это компания «Велком». Ваш телефон находится в роуминге, и на счету образовалась большая задолженность, оплатите, пожалуйста.

— Э-э-э, ну ладно.

— Всего доброго.

— Са-аша, кто звонил?

— Да оператор, просит денег на счет закинуть.

— Странно… С каких это пор сотовый оператор сам звонит…

— Ладно, проехали, налей-ка лучше еще шампанского.

День 2-й.

Тр-р, тр-р.

— Алло.

— Александр?

— Да.

— Комитет госбезопасности.

— Чем обязан?

— Не телефонный разговор. Не могли бы вы к нам зайти?

— Э-э-э, я в Таиланде вообще-то.

— Мы знаем. По возвращении, само собой.

— Хорошо.

— Всего доброго.

Что было после? Жданов возвратился в Минск. Наверное, он и сам не понимает почему. Другой бы на его месте, обладая такими деньгами и светлой головой, уж точно забыл бы Беларусь как страшный сон и остался бы в солнечном и приветливом к богатым белым туристам Таиланде. Но Саша вернулся. И приехал, как водится, в КГБ — от визитов в данное ведомство в нашей синеокой республике не принято отказываться.

«Заводят, значит, в помещение, — рассказывал он мне, — все столы компами заставлены. И два тщедушных паренька возрастом около тридцати, типичные “ботаники”. Ну, представились, как водится:

— Саша, мы знаем все, чем ты занимаешься. Про пирамиды твои в Интернете, про суммы доходов.

— Хорошо. Вернее, плохо. И что теперь? В тюрьму?

— Ну зачем так сразу? Мы же не менты, у нас нет задачи тебя посадить.

Мы Комитет государственной безопасности, понимаешь?

— Если честно, то не совсем.

— Ладно, не все сразу. Короче, мы поможем тебе, а ты нам.

— Стучать я не собираюсь!

— И то верно, ты ж не дятел, хе-хе. Да и не просит тебя никто стучать, хватает у нас информаторов, про тебя ж узнали… Ладно, проехали. Поговорить еще успеем.

После этого развеселая и дружная компания в составе программиста и по совместительству последователя египетских фараонов Саши Жданова и двух офицеров КГБ направилась прямо в “Белтелеком”, где комитетчики удалили все логи об айпишниках и выходах в Интернет с домашнего компьютера Жданова, затем в налоговую инспекцию, где Саша уплатил $20 тыс. в качестве подоходного налога, а потом…

— А теперь, может, ты и нам денег подкинешь?

— Сколько?

— Тебе решать.

Жданов решил, что $10 тыс. будет вполне достаточно. На том и разошлись. Через неделю бравые комитетчики нашли Сашу вновь… Открыли дверь наглухо затонированного микроавтобуса и… показали коробки с новой, еще в фирменной упаковке, оргтехникой.

— Вот, Александр, купили на ваши деньги. Для нужд нашего отдела.

— Поздравляю.

— Ну, удачи.

— Чтоб не носили передачи!.. Тьфу-тьфу…»

Так КГБ начал крышевать Жданова.

* * *

— Это правда, — подхватил Миклашевич. — И даже когда мы уже завели на него дело, его «друзья» советовали ему по «аське», что говорить и как себя вести на допросах. Как видишь, это его не уберегло — мы все равно его посадили. Так что Комитет вас только использует, а реально защитить не может. Или не хочет.

— А вы можете?! — я с любопытством посмотрел на мусоров.

— Ты сейчас чем занимаешься? — предпочел сменить тему разговора полковник Новик.

— В стройфирме работаю.

— Директором?

— Да нет, подсобным рабочим.

— Не смеши, ты — и подсобным рабочим… Руки покажи!

Я не сразу понял, что к чему, и показал ему свои ладони. Новик внимательно оглядел их.

— Все ясно: ни одного мозоля. Куртка Ferre, телефон за пятьсот, часы за «пятерку»…

— У меня замена режима, мне нельзя не работать, — я поздно понял свою оплошность (в больницу, милицию и налоговую надо приходить как можно хуже одетым).

— Ах, вон оно что…

— Типа вы не в курсе…

— Ну а так чем думаешь заняться?

— Еще не решил. Всего три недели, как «откинулся».

— Практика показывает, что и после отсидки большинство из вас возвращается к прежним занятиям.

— Ну а я все же попробую начать новую жизнь.

— Попробуй-попробуй, — продолжал добивать меня Новик. — Только знаешь что? «Самостийная» работа еще никого до добра не доводила. Кстати, кто сейчас дампы продает?

— В Инете я больших баз не видел.

— А их и не было после тебя. А по мелочи кто?

— Не знаю, надо узнавать.

— Ага, узнай-узнай.

— Ладно, мне пора (разговор уже перевалил за час двадцать).

— Погоди, договорим.

— Да мы уже говорим полтора часа, а я все не пойму, что вам от меня нужно, — зная, что диктофон в моем смартфоне не пропускает ни единого слова, я хотел услышать конкретные предложения, которые превратились бы в ценный компромат. Как будто прочитав мои мысли, Миклашевич осторожно поднял со стола мой телефон, нажал на кнопку включения, но на экране высветилось лишь огромное окно ввода пароля, без которого нельзя посмотреть, какие приложения запущены в данный момент, без толку покрутил аппарат в руках и положил обратно. — Поконкретнее давайте.

— Ну ты в любом случае подумай над нашим разговором, — произнес Новик. — Ты — один из лучших кардеров в стране, да и при аресте вел себя достойно, в отличие от того же Сапрыкина. Все равно ж примешься за старое. А «самостийная» работа, как я уже говорил…

— Так это вы мне что, крышу свою предлагаете?

— Иногда и недосказанное значит больше. Лучше есть белый хлеб на берегу Черного моря, чем черный хлеб на берегу Белого моря, — закончил Новик.

Да уж, интересные, получается, методы работы у белорусского управления «К»: вначале запугать, устроив какую-нибудь провокацию или слежку, затем перевести все стрелки на КГБ и предложить свои «услуги».

В ту ночь, лежа в своей постели, я размышлял над словами Новика. Он был во многом прав. Хотя мне и не понравились его слова на мой счет, но он был прав — искушение заняться кардингом слишком велико… Дома я скинул компромат на компьютер и забыл о нем до лучших времен.

Глава 31
Король умер. Да здравствует король!

Лето выдалось сухим и жарким, и я с энтузиазмом отдавался своим хобби и увлечениям, среди которых с детства были охота и рыбалка, а с появлением денег добавились и страсть к коллекционированию часов, любовь к кубинским сигарам, автомобилям представительского класса и красивым женщинам.

Я переспал со всеми женщинами, которых хотел, но которые по разным причинам были недоступны для меня ранее. Две из них намеревались ради меня порвать со своими мужьями, но я всячески отговаривал их, мотивируя тем, что нас связывает только секс и никаких планов на совместную жизнь с ними у меня нет и не будет.

Сайт знакомств mamba.ru, на котором я безвылазно провел почти два месяца, не принес мне радости знакомства с той, о которой я мечтал. Да, были случайные связи — за это время я устроил «кастинг» примерно тридцати девушкам, но ни одна из них не подходила на роль женщины моей мечты. С одними из них я спал по нескольку месяцев, водил по ресторанам и дарил цветы, с другими ограничивался лишь выпитой чашкой кофе.

Сам того не замечая, я фиксировал про себя удачные маркетинговые приемы на «Мамбе», изучил их партнерскую программу и подумывал о создании собственного сайта знакомств. Еще в начале 2000-х я неплохо зарабатывал на партнерской программе крупнейшего в то время англоязычного сайта знакомств friendfinder.com, который платил веб-мастерам, приводившим на их сайт новых посетителей, внушительные комиссионные. Если пользователь оплачивал создание «золотой» ($100) или «платиновой» ($150) анкеты, friendfinder.com выплачивал мне до 60 % от этой суммы. Вполне понятно, ничто не мешало создавать новых пользователей и оплачивать «платиновые» анкеты «левыми» кредитками. Выплаты прекращались только тогда, когда процент чарджбэков (chargeback — возврат платежа, производится, если кардхолдер докажет, что его обокрали) превышал допустимые нормы. С «Мамбой» по разным причинам этот номер не прошел бы, но я и не собирался — со «своими» надо работать честно.

Нежданно-негаданно в белорусский Уголовный кодекс были приняты новые поправки, регламентирующие деятельность сайтов знакомств (отныне владелец ресурса обязан требовать у всех пользователей паспортные данные, шаг влево, шаг вправо —

«торговля людьми», самая модная в последнее время статья), и от создания собственного сайта знакомств я отказался. Конечно, я горячо поддерживаю усилия белорусского руководства, направленные на ужесточение борьбы с вывозом наших женщин за рубеж с целью сексуальной эксплуатации, но когда за создание партнерки к «Мамбе» дают реальный срок — это уже слишком.

* * *

После закрытия «Планеты», падения англоязычного кардерского форума ShadowCrew и окончания операции Firewall (26 октября 2004 г. по всему миру были арестованы двадцать шесть наиболее активных участников кардерского сообщества) киберпреступники были напуганы, дезорганизованы и не имели собственного дома, которым раньше для них были CarderPlanet и ShadowCrew. Конечно, на их руинах тут же появилось много новых форумов — thecc.ru, vendorsname.ws, StealthDivision, CardersArmy, TheftServices, но было непонятно, кто ими владел — на сцене было много копов и информаторов. Англоязычный форум theGrifters был создан на деньги ФБР, а verified.ru принадлежал самарскому управлению «К». Доверие вызывали только ScandinavianCarding, theVouched, TalkCash, DarkMarket.ws и русскоязычные CardingWorld.cc и Mazafaka. Так продолжалось до середины 2005 года, пока на сцене не возник новый крупный игрок — сайт CardersMarket.com, владельцем которого, как позже выяснилось, был один из лучших в мире хакеров Макс Рэй Батлер (Iceman).

Макс Батлер взломал все шесть основных форумов (TalkCash и Scandinavian Carding не имели бэкапов своих баз и навсегда канули в Лету), выбрал оттуда всех англоязычных пользователей (русские больше не доверяли иностранным форумам) и импортировал в свой CardersMarket примерно 4,5 тыс. новых пользователей. Конечно, подобные действия вызвали бурю справедливого возмущения в кардерском сообществе, но факт остается фактом: CardersMarket с его 6 тыс. уникальных пользователей стал самым крупным кардерским форумом в мире. Это было больше, чем на ShadowCrew в лучшие времена.

Как ты думаешь, чем занялся Iceman, заполучив в свои руки столько потенциальных клиентов? Тем же, чем до него занимались Script, Fidel, я и другие владельцы кардерских форумов — торговлей дампами. За короткое время Батлер стал одним из пяти главных продавцов дампов в мире, на рынке, где традиционно доминировали русские. Свой бизнес он вел с предосторожностями: для начала отказался от продажи дампов по бин-листу, чтобы федералам было труднее отследить его вторжения. Теперь агенты не могли приобрести двадцать дампов

одного банка и вычислить, в каком именно месте пересеклись владельцы всех этих карточек. Макс также создал для себя альтернативный никнейм и все продажи вел от имени Digits. Этот момент был краеугольным камнем его бизнес-стратегии: Iceman — лицо и владелец форума — будет держать руки чистыми, а Digits — его альтер эго — будет торговать украденными данными. Кроме того, Батлер изменил свой стиль написания в онлайне, так как опасался, что определенные, характерные для него речевые фразы и обороты, а также расстановка знаков препинания могут выдать его…

Глава 32
Deja vu

Жизнь — это то, что случается с нами как раз тогда, когда у нас совсем другие планы.
Дж. Леннон

— Эй, Павлович, — донеслось откуда-то из-за массивной стальной двери, — просыпайся, автозак ждет.

«Какой еще на фиг автозак?! — подумал я про себя. — Я за свое уже отсидел, так что ошибочка у вас вышла, "гражданин начальник"». Я огляделся по сторонам: грязно-серая бетонная «шуба» на стенах, низкий, затянутый паутиной потолок, вдоль одной из стен — узкая скамья с наброшенной сверху курткой-пуховиком, в углу — тусклая желтая лампочка и окно в двери, отчего-то забранное частой железной решеткой. По всему выходило, что я находился в каком-то узком каменном мешке. Дежавю. Где-то я это все уже видел…

— Ну что, готов? — голос за дверью не унимался. — На тюрьму поедем.

Это что еще за новости?! Что я такого успел натворить, что меня снова везут в тюрьму? Я ведь давно уже чту Уголовный кодекс. Подумаешь, спамом немного занимался, порнухой, таблетками… Но это все мелочи, статья до двух лет исправительных работ, лишения свободы не предусматривает — я специально уточнял. Так что «закрывать» меня вроде бы и не за что. А хотя… у меня ведь неотбытое наказание оставалось, полтора года, может, за это прицепили? Надо срочно разобраться.

Идем по порядку. В строгой, так сказать, последовательности. 27 июля я прилетел с Мальдив, с другой стороны земного шара. Дальше что? Сильно заболел: бронхит, ринит, гайморит — все болит, в общем. Принимал сумамед, мощнейший антибиотик, синенькие такие таблеточки, похожие на виагру, которую я продавал через Интернет последние полгода. Что еще? Позвонил в КГБ, сказал, что вернулся. Там ответили, что свяжутся со мной через несколько дней. А дальше…

— Малыш, на мой адрес прислали образцы твоей водки из Франции. Что с ними делать? Как ты себя чувствуешь, кстати? — разбудил меня по телефону Катин голос в четверг утром.

Катя… И почему всех моих женщин зовут Катя?..

Глава 33
So beautiful and wild…

Когда скучно — женятся на стервах.
Народная мудрость

Ей было двадцать один, когда мы познакомились. Я не был на «Мамбе» уже несколько месяцев и не могу вспомнить, что меня толкнуло вновь зайти сюда. Я ездил на «ауди-А8», обедал в лучших ресторанах и встречался со многими женщинами. Но все это не доставляло мне удовольствия. Денег и развлечений хватало, а интереса к жизни и азарта не было. Да и доступность моих давних и даже совсем новых подружек изрядно надоела. Хотелось приключений и чего-то нового.

Я залез в Интернет и привычно набрал волнующие скрытой за ними интригой буквы mamba.ru. Моя анкета имела VIP-статус, я нередко висел в «лидерах» и писал «хочу стерву», даже не представляя, как они выглядят и с чем их едят. Новые знакомства, новые номера телефонов в моей записной книжке, обещания встретиться вновь и весело провести время… Я знал, что это вряд ли случится — ни одна из них не была ею.

А потом я нашел… Правду говорят: «Будь осторожен в своих желаниях — они могут исполниться». Нет, она не казалась стервой. Скорее наоборот, и внешне и внутренне — сущий ангел. Впрочем, обо всем по порядку.

29 сентября, 2 часа ночи, mamba.ru. Ввожу интересующие параметры: рост 168–178, вес 48–55, возраст 18–23, город Минск, пол — женский, понятное дело. Результат — около пятисот анкет. Многовато, конечно. Глаза слипаются, да и интересных экземпляров не нахожу. Хотя… на одной из анкет взгляд невольно останавливается. Открываю фото… Словно молнией пронзает. Прямо в сердце. Да, это она. Несомненно. Та единственная, в поисках которой я провел на «Мамбе» столько бессонных ночей. Катенка, 21 год, 172 см, 48 кг, BMW-325 и запись в автопортрете: «Я не стерва. Мне просто в жизни повезло». Да-а, яркая фактура. Не менее интересная анкета. По всему видно, что писала сама и о себе. Сон как рукой сняло. В сотый раз просматриваю ее фото, сохраняю их у себя. Пишу привычное: «Мисс, я очарован. Может, увидимся, выпьем чашечку кофе или чего покрепче?» Пробую уснуть. Не выходит. Пишу ей, что украла мой сон.

Утром, не умываясь и не завтракая, опять на «Мамбу». Ответа нет, да и сама она на сайте не появлялась. Представив, сколько поклонников может писать этому прелестному юному созданию, я понял, что мое сообщение просто утонуло среди сотен подобных. Черт, что же делать? Зацепка отыскалась в «Автопортрете» — Институт современных знаний, el diseco del interior — факультет дизайна, значит. Прикинул курс — судя по возрасту, третий-четвертый. Мучаюсь все выходные — ответа нет. Вызываю к себе своего приятеля Жукова, распечатываю ее фото.

— Серый, вот лавэ и фотки. Купи коробку приличных конфет и поезжай в деканат ИСЗ, — поставил я задачу перед своим другом. — Отдай конфеты секретарше, покажи фото и узнай об этой девочке все.

Жуков не может мне отказать. Легкомысленный, но всегда веселый и жизнерадостный, как батарейка «энерджайзер». Дружим мы уже семь лет, еще со времен учебы на журфаке.

Неожиданно она ответила. Кажется, на пятый день. Я чуть не запрыгал от радости. Оставила номер своего телефона, добавила, что часто занята и нам лучше увидеться через несколько дней. Снова и снова я просматривал ее фото, мысленно готовясь к встрече. На одних она казалась веселой и взбалмошной, на других — нежной и беззащитной. Сочетание чувствительности и целомудрия. А глаза… она словно сошла с полотен Гойи, на которых часто встречаются дети с большими глазами, которые открыто и с интересом смотрят на жизнь.

— Привет, — набрал я ее номер. — Это Versus.

— Ну здравствуй, — ответил в трубке самый приятный голос из всех, что я когда-либо слышал. — Как поживаешь?

— Сгораю от нетерпения поскорее увидеть тебя.

— Хорошо. Давай сегодня в восемь. Приезжай на Маркса со стороны цирка. Будешь на месте — набирай.

Многие мои друзья, когда впервые ехали на встречу с незнакомой девушкой, специально пересаживались из «Лексусов» и BMW в раздолбанные «девятки», мол, «чтобы девушка влюбилась сразу не в мои деньги, а в меня». Мне это казалось не столь важным, к тому же пересаживаться из уютной «а-восьмой» в десятилетний «Пассат» не хотелось, и я поехал на своей.

— Мадемуазель, я на месте, — по памяти набрал я номер Катенки, в котором было пять одинаковых цифр. — Где вас искать?

— А ты на чем?

— На серебристой «Ауди».

— А, вижу. Подожди минут пять, послушай музыку, сейчас буду.

Где-то рядом пропищал домофон. Я обернулся на звук — из соседнего подъезда вышла девушка и торопливо направилась в мою сторону. Часы Дольче Габбана на всю руку, весь в стразах ремень от Armani, — быстро оценил я незнакомку. — Черт! Очередная фифа. Все разговоры — о бутиках, тачках, шмотках, гламурных тусовках и учебе в модном университете.

— Катя, — представилась она, подойдя ближе.

«Хоть и фифа, но чертовски привлекательная», — с удовлетворением отметил я про себя.

— Сергей.

— Сергей?! — недоверчиво посмотрела она на меня своими огромными глазами с длиннющими ресницами. — Ты же на «Мамбе» Виктором представился.

— Это в целях конспирации, — отшутился я.

— Хорошо, что тебя не Витей зовут. Ненавижу это имя.

— Поехали куда-нибудь.

И мы направились в «Территорию» — лучший ресторан японской кухни в Минске.

— А здесь хорошо, — Катя окинула взглядом интерьер ресторана.

— Ну да, — согласился я и, наверное, впервые за пять лет рассмотрел обстановку заведения. Низкие кожаные диваны, столы эбенового дерева, конусовидная лампа на длинном тонком шнуре, в свете которой эффектно играл дым от моих Sobranie Black Russian, — в «Территории» действительно было здорово. Я наслаждался отличной едой и видом чудесной девушки напротив. Катя пила единственную чашку капучино, хотя, как призналась спустя некоторое время, очень хотела есть и лишь природная скромность не позволила ей «развести» меня на ужин. Мы говорили обо всем на свете, и мне очень хотелось, чтобы этот необыкновенный вечер, плавно перешедший в ночь, никогда не заканчивался. Может быть, я запомнил не все, о чем она говорила в этот вечер, я могу забыть звук ее голоса, но на всю жизнь в моей памяти останется взгляд ее чистых, счастливых глаз.

Назавтра мы пили мохито в «Бронксе» и играли в бильярд.

— Я гляжу на тебя и не могу разгадать твою внешность. Ты вся такая темненькая, что ли, смуглая, — сделал я немного неуклюжий комплимент. — Что-то неуловимо южное присутствует в твоем облике.

— Мой прадед был итальянским мафиози, — удивила меня Катя. — И сгинул где-то в Америке во время Великой депрессии. Наша фамилия по материнской линии — Ромма.

— Так вот в чем дело, то-то мне твоя красота сразу показалась нездешней.

— А давай завтра в кино сходим, — неожиданно смело предложила Катя.

— Почему бы и нет. С тобой хоть на край света, — сразу согласился я.

По темным залам кинотеатров Катя водила меня вовсе не случайно — она все не могла взять в толк, почему я не проявляю к ней — такой-то красотке — явного физического влечения, и полагала, что особая атмосфера «мест для поцелуев» поможет мне раскрепоститься. Но это было не так — я всего лишь боялся поспешными действиями нарушить естественный ход развития наших отношений. Не успевал я расстаться с Катей, как ее милый образ уже возникал перед моим мысленным взором.

Через неделю после нашего знакомства у моего друга Валентина, чемпиона по боям без правил, был день рождения. Я подарил ему бутылку «мартеля» — одну из тех, что на юбилей DumpsMarket привозил мне Кайзер, и мы большой компанией, человек в пятьдесят, зависли в клубе «Овертайм». Мне было немного неловко в компании, где я знал всего нескольких человек, к тому же принятый алкоголь располагал к сентиментальности, и я пригласил Катю присоединиться к нам. Пока она доехала, я уже успел поднабраться, все-таки виски с соком — коварная вещь. Зато алкоголь устранил все запреты в моей голове, и мы в первый раз поцеловались.

Глава 34
Борец с кардерами сам стал… кардером

Мы всего охотнее верим в то, чего сами желаем, и полагаем, что другие думают так же, как мы сами.
Юлий Цезарь

С этого дня мы никогда не расставались больше чем на несколько часов. Иногда ездили в лес: пушистый снег, мягкий плед на кожаных сиденьях, запотевшие от нашего дыхания стекла авто. Катя смешно одевалась за несколько секунд, когда фары не туда свернувшего автомобиля прерывали наше занятие, я садился за руль, освобождал проезд, и все продолжалось снова. Катя училась и не могла посвящать мне много времени, хотя мы и виделись каждый день. Пару раз мы гонялись на машинах, и хотя Катя отлично водит, на BMW-325 у нее не было шансов против моей Audi A8 с объемом двигателя 4,2 л. Правда, все ее мужчины подвергались этому тесту, и я не стал исключением.

Я снял квартиру (до этого времени жил у матери за городом), Катя добавила в интерьер немного декора, и в нашем первом доме стало довольно уютно.

Познакомила она меня и со своим окружением — у Кати сотни друзей и поклонников и гораздо меньше подруг. Я сильно ревновал, пытаясь замаскировать это опасное чувство под волнение за нее, и Катя не без труда донесла до меня мысль, что воспитывалась в строгости, была все время занята в музыкальной школе, и теперь ей просто необходимо нагуляться, проводить время в тусовках и развлечениях.

С первого дня наших отношений я был честен с Катей. Примерно через три месяца после нашего знакомства я рассказал ей, чем занимался в прошлом, и о том, что последние несколько лет провел в тюрьме.

— А я знала об этом, — удивила меня своим признанием она.

— Откуда?!

— Причем с самого начала знала, кто ты.

— Но как?

— У меня много знакомых в Интернете. Один из них увидел нас в «Бронксе», твое лицо показалось ему знакомым, он навел справки и все мне рассказал.

Вот те на, и здесь кардеры!

* * *

— Сергей Александрович? — раздалось в моей телефонной трубке однажды вечером.

— Да.

— Комитет госбезопасности. Не могли бы вы к нам зайти?

«Вот черт! И куда я уже мог вляпаться?» — спрашивал я себя и не находил ответа.

— Малыш, все в порядке? — видя озадаченность на моем лице, поинтересовалась Катя. — Кто звонил?

— КГБ…

— Что им уже от тебя понадобилось?

— Откуда я знаю? По телефону не объясняли, попросили приехать.

— Наверное, это какая-то ошибка. Ты же ничем «таким» не занимаешься, — успокаивала меня (а заодно и себя) Катя. — Но если тебя посадят, я тебе возить передачи не собираюсь.

«Значит, найду такую, которая будет возить», — с досадой подумал я про себя. Но, в самом деле, что от меня понадобилось чекистам? Вроде бы ничем особо криминальным не занимаюсь… Хотя… как говорил кардинал Ришелье: «Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них, за что его можно повесить». Тема шопинга с поддельным «пластиком», даже по договоренности с кассирами, уже умерла. Продал тридцать дампов своим должникам из Питера — чтобы поскорее смогли долг вернуть. Sonelao, своему проверенному клиенту, тоже тысячи полторы продал. Но как-то все это слишком мелко для КГБ — в 2004-м, случалось, я за день больше продавал. Нет, не за это меня вызывают. Тогда за что? Ага, работал над созданием своего нового форума carderLAB, который должен был стать еще лучше, чем DumpsMarket. Нашел архивы уже не существующих ShadowCrew, StealthDivision, CarderPlanet, carder.org и т. д., которые, как и прежде, являлись бесценными источниками информации, и планировал подключить их к своему форуму — это привлекло бы многих посетителей. Чем я точно не собирался заниматься, так это кардингом. И даже форум свой я создавал не для того, чтобы продавать там дампы, — я хотел сделать лучшую в мире торговую площадку для кардеров и за это брать деньги — то есть не воровать, а зарабатывать. Правда, на днях мы с Black Monarch вернулись к нашей лучшей старой теме — получению «пинов» через энролл, и хотя схема работала так же хорошо, как и три года назад, ничего серьезного мы совершить еще не успели. Так за что меня вызывают? Еще и мама на днях подлила масла в огонь, мол, «когда в 2004-м ты купил дорогой

“мерседес”, тебя сразу же арестовали. Сейчас ты снова на дорогом авто — смотри аккуратнее…»

— Ладно, милый, не загоняйся, — Катя нежно погладила меня по щеке. — Уверена, что это какое-то дурацкое недоразумение.

Ага, недоразумение… Лучше думай, на чем ты еще мог проколоться, — подбросил я дров в топку своего воображения.

Что-то Карлсон давно не звонил… Стоп, Карлсон. Он же Олег Бразерман, торговец оружием, с которым мы замутили контракт с африканцами. Те собирались закупать в Беларуси оружие: автоматы, пистолеты, больше 2 млн патронов к ним, переносные зенитные комплексы, радары ПВО, полевые кухни и прочее, вплоть до противогазов. Всего на $72 млн. Мы с Бразерманом связали все звенья воедино, африкосы подписали договор о намерениях, и теперь все мы дружно ждали, пока африканцы осуществят проплату. Нам с Олегом полагалось 2 % от суммы контракта. Может, по этой причине меня вызывают, ведь продажу оружия курирует непосредственно Комитет? Но и мы ведь не в обход их действовали. В общем, одни загадки.

Катя вызвалась ехать со мной. Ну не совсем, конечно, со мной — мы прибыли раньше назначенного и завтракали в кафе неподалеку, гадая над причинами интереса к моей персоне.

Наши опасения оказались напрасны. Чекисты сообщили мне, что главный борец с кардерами, мой давний знакомый полковник Новик из управления «К», сам стал кардером и подозревается в воровстве денег с чужих банковских карт.

Вот это новость! Меня охватило радостное возбуждение. Ради такого стоило приехать в Комитет.

Глава 35
Adult[4]

Если ты любишь, то всем существом —
Что б ни случилось, ты думать будешь
Не о себе, а всегда о нем —
Да, именно: прежде всего о нем,
О том, кого ты беспредельно любишь.
Э. Асадов. Если ты любишь

Практически все свое время я проводил с Катей, оставляя на работу лишь те несколько часов, что она была в институте или встречалась с подругами. Я позабыл друзей и развлечения и стал похож на наркомана.

«Адалт» приносил мне деньги, но не приносил удовольствия. Что такое «адалт»? Adult — это взрослое порно. Что такое порно, тебе, думаю, объяснять не надо. Первопроходцами порноиндустрии стали американцы и аргентинцы. Фактически история порнографии в США началась вместе с историей кинематографа: не прошло и года после первого кинопоказа, организованного братьями Люмьер в Париже, как в 1896 году на американские экраны вышел трехминутный фильм «Поцелуй». Правда, никакого порно в фильме на самом деле не было: актеры Джон Райс и Мэй Ирвин все время фильма взасос целовались на экране. По нынешним меркам весьма скромное занятие, тем не менее фильм был официально причислен к порнографической продукции, а один авторитетный рецензент назвал его «демонстрацией скотской похоти, которую не в состоянии вынести цивилизованный человек». Первый традиционный порнофильм, дата производства которого известна, — это классический аргентинский El Sartorio, где юные купальщицы совокупляются с дьяволом. Первое немецкое порно отстало на три года — картина Am Abend вышла на экраны в 1910 году, став первым в истории порнофильмом, где был изображен анальный половой акт.

Сегодня торговля порноконтентом через Сеть — это отлаженная мировая индустрия с оборотом в $13–24 млрд в год. Бизнес не публичный — отсюда и значительные расхождения. Эксперты сходятся лишь в одном: в последние 30 лет доходы

только росли. Если в 1970 году порнорынок Америки, крупнейший в мире, оценивался всего в $10 млн, то в 2000 году его объем составил уже $12 млрд. Правда, в последние годы наметился спад: клиентам стало уже неинтересно просто рассматривать «веселые картинки» или смотреть порнофильмы — им нужен экшн. Поэтому появляется все больше adult webcams — «взрослых» веб-камер, где сексапильные красотки в режиме реального времени выполняют все прихоти клиента. Их работа заключается в том, чтобы как можно дольше удерживать на линии клиентов из Европы и США, которые платят от $2 до 10 за минуту связи, а уж как они это будут делать — ласкать себя перед камерой или анекдоты рассказывать — это их дело. Около 40 % всех «взрослых» веб-камер в мире работают с территории России и стран СНГ.

Итак, как начать свой порнобизнес в Сети? Стандартная схема такова: заливаешь коллекцию картинок и видео на сайт, объявляешь условия доступа — ознакомительный тур на день за пару долларов или месячный абонемент за пятьдесят. Для обработки платежей клиентов подключаешься к биллинговой компании. Услугами систем приема платежей с пластиковых карточек пользуются все интернет-магазины, но порноресурсы, как правило, обслуживают специализированные биллинговые фирмы, например PayCom.

Где брать картинки и видео? Собственно, продукт веб-мастера покупают у студий-производителей — таких в России около тридцати. За неплохой сет (20–40 кадров, один половой акт в развитии) нужно будет заплатить $100–250. По неписаному правилу интернетчики не общаются с производителями контента «вживую», только через Сеть. Дело не в различии менталитетов. Съемка порно — беспокойный бизнес, не очень согласующийся с уголовным кодексом. Лучше не мараться.

Полученные материалы владелец размещает на платном веб-сайте. Основной потребитель такого продукта — иностранец с пластиковой карточкой.

Отдельный и самый многочисленный класс adult webmasters (AWM), проще говоря, продавцов порнографии в Интернете — одиночки, не имеющие своего продукта, но привлекающие посетителей на чужие платные веб-сайты (по AWM-терминологии, они «нагоняют трафик»). Чаще всего эти энтузиасты создают сложные системы бесплатных страничек, на каждой — пара картинок и приглашение посетить платные ресурсы. За эту деятельность сайты платят своим «агентам», в месяц выходит $2–3 тыс. на человека. Таких агентов в России 5–7 тыс. человек, в США их в десять раз больше. «Задумайся над этим, — говорил

мне один из моих друзей — давно не новичок в сфере продажи порнографической продукции через Интернет. — На ровном месте $2–3 тыс. в месяц, и все легально — весь мир порномастеров либо любит, либо просто не замечает. Это не кардинг, где есть потерпевшие, полиция и все заканчивается тюрьмой. Здесь ты ничего не крадешь — люди сами платят за собственные развлечения, и все довольны».

Железная логика в его рассуждениях была, да и я хотел попробовать свои силы на новом для меня поприще. Так я и стал AWM, променял кардинг на порнуху. Только зарабатывал я на этом не $2 тыс., а раз в десять больше. Каким образом? Ключом ко всему был спам.

«Спам» — это акроним, сложносокращенное слово. Образовалось оно от усеченного spiced ham — «перченая ветчина». В 1937 году американская фирма Hormel Foods выпустила из третьесортного мяса консервы, которые американцы не хотели покупать. Для того чтобы распродать продукт, хозяин корпорации мистер Хормель развернул агрессивную маркетинговую кампанию, буквально навязывавшую американским потребителям эту ветчину. Реклама сработала, и Hormel Foods начала поставлять свои консервы в военные ведомства и на флот. Даже в послевоенной Англии, среди экономического кризиса, спам был основным продуктом питания англичан. Так слово приобрело значение чего-то отвратительного, но неизбежного.

Термин «спам» в новом значении (навязчивой электронной рассылки или «мусорной» почты) появился в 1993 году. Администратор компьютерной сети Usenet Ричард Депью написал программу, из-за ошибки в которой отправил две сотни одинаковых сообщений в одну из конференций. Его недовольные собеседники быстро нашли подходящее название для навязчивых сообщений — спам.

Сегодня спам — это не только ветчина, это еще и 90 % всей электронной почты. Порог вхождения в этот бизнес низок: за отправку 60 млн «мусорных» писем через программу RealMailer или DMS Revolution я отдавал всего $250. Конечно, не все из этих писем доставлялись адресатам — современные фильтры, установленные в компаниях или на серверах бесплатной почты, блокируют 95–98 % спама, но в любом случае каждая рассылка привлекала на мои сайты порядка 40 тыс. уникальных пользователей, около 250 из которых оплачивали месячный абонемент на порносайты, что приносило мне доход в размере примерно $10 тыс. Затраты на домены, аренду RealMailer, услуги веб-дизайнера, хостинг, базы электронных адресов любителей

«клубнички» составляли при этом около $2500. Рентабельность бизнеса — свыше 300 %. Каждый месяц я рассылал примерно 250 млн рекламных писем.

Конечно, не все так просто: для начала надо было раздобыть электронные адреса людей, интересующихся порнографией, поскольку времена, когда в рекламных письмах регулярно можно было встретить предложения типа «Паровоз самовывозом из Иркутска», давно прошли. Сегодня спамеры стали гораздо разборчивее и предпочитают таргетированные (от англ. target — «цель») рассылки, предназначенные для конкретной целевой аудитории: любителю порнухи — девок и виагру, игроку — приглашение в новое интернет-казино, азартному болельщику — ссылку на тотализатор и т. д. Поэтому базы e-mail приходилось покупать и беречь как зеницу ока — это один из самых ценных активов. У кого покупать? У хакеров, понятное дело. Обладая давними, еще со времен CarderPlanet, связями в хакерских кругах, я не видел в этом особой проблемы. Хакеры взламывали крупные порноресурсы и выставляли базы их клиентов на продажу, иногда на «развес» — помегабайтно. За лист из миллиона адресов я отдавал $500–1000. Иногда я переплачивал, нередко мне пытались всучить полное старье, но после нескольких ошибок я пришел к единственно верному решению — к покупке баз адресов электронной почты с онлайн-доступом к взломанному ресурсу, что к тому же позволяло делать хоть ежедневные апдейты (обновления).

Другой сложностью являлся поиск качественного хостинг-сервера для моих веб-сайтов, поскольку многим пользователям Сети не нравится регулярно расчищать свои электронные почтовые ящики от рекламного мусора, они начинают жаловаться (по-нашему, «слать абузы» — от англ. abuse — «эксплуатация с нарушением правил») в специальные конторы типа SpamHaus, и хостинг «умирает» с незавидной быстротой.

Соответственно, обычный хостинг за $15 в месяц не годится — нам нужен хостинг с гарантией, что его не закроют после первого же письма разъяренного получателя рекламного сообщения. Где искать такой хостинг? На спамерских и хакерских форумах, конечно. В Интернете достаточно сервисов, которые организуют тебе сервер под любые нужды. Хочешь свой VPN? Пожалуйста, уже настроенный. Хочешь дешевый сервер под какой-нибудь «быстрый» проект и не будешь обижаться, если его через две недели закроют? Вот, кардженный, почти даром. Нужен выделенный сервер с гарантией, что его точно не закроют? Держи «дедик» в «лояльном» дата-центре Турции, Малайзии или Китая, владельцы которых не заботятся о том, какой контент размещают

их пользователи (хоть детское порно), и даже более того — обещают, что не будут обращать внимание на жалобы со стороны посетителей и других интернет-провайдеров. Правда, недешево — от $1 тыс. в месяц. Можно арендовать сервер действительно под любые цели, без оговорок и кошмарных соглашений о том, чего делать нельзя. Все можно: дроп-проекты, порнография, экстремизм и откровенно террористические сайты, эксплойты — все. Мне хостинг обходился в $400 в месяц.

Однако это еще не все. Защитные программы отсеивают спамерские письма по характерным словам («виагра», «заработок» и т. п.), интернет-ссылкам (часто во многих рассылках рекламируется один и тот же порносайт), стилю оформления. В ответ у «мусорной» рекламы появляются «лишние» буквы, намеренные ошибки в текстах, объявления в виде картинок. Так спамеры «пробивают» фильтры почтовых компаний. По схожей с «адалтом» схеме привлекают посетителей и многие другие интернет-проекты: казино и тотализаторы (платят до 40 % от суммы, которую проиграл привлеченный тобой клиент), магазины по продаже MP3, рингтонов и пиратского программного обеспечения. Многие охотно приобретают реплики (replica) — высококлассные подделки элитных товаров. Чаще всего это ручки и зажигалки (Dupont и Cartier), швейцарские часы, сумки и портмоне (Louis Vuitton, Gucci и Prada), очки и прочий роскошный, но поддельный ширпотреб, произведенный в основном в Китае. Высокая популярность интернет-аптек обусловлена тем, что для покупки антидепрессантов, стероидов, виагры и прочих сильнодействующих препаратов не требуется рецепт врача, что особенно важно для американских потребителей (36 млн. американцев покупают таблетки в Интернете). Вдобавок стоимость препаратов в них в разы ниже, чем в обычных аптеках. Нелегальная торговля медикаментами через Интернет называется «фармой» (от англ. pharmacy). Виртуальные аптеки собирают заказы и направляют их в Индию или Китай, где размещено производство контрафакта. Фармацевтические спамеры ответственны за две трети мирового спама, причем до 40 % приходится на рекламу всего двух препаратов — виагры и циалиса. По данным из закрытых источников, оборот крупнейшего в мире игрока на фармрынке, российской компании «Главмед», составлял $120 млн (недавно ее владелец Игорь Гусев был арестован).

Когда я в прошлый раз сидел в тюрьме, я пробовал играть на бирже — конечно, не сам, но через доверенных людей вложил деньги в паевые инвестиционные фонды (ПИФы) российских компаний «Тройка Диалог» и «КИТ Финанс». Немного, всего

$20 тыс. Готов ли я был их потерять? Нет, оттого и не ставил на одну «лошадь»: в «Тройке» я приобрел паи фонда «Добрыня Никитич», а в «КИТе» — акции фондов «Российская нефть» и «Российская энергетика». Почему я инвестировал именно в ПИФы? Потому что в СИЗО у меня не было возможности открыть собственный брокерский счет и самостоятельно торговать акциями через Интернет. Через два дня после моего прихода на рынок российский биржевой индекс «просел» почти на 30 % и я разом потерял одну треть своих сбережений. Впрочем, это не сильно меня расстроило, поскольку я вкладывал на длительный срок и был уверен, что вскоре рынок отыграет свое.

Так оно и произошло — в феврале 2008 года (то есть через двадцать два месяца), уже находясь на свободе, я вывел деньги из обеих управляющих компаний и после уплаты подоходного налога остался с прибылью 25 %. Инфляция в России за это время составила 18,1 %. Так я приобрел начальный опыт игры на фондовом рынке, сохранил деньги и даже немного заработал.

После того как я начал заниматься спамом, мне в голову пришла логичная мысль совместить его с игрой на бирже. Каким образом?

Крупный преступник XIX века барон Дэниэл Дрю был мастером игры на бирже. Желая, чтобы те или иные акции покупались или продавались, а их курс рос или падал, он почти никогда не шел к цели прямо. Одной из его уловок было, проходя торопливо по залу элитного клуба рядом с Уолл-стрит (так, чтобы было очевидно, что он направляется на биржу), вынуть свой знаменитый красный носовой платок и вытереть пот со лба. При этом как бы незамеченным падал бумажный листок. Члены клуба, всегда старавшиеся предугадать шаги Дрю, набрасывались на записку, ожидая найти в ней биржевой прогноз. Слухи о содержании записки быстро распространялись, и члены клуба начинали покупку или продажу акций по сценарию, выгодному Дрю.

Подобными методами действовали и неизвестные хакеры, которые разместили на новостном сайте CNN сообщение о смерти основателя компании Microsoft Билла Гейтса, в результате чего «новость» попала в китайские СМИ, а оттуда в эфир южнокорейских телеканалов, что привело к снижению индекса Сеульской фондовой биржи на 1,5 %. По некоторым оценкам, авторы этой аферы могли заработать около $5 млрд.

С помощью массовой интернет-рассылки можно легко манипулировать фондовым рынком, по «секрету» сообщая о грядущем росте акций определенных, чаще всего небольших компаний. Почему именно «небольших»? Потому что рыночное

влияние отдельных операций особенно велико для ценных бумаг с низкой ликвидностью. Так называемые аферы типа «накачка и сброс» взвинчивают цену акций в среднем на 500 %.

Я действовал немного иначе. Вначале по минимальной цене скупал акции неизвестных компаний, производящих программное обеспечение. Затем с помощью массовой рассылки убеждал потребителей приобретать программные продукты этих фирм. Вследствие активных продаж цены на акции поднимались, и я продавал свой пакет. То есть я не писал напрямую трейдерам, обманом убеждая их в возможностях роста определенной компании, а применял обходной маневр, manoeuvre sur les derrieres, как называл его Наполеон, и создавал фундаментальные причины для роста акций. Такие стратегии всегда более эффективны. «Накачка и сброс» — важный компонент индустрии спама, на его долю приходится 15 % всего спама.

Глава 36
Будущее спама

Шквал «мусорной» рекламы породил новую отрасль — разработку программного обеспечения для защиты от спама. Началось обычное противостояние «брони» и «снаряда». И если недавно от значительной доли спама можно было избавиться простым составлением черного списка адресов, откуда вы не хотите принимать электронную почту, то сегодня для рассылок используются случайные компьютеры, каждый раз новые, из которых создаются целые сети зараженных машин — ботнеты (botnet = robot network). Бот — это подключенный к Интернету компьютер, инфицированный таким образом, чтобы спамеры могли использовать его для фоновой рассылки «мусорной» почты без ведома владельца. Аренда 3–5 тыс. компьютеров-«зомби» стоит от $300 до 3 тыс. Крупнейшим ботнетом в мире до недавнего времени была испанская Mariposa, насчитывавшая 12,7 млн (!) инфицированных машин. По оценкам ФБР, именно ботнеты помогли значительно удешевить стоимость рассылок, доведя ее до 5–10 за 1 млн сообщений. С помощью ботнетов можно не только рассылать спам, накручивать «клики» и загружать рекламные и вредоносные программы — благодаря широкому диапазону применения они стали одним из основных инструментов киберпреступников. С их помощью можно даже устраивать DDoS-атаки — популярный способ объяснить человеку, что он написал на своем сайте что-то не то, будь то лесбийский форум или сайт конкурента. Чаще всего подобные сервисы организуются на базе большого дешевого ботнета. Стоит владельцу сервиса нажать кнопку, как все его боты со всего мира начнут ломиться в одну из щелей сервера, пока тот не «упадет» или пока хостинг не обрубит ему провод из-за превышения трафик-лимита. От DDoS-атак временно «падали» даже такие гиганты, как Yahoo! eBay, buy.com, Amazon и другие. Простейшую DDoS-атаку можно организовать и самому — с помощью браузера и двух… отверток. Запускаешь Internet Explorer (детище Microsoft все еще остается самым популярным в мире браузером), одной отверткой фиксируешь кнопку Ctrl, другой F5. Количество запросов в секунду, которое будет посылать твой браузер, может затруднить работу сайта и даже помешать другим людям посетить этот же ресурс.

Уровень затрат в спам-бизнесе очень мал, поэтому даже в России работают сотни самодеятельных спамеров. Однако

серьезных, высокопрофессиональных групп «мусорщиков» во всем мире не более десятка, и семь из топ-10 спамеров планеты — выходцы из России, крупнейший рекламирует фальшивую виагру. США, бывшие когда-то безоговорочным лидером рейтинга, сейчас не входят даже в топ-20 стран-распространителей. Это связано с активной борьбой против ботнетов, развернувшейся на территории США.

Сегодня рекламные объявления рассылаются не только по почте — для этого используются блоги, форумы, социальные сети, программы мгновенного обмена сообщениями (ICQ) и мобильные телефоны. Недавно эксперты подсчитали, что мобильный спам в 125 тыс. раз эффективнее традиционного по электронной почте. Не за горами появление ботнетов из смартфонов. Кроме того, учитывая темпы расширения пропускной способности интернет-каналов и развития онлайн-телевидения, через пару лет появится и видеоспам, а уже к 2015 году он станет большой проблемой. И если ты сейчас думаешь, что обычный спам — это проблема, то представь себе 60-секундную рекламу виагры с частотой 25 кадров в секунду — сегодня нет технологий, которые могли бы это остановить.

Хотя спам и давал мне стабильный и довольно высокий доход, он не приносил мне удовольствия: приходилось изо дня в день сидеть за компьютером и придумывать тексты для тысяч рекламных писем, обновлять домены и дизайн сайтов, вести статистику продаж. Меня раздражала эта монотонность. А с годами я обнаружил, что делать надо только то, что приносит удовлетворение. К тому же «взрослое порно» не было моим единственным источником доходов, что позволяло постепенно отходить от онлайн-тем и сконцентрироваться на производстве водки.

Глава 37
Sonelao

— А поехали куда-нибудь отдохнуть съездим, — в начале марта написал мне в «аську» Sonelao — один из моих самых давних и ценных клиентов.

— Почему бы и нет, — обрадовался я возможности пару недель поваляться на пляже и пофлиртовать с местными красотками. — Только куда? Бразилия, Куба, а может быть, Италия? — предложил я свой топ-3 мест, где хотел бы побывать.

— Давай в Доминикану. Вроде бы тебе виза туда не нужна, — предложил свой вариант Sonelao. — Только давай чтобы точно, а не как в прошлый раз, когда я вас в Таиланд приглашал…

— Бро, в Таиланде мы не увиделись только потому, что меня посадили за два месяца до предполагаемой поездки. Но это и к лучшему — вдруг бы нас цунами смыло. Как раз под Новый год и как раз Паттайя… Но мы честно собирались приехать.

— Ты прав, brat (всех своих иностранных партнеров я учил русскому языку). Так что, я бронирую отель? Вот фотографии, взгляни.

На фото отель выглядел неплохо.

— Как и в прошлый раз, все за мой счет. Денег можешь не брать с собой совсем, — продолжал завлекать Сонелао. — Брата тоже можешь взять с собой…

— Хорошо, френд, мы подумаем.

С Sonelao я работал с 2004 года. Клиент как клиент, точнее, один из лучших покупателей наших дампов. С его слов, американец тайского происхождения, проживал в Калифорнии, ездил на «семерке» BMW и имел штат дропов, в огромных количествах скупающих стафф по поддельным карточкам. Дампы брал исключительно американские, каждый месяц на $5–10 тыс. В долг не просил, рассчитывался вовремя. Часто по своей инициативе присылал подарки: парфюм, футболки, солнцезащитные очки и календари Pirelli, которые я коллекционировал. Пока я сидел в тюрьме, Сонелао продолжал общаться с моим братом через Интернет.

— Дима, Соня предложил слетать в Доминикану, — написал я в ICQ брату. — На пару недель, за его счет. Ром, сигары, знойные мулатки…

— Насколько это для нас безопасно? — Дима, как всегда, был краток. — Он ведь по-прежнему наш клиент и приобретает отнюдь не календарики…

— Для меня, думаю, нормально. Я за свое уже отсидел. А вот про тебя даже не знаю…

— Тогда я пас. Лучше без него чуть позже куда-нибудь съездим. Баб своих возьмем с собой.

— Ну, как знаешь. Я, пожалуй, соглашусь.

— Sone, бронируй гостиницу. Я смогу вылететь через две недели, в середине марта, — написал я в тот же вечер, а сам полез в Google, чтобы узнать, нужна ли мне виза.

Виза в Доминиканскую Республику для белорусов оказалась нужна. Ближайшее посольство находилось в Москве. Я поехал в магазин и купил в подарок для Sonelao огромную банку черной икры и отличную водку Imperia от «Русского стандарта».

— Бро, завтра я вылетаю в Москву, чтобы получить визу, — сообщил я американцу через несколько дней. — Заказывай авиабилеты на 15–17 марта. Моя фамилия —…, серия паспорта — …

— Sergey, тут такое дело… — неожиданно замялся мой собеседник. — У меня закончился срок действия паспорта, и надо ждать 3–4 недели, пока я получу новый.

— Нет, brat, так не пойдет. Ждать я точно не буду. Я уже настроился на каникулы, поэтому поеду при любом раскладе — с тобой или без тебя.

— Куда, в Доминикану? — тут же последовал вопрос.

— Еще не решил. Но в Доминикану навряд ли — сейчас нет столько свободных денег, все вложено в различные проекты.

— Деньги не проблема, — заявил мой друг. — Сколько тебе нужно?

— As you wish[5]. А я тебе потом на эту сумму дампов пришлю, — ответил я.

Sonelao перевел мне $2 тыс., и 20 марта я, мой брат Дима, Катя и ее подруга Аня Корнева улетели в Египет.

* * *

Одна из лучших и самых удобных турфирм для путешествий в Египет, да и по всему миру, — это Tez Tour (teztour.com). Прекрасное обслуживание, встреча в аэропорту, размещение в отеле, страховка, приветливые гиды, неплохо говорящие на русском и английском, которые быстро решают любые возникающие во время твоего отдыха вопросы.

Вылетали из Киева в Шарм-эль-Шейх, ровно на неделю. Арабы называют свой город Шарм-эш-Шейх («залив шейха»), и только в русском языке встречается название Шарм-эль-Шейх.

— Ты ж смотри, — предупредила меня Катя после того, как усатый пограничник в необычной форме с множеством нашивок, эмблем и яркими погонами с орлами и огромными, наподобие

маршальских, звездами шлепнул в наши паспорта въездные визы, — здесь арабы за женщин верблюдов предлагают. За меня не раз давали. То ли у них прикол такой, то ли серьезно. Один верблюд стоит пять штук баксов.

— Хм-м, предложи мне тысячу верблюдов, и я бы, возможно, согласился… — с серьезным видом ответил я.

— Я тебе соглашусь!..

Город расположен в практически безветренной бухте Наама-Бей. Строительство курорта началось именно с этой бухты, поэтому она является самой обжитой и благоустроенной из всех. Путевка обошлась нам в астрономические $1300 на человека, что для Египта, который по горящей путевке можно посетить долларов за триста, было ну очень дорого. Правда, и отель — Maritim Jollie Ville Resort&Casino, расположенный в 12 километрах от аэропорта, непосредственно на берегу Красного моря, того стоил. Пять ресторанов, бары, два открытых бассейна — один с подогревом, другой — с морской водой, SPA-центр, красивый парк, четыре теннисных корта, верховая езда, дайвинг, серфинг, поле для гольфа в пяти километрах от отеля и, самое главное, — собственный песчаный пляж, так как по всему побережью Шарма, за исключением нескольких пляжей, необходимо входить в воду в специальной обуви, потому что у самого берега начинаются коралловые рифы.

Помимо этого, наш отель находился в самом центре «Променада» — знаменитой прогулочной набережной Наама Бэй, которую часто называют арабским Лас-Вегасом. Жизнь здесь кипит круглые сутки: сувенирные лавки, торговые центры, дискотеки, развлекательные заведения, боулинг, рестораны, бары и казино. Здесь же расположен и Little Buddha — самый модный клуб Шарм-эль-Шейха. Днем это ресторан, где можно попробовать самые вкусные блюда французской, средиземноморской, японской и азиатской кухни. Ближе к полуночи «Маленький Будда» превращается в стильный ночной клуб, где часто выступают самые известные диджеи со всего мира. Pacha Club & Bus Stop — еще одно известное место в Шарме. Легендарный клуб с одноименным названием открылся на Ибице в 1973 году и стал танцевальной Меккой для всех посетителей острова. Сейчас это разветвленная сеть с филиалами во всех уголках мира. Символ клуба — две вишенки, олицетворение сладкой и красивой жизни. Прямо напротив Pacha Club находится лучшая кальянная в Шарм-эль-Шейхе.

В нашем отеле не было all inclusive. В стоимость путевки были включены только завтраки и ужины.

— Вот черт! И выбрал же ты отель без «все включено», —

ругалась Катерина. — А что мы в обед есть будем?

— Зайка, ты кое-чего не понимаешь: в том, что здесь нет all inclusive, нет ничего плохого, поскольку система «все включено» содержит, как правило, одно-единственное исключение — исключено качество. Купи путевку дешево — и придется платить дополнительные сборы, отель будет хуже, море дальше, обслуживание и питание хуже. В результате — испорченные впечатления, а ты сэкономил всего $200–300, — объяснял я своей подруге.

— Но кушать-то все равно хочется, — продолжала гнуть свою линию та. — Пойдем на пляже какое кафе поищем.

Бутылка обычной питьевой воды Nestle стоила на пляже $2, а в магазине буквально в ста метрах — всего 50 центов. Ресторан мы тоже нашли, и не один. Правда, за приличный обед нужно было отдать долларов по тридцать с человека, и к таким расходам мы оказались не готовы. Конечно, можно было накупить продуктов в супермаркете и обедать в номере (пару раз мы так и делали), но «жор» у нас наблюдался лишь в первые несколько дней, а потом в дневное время мы либо спали — загорать-то все равно невозможно, либо занимались любовью в своих номерах, и проблема с обедами отпала сама собой.

Спиртное можно везти с собой — я захватил водку «Империя», которую покупал в качестве подарка для Сонелао, а можно покупать в местном Duty Free, расположенном всего в нескольких метрах от Jollie Ville.

— Друг, у тебя есть с собой паспорт? — на неплохом русском обратился ко мне торговец в одной из сувенирных лавок, куда мы зашли проверить Димину VISA, отчего-то не принимавшуюся египетскими банкоматами.

— Нет, а что?

— Хотел попросить, чтобы ты мне в дьюти-фри водки купил. Страна мусульманская, понимаешь — арабам не продают…

— О, так вы еще и бухаете?! — развеселился Дима. — Я думал, вы только гашиш курите.

— Знаешь, камрад, — я посмотрел на араба, — у меня есть идея получше: в холодильнике в моем номере есть бутылка лучшей в мире водки, «Русский стандарт» — слышал? Давай я ее тебе просто… подарю.

Торговец не сразу поверил в собственную удачу, но, когда мы подо шли к воротам нашей гостиницы и я вынес ему еще покрытую инеем, только из морозильника бутылку водки, долго-долго тряс мою руку: «Спасибо, спасибо, друг».

Глава 38
Вы можете хранить молчание

Арест — это ослепляющая вспышка и удар, от которых настоящее разом сдвигается в прошедшее, а невозможное становится полноправным настоящим; это резкий ночной звонок или грубый стук в дверь; это бравый вход невытираемых сапог бодрствующих оперативников; это — за спинами их напуганный прибитый понятой.

Традиционный арест — это еще сборы дрожащими руками для уводимого: смены белья, куска мыла, какой-то еды, и никто не знает, чт'о надо, чт'о можно и как лучше одеть, а оперативники торопят и обрывают: «Ничего не надо. Там накормят. Там тепло». (Все лгут. А торопят — для страху.)

А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ

Дзинь-дзинь-дзинь — ворвалась в мой сон настойчивая трель дверного звонка. Я протер глаза и посмотрел на часы: 6 утра. Черт, и кто это приперся в такую рань?! Может, Катя? Хотя у нее свои ключи есть. Я подошел к двери:

— Кто там?

— Уборщица, — ответил женский голос.

— Чего надо? — я посмотрел в глазок: точно — тетка со шваброй.

— Уберите коробки, работать мешают.

«Какие, на фиг, коробки?» — подумал я про себя, но почему-то щелкнул замком входной двери. Вместо тщедушной тетки в синей униформе на пороге стояли четыре дюжих молодца. Самой уборщицы-трансформера нигде не было. И где ж они прятались, что я их не заметил?

А, точно — за стенкой справа, в глазок-то их и не видно. А ведь я давно собирался заменить его современным, с широким

углом обзора. Я попытался закрыть дверь, но ее тут же перехватила сильная рука в черной кожаной перчатке. Черт, цепочки-то на двери тоже нет… Сколько раз я читал на кардерских форумах, да и сам неоднократно писал что-то типа: «С точки зрения безопасности твоя квартира должна представлять крепость. Если не установлена вторая железная дверь — установи. Цепочка, не позволяющая двери открыться широко, видеокамера, чтобы никто не мог спрятаться за стеной, — все пригодится. Пока к тебе будет ломиться милиция, ты уже успеешь двадцать раз отформатировать диск или позвонить адвокату», а теперь сам так лоханулся…

— Комитет госбезопасности, — представился один из гостей. — Вот постановление о проведении обыска в рамках дела о взрыве в Минске 3 июля.

3 июля, День независимости… Во время празднования в толпе взорвалась самодельная бомба, начиненная стальными шариками. Погибших не было, зато покалеченных — больше пятидесяти человек. И где я был в этот день? А, вспомнил: в Гомеле, бухали на даче у друзей. Значит, алиби есть — свидетелей много.

— Можно ваше удостоверение? — спросил я у высокого стриженого чекиста в черной кожаной куртке.

— Да, пожалуйста, — он вынул из кармана красную «ксиву» с золотистой надписью «Камітэт дзяржаўнай бяспекі» и передал мне. Полковник Чучко — прочел я в книжечке.

— Все в порядке, обыскивайте, — сказал я, прошел на кухню, достал из холодильника бутылку шампанского, наполнил бокал и неторопливо выпил.

Один из оперов пошел за понятыми. Не было его минут пятнадцать — нормальные люди в 6 утра еще спят. Мусора часто проводят обыски и задержания ночью или ранним утром, когда ты вырван из тепла постели и спросонья не способен адекватно воспринимать действительность. Наконец привели кого-то из соседей.

— Перед проведением обыска предлагаю вам добровольно выдать орудия совершения преступления, крупные суммы денег, оружие, наркотики и другие запрещенные для хранения предметы, — предложил мне полковник Чучко — видимо, старший в группе. — Оформим все это актом добровольной выдачи — на суде зачтется, если что.

«Ага, зачтется… — подумал я про себя. — Это уж точно будет последнее, что мне поможет», — а вслух сказал:

— Ничего запретного в моем доме нет. И к взрыву вашему я отношения не имею, меня в этот день вообще в Минске не было.

— Олега Бразермана знаешь? — тут же последовал вопрос.

— Знаю. Мы с ним мутили продажу оружия в Африку. Но там же через вашу контору, «Белспецвнештехника», все официально. Да и к чему вообще весь этот цирк с обыском, если я сам приезжаю к вам и помогаю в расследовании?..

* * *

С Комитетом я связался случайно. Когда осенью 2007 года был задержан первый замначальника управления «К» полковник Новик, чекисты вызвали меня и спросили, могу ли я чем-нибудь помочь в расследовании, и я, грешный человек, тут же согласился. Причем не только дал показания против Новика и Миклашевича — еще одного полковника из этого ведомства, но и (чего уж точно не стоило делать) представил компрометирующую их диктофонную запись, ждавшую своего часа на моем компьютере. Чем я думал? Зачем вообще ввязался не в свою войну и так бездарно использовал серьезный компромат? Воистину глупости человеческой нет предела. Потом они меня снова вызывали, но я сообщил, что уезжаю в отпуск и вернусь через несколько недель.

— Ладно, ребята, — прервал мои воспоминания Чучко, — за работу, — отдал он приказ своим.

— Только рукава, пожалуйста, засучите, — вмешался я, — а то вдруг из них «случайно» что-нибудь выпадет, патрон какой или чек героина, не дай бог. И давайте не разбредаться по квартире, а осматривать комнату за комнатой — понятые, следите за этим. О'кей?

Как ни странно, возражений не последовало.

Ничего запрещенного или имеющего отношения к взрыву в моем доме, разумеется, не нашли. Правда, мне показалось, что «гости» и не стремились что-то искать, а весь спектакль с обыском был для них не более чем формальностью — под эту гребенку тогда пол-Минска попало.

— Теперь давай осмотрим содержимое твоего компьютера, — молодой светловолосый оперативник присел за мой ноутбук и вопросительно глядел на меня, как бы спрашивая пароль для входа в Windows.

Я замер в нерешительности: сказать — не сказать?

— Ну ладно, — я прикинул, что ничего представляющего интерес для КГБ на моем компьютере нет, сел за клавиатуру и набрал код.

Бог ты мой! Я не поверил собственным глазам: открыто два крипта.

Обычно я не отключал только один, где висела ICQ, но сегодня — первый и единственный раз — был включен и

основной зашифрованный диск. Черт! Что ж за невезуха?! Как назло, именно сегодня за мной и пришли. Да-а, расслабился, Полисдог, жизнь стала сытой и спокойной, потерял осторожность — вот тебе и результат.

Легавые довольно потирали руки, «шарили» по директориям, улыбались, как дети, и копировали содержимое обоих криптоконтейнеров на диск С. Они делали все, что мне было нужно, и даже не подозревали, какой неприятный сюрприз их ждет: на моем компе была установлена программа Deep Freeze, после каждой перезагрузки приводящая системный диск в первозданный вид, и теперь все, что нужно было сделать, — это под каким-нибудь предлогом перезагрузить Windows.

— Эй, — остановил я блондина, который уже выключил мой ноутбук и теперь собирался отключить от него внешний жесткий диск, — его нельзя так отключать, может сгореть. Надо из-под «винды» корректно отключить…

— Делай, — на удивление легко согласился тот.

«Вот и отлично, фокус удался, — подумал я про себя. — Хотел бы я посмотреть на ваши рожи, когда вы с гордым видом вернетесь в отдел, соберете вокруг себя своих начальников и коллег, включите ноут (пароль на Windows я сообщил) — а там голый вассер».

— Ну что там, закончили с компьютером? — поинтересовался у «ботаника» полковник Чучко.

— Да-да, забираем с собой, — поспешно ответит тот. — Для дополнительного изучения, — по слогам выговорил он.

— Хорошо, тогда вы вдвоем, — полковник указал на блондина и еще одного молодого оперативника, — в отдел, а мы поедем на обыск в доме его матери, за городом.

Через полчаса я, Чучко и еще один чекист — молодой, на вид не старше двадцати, были уже в Гатово — поселке в десяти минутах езды от МКАД, где проживала моя мама.

— Сергей, мы в курсе, что здесь искать нечего, — сказал старший кагэбэшник, — но у нас постановления на проведение обысков в двух местах, так что, будь добр, сходи за понятыми. Аркадий, — он посмотрел на своего напарника, — пока протокол напишет, поставите там свои подписи да поедем.

Я позвал соседей снизу, мы быстро уладили бумажные формальности и уже собирались уходить из квартиры, когда зазвонил телефон Чучко. По мере того как тот слушал, выражение его лица несколько раз менялось и застыло в гримасе крайнего недовольства и удивления.

— Какие пароли на криптоконтейнеры? — прохрипел он, глядя на меня.

— Не помню, — когда я понял, что Deep Freeze сработал как часы, то заговорил с чекистами совсем другим языком. — Вчера сменил по пьяни, где-то записал, а где — не помню.

— Ладно, «закроем» тебя для начала на десять суток, может, вспомнишь…

Я быстро прокрутил в голове содержимое моих шифрованных дисков: «аська» без сохраненной истории сообщений, VISA Interchange Directory — база для определения типа карты и банка по «бину», сотни миллионов электронных адресов любителей «клубнички», несколько готовых сайтов-витрин для «адалта», статистика продаж, файл со списком должников, контакты, парочка порнофильмов с моей любимой актрисой Angel Dark — ну вот вроде и все, ничего интересного, для КГБ уж точно.

— Ладно, записывай, — я продиктовал Чучко пароли от дисков.

Тот тут же набрал чей-то номер — видимо, того, кто ему звонил несколько минут назад, и сообщил мои коды. Судя по всему, услышанное удовлетворило его невидимого собеседника, потому что мы закрыли квартиру, спустились в машину и поехали в КГБ.

— Ну что, Сергей, — обратился ко мне Аркадий, когда я сидел за столом в его рабочем кабинете, — давай оформим допрос в качестве свидетеля по делу о взрыве? Так, формальность простая. Ты же ничего по этому поводу не знаешь?

— Угадал — не знаю. А где мой ноутбук?

— Как где?! У соседей…

— У каких еще соседей?! — страшная догадка исказила мое лицо.

— Ну в МВД.

— Как в МВД?! — я полностью офигел от неожиданности.

— Ну так, — развел руками Аркадий, который, как оказалось, был следователем КГБ в звании капитана, — очень просто. Мы же к тебе вчетвером приехали, так?

Я кивнул.

— Чучко и я — из Комитета, а двое других — из отдела «К». Нам твой компьютер ни к чему, это они там специалисты…

Блин! Ну я и болван. На мякине провели, как первоклассника… И чего я не у всех оперов, что присутствовали на обыске, «ксивы» посмотрел? Теперь понятно, почему в моем доме особо ничего и не искали: мусорам был нужен только мой компьютер, а чекистам вообще все до фонаря — они-то знали, что не я бомбу подложил. Может, сами ее вообще и взорвали…

— Ты ментам в чем-то сильно дорогу перешел, — продолжал следователь, — операцию в отношении тебя координировал

лично министр внутренних дел Наумов.

«В чем-то перешел дорогу отделу “К”»… Еще бы: дал показания на двух сотрудников и представил компромат, помогал вывести на чистую воду других «оборотней» из этого же ведомства… Мусора, видимо, прочухали — что неудивительно при их-то возможностях — вот тебе и результат. Доигрался, PoliceDog. Понадеялся на порядочность агентов КГБ, знающих, что ты помогаешь им в расследовании, и оттого закрывающих глаза на небольшой криминал, следы которого всегда можно отыскать в твоем компьютере…

— Лгать можно только любимой женщине и полицейскому… — Аркадий словно прочитал мои мысли.

— О чем это ты?

— Всем остальным нужно говорить правду, — закончил он. — Это я о паролях твоих.

— Ну, что есть, то есть. Затупил я, конечно… Кстати, как твоя фамилия? — спросил я у капитана. — Мы с тобой нигде раньше не пересекались?

— Шардаков. Аркадий Шардаков. Я с Иваном Муравьевым дружу — ведущим с одного из телеканалов, а он тебя знает. Не вини себя, — продолжал он, — не скажи ты пароли сам — у нас бы тебе тиопентал натрия («сыворотку правды») вкололи — еще бы и не такое рассказал.

— Классные у вас методы, ничего не скажешь… Так и до Гуантанамо недалеко, — мрачно резюмировал я.

— А «Поваренная книга анархиста» и программы для расчета массы тротила при направленном взрыве тебе для чего? — неожиданно сменил тему Шардаков. — Менты сказали, что нашли на твоем компьютере…

— Это Бразерман откуда-то притащил. Я посмотрел — очень любопытно. Вот и оставил. На всякий, так сказать, пожарный. Причем книга настоящая — не та низкопробная подделка про изготовление наркотиков из банановой кожуры, что валяется в Сети.

— Любопытство сгубило больше девственниц, чем любовь… — философски заметил капитан. — Того и гляди, обвинения в терроризме повесят, за такую-то «литературу»… Ладно, подписывай протокол допроса и пойдем.

— Куда?! — я испуганно посмотрел на него и перевел взгляд на окно, выходящее во внутренний двор КГБ.

— Передам тебя ментам…

* * *

Министерство внутренних дел находилось на улице Городской Вал, всего в двух минутах ходьбы от огромного

желтого монстра с белыми колонами — здания КГБ.

— Кто такой? — неприветливо встретил нас милицейский майор в фойе МВД.

— Павлович…

Шардаков ушел.

— Снимай цепочку, кулон, очки, доставай все из карманов, деньги и мобильники на стол, — командовал майор, с каждым новым словом все больше лишая меня надежды вырваться отсюда. — Ремень и шнурки не забудь.

Вот теперь точно все. Картина Репина «Приплыли». Раньше надо было думать, Сережа, когда пароли свои называл.

— Матери моей все это отдадите? — спросил я.

— Кроме телефонов. Пиши заявление на имя следователя.

— А кто следователь? — полюбопытствовал я.

— Бельский…

Я взял ручку и написал. В двух экземплярах. И когда спустя 20 минут появился этот самый Бельский — невысокого роста, коренастый, высоколобый следак лет тридцати, — передал обе копии заявления ему и попросил поставить подпись под списком моих личных вещей.

— Это еще зачем? — удивился тот.

— На всякий случай. В прошлый раз ваши сотрудники из моего автомобиля почти на двушку «зелени» всякого добра украли. Не побрезговали даже начатым парфюмом. Голодоморы чертовы! И позвоните моей маме, телефон +37529….. — пусть моего адвоката пришлет — Елену Павловну Шевченко.

— Хорошо, — согласился со всем высоколоб.

Адвокат приехала через час. Даже при своей развитой фантазии я не мог представить, что стоящая передо мной невысокая, чуть полноватая тетка средних лет и есть тридцатипятилетняя и все еще недурная собой Лена Шевченко.

— Э-э-э, а где Лена? — спросил я у женщины.

— Она ушла из адвокатуры и работает судьей. Порекомендовала твоей маме нанять меня — мы из одной консультации. Хотя ты ведь понимаешь, что адвокаты в нашей стране…

— Голосуй — не голосуй, все равно получишь… — выдал я похожую по смыслу фразу.

— Правильно — ничего не решают, — закончила свою мысль адвокат.

Так в моей жизни появился новый персонаж — адвокат юридической конторы Партизанского района города-героя Минска Марина Михайловна Воробьева — простецкая, много курящая тетка слегка за сорок, давно уже не питающая иллюзий

относительно состояния законности в нашей стране и оттого трезво оценивающая перспективы моего уголовного дела.

— Пока мне все ясно, — сказала она. — Увидимся уже, когда ты будешь на Володарке.

Адвокат распрощалась и ушла, оборвав еще одну нить, связывающую меня со свободой. Мусора посадили меня в служебную «шестерку», и мы направились в мою квартиру для проведения повторного обыска, на сей раз исключительно силами МВД.

Этот обыск не сильно отличался от многих других обысков, имевших место в моей жизни и еще будущих в жизни каждого активного белоруса, вне зависимости от того, занимается он криминалом, бизнесом или политикой.

— Мы сейчас составим протокол обыска — сказал мне блондин, с которым я поневоле познакомился еще утром, — а ты пока собирай, что тебе с собой в СИЗО нужно.

В СИЗО… Мда-а… Ужасное дело — самому в тюрьму собираться. Одно дело, когда тебя «принимают» на улице: мордой в асфальт, лежать, не двигаться. «Вы можете хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде». И совсем другое — находиться в собственной квартире с тремя мусорами, понимая, что арест неминуем, что ты фактически даже сейчас уже задержан, и самому в тюрьму собираться. Благо легавые попались более-менее человечные и дали достаточно времени на сборы.

Спортивный костюм, вязаную шапочку, перчатки, куртку-пуховик (варианты: длинную дубленку, телогрейку) — пригодится на полу в холодных камерах КПЗ и тюрем валяться, несколько пар теплых носков, термобелье (или обычные кальсоны), обувь похуже — контролерам в СИЗО начхать, что твои ботинки стоят три его месячные зарплаты — супинаторы из них все равно вынут, полотенце, мыло, туалетную бумагу, зубную щетку и пасту, ручки, тетради, конверты, наручные часы, чай, кофе, конфеты, шоколад, сахар, бульонные кубики, бутылку воды, пару блоков сигарет, спички, пластиковую кружку, тарелку, ложку, кипятильник, лекарства — обезболивающее, от насморка и желудка, фотографию любимой женщины на память, последняя записка «Я тебя люблю. Что бы ни случилось», и в путь. Длиною, не приведи Господь, и в несколько лет…

Хочешь узнать, что дальше? Все как всегда: визит к прокурору, пообщаться с которым лично мне в этот раз не удалось, ордер на арест, серые сырые стены КПЗ с «шубой» на стенах, призванной давить на твою психику и давно запрещенной во всем цивилизованном мире, тусклый свет, крысы и полчища

клопов, превращающих твое тело в гигантский «шведский стол»… Эх, превратиться бы в комара и улететь далеко-далеко. Прилететь к деду… Интересно, сколько живут комары?

Глава 39
Who is Mr Gonzalez?

— Кто такой Альберт Гонсалес? — вместо приветствия начала адвокат Воробьева, когда я переступил дверь следственного кабинета.

— А какое сегодня число? — по праву обладателя израильского паспорта ответил я вопросом на вопрос.

— 8 августа 2008 года, — не понимая, к чему я веду, растерянно протянула адвокат.

— Получается, я здесь уже восемь дней… Здравствуйте, Марина Михайловна.

— Надо же, запомнил, как меня зовут, — сделала мне комплимент та.

— Угостите сигаретой — мне не разрешили с собой из хаты взять.

— А здесь и не курят в кабинетах, я сама в туалет выхожу. Это же не Володарка.

— Я бы сказал, «к сожалению, это не Володарка»…

— Кстати, а почему ты здесь, в Жодино, а не в Минске? Я видела у следака письмо на имя Дубровского, начальника СИЗО-1, где он просил оставить тебя в столице…

— Вначале менты так и планировали, но потом, как по секрету шепнул мне один знакомый на Володарке, «они прочли изъятые у тебя письма, увидели, что сиделось тебе здесь неплохо, и решили увезти тебя подальше от города, чтобы связать по рукам и ногам». Официальная формулировка: «В ближайшие два месяца никаких следственных действий с участием Павловича не планируется. Кроме того, в целях недопущения его встречи с Новиком и Боянковым, прошу…» Так я и оказался здесь, в минской областной тюрьме № 8.

— Так все-таки, кто такой Гонсалес?

— Какой еще, к черту, Гонсалес?!

— Твой подельник.

— Мой, простите, кто? — я вопросительно уставился на адвоката.

— Подельник, соучастник, кореш — называй, как хочешь, смысл тот же.

— Подельник… Что-то я его не припоминаю…

— На лучше прочти, что про вас пишут, — Воробьева достала из своего портфеля стопку газет, пахнущих свежей типографской краской, и протянула мне.

Я быстро пробежался глазами по тексту статей. Так, родился в Майами в семье кубинских эмигрантов. Первый компьютер маленькому Альберту купили в возрасте восьми лет. Интернет тогда только заро ждался. В девять лет Альберт уже умел бороться с компьютерными вирусами. Не ходил на тусовки и не играл с друзьями в футбол, всегда сидел за компьютером. Комп был его лучшим другом. Со временем увлечение сына начало тревожить родителей. «Мать уложит его спать, а в час-два ночи опять застает его за компьютером». Когда Гонсалесу стукнуло семнадцать, он и два его однокашника воспользовались школьными компьютерами и взломали компьютерную сеть индийского правительства. В ту пору им не пришло в голову обокрасть Республику Индию, и они ограничились тем, что оставили на правительственном сайте глумливые комментарии, высмеивающие тамошнюю культуру. «Неожиданно в школу заявились фэбээровцы и потребовали наши компьютеры», — вспоминает ее директор Томас Шоу. Гонсалеса опрометчиво не посадили, а просто на полгода запретили ему подходить к компьютеру.

В 1999 году он с отличием оканчивает школу и переезжает в Нью-Йорк. Под ником SoupNazi, взятым из комедийного сериала «Сайнфелд», знакомится в интернет-чатах с людьми, которые потом сделаются его сообщниками. А четыре года спустя начинает самостоятельно взламывать компьютерные сети на Восточном побережье Америки.

Гонсалес был арестован в 2003 году Секретной службой США, но в тюрьму, пусть даже курортную американскую, идти не захотел и согласился помочь федералам провести операцию Firewall, направленную против сайта Shadowcrew.com, который был известен как «супермаркет киберпреступности». Одновременно Гонсалес по-прежнему устанавливал шпионские программы в чужих компьютерах.

Идем дальше, Александр Суворов. Вырос в небольшом городке Силламяэ на северо-востоке Эстонии. Там же окончил гимназию в 2002 году.

Силламяэ — довольно специфический город, который в советское время был закрытым. Там находился «почтовый ящик» — предприятие военно-промышленного комплекса. И контингент городских жителей сформировался соответствующий — в большинстве своем из высоко-квалифицированного инженерно-технического персонала. Поэтому не случайно, что многие представители молодого поколения силламяэвцев проявляют незаурядные способности в точных науках.

«Типичный “четверочник”. Какими-то особенными

способностями среди одноклассников не выделялся, но учился довольно хорошо. Особой тяги ни к точным наукам, ни к компьютеру мы у него не замечали, — рассказала об Александре Суворове одна из его бывших учительниц. — По характеру достаточно спокойный. Иногда мог вспылить, но зла подолгу ни на кого не держал. Абсолютно нормальный мальчик».

Сразу после окончания гимназии Суворов уехал из Силламяэ и больше в родном городе почти не появлялся. С бывшими одноклассниками общался мало. Ходили слухи, что Суворов стал хакером, но толком никто ничего не знал.

В этом году Гонсалес был в числе одиннадцати человек (среди них три украинца и один белорус), обвиненных федеральной прокуратурой в преступном сговоре, взломе компьютерных сетей, мошенничестве и торговле похищенными номерами кредитных и дебетовых карт. На тот момент это было самое крупное в США дело подобного рода. О нем было объявлено на пресс-конференции в Бостоне с участием министра юстиции Майкла Мукейси и главного прокурора Восточного округа Нью-Йорка Бентона Кэмпбелла, который в 1996 году представлял обвинение на обоих процессах Вячеслава Иванькова по кличке Япончик.

Потенциальных жертв злоумышленники выбирали из числа компаний, попавших в список журнала Fortune «500 крупнейших корпораций мира», изучали системы оплаты и защиты фирм, а затем взламывали их сеть. Альберт Гонсалес также разъезжал со своим ноутбуком по городам США, пытаясь с помощью специальной программы проникнуть в компьютерные сети магазинов. Через систему беспроводного Интернета Wi-Fi Гонсалес искал технически уязвимые компьютерные сети. Если это у него получалось, то он через свой компьютер копировал данные банковских карточек (номера кредиток, PIN-коды и информацию о состоянии счета) на серверы, находящиеся в США, Нидерландах, Латвии и Украине. Позже следователи нашли на этих двух серверах более 41 млн номеров банковских карточек. Всего хакерам удалось похитить данные 170 млн дебетовых и кредитных карт. Согласно судебным документам, основной массив данных, касавшихся примерно 130 млн карт, был похищен у платежной системы Heartland Payment Systems. В сети супермаркетов Hannaford Brothers, для сравнения, были украдены данные о 4,2 млн карт. Часть похищенных данных взломщики продавали на черном рынке, а часть использовали сами: наносили информацию на чистые пластиковые карты и с их помощью «вынули» из банкоматов десятки тысяч долларов.

Американцам были известны и ближайшие сообщники

Гонсалеса — харьковчанин Максим Ястремский, известный в хакерских кругах как Maksik, и эстонец славянских корней Александр Суворов (JonnyHell).

3 марта 2008 года 24-летний Суворов был арестован во Франкфурте по дороге на Бали и ожидает экстрадиции в Соединенные Штаты. Арест Суворова в описании гамбургского еженедельника «Шпигель» выглядит весьма зрелищным. Когда он протянул свой эстонский паспорт на стойке регистрации пассажиров, из очереди к нему вышли двое неброско одетых мужчин и предъявили служебные удостоверения: «Вы арестованы». Вслед за этим двое спецагентов, именуемых как Пол Б. и Тимоти Г., доставили его в тюрьму в Вайтерштадте в нескольких километрах южнее Франкфурта-на-Майне.

В Америке успех сыщиков Секретной службы не прошел незамеченным. Ведь молодой эстонец под псевдонимом Джонни Ад принадлежит, по формулировке канала Эй-би-си, к «крупнейшему мировому сообществу мошенников, торгующих по всему миру украденными номерами кредитных карточек».

В Германии же случай с арестом опасного международного мошенника стал темой обсуждения в высших кругах политики и юстиции. Ведь оба агента американской Секретной службы (они трудились во франкфуртском генконсульстве США и обладали дипломатическими паспортами) провели задержание на территории Германии без всяких на то прав.

В щекотливом положении оказалась и германская юстиция, которой предстоит решить вопрос, выдавать ли Суворова властям США, ведь на момент ареста его личность не фигурировала в банках данных спецслужб Германии. Спасительной соломинкой оказалась копия факса с ордером на арест, якобы выданным калифорнийскими властями в начале февраля. Немцы засомневались в подлинности документа. В ту же ночь из Вашингтона во Франкфурт прибыло электронное послание, в котором сообщалось, что «предварительный» ордер на арест в настоящее время «переводится» на немецкий язык. Завершить данный труд заокеанским «переводчикам» удалось лишь к 12 марта. Иными словами, ордер на арест был доставлен во Франкфурт-на-Майне спустя неделю после самого ареста. В документе говорилось о «взломе корпоративных банков данных, в которых содержались миллионы номеров кредитных карточек». Ущерб, как прикинули авторы ордера, превосходит $100 млн.

По наводке американцев харьковчанин Ястремский был арестован в июле 2007 года в Турции, где он отдыхал. Вместе с ним забрали и его тезку израильтянина Максима Турчака. Впрочем, Турчака быстро освободили из-за отсутствия

доказательств. Одновременно появились сообщения о том, что Максим Ястремский якобы работает на международную террористическую организацию «Аль-Каида». Эти сообщения вызвали настолько сильный резонанс, что Министерству иностранных дел Украины пришлось выступить с официальным заявлением, опровергающим слухи о сотрудничестве Ястремского с исламистскими террористами.

Показательно, что многие из пострадавших компаний даже не знали, что допустили утечку (сеть магазинов TJX упустила 45,6 млн кредитных карт, и в течение семнадцати месяцев хакеры имели доступ ко всей информации в реальном времени). Рыночная стоимость TJX составляет $13 млрд, но при этом компания не удосужилась ввести дополнительные меры безопасности. Теперь она подсчитывает убытки — по оценкам самой TJX, они составили около $256 млн. Аналитики Forrester Research уверены, что эта цифра со временем увеличится в четыре раза и превысит $1 млрд. При этом абсолютно все специалисты признают, что реальные расходы TJX практически невозможно подсчитать.

Большинство участников преступной группировки занимались продажей украденных данных и лично никогда не встречались.

По сообщению федеральной прокуратуры США, имущество Альберта Гонсалеса оценивается в $1,65 млн, ему принадлежит дом в Майами и автомобиль BMW 2006 года выпуска.

— «Среди них три украинца и один белорус»… — повторила адвокат. — По всему выходит, что Гонсалес твой подельник. Ну или ты его… — добавила она.

— Выходит, что так, — вздохнул я. — Я думал, что продавал дампы Джоннихелла, а получается, что товар был Гонсалеса…

— А что, американцы действительно ТАК работают? — Воробьева обвела карандашом абзац про арест Суворова в Германии.

— Это еще цветочки. Вон Воа — один из самых известных в мире кардеров — с 2003 года под следствием в Штатах сидит, и когда суд будет — одному богу известно.

— Я думала, только у нас такое… — моя адвокат, похоже, была не слишком высокого мнения о нашей судебной системе.

— В Америке правовой беспредел еще хуже. Когда на карте стоит экономическая безопасность страны, о букве закона там вообще не заботятся. Интересы Соединенных Штатов Америки священны и должны охраняться любыми средствами, желательно (но не обязательно) под демократическим соусом.

Максика я лично не знал, но как-то раз покупал у него

переклеенный украинский паспорт. Паршивого, к слову, качества. Так что криминальную карьеру Ястремский начал с подделки документов.

— При аресте у него нашли два паспорта на разные имена, а в его ноутбуке — 5 тыс. кредитных карточек и программы для взлома сетей…

— Мда-а… Первое правило разведчика: нельзя иметь при себе два документа, взаимоисключающие друг друга.

— Свой план обогащения Суворов, Ястремский и Гонсалес называли Get rich or die trying…

— «Разбогатей или сдохни!» — это известный лозунг рэпера 50cent.

— Письма получаешь?

— Да, вчера от мамы было. Вы следака видели?

— Только по телефону разговаривала. Сказал, что пока к тебе не собирается. Посоветовал за новостями по твоему делу в прессе и в Интернете следить. Вот, кстати, откопала официальный пресс-релиз о ваших похождениях, — Воробьева протянула мне несколько листов, скрепленных булавкой. — На сайте американского Министерства юстиции нашла, — с гордым видом добавила она.

Department of Justice

ДЛЯ НЕМЕДЛЕННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ
Вторник, 5 августа 2008 года
WWW.USDOJ.GOV

AG
(202) 514-2007
TDD (202) 514-1888

ГРУППА ХАКЕРОВ ОБВИНЯЕТСЯ В КРАЖЕ НОМЕРОВ КРЕДИТНЫХ И ДЕБЕТОВЫХ КАРТ У КРУПНЫХ РОЗНИЧНЫХ ТОРГОВЦЕВ США И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИИ

Украдено более 40 миллионов номеров кредитных и дебетовых карт

БОСТОН – одиннадцать преступников, участвовавших в хакерской атаке девяти крупных розничных торговцев США, а также краже и продаже более чем 40 миллионов номеров кредитных и дебетовых карт, были обвинены в совершении многочисленных преступлений, включая преступный сговор, компьютерное вторжение, мошенничество и хищение личных данных – объявили сегодня Министр юстиции Майкл Б. Мукасей, Федеральный прокурор округа Массачусетс Майкл Дж. Салливан, Федеральный прокурор Южного округа Калифорнии Карен П. Хьюитт, Федеральный прокурор Восточного округа Нью-Йорка Бентон Дж. Кэмпбелл и Директор Секретной службы Министерства финансов США Марк Салливан. Схема представляется самым крупным случаем взлома и хищения персональных данных, которые когда-либо рассматривались Министерством юстиции.

Трое из ответчиков являются гражданами США, один – из Эстонии, трое – из Украины, двое – из Китайской Народной Республики и один – из Беларуси. Один человек известен только по онлайн-прозвищу, и место его нахождения неизвестно.

В официальном обвинении от 5 августа 2008 года, федеральной расширенной коллегией присяжных в Бостоне Альберт «Segvec» Гонсалес из Майами был обвинён в мошенничестве с использованием компьютера, мошенничестве с использованием электронных средств связи, мошенничестве с использованием устройств доступа, хищении личных данных при отягчающих обстоятельствах и организации преступного сговора. Обвинительные заключения были также выдвинуты сегодня в Бостоне по сопутствующим обвинениям против Кристофера Скотта и Дэймона Патрика Туи, оба из Майами.

В Бостонском официальном обвинении утверждается, что в ходе действия изощрённого преступного сговора, Гонсалес и его соучастники получали номера кредитных и дебетовых карт путём «вардрайвинга» и несанкционированного доступа в беспроводные компьютерные сети крупных розничных торговцев – включая компании «TJX», «BJ's Wholesale Club», «OfficeMax», «Boston Market», «Barnes & Noble», «Sports Authority», «Forever 21» и «DSW». Проникнув в сети, они устанавливали программы-анализаторы (снифферы), которые копировали и сохраняли номера карт и информацию о паролях и счетах по мере продвижения данной информации по сетям обработки розничных торговцев.

В официальном обвинении утверждается, что ответчики хранили украденные данные на зашифрованных компьютерных серверах в Восточной Европе и Соединённых Штатах. Утверждается, что они продавали некоторые из номеров кредитных и дебетовых карт через Интернет другим преступникам в Соединённых Штатах и Восточной Европе. Также украденные номера «обналичивались» путём кодировки номеров карт на магнитные дорожки пустых карт и последующего снятия десятков тысяч долларов за раз из банкоматов. Гонсалес и другие, как утверждается, имели возможность прятать и отмывать свои доходы, полученные мошенническим путём, используя анонимные веб-валюты как в Соединённых Штатах, так и за пределами, и направляя средства через банковские счета в Восточной Европе.

Гонсалес ранее был арестован Секретной службой в 2003 году за мошенничество с использованием средств доступа. В ходе данного расследования Секретная служба установила, что Гонсалес, действовавший в качестве тайного осведомителя агентства, был преступным образом вовлечён и в это дело. По причине масштабов и размаха его криминальной деятельности Гонсалесу грозит максимальное наказание в виде пожизненного заключения, если он будет осуждён за все преступления, о которых утверждается в Бостонском обвинении.

Также сегодня в Сан-Диего были обнародованы официальные обвинения против участников схемы, – Максима («Максика») Ястремского из Харькова, Украина, и Александра («Джонни Хелла») Суворова из Силламяэ, Эстония. В официальных обвинениях ответчикам ставилось в вину совершение преступлений, связанных с продажей данных украденных кредитных карт, которые Гонсалес и другие получили незаконным путём. Суворов обвиняется в организации преступного сговора с целью завладения незаконными средствами доступа, владении незаконными средствами доступа, торговле незаконными средствами доступа, хищении личных данных, включая хищение личных данных при отягчающих обстоятельствах, а также оказании помощи и соучастии. Ястремский обвиняется в торговле незаконными средствами доступа, хищении личных данных, включая хищение личных данных при отягчающих обстоятельствах и организации преступного сговора с целью отмывания финансовых средств. Официальное обвинение также содержит требования о конфискации.

Кроме того, в Сан-Диего сегодня было обнародовано официальное обвинение против Хун-Мин Чу и Жи Жи Ванга, оба из Китайской Народной Республики, а также лица, известного только по онлайновому прозвищу «Дельпьеро» (Delpiero). Чу, Ванг и Дельпьеро обвиняются в организации преступного сговора с целью завладения незаконными средствами доступа, торговле незаконными средствами доступа, торговле поддельными устройствами доступа, владении незаконными средствами доступа, хищении личных данных при отягчающих обстоятельствах, а также оказании помощи и соучастии. Также в Сан-Диего Сергей Павлович из Беларуси, а также Дмитрий Бурак и Сергей Сторчак, оба из Украины, были обвинены в совершении преступления, заключающегося в организации преступного сговора с целью торговли незаконными средствами доступа. Все они считаются иностранными гражданами, проживающими за пределами Соединённых Штатов.

В обвинениях, выдвинутых в Сан-Диего, утверждается, что Ястремский, Суворов, Чу, Ванг, Дельпьеро, Павлович, Бурак и Сторчак организовали международный канал распространения украденных кредитных и дебетовых карт с операциями из Украины, Беларуси, Эстонии, Китайской Народной Республики, Филиппин и Таиланда. В официальных обвинениях утверждается, что каждый из ответчиков продавал украденную информацию кредитных и дебетовых карт с целью получения личной выгоды. Например, в официальном обвинении Ястремского утверждается, что он получил доходы, превышающие 11 миллионов долларов США от указанной криминальной деятельности. Эти официальные обвинения и заявления являются результатом трёхлетнего тайного расследования, проведённого Региональным отделением Секретной службы Министерства финансов США в Сан-Диего.

В мае 2008 против Гонсалеса, Суворова и Ястремского также было выдвинуто сопутствующее официальное обвинение в Восточном округе Нью-Йорка. В Нью-

Йоркских обвинениях утверждается, что данная тройка участвовала в изощрённой схеме вторжения в компьютерные сети, используемые сетью ресторанов «Dave & Buster's» и краже номеров кредитных и дебетовых карт, как минимум, из 11 мест. Конкретно, в официальном обвинении утверждается, что ответчики получили несанкционированный доступ к терминалам контрольно-кассовых аппаратов и устанавливали в каждом ресторане «сниффер» – компьютерный код, разработанный для перехвата информации в компьютерной сети. «Сниффер» был сконфигурирован для захвата номеров кредитных и дебетовых карт по мере обработки данной информации ресторанами. По месту расположения одного из ресторанов «сниффер» захватил данные приблизительно 5 000 кредитных и дебетовых карт, что, в конечном итоге, причинило ущерб на сумму, как минимум, 600 000 долларов США.

Гонсалес в настоящее время находится в предварительном заключении по обвинениям, выдвинутым в Нью-Йорке. На основании обвинений, выдвинутых в Сан-Диего, Турецкие власти задержали Ястремского в июле 2007 г. в Турции, когда он путешествовал там во время отпуска. С тех пор он находится в заключении в Турции, ожидая решения соответствующих турецких обвинительных органов, и Соединённые Штаты подали официальный запрос о его выдаче. По запросу Министерства юстиции Суворов был задержан по обвинениям, выдвинутым в Сан-Диего, Германской федеральной полицией в марте 2008 г. во Франкфурте, когда он путешествовал там во время отпуска. В настоящее время он находится в заключении, ожидая решения по процедуре экстрадиции.

«Насколько нам известно, это дело является самым крупным и сложным делом о хищении персональных данных, когда-либо рассматриваемых в нашей стране, – заявил Министр юстиции США Мукасей. – Оно выдвигает на первый план усилия Министерства юстиции, направленные на борьбу с этим тяжким преступлением и показывает, что в сотрудничестве с нашими партнёрами, обеспечивающими соблюдение законности по всему миру, мы можем выявить, обвинить и задержать даже самых изощрённых международных компьютерных хакеров».

###

08-689

Перевод соответствует оригиналу

— Ладно, мне пора, — Марина Михайловна встала из-за стола и начала собирать свои бумаги. — Попробую тебе помочь. Вернее, сделаю все, что от меня зависит, — дело у тебя не самое заурядное. К тому же на контроле в Генпрокуратуре. Мама тебе сейчас поесть чего передаст, они с Катей меня в машине ждут.

— Хорошо. Привет им. До встречи, — я попрощался и ушел.

Тюремные менты отличаются какой-то особой узостью мышления. У них что ни густонаселенное здание — так обязательно «шанхай», а барак, стоящий отдельно от других, часто называют «хутором». Корпус, где сидел я, называли

«титаником» — то ли из-за гигантских размеров, то ли потому, что все мы были обречены пойти ко дну…

Я вернулся в хату, перед тем пройдя 400 метров по запутанным, разделенным не одним десятком железных дверей, подземным коридорам, прилег на нары и закрыл глаза. Я оказался там, где всегда хотел оказаться…

Глава 40
Прав тот, у кого больше прав

Уже поздно совсем. От монитора начинают болеть глаза, но я продолжаю рассматривать твои фото. На них ты получаешься таким же красивым, как и в жизни, но не живым. В жизни ты совсем другой. Теплый комочек счастья… Такое странное ощущение… я чувствую себя на год младше… живу прошлой осенью… Мой трек-лист в плеере сменился на музыку, которую я слушала, когда мы познакомились, и теперь даже звуки, запахи, ощущения стали такими же, как тогда… Единственное, что меняется неустанно, — это то, что я с каждым днем все сильнее влюбляюсь в тебя. В твои нежные руки, смуглую кожу, в твою серьезность и вместе с тем милое ребячество… А еще… еще… Господи, как же мне тебя не хватает!!! Как будто перекрыли кислород, а жизнь поставили на паузу… Я ни за что тебя не оставлю. Ни за что не пущу все на самотек. Ты — самое дорогое, что у меня есть. Самое родное и близкое. И мне не страшны никакие ливни, грозы, ураганы, снега, если ты будешь рядом со мной. Чтобы я всегда могла уткнуться в твое теплое, родное плечо и почувствовать себя в безопасности… Я тебя очень прошу — не падай духом. Что бы ни было. Ты сильный. Я в тебя верю и верю тебе. Все мои стихи — только о тебе… и мысли… и сны… И даже в шуме дождя я слышу твой голос…

Из Катиного письма

Потянулась томительная и невыносимо длинная полоса бездейственных дней, одинаковых, как ксерокопии. Когда это случилось в первый раз, я знал, за что сижу, был в розыске шести спецслужб по всему миру, имел больше 20 тыс. потерпевших и сидел за то, что сделал. Сейчас же все больше напоминало кошмарный сон, который никак не уходит, сколько я себя ни щиплю.

На днях отправил жалобу в Генпрокуратуру. Написал, что, поскольку при производстве обыска мой ноутбук не упаковывался и не опечатывался за подписями подозреваемого и понятых, какая бы информация ни была в настоящее время извлечена из него, она должна быть признана доказательством, полученным с нарушением порядка, установленного уголовно-процессуальным кодексом. А такое доказательство не может иметь юридической силы.

«Знаешь, сейчас только начинаю понимать, что никого я так никогда не любила, — написала мне Катя в одном из своих писем. — Это так приятно — осознавать, что живешь одним человеком, который дороже всего на свете… Ведь так сложно найти именно “того самого”… а мне повезло… значит, судьба все же любит меня, раз посылает такие подарки… А то, что происходит сейчас, — это просто у справедливости отпуск в августе»…

Судя по всему, справедливость ушла в отпуск надолго — в сентябре я все еще находился в СИЗО, и никаких видимых изменений не произошло.

Попадая в тюрьму, ты лишаешься многих привычных вещей: телефона, часов, комфортной одежды и т. д. И поэтому ощущаешь серьезный психологический дискомфорт. Недавно мама передала мне мои любимые часы «Лонжин», привычные домашние джинсы, свитер, Катину фотографию и шарф — тот самый, что Катя собственноручно связала мне на прошлый Новый год. От него исходил запах ее «Эскады». Скажешь, мелочь? Но в тюрьме не хватает ярких впечатлений, здесь главное — не сколько и чего тебе передают, а ощущение незаброшенности, вести с воли, и любой знак внимания способен надолго поднять настроение.

Пару дней назад получил ответ на свою жалобу. Написали, что «изъятый портативный компьютер не упаковывался и не опечатывался, поскольку возникла необходимость в незамедлительном осмотре содержащейся в нем информации. В связи с этим сразу же после завершения обыска следователь УКГБ по г. Минску и Минской области А. А. Шардаков прибыл в свой служебный кабинет, где произвел осмотр информации, содержащейся в изъятом портативном компьютере. После этого

портативный компьютер был упакован и опечатан»…

Мрачные стены убивают во мне способность чувствовать, осязать, видеть. Превращаешься в биоробота: ешь по необходимости, куришь, чтобы ненадолго отвлечься, и ждешь… Здесь все время чего-то ждешь: прогулок, передач, следователя, адвоката, писем… Еще и Катя редко пишет… Храп сокамерников с каждым днем раздражает все больше. Стулья из стали. Кровати из стали. Двери из стали. Мои нервы устали — они не из стали…

Вчера, уже засыпая, впервые подумал о самоубийстве. Лежал в темноте, а на глазах были слезы. Представлял, кому и что я бы написал в последнем письме. Гроб — обязательно белого цвета. Черный костюм. Безутешная (а может быть, уже и безразличная ко всему) вдова. Проектор, на всю стену показывающий мои прижизненные фото. Все торжественно и одновременно гротескно. Бр-р-р… Испугался собственных мыслей.

Очень хочется поделиться своими переживаниями, но с кем? Глупо даже думать о том, чтобы разговаривать о подобном с сокамерниками. К тому же даже если и рассказать — так все равно из эгоистичных побуждений: поделиться тем, что со мной происходит, выслушать отговоры и слова поддержки. Если бы не было этого дневника, с которым я могу поделиться хотя бы частью своих переживаний, не представляю, что бы со мной было…

Глава 41
Спам — это в первую очередь бизнес

— Павлович, с бумагами, — невыразительный голос за дверью заказал меня на кабинеты.

— А я уже было надеялся следователя увидеть, — немного разочарованно протянул я, завидев, что меня ожидает только моя адвокат.

— У тебя теперь будет другой следователь — Бельский уволился, — попыталась она дать понять, что не зря ест свой хлеб. — Ну, как у тебя дела?

— Да какие у меня могут быть дела?! Вы видели, что Генпрокуратура ответила? — То есть закон мы, конечно, нарушили, но нам так было нужно…

— Ну извините, мы не в Европе, — Марина Михайловна развела руками. — Это там каждый четвертый приговор оправдательный, а у нас таковых только 0,3 %.

— Я бы сказал — к сожалению, мы не в Европе. Закон для того и закон, чтобы его выполняли все без исключения. А у нас выходит, что закон должны соблюдать только простые граждане, а милицию, КГБ, прокуроров, судей он как бы и не касается. Поэтому и фигурируют в качестве доказательств полученные с нарушением закона и не имеющие никакой юридической силы улики…

— Ладно, это все лирика. А в реальности тебя обвиняют в рекламировании порнографических материалов посредством спам-рассылки. Расскажи мне подробно, что есть что, и мы вместе подумаем, как отбиться от этих обвинений. Вот что такое спам?

— С точки зрения получателя, спам — это мусор в электронном почтовом ящике. Но с точки зрения спамеров это в первую очередь бизнес. И в нем, как и в любом другом бизнесе, есть свои бизнес-схемы. Основных схем в спам-бизнесе две: это партнерские программы и классическое взаимодействие на уровне «заказчик — исполнитель». Партнерская программа, или «партнерка», — это маркетинговый прием, когда распространитель товара платит спамерам не за рекламу как таковую, а за каждого приведенного клиента. Именно этой схемой пользуются продавцы самых распространенных в спаме товаров: виагры, реплик элитных товаров и дешевого программного обеспечения. Кроме того, партнерские программы часто используются для распространения порно и рекламы интернет-казино. Вторая схема работает по самому простому и понятному

сценарию «заказчик — исполнитель». Небольшая фирма (не имеющая денег на рекламу в традиционных СМИ) нанимает спамера, чтобы организовать рекламу своего товара. Эта схема особенно популярна в Рунете.

— А ты по какой схеме работал?

— Исключительно по «партнеркам»: сколько привел клиентов — все твое.

— И что ты рекламировал?

— «Адалт» (взрослое порно) и виагру. Порядка 68 % посещаемых в Интернете сайтов являются порнографическими…

— А что, «партнерки» нормально относятся к спаму?

— Не все. Официально спам запрещен. Но в реальности многие «партнерки» закрывают на него глаза. Конечно, в рекламе нельзя использовать сцены насилия и жесткого порно, слова типа «лолиты», «малолетние» и т. п. Нелишним также будет указать, что наш сайт содержит материалы «для взрослых» и что если вам меньше восемнадцати, то просим свалить отсюда на Disney.com. В общем, любой запрет можно обойти.

— Не было ощущения, что занимаешься чем-то грязным и аморальным? — адвокат неожиданно свернула в другую степь.

— Какой там! Я ведь никого в турецкий бордель не продавал, документы не отбирал и даже в порнухе сниматься не заставлял. Для меня это просто бизнес, цветные пикселы на экране монитора. Клиента привел — комиссионные получил.

— А детской порнографией ты не занимался?

— Никогда. Несмотря на сумасшедшую рентабельность в 5000 %. Хотя многие русские adult-веб-мастера начинали свою деятельность именно с продажи child porno, а у некоторых архивы с «лолитами» до сих пор в огородах закопаны.

— Сколько ты получал за каждого приведенного клиента?

— «Партнерки» платят либо фиксированную цену за каждую регистрацию (sign-up), обычно $30–40, либо процент от всех продаж (partnership). В долгосрочной перспективе «партнершип» обычно оказывался выгоднее, так как ты получаешь деньги за все время, что клиент оплачивает доступ на порносайт. Некоторые пользователи, сами того не замечая, оплачивали абонемент и по полгода. Каким образом? Когда юзер нажимает кнопку «оплатить», в форме оплаты по умолчанию проставлена галочка напротив «снимать с моей кредитки $30 и автоматически продлять доступ на следующий месяц». Это называется ребилл (rebill). Порядка 80 % людей соглашаются с условиями обслуживания в Интернете, не читая их, хотя, например, в США уже в 2002 году решением суда была признана юридическая сила таких соглашений.

— Сколько ты зарабатывал на спаме?

— Спамеры всего мира зарабатывают $10–15 млрд в год, — уклонился я от прямого ответа, — дать более точную оценку этого бизнеса эксперты затрудняются. В силу своей анонимности спам — это идеальный способ продавать поддельный, нелицензионный либо контрафактный товар, а также нелегальные товары и услуги. Обыватели заблуждаются, думая, что нормальные люди не покупают товары, рекламируемые в массовых рассылках, — примерно 30 % пользователей Интернета не только приобретают товары, рекламируемые спамом, но и делают это регулярно.

— Судя по всему, расчищать свои электронные почтовые ящики от рекламного «мусора» нам придется еще долго… — невесело констатировала моя адвокат.

— В любом случае век спама ограничен. Через несколько лет интернет-технологии изменятся и массовые рассылки из одного источника станут невозможны. Что тогда будут делать спамеры? Например, брать на раскрутку сайты-клиенты, гарантируя им первые места в результатах поиска по ключевым словам. Для этого придется вступать в противостояние с поисковыми машинами — играть с ключевыми словами, вводить в заблуждение поисковых роботов. Называется это SEO (search engine optimisation) — поисковая оптимизация сайта. Деятельность тоже не вполне общественно полезная, но, по крайней мере, не насилующая почтовые ящики граждан.

— Как ты вообще до всего этого дошел?

— Когда я в прошлый раз сидел в тюрьме…

— Я гляжу, многие криминальные схемы мои клиенты придумали, сидя в тюрьме, — перебила меня Воробьева.

— Неудивительно. Тюрьма — недостаток пространства, возмещенный избытком времени…

— Ты уже смотрел в Уголовном кодексе, какое наказание предусматривает статья за распространение порнографии?

— Да, статья 343 — до двух лет исправработ. Лишения свободы не предусматривает. Нам главное — от кредиток отбиться, остальное неважно.

— Ну придет следователь, посмотрим хоть, в чем тебя обвиняют…

— Когда ж он придет-то? Третий месяц его не вижу, только «продленки» шлет — еще на два месяца срок следствия продлил.

— Ничего не поделаешь — остается только ждать…

Глава 42
В семье не без урода

Наконец-то пришел следователь — чуть полноватый мужик слегка за тридцать, в дорогом, но безвкусном костюме в полоску.

— Зовут меня Александр Евгеньевич. Фамилия — Сушко, — представился он.

— Я вас уже заждался, — мне представляться не было необходимости: весь отдел «К» меня не только знал, но и тихо ненавидел.

— Понимаю. Хочешь знать, как на вас вышли?

— А я знаю: договорились с комитетчиками, провели обыск у меня дома, получили доступ к моему компьютеру — вот тебе и уголовное дело.

— Ну а зачем ты им свои пароли сказал?! — Сушко развел руками. — Не назови их, и никакого дела не было бы — на сегодняшний день нереально расшифровать пароли такой длины.

— Чекисты — продажные сволочи. Знали ведь, что я помогаю им в расследовании дела «оборотней» из вашего ведомства, и все равно меня в «топку» вкинули…

— Ну а что — компромат они от тебя уже получили, а теперь еще и посадили как преступника. Одним выстрелом двух зайцев убили. Понимаешь теперь, что это за ведомство?

— Рыцари с горячим сердцем и чистыми руками… Да уж… Скопище предателей… А генпрокуратура… про этих я вообще молчу — они закон используют исключительно так, как им сейчас выгодно.

— Получается, что…

— …что самым «белым и пушистым» из всех оказалось МВД… Вы хоть свою мусорскую сущность не скрываете, а кагэбэшники — такие же уроды, но прикрываются высокими материями.

— Вот-вот. Но изначально я имел в виду не это и не тебя — я про то, как вышли на след вашей группировки.

— Какой группировки, если я один сижу?!

— Американцы считают иначе. Ты их пресс-релиз читал? — то, с каким трудом Сушко выговаривал слова типа «пресс-релиз», выдавало его пролетарское происхождение, которое он тщательно скрывал.

— Да, видел — Марина Михайловна приносила, — мы с адвокатом переглянулись.

— Взгляни теперь на другой документ, — следак залез в свой

портфель и протянул мне Обвинительный меморандум по делу «Соединенные Штаты против Альберта Гонсалеса».

— В эту организацию, по нашим сведениям, входил и ты, — добавил он. — А вот еще взгляни, — Сушко достал из необъятной папки какой-то документ со штампом американского суда.

— Старо как мир: нашли слабое звено, вселили в него ложную надежду, тот всех и сдал. Методы работы американцев, как я погляжу, не сильно отличаются от ваших.

— Человеческая психология вообще не сильно изменилась за тысячелетия… Ты в курсе, что Секретная служба США платила Гонсалесу $75 тыс. в год?

— Это еще за что?! — слова Сушко меня заинтересовали.

— Ты про операцию Firewall слышал?

— Кроме того, что в ходе ее были арестованы несколько десятков наиболее известных американских кардеров, мне ничего не известно, — напряг я свою память.

— В мае 2004 года Cumbajohnny, один из администраторов форума ShadowCrew, сделал предложение, которое привлекло внимание многих форумчан, — предлагалось воспользоваться услугами приватного, только для мемберов ShadowCrew, VPN-сервиса. Ты знаешь, что это такое?

— Virtual private network — виртуальная частная сеть, обычно используется для обеспечения доступа к корпоративной сети из домов работников. Но кардеров VPN привлекает по другой причине: каждый байт трафика от их компьютера будет зашифрован, что является гарантией защиты от сниффинга — все попытки спецслужб отследить активность пользователей не продвинутся дальше дата-центра, в котором установлен VPN-сервер.

ОКРУЖНОЙ СУД СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
ОКРУГ МАССАЧУСЕТС

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ	)	Уголовное дело № 08-CR-10223-PBS
	)	
против	)	Уголовное дело № 09-CR-10262-PBS
	)	
АЛЬБЕРТА ГОНСАЛЕСА	)	Уголовное дело № 09-CR-10382-DPW
	)	
Обвиняемый	)	**ОТРЕДАКТИРОВАННАЯ ВЕРСИЯ**

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ МЕМОРАНДУМ О ВЫНЕСЕНИИ ПРИГОВОРА

Серьезность совершенных Альбертом Гонсалесом преступлений с использованием компьютера, мошенничеств с использованием электронных средств коммуникации и хищения личных данных, а также основательная необходимость обеспечить адекватные средства удержания других от совершения подобных преступлений диктуют рекомендации обвинения о лишении свободы на двадцать пять лет по делу TJX (08-CR-10223-PBS), лишении свободы на двадцать лет по делу компании «Dave and Buster's» (09-CR-10262-PBS) и лишении свободы на двадцать пять лет по делу «Heartland Payment Systems» (09-CR-10382-DPW), которые должны отбываться одновременно.

Если приговоры будут вынесены, они будут предусматривать наибольший срок, который когда-либо назначался в деле о хищении личных данных, и один из наибольших сроков, назначенных за финансовое преступление, что будет закономерно, поскольку Гонсалес находился в центре крупнейшей и наиболее дорого обошедшейся серии хищений личных данных в истории государства. Он намеренно сделал своими жертвами группу людей, численность которой превысила население многих крупных городов и некоторых штатов – несомненно, миллионы, возможно, десятки миллионов. Его действия стоили сотни миллионов долларов компаниям, начиная с небольших банков и кредитных союзов и до компаний, входящих в список 500 крупнейших корпораций по версии журнала «Fortune». И он совершал такие действия, будучи освобожденным из-под стражи до рассмотрения в суде дела федеральной юрисдикции, возбужденного ранее, и препятствуя отправлению правосудия на международном уровне. В таких исключительных обстоятельствах Директивами для определения меры наказания США рекомендовано пожизненное тюремное заключение.

Характер и объем преступлений Гонсалеса

Для совершения хищений личных данных в таком огромном масштабе, Гонсалес организовал действия людей, обладающих особыми навыками и способностями, на двух континентах: Кристофера Скотта, Патрика Туи, Стивена Уотта, Хамзы Замана и Джереми Джетро (все они признали свои роли и вину и были осуждены, либо находятся в ожидании приговора в данном округе); Д.Д., Дж.У. и М.Я. (которые были осуждены и приговорены к наказанию за схожие преступления в Калифорнии, Пенсильвании и Турции соответственно); и соучастников преступного сговора в бывших советских республиках, которые известны только по своим псевдонимам.

ОТДЕЛ ПЕРЕВОДОВ

Вкратце, организация Гонсалеса:

1. Использовала в своих интересах уязвимость, присутствующую во многих беспроводных компьютерных сетях и базах данных компаний, на протяжении пяти лет – с 2003 по 2008 г., когда он был арестован;
2. Незаконно получала доступ к компьютерным сетям, в которых происходила обработка операций по кредитным и дебетовым картам компаний (среди прочих): «BJ's Wholesale Club», «DSW», «OfficeMax», «Sports Authority» и «TJX»;
3. Определяла местонахождение и воровала из таких сетей уязвимые файлы и данные, включая данные 2-ой дорожки магнитной полосы (данные, закодированные на магнитных полосах на обратной стороне кредитных или дебетовых карт, которые считываются банкоматами и устройствами чтения кредитных карт), относящиеся к десяткам миллионов операций;
4. Обеспечила в бывшей советской республике источник для расшифровки закодированных PIN-кодов;
5. Продавала данные 2-ой дорожки магнитной полосы в Соединенных Штатах и Восточной Европе для использования в мошеннических целях;
6. Использовала другие данные 2-ой дорожки магнитной полосы непосредственно для снятия крупных сумм в банкоматах банков; и
7. Использовала изощренные методы для отмывания своих операций через подставных лиц, анонимные веб-валюты и счета в латвийском банке на имя фиктивных компаний.

Помимо организованных им компьютерных вторжений и краж данных, Гонсалес помогал российским и украинским соучастникам преступного сговора в атаках на корпоративные компьютерные сети и обширном хищении данных, в которых скорее они, а не он, играли ведущую роль. В различное время Гонсалес, самостоятельно или при помощи участника своей организации:

1. Предоставлял своим российским соучастникам доступ ко взломанным компьютерным сетям потерпевших;
2. Проводил разведку по сетям;
3. Поставлял, модифицировал и тестировал вредоносное программное обеспечение, использовавшееся для эксплуатации компьютерных систем и завладения информацией платежных карт; и
4. Предоставлял секретные компьютерные сервера своим российским соучастникам для хранения вредоносного программного обеспечения и атак на потерпевшие компании.

Серьезность преступления Гонсалеса

Количество людей, пострадавших в результате действий Гонсалеса и его организации, беспрецедентно. Только два из принадлежавших Гонсалесу компьютерных серверов содержали более сорока миллионов различных номеров кредитных и дебетовых карт («номера платежных карт»). По достоверной оценке компании «DSW», из ее системы организация Гонсалеса украла более 1 000 000 номеров платежных карт, а по достоверной оценке компании «TJX», из ее системы Гонсалес украл более 11 000 000 действительных номеров платежных карт. Каждый номер платежной карты принадлежит отдельному потерпевшему.

FILED
IN CLERK'S OFFICE
US DISTRICT COURT E.D.N.Y.

★ MAY 14 2008 ★

LONG ISLAND OFFICE

RPD:KKP:ECW
F. #2007R01826

UNITED STATES DISTRICT COURT
EASTERN DISTRICT OF NEW YORK

- - - - - - - - - - - - - - - - - - - -X

UNITED STATES OF AMERICA

-against-

MAKSYM YASTREMSKIY,
also known as "Maksik,"
ALEKSANDR SUVOROV,
also known as "Jonnyhell," and
ALBERT GONZALEZ,
also known as "Segvec,"

Defendants.

- - - - - - - - - - - - - - - - - - - -X

SUPERSEDING
INDICTMENT

Cr. No. 08-160(S-1)(SJF)
(T. 18, U.S.C., §§
371, 981(a)(1)(C),
982(a)(2)(B),
1028A(a)(1), 1028A(b),
1028A(c)(5), 1029A(b)(3),
1029(b)(2),
1029(c)(1)(A)(i),
1030(a)(2)(C),
1030(a)(4),
1030(a)(5)(A)(i),
1030(a)(5)(B)(i),
1030(c)(2)(B)(i),
1030(c)(3)(A),
1030(c)(4)(A), 1343,
1349, 2511(1)(a),
2511(4)(a), 2 and
3551 et seq.; T. 21,
U.S.C., §853(p); T. 28,
U.S.C., §2461(c))

THE GRAND JURY CHARGES:

ВВЕДЕНИЕ

7 мая 2008 года агенты Секретной службы США (United States Secret Service или «USSS») арестовали Дэймона Патрика Туи (Damon Patrick Toey) - сообщника Альберта Гонсалеса, - который стал сотрудничать со следствием в надежде пройти по делу в качестве свидетеля (далее Туи фигурирует под псевдонимом «CW1»). При аресте CW1 агенты USSS обнаружили компьютер, подключенный посредством удаленного доступа к компьютеру, имеющему в Интернете IP-адрес 195.3.144.9.

CW1 пояснил, что он вместе с Гонсалесом и другими фигурантами дела использовали компьютерный сервер с данным IP-адресом для сокрытия своих криминальных действий - взломов коммерческих компьютерных сетей с целью кражи финансовой информации, в особенности номеров кредитных карт. CW1 сообщил, что он вместе с Гонсалесом и другими сообщниками использовали этот сервер как платформу для взлома других компьютеров, а также как хранилище украденной финансовой информации. CW1 сообщил, что это именно он сконфигурировал данный компьютерный сервер для Гонсалеса, и что только он и Альберт имели «root» (права администратора) для доступа к серверу. CW1 также сообщил, что сервер содержит зашифрованные диски (контейнеры BestCrypt), и сообщил агентам Секретной службы пароль к ним.

КОМПЬЮТЕРНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ. ПОИСК УЛИК.
А. ЛАТВИЙСКИЙ СЕРВЕР.

1. Идентификация сервера.

Агенты USSS, используя публичный реестр IP-адресов организации RIPE National Coordination Centre, выяснили, что IP-адрес 195.3.144.9 принадлежит интернет-провайдеру Cronos IT, Рига, Латвия.

2. Создание образа Латвийского сервера.

Во время пребывания в Латвии агенты USSS попросили Латвийскую государственную полицию предоставить компьютерный образ Латвийского сервера. Полиция связалась с Cronos IT, чей работник Ивар Тентерс (Ivar Tenters) создал образ Латвийского сервера (в дальнейшем, «Latvian Image») и передал полиции. 14 мая 2008 года Латвийская полиция передала Latvian Image агенту Секретной службы США г-ну Ван Бюррену (Van Burren), который лично доставил его в Соединенные Штаты. 10 июня агент Ван Бюррен при помощи программного обеспечения Forensic Toolkit сделал точную копию Latvian Image и передал его для поиска улик экспертам из Computer Emergency Response Team («CERT») в Университет Карнеги-Меллон.

В это же время, 6 июня 2008 года, правительство США направило официальный запрос о правовой помощи властям Латвии с просьбой получить непосредственно сам Латвийский сервер. Ивар Тентерс в соответствии с запросом изъял сервер из дата-центра Cronos IT. 25 сентября 2008 года Генеральная прокуратура Латвии передала сервер американским властям.

Впоследствии Latvian Server был передан в CERT для сравнения с Latvian Image. Перед экспертами была поставлена задача выяснить, не были ли изменены данные на сервере в период начиная с мая 2008 года - когда был создан Latvian Image, - в особенности в первые несколько дней после ареста Гонсалеса и его сообщников, по сентябрь 2008-го, когда сервер был отключен от сети и передан властям США.

3. Уникальные характеристики Латвийского сервера.

Исследование и анализ Latvian Server и Latvian Image экспертами CERT выявило следующее:

- Latvian Server и Latvian Image абсолютно идентичны:
  - содержат по два криптоконтейнера BestCrypt с файлами;
  - объем свободного/занятого дискового пространства совпадает в обоих случаях.

  Это доказывает, что Latvian Server не был модифицирован в период с мая по сентябрь 2008 года, когда был передан американскому правительству.
- данные с Латвийского сервера подтверждают, что его фактический IP-адрес был 195.3.144.9 - именно этот IP и сообщил агентам Секретной службы информатор CW1. IP-адрес - это абсолютно уникальная характеристика, в Интернете не может быть одновременно двух компьютеров с одинаковым IP.
- ни один из компьютерных файлов на Латвийском сервере не был изменен после 6 мая 2008 года - за день до ареста CW1 и два дня до ареста Альберта Гонсалеса - двух человек, имевших полный доступ (root) к Латвийскому серверу.

- эксперты CERT успешно открыли два зашифрованных криптоконтейнера с Латвийского сервера, используя пароль, который сообщил CW1. По мнению экспертов, программа для шифрования данных BestCrypt, использовавшаяся злоумышленниками на Латвийском сервере, чрезвычайно эффективна, особенно при использовании длинного и сложного (комбинация из букв нижнего и верхнего регистра, цифр и служебных символов) пароля, и они не допускают даже мысли, что смогли бы вскрыть крипты случайно или методом подбора, без реального пароля.

В обоих криптоконтейнерах была обнаружена модифицированная версия сниффера, который злоумышленники использовали для проникновения в сеть Dave&Buster's, а также для кражи миллионов номеров кредитных карт.

Все вышеизложенное доказывает, что никто, кроме CW1 или того, кто знал пароль к криптам - даже работники Cronos IT - не имел возможности открыть либо изменить содержимое криптоконтейнеров.

B. НОУТБУК ЯСТРЕМСКОГО.

Турецкая национальная полиция (Turkish National Police, или «TNP») арестовала Максима Ястремского 26 июля 2007 года. Агенты Secret Service сопровождали TNP к месту задержания - отелю близ Анталии, Турция. 25 июля, за день до ареста, когда Ястремского не было в номере, полиция изъяла в его номере ноутбук ASUS Lamborghini с English/Cyrillic клавиатурой (далее, «Ноутбук Ястремского»). Агенты Secret Service, поджидавшие в коридоре, сфотографировали ноутбук Ястремского, включая окно входа в Windows, где название компьютера было «MARS».

30 июля 2007 года TNP передала агентам Секретной службы США образ диска с информацией из ноутбука Ястремского («Yastremskiy Image»). Образ был создан инспектором Барисом Хизиром (Baris Hizir) - сертифицированным судебным экспертом.

Осмотр и анализ Yastremskiy Image экспертами United States Secret Service показал:

- образ был создан 30 июля 2007 года;
- ни один из содержащихся в нем файлов не был изменен между 25 и 30 июля 2007 года (Yastremskiy Image был создан и передан агентам USSS 30 июля).

Это доказывает, что турецкая полиция не вносила изменений в файлы с жесткого диска Ястремского перед тем как создать образ, и не пыталась изменить образ после его создания.

- образ имеет то же окно входа в Windows с названием компьютера «MARS»;
- образ содержит тысячи логов переписки, включая следующие:
  - разговоры между Ястремским и Гонсалесом, идентичные логам переписки, обнаруженным в ноутбуке Гонсалеса, изъятом во время обыска в его доме во Флориде 7 мая 2008 года;
  - разговоры между Ястремским и агентом Secret Service, действовавшим под прикрытием. Копии логов переписки с компьютера агента идентичны логам, найденным в Yastremskiy Image.

Наконец, Yastremskiy Image во многом совпадает с образом диска, который агенты USSS быстро и незаметно сняли с ноутбука Ястремского в аэропорту Дубаи, ОАЭ, когда 14 июня 2006 года Максим Ястремский

следовал транзитом через Дубай. Данная операция была проведена совместно с властями ОАЭ.Образ диска был сохранен под названием «Dubai Image».

- Dubai Image также имеет окно входа в Windows с названием компьютера «MARS»;
- и Yastremskiy Image, и Dubai Image содержат зашифрованный при помощи программы PGP контейнер с названием «New PGP Disk1.pgd». Один и тот же 7-значный пароль открывает оба контейнера, в которых содержится много одинаковых файлов;
- логи переписки с Yastremskiy Image, датированные 14 июня 2006г. и ранее, идентичны логам с Dubai Image.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Принимая во внимание вышеизложенное, правительство настоятельно рекомендует Суду использовать данные, извлеченные с Latvian Server и Yastremskiy Image, для более тщательного и объективного рассмотрения настоящего дела.

С уважением, Benton J. Campbell
United States Attorney
Eastern district of New York

BY: _____
ACTING UNITED STATES ATTORNEY
PURSUANT TO 28 C.F.R. 0.136

William Campos
Assistant U.S. Attorney

Kimberly Kiefer Peretti
Senior Counsel
Criminal Division
U.S. Department of Justice

Перевод соответствует оригиналу

— Да, верно. Но VPN-сервер имеет один известный многим недостаток: все переданное через сеть можно отследить с центрального узла, часто не зашифрованного и уязвимого для прослушивания. «Если ФБР или другое правительственное агентство захотят, они могут прийти в дата-центр, изменить настройки конфигурации VPN-сервера и записывать все логи наших действий», — написал на форуме один из участников ShadowCrew. «Никто не прикоснется к VPN без моего ведома», — успокоил форумчан Cumbajohnny. Чего не знали пользователи ShadowCrew, так это того, что девятью месяцами ранее нью-

йоркская полиция задержала Альберта «Cumbajohnny» Гонсалеса возле банкомата при попытке снять деньги с чужой карточки. Агенты Secret Service допросили его и очень скоро вывели на чистую воду: двадцатиоднолетний сын кубинских эмигрантов снимал апартаменты за $700, имел $12 тыс. задолженности по кредитной карте и официально нигде не работал. В итоге Секретная служба склонила Альберта стать информатором. VPN-сервис был очень удачной выдумкой агентства. Оборудование было закуплено на деньги федералов, и они получили ордера на запись действий всех пользователей. Таким образом, VPN-сервис «только для кардеров» стал приглашением в ловушку. Самые серьезные фигуры ShadowCrew попали в сеть, раскинутую Секретной службой. Да еще и платили за это от $30 до 50 в месяц. За свою работу Гонсалес получал от правительства США $75 тыс. в год. С апреля 2003-го по октябрь 2004 года агенты Secret Service пристально наблюдали за активностью на ShadowCrew, собирая материалы для арестов. Правда, однажды операция чуть не сорвалась — хакер Ethics взломал сеть сотового оператора T-Mobile, украл служебные документы с КПК одного из агентов Секретной службы и выложил на сайте свидетельства, что за форумом следят. Но Гонсалесу, к тому времени возглавившему ShadowCrew, удалось свести все подозрения на нет. 26 октября 2004 года по всему миру были арестованы двадцать шесть наиболее активных участников кардерского сообщества, сам ShadowCrew прекратил существование, а информатор вернулся в родной Майами. Как тебе, а?

— В семье не без урода… А как выяснилось, что Максик был связан с Гонсалесом? Насколько мне известно, он работал с Джоннихеллом…

— Секретная служба проанализировала аккаунт Ястремского в платежной системе E-gold и увидела, что в период с февраля по май 2006 года Maksik перевел $410 750 на аккаунт Segvec. Федералы потянули за эту ниточку и вскоре выяснили, что поставщиком дампов для Максика был Альберт Гонсалес, он же Segvec. Кроме этого, при первой регистрации своего ICQ Альберт указал электронный адрес soupnazi@eefnet.ru. Никнейм soupnazi был знаком федералам еще со времен первого ареста Альберта Гонсалеса.

— Вот протокол осмотра твоего компьютера, — Сушко снова залез в свой черный, казавшийся бездонным, кожаный портфель и извлек на свет тридцать два машинописных листа, скрепленных между собой.

Я бегло просмотрел документ: «Для обнаружения и фиксации следов преступления в ходе осмотра использовался служебный

компьютер, на котором установлены: операционная система Linux, стандартный набор программ Linux, а также операционная система Microsoft Windows XP Professional SP2, стандартный пакет программ Microsoft Office XP, программа WriteBlocker, блокирующая внесение каких-либо изменений информации на подключаемых НЖМД (накопителях на жестких магнитных дисках); а также программно-аппаратный комплекс EnCase. Винчестер подключен к служебному компьютеру. С использованием программы WriteBlocker XP version 6.10 заблокирована возможность записи информации на подключаемые к служебному компьютеру машинные носители информации. Далее производился осмотр содержимого носителя с использованием аналитического программного комплекса I Look Investigator v 8.0.14.

— EnCase, FastBlock, WriteBlocker, I Look Investigator… При расследовании моих прошлых преступлений ничего из этого не фигурировало… — задумчиво произнес я.

— Вспомнил прошлогодний снег: то было в 2004-м, а сейчас уже, слава богу, — Сушко посмотрел на свои часы, — 2008-й. Вы начинаете все больше использовать компьютеры — нам требуются все более изощренные инструменты, чтобы вас поймать. Многие и не подозревают, что практически все действия на компьютере, будь то путешествие по web или общение через ICQ, оставляют следы…

— Ну для меня-то это не новость. Ладно, что это за программно-аппаратный комплекс EnCase?

— Эталон компьютерной экспертизы. Американская разработка. Компьютер с установленным программным обеспечением EnCase, которое очень успешно восстанавливает удаленные данные.

— А устройство FastBlock что такое?

— Процесс компьютерной экспертизы обычно разбит на три фазы: поиск улик, их анализ и отчет. Этап поиска улик подразумевает перенос данных с носителя (дискеты, флешки, жесткого диска) на компьютер эксперта. При этом необходимо гарантировать, что на оригинальный носитель запись произведена не будет. Потому как Windows, например, производит запись на любое устройство при его подключении.

FastBlock — аппаратное средство, которое блокирует внесение изменений информации на НЖМД — накопители на жестких магнитных дисках и позволяет безопасно перенести содержимое жесткого диска подозреваемого на компьютер эксперта. Дальше за дело принимается EnCase.

— ?..

— «Прога» работает практически с любыми видами носителей. Скажем, с флеш-карт для цифровых камер можно восстановить фотографии. Удаленные письма EnCase тоже восстанавливает.

— Все это можно делать и бесплатными утилитами, например Knoppix-STD и Penguin Sleuth Kit…

— Все так, но в случаях использования EnCase на кону часто стоят миллионы или даже миллиарды долларов. Поэтому ее цена в несколько тысяч долларов оправданна. Американцы, помимо EnCase, также Forensic Toolkit (FTK) используют.

— Есть ли способ обойти EnCase?

— Если не считать физического уничтожения всех жестких дисков, CD, флешек и дискет, то способов очень немного. Обрати внимание, что я имею в виду именно физическое уничтожение, поскольку просто разбить винчестер молотком или бросить его в костер может быть недостаточно. Во многих случаях придется превратить носитель в пепел.

Иногда злоумышленники — и непосредственно ты — пытаются затруднить экспертизу, изменяя расширения файлов. Если переименовать файл, допустим, passport.jpg в test.txt, то Windows откроет в Блокноте бессмысленный текст. EnCase же позволяет определить принадлежность файла определенной программе. Сокрытие информации внутри картинок или музыки EnCase также обнаружит.

— ?..

— Существуют тысячи способов включить сообщение, звук или изображение в другой файл. Это называется стеганографией. Многие хакеры уверены, что если спрятать секретные сведения в. avi или. wav-файлы, их не найдет и сам Господь. Однако мало кто знает, что используемые в большинстве случаев алгоритмы стеганографии давно устарели и вероятность обнаружения ваших личных, глубоко припрятанных данных близка к 100 %.

— Есть инструменты, которые позволяют полностью удалить файлы с жесткого диска, — я использовал Eraser. Стандартное удаление в Windows стирает только информацию, используемую для доступа к файлам, — сами данные в файлах остаются без изменений. Eraser или BestCrypt Wipe стирают информацию, используемую для доступа к файлам, и поверх всех данных записывают нули. Стандарт уничтожения магнитных носителей Министерства обороны США предусматривает семипроходное стирание — нули поверх данных записываются семь раз…

— Однако для того, чтобы EnCase не смогла восстановить удаленные подобным образом файлы, запись поверх данных надо бы произвести раз тридцать пять… — мы восстановили все твои

удаленные файлы. Надо было чаще дефрагментировать жесткий диск, на котором раньше находилась конфиденциальная информация, так как процесс дефрагментации позволяет более надежно удалять остатки информации, которая могла быть стерта недостаточно эффективно. Да и форматировать крипты, хотя бы время от времени, тоже бы не помешало.

Твоей ошибкой также стало то, что многие файлы ты называл типа price for us, our price — косвенная улика, что преступление совершено в соучастии…

— Не могу понять, какого хрена история сообщений в &RQ сохранилась, я ведь ее точно не сохранял…

— И техника порой ведет себя непредсказуемо… и идеальных преступлений не бывает…

— А что за I Look Investigator?

— Программа для всестороннего анализа образов компьютерных жестких дисков. Ладно, Сергей, а теперь ты мне кое-что расскажи.

— ?..

— Когда мои опера зашли в твою квартиру, шифрованные диски (контейнеры TrueCrypt) на твоем ноутбуке были открыты. Опера скопировали их содержимое на диск C, но когда привезли ноутбук в отдел, на диске C уже ничего не было. Почему?

— Все просто. Вот скажи мне: для чего вы из наших компов жесткие диски вынимаете и для исследования подключаете их к своим машинам? Не проще ли экспертизу прямо на наших компьютерах проводить?

— Ну-у… ты ведь можешь в своем компе «логическую бомбу» установить, которая сработает при выполнении (или, наоборот, при невыполнении) каких-то действий и уничтожит всю критическую информацию.

— Ты, я вижу, теорию знаешь, а вот с практикой у ваших оперов не очень. На моем ноутбуке была установлена программа Deep Freeze, которая полностью «замораживает» любой диск на твой выбор. Поставил «винду» и весь необходимый софт — антивирусы там всякие и «фаерволлы», настроил систему под себя — и «заморозил» системный диск. Ни один вирус, троян или хакер не смогут закрепиться в твоем компе. А если и смогут, то лишь до первой перезагрузки.

— Разве ты включал свой ноут после того, как мои сотрудники там похозяйничали?!

— Ага. Под предлогом того, что для корректного отключения флешки надо бы отключить ее из-под «винды» функцией «безопасное извлечение устройства». Опера не возражали. А диск C, на который они скопировали содержимое моих

криптоконтейнеров, как раз и оказался системным…

— Вот уроды! — Сушко зло сплюнул.

Глава 43
Информационный голод

Боль моя стала моей виной,
Жизнь моя истончается, словно волос…
Ангел мой,
ты просто
поговори со мной —
Я так давно не слышал твой голос.
Я не увижу тебя, не дотянусь рукой,
Ты никогда на меня не взглянешь с улыбкой.
Ангел мой, обмани меня, успокой —
Эхом своим, тенью своей зыбкой.
Даже если ты знаешь, когда за спиной
Лязгнет засов и дверь заскрипит натужно…
Ангел мой,
ты просто
поговори со мной —
Даже если ты знаешь, что это — совсем
не нужно…
Е. Полянская

Новостей никаких. Адвокат не приходил. Да и последнее письмо от Кати я получил тридцать семь дней назад… Не представляю, с чем связаны такие перерывы в нашей переписке. Лучше бы она вообще не писала — я бы не жил в непрестанном ожидании этих чертовых писем и не гадал: то ли это она не пишет, то ли письмо снова «не дошло»… Оказывается, информационный голод может быть не менее мучительным, чем другие разновидности этого ощущения. А уж что он более унизителен, это точно. Тебе хочется знать, что происходит во внешнем мире, но ты этого знать не можешь, потому что какой-то полковник решил своими тупыми мозгами, что тебе этого знать не следует, и «заморозил» твою переписку…

Только сейчас я начал понимать, почему меня направили не в минский следственный изолятор, а в жодинский. И дело не только в переполненности Володарки. Жодинскую тюрьму часто выбирают для той категории подследственных, на которых требуется надавить или психологически сломать. Отдаленность от Минска (50 километров) не позволяет арестантам часто видеться с адвокатами и узнавать новости из дома.

Несколько дней назад я начал верить в Бога. Возможно, не в того Бога, зрительный образ которого навязывается нам всеми ветвями христианской церкви, но в высшее существо, основу мироздания, равновесия и вселенского порядка. В то же время я верю и в судьбу — в то, что будущее наше предопределено, но существует в нескольких вариантах, на каждом шагу — перекресток, и ты всегда волен выбирать, направо тебе повернуть или налево. А потом будет новая развилка и новый выбор. Каждый сам определяет свой путь и направление — кто на восход, к источнику света, а кто на закат — во тьму…

Глава 44
Тюрьма № 8

Снова пишу и снова не знаю, прочтешь ли ты это. Может, просто хочется, чтобы ты видел это и знал, как я тебя люблю… Я прощаю… прощаю тебе все заранее. Я настолько сильно люблю, что сил не хватает жить без тебя. Я смотрю на твою фотографию, и кажется, что ты смотришь на меня в ответ… Сжимаю в руках мишку, которого ты мне подарил, и плачу… Родной, я не могу больше так, не могу… Я с ума схожу здесь одна, зачем ты бросил меня здесь?..

Из Катиного письма

— Принесите мне еще ручек, — попросил я Воробьеву в начале января.

— Я же тебе в прошлый раз две приносила. Или исписал уже? — адвокат открыла свою сумочку и достала мне еще несколько «шариков».

— У меня их забрали.

— Как забрали?!

— Нас ведь обыскивают после выхода из кабинетов, чтоб ничего запрещенного не пронесли…

— Тоже мне «запрет» — ручка шариковая…

— Контролер, восемнадцатилетний сопляк, спросил: «Ручки откуда?»

— А ты что?

— У адвоката взял, писать нечем. «Не положено, выбрасывай». Пришлось выбросить. Правда, я их перед этим сломал, чтобы ублюдку не достались…

— Ложь — это грех перед Господом, но очень полезная вещь перед лицом обстоятельств… Можно ведь было сказать, что с собой из хаты взял…

— Можно.

— Знаешь, Сергей, чего тебе не хватает?

— ?..

— Тебе не хватает умения врать. Когда все вокруг лгут,

правда приносит одни неприятности…

Когда-то тюрьма № 8 в городе Жодино, что под Минском, была самой жесткой тюрьмой Беларуси. Сегодня она уступила эту сомнительную пальму первенства СИЗО города Витебска. Причина? Начальника тюрьмы Кузавкова, которого все заключенные называют не иначе как Кузавок, перевели на службу в витебскую тюрьму, но его призрак все еще витает в подземных галереях жодинского централа. Работники тюрьмы до сих пор возводят бывшего начальника в ранг божества и почитают за честь пожать ему руку.

Оказывать психологическое давление на тебя здесь начинают, как только ты спрыгиваешь с автозака. Когда мусора заходят в «отстойник», все должны отвернуться от двери и называть свои фамилии именно в таком положении. Когда мусора заходят в хату, все обязаны хором поздороваться с ними: «Здравствуйте, гражданин начальник», дежурный называет свое Ф.И.О., год рождения, статью, а дальше начинается: «Э-э-э, а чего у вас кружки не начищены?» (для чистки алюминиевых кружек здесь выдают песок). — «Да нет же, все блестят — можно вместо зеркала использовать». — «Э-э-э, ну тогда почему у вас краник на “толчке” не блестит?» Как известно, мусора могут и к столбу прицепиться.

Здесь постоянно нарушаются права человека, а правила внутреннего распорядка существуют только для заключенных. Норм уголовно-исполнительного кодекса работники тюрьмы-8 боятся больше, чем черт ладана. Сюда нельзя передавать книги, чем нарушается наше право на самообразование. И хотя раз в две-три недели приходит библиотека, назвать эту давно списанную коммунистическо-патриотическую макулатуру литературой нельзя. Здесь запрещено ходить в шортах и майках без рукавов, даже когда температура в камере поднимается выше сорока. Заставляют регулярно бриться, хотя на пять человек выдают всего один одноразовый станок, причем в одной камере с тобой находятся люди, инфицированные ВИЧ. Постельное белье стирают раз в неделю, и из двух простыней — почему-то только одну. Пластиковую посуду из камер постоянно выбрасывают, хотя при заезде на тюрьму ее обычно пропускают без проблем.

Кормят плохо — порции еды очень маленькие, и основной рацион — уха из кильки, паштет из нее же и кислая капуста во всех видах. Более или менее приличную «пайку» дают по вторникам, когда администрация тюрьмы обходит свои владения: утром — овсянка на молоке, в обед — гороховый суп и макароны. Четыре месяца не давали (и даже не продавали) обычной соли. Продукты приходится резать ниткой либо самодельными

резаками, сделанными из одноразовых бритвенных станков. Найдут — в ШИЗО суток на пять ну или выговор на первый раз.

Зубную пасту в тюремном ларьке продают в жестяных тюбиках и предлагают выдавить ее в целлофановый пакет, поскольку заключенным запрещено иметь вещи в металлической упаковке. Твою пену для бритья при заезде на тюрьму тоже выдавят в пакет.

Несмотря на то что камеры часто переполнены, в 22:00 (по отбою) отключают воду и электричество. Когда «поднимут» в хату, матрас и одеяло тебе выдадут лишь на следующее утро, и в первую ночь приходится спать на полу или на столе (здесь это нормально). Спать в течение дня не разрешают. Спрашиваю как-то раз контролера:

— Чего вы нам днем спать не даете? Известно ведь: больше спишь — меньше нарушений.

— А у нас политика другая: зэк должен за день вымотаться, чтобы ночью не думать о побеге, — отвечает мне тот.

Баня (обычная душевая) есть на каждом этаже тюрьмы, но идти до нее тебе придется в одних трусах, нередко под взглядами женщин-контролеров. Прогулки обязательны, отказаться невозможно. Могут два часа продержать под проливным дождем.

Письма из жодинской тюрьмы идут до адресата по двенадцать дней, а если у тебя нет конверта, то ты не сможешь отправить ни одной жалобы. На действия администрации пожаловаться невозможно — ни одна твоя «писулька» не покинет стен заведения, хотя по закону это должно происходить в течение суток.

Со священником можно общаться только осужденным, а находящимся под следствием — никак.

Адвокаты ждут нас порой по два часа, причем бывает так, что приводят к адвокату, а через полчаса начинается обед, и контролеров ни разу не волнует, что ты вовсе не голоден: не хочешь есть — значит, иди в хату или посиди час в «отстойнике».

Обходов администрации здесь просто боятся, и не зря — потому что это в первую очередь повод обратить на камеру повышенное внимание, забрать всю лишнюю посуду, кружки и прочее. Задавать какие-либо вопросы бесполезно — на все есть готовый ответ в виде «устное распоряжение начальника тюрьмы». Любая, даже самая мелкая, вошь в жодинской тюрьме очень любит и требует, чтобы ее называли «гражданин начальник». Для нормального человека и сказать-то такое — унизительно.

За малейшую провинность или несогласие с режимом мусора забирают из камеры все настольные игры и постоянно шантажируют отключением электророзетки. Наверное, поэтому

здесь практически нет телевизоров — чтобы не давать легавым лишний рычаг давления на тебя.

Ходят по централу слухи, что до сих пор здесь существуют «пресс-хаты», где тебя со старта бьют, заставляют писать явки с повинной и давать признательные показания. Мусора охотно подогревают подобные разговоры, чтобы вселить во вновь прибывших чувство страха.

Конечно, в том, что мусорам удалось навязать именно такой режим, виноваты и сами заключенные. Надо понимать, что, в отличие от столичной Володарки, жодинская тюрьма всегда была изолятором районного значения, и сидели здесь люди с окрестных деревень, городков и райцентров. Темные, забитые люди, многие из которых не видели в жизни ничего, кроме побоев и ближайшего винно-водочного магазина, и когда тюремный контролер предлагает на выбор: «бумага» (рапорт о нарушении режима содержания) или два удара киянкой (деревянным молотком для простукивания нар), они выбирают второе.

Однажды я попал в польскую КПЗ. Именно здесь я увидел какую-то странную человечность, которая исходила от персонала, — сотрудники польской тюрьмы показались мне людьми порядочными, ответственными и совестливыми, причем, как чудилось, отвечали они не только за исполнение режима, но и за дела рук своих. Это было новое знание о тюрьме.

Конечно, в польских изоляторах есть все то же, что и у нас: электрозамки, решетки, стальные двери с глазком, но нет «кормушек» — персонал там не общается с заключенными через отверстие в двери. А однажды вечером дежурный офицер — гражданский, по сути, человек (в Польше персонал тюрем не относится к полицейскому ведомству) открыл двери во всех хатах и сказал:

— Разговаривайте о чем хотите, только в гости друг к другу не ходите…

За эти десять минут мы с подельниками переговорили обо всем (намеками, само собой), чем спасли себя от длительных сроков тюремного заключения.

Сотрудники же тюрьмы-8 не просто выполняют свою работу — они ненавидят нас и на свой манер пытаются перевоспитать: кричат, избивают (хотя пока наша вина не доказана судом, мы еще ни в чем не виновны) и тем самым создают постоянный психологический дискомфорт и давление. Конечно, со временем привыкаешь и не к такому, но твой организм все равно находится в состоянии перманентного стресса, и ты с нетерпением ждешь перевода в другое «исправительное» учреждение…

Европейский суд по правам человека в Страсбурге условия

содержания в СИЗО и тюрьмах бывшего СССР приравнивает к пыткам. Наверное, поэтому в России уже с 2007 года один день, проведенный в СИЗО, приравнивается к двум дням в колонии. В Беларуси же этого, наверное, не случится никогда…

Глава 45
Сказки венского леса

— Значит, расклад примерно три на примерно десять. Значит, с одной стороны три, с другой десять. Три, десять… Да, придется дружков закладывать. Непорядочно. А как вы мне посоветуете, Борис Васильевич? — Правду. Только правду. — Правду… Я тоже так считаю, раз три на десять, значит, только правду.

Из к/ф «Не будите спящую собаку»

— Я, конечно, не Господь Бог и не судья, который будет рассматривать твое дело, — начал следователь Сушко в начале февраля, — но я могу сделать так, что ты получишь минимальный срок — шесть лет. Для этого надо сдать своих подельников, а также покровителей из КГБ.

— Спасибо, не стоит. Эти сказки венского леса оставь для других — в них уже даже в школе не верят.

— Не спеши отказываться, Сергей. Подумай хорошенько.

— Все показания я дам в суде — ты от меня ничего не услышишь.

— Ну, как знаешь, — по лицу следователя невозможно было понять, разочарован он моим отказом или ему все равно. — Вот тебе копии некоторых документов, подпиши, что ознакомлен.

Я посмотрел на первый документ. Это был полный лог моих интернет-соединений в виде: дата, время начала и окончания интернет-сессии, IP-адрес, предоставленный моим интернет-провайдером.

Оказывается, управление «К» с помощью сниффера трафика, установленного на интернет-провайдере «Белтелеком», следило за моей активностью в Сети все время, что я проживал в этой квартире. Дальше лог анализировался с помощью программы NetResident.

— И как можно было уберечься от этого? — ответ на данный вопрос я уже знал и сам, но мне хотелось услышать его от Сушко.

— Выходить в Интернет, используя 3G-модем, оформленный, разумеется, на другое лицо, или через Wi-Fi — плохо защищенных

Wi-Fi-сетей в твоем районе хватает. Ну и, конечно, никому не сообщать, услугами какого интернет-провайдера ты пользуешься, — мой визави, несмотря на его колхозный говор, оказался на высоте.

Вторым документом была выписка транзакций по карточке SMP Bank.

Я удивился, как много всего можно узнать из одной лишь выписки операций по кредитной карте: своей карточкой объект пользуется регулярно, его любимый бар — «Пристань» (в среднем три посещения за неделю), ресторан — «Майами блюз», парфюмерный магазин — «Брокаръ», продуктовая лавка — «Фуршет». Объект, вероятно, курит — покупка в сигарном доме «Фортуна», ездит на автомобиле с мощным мотором (5 декабря заправлялся на АЗС «ОККО» на сумму $51 — при цене бензина $0,8 это около 70 литров топлива) и живет с постоянной подругой (покупка на $366 в магазине нижнего белья Bell Femme).

Все покупки, кроме двух последних, совершены в Украине. 21 марта 2008 года закупался в Duty Free в аэропорту Борисполь, следующая транзакция уже в Египте. Вводим в Google jollie ville и узнаем, что объект остановился в отеле Jollie Ville в Шарм-эль-Шейхе. Все, финита ля комедия!

— Добавь к этому сотни тысяч камер наблюдения в каждом современном мегаполисе, — то, с каким интересом я разглядывал документ, не укрылось от глаз Сушко, — в одной Великобритании их более 4,5 млн, лицевые сканеры, сравнивающие лица случайных прохожих с базой данных разыскиваемых преступников, слежение по биллингу сотовых телефонов, американскую систему, позволяющую проследить за любой покупкой гражданина США (сопоставляются различные базы данных, по которым можно проследить за проведением крупных денежных операций, например снятием значительной суммы со счета в банке, покупкой билетов на самолет или поезд в один конец, прокатом автомобилей, покупкой оружия, химических препаратов и медикаментов) — каждый твой день может быть расписан по минутам.

— Почему вы меня под залог не хотите отпустить? — перешел я к более волнующей меня теме.

"SMP Bank"
Elisabetes – st. 57, Riga, LV-1772, Latvija
tel. 7019153
www: http://www.multibanka./v/
SWIFT MULTLV2X

SMP BANK

KONTA PĀRSKATS

Sergey Pavlovich
Prospekt Nezavisimosti 185-225, Minsk, Belarus

Klienta kods: 020713
Konts LV96 MULT 1010 2071 3001 0
No 19/06/2007 līdz 22/10/2008

Transaction №	Transaction Details	Debit	Credit
20071130000010341455	Credit interest (312) – 30 Nov 2007		1.80
20071130000010342370	Purchase (205) BAR PRISTAN – 30 Nov 2007 UKR	22.44	
20071205000010342689	Purchase (205) BROCARD_SHOP_2 – 05 Dec 2007 UKR	31.06	
20071205000010342699	Purchase (205) BAR PRISTAN – 05 Dec 2007 UKR	61.45	
20071205000010342783	Purchase (205) SHOP CACHAREL – 05 Dec 2007 UKR	313.91	
20071205000010342866	Purchase (205) AZS 3 OKKO – 05 Dec 2007 UKR	51.11	
20071206000010342897	Purchase (205) BAR PRISTAN – 06 Dec 2007 UKR	43.28	
20071206000010342973	Purchase (205) SHOP SPORTMASTER – 06 Dec 2007 UKR	170.53	
20071219000010345113	Purchase (205) NASHA APTEKA 2 – 19 Dec 2007 UKR	24.46	
20071221000010345484	Purchase (205) BROCARD_SHOP_2 – 21 Dec 2007 UKR	65.26	
20071221000010345528	Purchase (205) BAR RESTAURANT MIAMI 8 – 21 Dec 2007 UKR	136.32	
20071228000010347437	Purchase (205) FURSHET_RUSANOV – 28 Dec 2007 UKR	82.75	
20080107000010348373	Purchase (205) FURSHET_MANDARI – 07 Jan 2008 UKR	58.91	
20080122000010350855	Purchase (205) BOSS_HUGO_BOSS_ – 22 Jan 2008 UKR	456.10	
20080122000010351188	Purchase (205) BAR PRISTAN – 22 Jan 2008 UKR	16.72	
20080122215003	(#6) Sergey Pavlovich AS "SMP Bank" Konts LV92 MULT 1010 2071 3001 0 PEREVOD DENEJNYH SREDSTV NA KARTOCHKU		2.000
20080127000010351900	Purchase (205) FURSHET_MANDARI – 27 Jan 2008 UKR	72.87	
20080131000010352760	Credit interest (312) – 31 Jan 2008		0.17
20080201000010354605	Purchase (205) YAKITORIYA – 01 Feb 2008 UKR	24.51	
20080207000010355485	Purchase (205) FORUM BELL FEMME 2 – 07 Feb 2008 UKR	366.39	
20080219000010357809	Purchase (205) BAR RESTAURANT MIAMI 8 – 19 Feb 2008 UKR	143.19	
20080221000010358568	Purchase (205) CIGAR HOUSE FORTUNA – 21 Feb 2008 UKR	74.98	
20080321000010360101	Purchase (205) DEPARTURE SHOP –21 Mar 2008 UKR	168.71	
20080326000010360959	Purchase (205) SILVER LAND – 26 Mar 2008 EGY	64.68	
20080327000010361113	Purchase (205) JOLIE VILLE_F.O. – 27 Mar 2008 EGY	91.91	

— Почему не хотим?! — на лице следователя появилось фальшивое удивление. — Мы обсуждали этот вопрос в своем отделе… Миллион… долларов, само собой, — и ты свободен.

— Вы там совсем рехнулись?! Какой миллион?

— Ну а что? На твоем компьютере нашли оптовые прайсы на оружие, сертификаты конечного пользователя (покупатель оружия гарантирует, что дальше его страны оно не пойдет), копии заключенных контрактов и договоров о намерениях, фотки с африканскими министрами, золото, алмазы… И ты еще говоришь, что миллион — это много?! — подытожил Сушко.

«Все-таки хорошо, что он не Господь Бог», — подумал я.

Глава 46
Голодовка

Малыш… это невыносимо просто… Меня снова одолевает какая-то депрессия жуткая… Я всем вокруг недовольна, меня ничто не радует… Только мечтаю очень часто… знаешь, о чем? Все банально и просто… о том, что ты меня обнимаешь… Господи, как я завидую тем, кто может быть рядом со своими любимыми… Может просто позвонить, услышать голос, приехать в любой момент… Как же я этого хочу…

Из Катиного письма

В марте мне в третий раз отказали в изменении меры пресечения под залог. Незадолго до этого следователь в очередной раз продлил срок содержания под стражей, хотя клятвенно обещал мне закрыть дело и начать знакомить с материалами. Я тут же обжаловал «продленку» в суде, подал жалобу в Генпрокуратуру и объявил голодовку.

Голодовка — добровольный отказ от пищи — в стенах жодинского централа выглядит примерно так: первым делом тебя помещают на «сборку» — небольшой «отстойник» (1,5 х 2,5 м), средняя температура в котором не превышает +10 °С — приходится спать в трех штанах, двух свитерах, пуховике, шапке и перчатках, и все равно замерзаешь. Шконка откидывается только на ночь, матрас вовсе не выдают. Из личных вещей не разрешается брать с собой почти ничего — я с боем пронес мыло, зубную щетку и полотенце. Форточка не открывается, на прогулки не водят, курить не разрешают. Писать не можешь (ручки и бумагу забирают), читать — тоже, письма и газеты не приносят. Кипяток не дают. Некоторым не разрешают взять с собой даже теплые вещи. Дозваться кого-нибудь из тюремного начальства, хотя бы ДПНТ (дежурного помощника начальника тюрьмы) невозможно.

Не знаю, в какой срок администрация тюрьмы обязана ставить в курс прокурора и следователя, но здесь этого не делают вообще — администрация тюрьмы умышленно создает все

условия, чтобы ты сломался и поскорее отказался от своих требований.

Больше всего хочется есть на шестнадцатый-восемнадцатый час после отказа от пищи. Потом о чувстве голода просто забываешь.

На четвертый день пришла моя адвокат:

— Давай снимайся с голодовки, — сказала она. — Прокуратура ответила, что эта «продленка» была последней, скоро начнешь знакомиться с делом.

— Ну слава богу — хоть какая-то определенность…

— Зачем ты вообще все это затеял? Голодовка как форма протеста в Беларуси себя уже полностью исчерпала, на нее просто не обращают внимания…

— Я в жалобе об этом написал — вот и пришлось объявлять.

— Ладно, своего добились. Теперь ждем следователя с делом…

В тот же день меня вернули в прежнюю камеру. Я сильно застудил поясницу — пришлось пить диклофенак и разминаться.

Глава 47
Мы часто даем в руки соперника…

— Ты слышал, что арестовали Миклашевича, еще одного полковника из управления «К»? — спросила меня Воробьева на следующий день после окончания моей голодовки.

— Бог не фраер — он все видит.

— ?..

— Они всем отделом решали, за какую сумму меня отпустить. Называли миллион, — пояснил я. — Юмористы, блин… Вот уже и второй из управления «К» сидит…

— Ну нам от этого не легче. Сейчас Сушко подойдет, он позже меня выехал. Ознакомит тебя с результатами искусствоведческой экспертизы. Он, кстати, теперь замначальника управления — Макаревичу пришлось уволиться, сильно над ним тучи сгустились. Так Сушко его кресло и занял.

Первым из документов, которые в тот день показал мне следователь, оказался обвинительный акт, подписанный специальным агентом Секретной службы США.

— Sonelao… один из моих лучших клиентов, он же surfrider, он же Mr.Towellie, он же Richard Druc, владелец фирмы Surfrider Boards, он же… специальный агент United States Secret Service Райан Книсли… Все тайное когда-либо становится явным…

— Вот-вот. Понимаешь теперь, почему он с тобой в Доминикану не полетел? — разбавил мой монолог Сушко.

— Ясно как белый день: ждал, пока суд выдаст ордер на мой арест, чтобы потом прямо в аэропорту: «Вы арестованы. Вы можете хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас

ЗАКЛЯТОЕ УДОСТОВЕРЕНО СУДОМ

ОКРУЖНОЙ СУД США
ЮЖНЫЙ ОКРУГ КАЛИФОРНИИ

США

Истец

против

Уголовное дело № **08 MJ 1330**

иск

Пункт 18, свод законов США, раздел 1029(b) (2) - Секретная торговля нелегальными устройствами доступа

Сергея Александровича Павловича (1)
известного как:
Panther
Diplomaticos
PoLiCe Dog
Fallen Angel
Panther[757]

Дмитрия Валерьевича Бурака (2)
известного как:
Leon
Graph
Wolf

Сергея Валерьевича Сторчака (3)
известного как:
Fidel

Обвиняемые.

Иск, основанный на письменном показании под присягой:

Пункт 1 (обвинительный акт)
Секретная торговля нелегальными устройствами доступа

С начала неустановленной даты и до 28 апреля 2008 года в Южном Округе Калифорнии и еще где-либо обвиняемый Сергей Александрович Павлович, также известный как Panther, Diplomaticos, PoLiCe Dog, Fallen Angel, Panther[757]; Дмитрий Валерьевич Бурак, также известный как Leon, Graph, Wolf; Сергей Валерьевич Сторчак, также известный как Fidel, намеренно и осознанно сговорились друг с другом и с другими лицами обманным путем:

a. Осуществлять торговлю нелегальными устройствами доступа, которые были украдены или получены в результате мошенничества, причинив таким образом ущерб торговым отношениям между штатами и получив доходы на сумму 1 000 000$ или более на тот период: в нарушение Пункта 18 свода законов США, Разделы 1029 (a) (2) и (c) (1) (A) (i).

Действия в осуществление сговора.

С целью сохранения секретности следующие действия в осуществление

говора были совершены в Южном Округе Калифорнии и еще где-либо:

a. 11 мая 2007 года Сергей Александрович Павлович, также известный как anther, Diplomaticos, PoL1Ce Dog, Fallen Angel, Panther[757], организовал родажу 90 номеров счетов украденных кредитных карточек покупателю, аходящемуся в Южном Округе Калифорнии.

b. 11 сентября 2006 года Дмитрий Валерьевич Бурак, также известный ак Leon, Graph, Wolf, организовал продажу 30 номеров счетов украденных редитных карточек покупателю, находящемуся в Южном Округе Калифорнии.

c. 10 октября 2007 года Сергей Валерьевич Сторчак, также известный ак Fidel, согласился осуществить продажу 64 номеров счетов украденных редитных карточек покупателю, находящемуся в Южном Округе Калифорнии.

Все вышеперечисленное в нарушение Пункта 18, свод законов США, Раздел 029(b) (2)

Подпись

Райан Книсли
Специальный агент
Секретной Службы США

Приведен к присяге и подписано в моем присутствии 28 апреля 2008 года

Подпись

Нита Стормс
Судья магистратского суда США

Письменное показание под присягой в подтверждение иска

Я, Райан Книсли, под присягой излагаю следующее:

1. Ваш свидетель, дающий показание под присягой - специальный гент Секретной Службы США, был назначен на эту должность 7 августа 006 года. За это время я прошел подготовку в расследовании уголовных ел по использованию поддельных устройств доступа и других финансовых реступлений. Эту подготовку я получил на специальных курсах агента екретной Службы США в Белтсвилле, штат Мэриленд, и в Федеральном центре равоохранительных органов в Глинко, штат Джорджия. На данный момент я ереведен в периферийное отделение в Сан-Диего, и мое основное назначение расследование финансовых преступлений. Поскольку я специальный агент екретной Службы США, я несу ответственность за расследование уголовных ел в нарушение Пункта 18 свода законов США, Разделы 1028, 1029, 1342, 343, и 1344.

2. Я составляю это письменное показание под присягой в подтверждение иска и для выдачи ордера на арест:

a. Сергея Александровича Павловича, также известного как Panther, iplomaticos, PoL1Ce Dog, Fallen Angel, Panther[757], гражданина Беларуси, а секретную торговлю нелегальными устройствами доступа в нарушение Пункта 8 свода законов США, Разделы 1029 (2)(b);

b. Дмитрия Валерьевича Бурака, также известного как Leon, Graph, Wolf, гражданина Украины, за секретную торговлю нелегальными устройствами доступа в нарушение Пункта 18 свода законов США, Разделы 1029 (2)(b);

c. Сергея Валерьевича Сторчака, также известного как Fidel, гражданина Украины, за секретную торговлю нелегальными устройствами доступа в нарушение Пункта 18 свода законов США, Разделы 1029 (2)(b).

3. Нижеизложенная информация представлена на основе моей личной осведомленности и информации, переданной мне сотрудниками правоохранительных органов, которые также участвуют в расследовании данного дела.

4. В мае 2005 года Секретная Служба США получила ордер на допуск к Yahoo!Inc. для обыска адреса электронной почты Бурака. В результате Секретная Служба США обнаружила 82 сообщения, сохраненных в ходе переписки между Бураком и Сторчаком. В этих сохраненных сообщениях содержалась информация о каталогах банковских идентификационных кодов, о номерах счетов украденных кредитных карточек, а также данные о доходах, полученных от продажи номеров счетов кредитных карточек. Руководствуясь своим опытом и подготовкой, я знаю, что каталоги банковских идентификационных кодов - это, по сути, доступные каталоги, в которых приводятся тип и количество номеров счетов кредитных карточек. Например, каталог банковских идентификационных кодов содержит название банка-эмитента и часто тип кредитного счета (например, классический, золотой, платиновый), а также количество номеров счетов, доступных для каждой категории.

5. Дополнительные ордеры на допуск к электронному адресу Yahoo!Inc. Сторчака на июль 2005 года помогли выявить электронные сообщения, сохраненные в ходе переписки между Бураком и Сторчаком. Эти сохраненные сообщения содержат информацию о номерах счетов украденных карточек. Следователи также обнаружили несколько сохраненных сообщений, свидетельствующих о том, что Сторчак пользовался Интернетом, чтобы продать номера счетов украденных карточек покупателям из разных стран. В ходе предварительного анализа вышеупомянутых сообщений, сохраненных в ходе переписки между Сторчаком и Бураком, можно сделать вывод о том, что продажа номеров счетов кредитных карточек составила 7.000.000.00 $ страховых убытков.

6. 16 апреля 2008 года, в соответствии с запросом в Государство Израиль в рамках Договора о взаимном сотрудничестве, Секретная Служба США получила доказательства от израильского провайдера электронной почты SAFe-mail. SAFe-mail предоставил сообщения, сохраненные в ходе переписки между Павловичем и Бураком. Эти сохраненные сообщения были переданы Секретной Службе США.

7. Сохраненные сообщения из электронной почты SAFe-mail, переданные Секретной Службе США, свидетельствуют о том, что Бурак постоянно общался со Сторчаком и некоторыми другими лицами, которые также занимались продажей информации о счетах украденных кредитных карточек. Судя по информации в заголовке каждого из этих электронных сообщений, можно сделать вывод о том, что Павлович и Бурак постоянно отправляли и получали электронные сообщения с приложениями от разных лиц. Более того, в электронной почте было много сохраненных сообщений от Бурака. Эти сохраненные сообщения особенно указывают на тот факт, что Павлович и Бурак переслали друг другу, по крайней мере, один каталог банковских идентификационных кодов и более 600 номеров счетов украденных карточек. В одном электронном сообщении Павлович передал Бураку информацию о том, что определенное количество номеров счетов украденных карточек были «надежными», как отметил Павлович

8. 9 сентября 2004 года правоохранительные органы Беларуси конфисковали (изъяли) жесткий диск из компьютера Павловича.

Этот жесткий диск был передан Секретной Службе США: на нем размещались сохраненные файлы веб-страниц, сообщения, сохраненные во время переписки, а также файлы «регистрационного типа», которые свидетельствуют о том, что Павлович владел и организовал функционирование веб-сайта www.DumpsMarket.net ("DumpsMarket"). Доказательства, полученные с диска Павловича, свидетельствуют о том, что на DumpsMarket был размещен форум только для участников, на котором подельники могли свободно общаться и заключать друг с другом сделки. Дополнительные сообщения, сохраненные в ходе электронной переписки, показали, что Павлович также осуществлял продажу номеров счетов украденных кредитных карточек посредством DumpsMarket.

9. На веб-сайте «DumpsMarket» Павлович выступает в качестве владельца, а Бурак - в качестве администратора. Дополнительные доказательства с диска Павловича свидетельствовали, что в дополнение к администраторам веб-сайта, DumpsMarket пользовались услугами Tested Vendors. Tested Vendors - лица, которые подтвердили свой статус постоянных и надежных кардеров, и которые могли продавать номера счетов украденных карточек на DumpsMarket. Исходя из информации, представленной в сохраненных сообщениях, Tested Vendors работали на Павловича, который предоставлял им номера счетов украденных банковских карточек; должны были продавать эти номера счетов участникам DumpsMarket. На веб-сайте DumpsMarket Сторчак считался Tested Vendor. The pay-and-owe sheets, полученные с диска, показывают, что Павлович получал основной процент от сделок по продаже номеров счетов украденных карточек.

10. Основываясь на судебно-криминалистической экспертизе жесткого диска Павловича и на своем собственном опыте в расследовании уголовных дел с участием лиц, торгующих информацией о счетах украденных карточек, я узнал, что участники DumpsMarket сотрудничали с Tested Vendors через ICQ и электронную почту. В целом, сделки по продажам и покупкам инициировались на форумах DumpsMarket. Детали по заключению сделок обсуждались и согласовывались через ICQ. Номера счетов украденных кредитных карточек направлялись покупателю через ICQ или через приложения электронных сообщений.

11. На жестком диске Павловича также содержалась информация о 10.000 номеров счетов украденных карточек. Более того, на том же жестком диске хранились фотографии Павловича, Бурака и Сторчака, на которых было изображено, как Павлович, Бурак и Сторчак проводили время друг с другом в различных социальных условиях.

12. Сохраненные электронные сообщения указывают на то, что Павлович, Бурак и Сторчак заключили сделку и продали номера счетов украденных кредитных карточек покупателю, находящемуся в Южном Округе Калифорнии. Особенно 11 мая 2007 года Павлович продал 90 номеров счетов украденных кредитных карточек лицу, находящемуся в Южном Округе Калифорнии. Также 11 сентября 2006 года Бурак продал около 30 номеров счетов украденных кредитных карточек покупателю, находящемуся в Южном Округе Калифорнии. 10 октября 2007 года Сторчак продал 64 номера счетов украденных кредитных карточек покупателю, находящемуся в Южном Округе Калифорнии. В конце каждой из вышеупомянутых сделок номера счетов украденных кредитных карточек передавались в Южный Округ Калифорнии, где находился вышеупомянутый покупатель.

13. Основываясь на сохраненных сообщениях, изъятых из: 1) электронной почты Yahoo! Бурака, 2) из электронной почты Yahoo! Сторчака, жесткого диска Павловича, я считаю, что Павлович, Бурак и Сторчак

в преступный сговор друг с другом и с другими лицами, личность которых установлена и не установлена, о передаче информации о номерах счетов украденных кредитных карточек в Южный Округ Калифорнии. Более того, принимая во внимание наличие доказательств в электронной почте SAFe-mail Бурака и Павловича и сделки с покупателем в Южном Округе Калифорнии, я уверен, что Павлович, Бурак и Сторчак все еще состоят в тайном сговоре о продаже информации, касающейся счетов украденных кредитных карточек.

14. Принимая во внимание все вышеперечисленные факты, я уверен, что существует резонное основание того, что Павлович, Бурак и Сторчак нарушили Пункт 18 свода законов США, Раздел 1029(b) (2), Секретная торговля нелегальными устройствами доступа.

15. Поскольку это письменное показание под присягой представлено на рассмотрение для создания резонного основания в подтверждение иска, я не перечислял все факты, изученные во время расследования. Более того, я представил только те факты, которые, как я считаю, необходимы для [illegible] обвинения в совершении преступления.

Райан Кисли
Специальный агент Секретной Служ[illegible]

в суде». Представляю, какой бы «полный пансион» ждал нас с братом в Таиланде, не сорвись наша поездка туда в 2004-м…

— А помнишь историю с русскими хакерами Ивановым и Горшковым, которых пригласили на работу в США и там арестовали?

— Припоминаю. Это в 2000 году вроде было. Одному — двадцать лет, другому — девятнадцать. Откуда-то с Урала пацаны, — следак заставил меня вспомнить события десятилетней давности.

— Да, из Челябинска. Занимались вымогательством денег у

американских компаний. Вначале сканировали сеть жертвы на уязвимости. Когда таковые находились, хакеры связывались с системным администратором фирмы. Чаще всего это происходило с помощью электронной почты. Текст письма всегда был примерно одинаков: «Здравствуйте! Я представляю группу компьютерных экспертов. Мы специализируемся на проверке защищенности ПО серверов, кредитной системы и т. д. В настоящее время наша группа находится за пределами США, а законы нашей страны лояльны к деятельности подобного рода». Дальше шел список уязвимостей, найденных хакерами. Админу предлагалось потребовать у начальства денег, чтобы «группа компьютерных экспертов» в следующий раз не разнесла все содержимое сервера к чертовой матери. С маленьких фирм требовали пару сотен баксов, с серьезных компаний — по нескольку десятков тысяч.

Чаще всего нападению подвергались интернет-казино (как хранилище информации о кредитных картах), банковские серверы, интернет-провайдеры. В список пострадавших компаний попали финансовый брокер Online Information Bureau (упустил десятки тысяч кредитных карт), интернет-провайдер Speakeasy.net, Korean Bank в Лос-Анджелесе и даже «Вестерн Юнион», которая упустила информацию о 16 тыс. кредитных карт своих клиентов. Когда музыкальный магазин CD Universe отказался платить хакерам выкуп $100 тыс., тысячи кредитных карт его покупателей тут же оказались на публичных интернет-сайтах. Иванов и Горшков были настолько уверены в своей безнаказанности, что нередко оставляли на взломанных серверах текстовые файлы с содержанием типа «Здесь был Алекс». Более того, хакеры предлагали себя в качестве security-консультантов. Иванов высылал свое резюме, сопровождая его фотографией.

Неизвестно, сколько бы еще длился кошмар американских сисадминов, если бы Иванов не выбрал в качестве очередной жертвы компанию E-Money Inc. — крупного игрока на рынке интерактивных расчетов. Было отправлено традиционное письмо приблизительно такого содержания: «Вы не защищены. Чтобы у вас не стало плохо с сердцем, дайте нам бабок». Просили в этот раз хакеры много — $500 тыс.

Американцы отправили материалы о противоправной деятельности Иванова в российскую ФСБ, но там их просто проигнорировали. Стало ясно, что арестовать хакера на территории России будет невозможно. Нужно было заманить его в США. Тогда агенты ФБР создали сайт несуществующей компьютерной фирмы Invita Technologies и сделали Алексею Иванову предложение работать в США в качестве security-эксперта

этой фирмы. Перед трудоустройством необходимо было пройти собеседование в Сиэтле. Дорогу ФБР с удовольствием оплатило. Иванов не только сам клюнул на удочку агентов, но и потащил с собой в Америку Василия Горшкова в качестве делового партнера.

«Я слышал о недавних вторжениях в сети американских компаний, некоторые из которых заплатили хакерам деньги за прекращение атак, — начал агент ФБР, который играл роль директора «Инвиты». — Я знаю, что вам это вполне по зубам. Может, это были вы?»

«Несколько месяцев назад мы занимались подобным, — ответил Алексей Иванов, — но сочли, что это не слишком доходное дело». Тем не менее он сел за компьютер и по просьбе американцев тут же взломал несколько сайтов, чтобы продемонстрировать свои профессиональные навыки.

«А что вы скажете по поводу кредитных карт?» — не унимался «директор».

«Поскольку мы находимся на территории США, мы никогда не признаемся, что доставали их», — ответил Василий Горшков.

В это время приглашенный фэбээровцами компьютерный эксперт из Вашингтонского университета, который играл роль еще одного работника «Инвиты», залез в компьютер, с которого Иванов осуществлял демонстрационный дефейс сайтов, и нашел в памяти заранее включенного кейлоггера (программа для запоминания нажатий на клавиши) пароль, который хакер использовал для удаленного доступа к своему домашнему компьютеру в Челябинске (оттуда он брал программы, необходимые ему для взлома сайтов).

Василий Горшков был приговорен к трем годам тюрьмы и $690 тыс. штрафа, его напарник Алексей Иванов получил четыре года.

— Получается, что планы Sonelao заманить меня сначала в Таиланд, а потом в Доминикану дважды сорвались…

— Выходит так. Зато агентам Секретной службы удалось выманить в Турцию Максика, — подключилась к нашему диалогу Воробьева. — И хотя вся важная информация на его ноутбуке была зашифрована с помощью программы PGP, после нескольких дней, проведенных в турецкой тюрьме, Maksik «отчего-то» сообщил следователям свой пароль, состоящий из семи символов.

— Два удара по почкам открывают любой пароль, — попытался пошутить я. — Но вообще современные программы шифрования настолько сложны, что теоретически даже АНБ (Агентство национальной безопасности США) не может их взломать. В 1990-е Министерство юстиции США и ФБР попробовали поставить шифрование на территории Штатов вне

закона, мотивируя тем, что его будут использовать террористы, организованная преступность, педофилы и хакеры. Американских математиков предупредили о нежелательности разработки сверхсложных алгоритмов шифрования, но было уже поздно: джинн был выпущен из бутылки. В 1991 году американский программист и общественный деятель Фил Циммерман разработал и выложил в открытый доступ бесплатную программу, которую он назвал PGP (pretty good privacy).

Это не остановило правительственные агентства и спецслужбы в их попытках запретить разработку программного обеспечения для шифрования данных. В 1993 году администрация Клинтона попыталась навязать установку во все компьютеры и телефоны специального clipper-чипа, который, по сути, являлся мастер-ключом, позволяющим правительству взломать любой шифр, но чипы получились несовершенными и в 1996 г. проект свернули.

Тогда законодатели зашли с другой стороны — вспомнили приемы времен холодной войны и приравняли разработку сложных алгоритмов шифрования к экспорту вооружений. Теперь американские разработчики не могли встраивать модули шифрования в создаваемое ими программное обеспечение. Вдобавок федеральное правительство ввело запрет на распространение в Америке программ шифрования, которые бы не имели встроенных бэкдоров — ключей, позволяющих правительственным агентам в любое время взломать шифр. Все эти меры привели к тому, что зарубежные фирмы, не связанные подобными запретами, сильно потеснили Соединенные Штаты на рынке программ для шифрования, и в 2005 году все ограничения отменили.

— Макс Батлер, он же Iceman, владелец форума CardersMarket, шифровал всю нежелательную для лишних глаз информацию с помощью разработанной для израильских военных программы DriveCrypt, имеющей длину ключа 1344 бита, намного превышающую даже стандарты Министерства обороны. Макс рассчитывал, что когда полиция спросит пароли от его зашифрованных дисков, то он ответит отказом и пусть даже под разными предлогами и просидит полгода-год, но после этого будет выпущен на свободу — без его файлов федералы не смогут про-вести расследование его преступлений. Ошибался, — подвел красноречивый итог Сушко.

— ?..

— Ключ к взлому программ полного шифрования дисков наподобие DriveCrypt, BestCrypt и т. п. можно получить в то время, когда программа запущена на компьютере. Даже если ты

уже отключил свои зашифрованные диски, единожды введенный пароль к ним все еще хранится в оперативной памяти компьютера (RAM). Когда агенты Секретной службы ворвались в дом Макса, они сразу же уложили его на пол под дула автоматов и не дали ему перезагрузить его сервер и ноутбук. Если бы ему это удалось, все содержимое оперативной памяти исчезло бы. Эксперты из команды CERT сели за компьютеры и начали свою работу: используя программу для захвата содержимого оперативной памяти, они скопировали все «живые» данные из RAM на внешний носитель. Для того чтобы найти пароль Макса в «снимке» памяти его компьютера, исследователям CERT понадобилось всего две недели, после чего прокурор Люк Дембоски передал адвокату Батлера бумажный листок с написанным на нем паролем: «!!One man can make a difference!» («И один человек может что-то изменить!»)

— Вы мне лучше вот что скажите: международный ордер на мой арест был выдан 28 апреля. После этого я успел побывать в Украине, Дубае и на Мальдивах. Как такое возможно?

— Подобное случается нередко: даже по каналам Интерпола информация расходится не слишком быстро. Мы, когда объявляем человека в розыск, первым делом «пробиваем», зарегистрировано ли на него оружие, затем — состоит ли на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, место прописки и адрес фактического проживания, состав семьи, какими транспортными средствами владеет, серию и номер паспорта, информацию о пересечении госграниц (с каким государством, когда, каким видом транспорта), приобретал ли билеты на самолет или поезд — есть у нас и такая база данных, — и только после этого ставим объект на «сторожевой контроль» — пограничники обязаны задержать его при первом въезде/выезде из страны.

— Я, конечно, тоже хорош: почта на Yahoo! и в дружественном США Израиле, бин-листы и дампы, пересылаемые по e-mail!.. Чертова Yahoo! вон по три года (а может, и больше) все письма, даже удаленные, хранит, еще и с прикрепленными файлами. Это ж какие серверы надо иметь!..

— Iceman пользовался почтой на Hushmail — канадском почтовом сервере, который обещал своим клиентам обеспечить надежное шифрование их корреспонденции. С помощью специального Java-апплета письма пользователей зашифровывались прямо на их домашних компьютерах, еще до попадания на сервер компании. Hushmail утверждал, что даже ФБР не сможет прочесть переписку его клиентов. Однако, когда в их офис нагрянули американские и канадские копы, вооруженные

ордерами на обыск, выданными Верховным судом Британской Колумбии, компания нарушила свои принципы и выдала властям универсальный ключ дешифрования.

— А как его вообще смогли «повязать»? Я слышал, что Iceman продавал дампы под никому не известным вторым ником Digits, изменил стиль своей орфографии, продавал дампы без бин-листа, и всего три человека знали, что Iceman и Digits — это одно лицо.

— Вы отчего-то думаете, что вы самые умные. Но знаешь, как обыграть Гарри Каспарова? Надо играть с ним в любые игры, кроме шахмат. Многие, кто сейчас отдыхает на нарах, ломают голову: «В чем же была моя ошибка? Как меня смогли повязать?» А между тем мы шаг за шагом начинаем разбираться в правилах игры. Для тебя ж не секрет, что во многие преступные группировки по всему миру внедрены «засланцы», на секретных предприятиях работают шпионы, а за высокопоставленными лицами следят доносчики? Было бы странно, если бы спецслужбы, особенно американские, не догадались внедрить своих людей и в кардерское сообщество. Теперь про Айсмэна. Для взлома банка Capital One, одного из крупнейших эмитентов кредитных карт в США, он раздобыл у русских приватный 0day-эксплойт для Internet Explorer, и теперь все, что оставалось сделать, — это с помощью методов социальной инженерии заставить работников банка зайти на сайт, который содержит эксплойт. Имя для сайта Макс выбрал financialedgenews.com. Затем он разослал пятистам служащим банка (начиная от PR-менеджеров и заканчивая IT-специалистами) электронное письмо следующего содержания: «Я, Марк Тильман, репортер Lending News, работаю над статьей о последней утечке персональных данных клиентов Capital One. Я увидел имя… (здесь Ф.И.О. получателя письма) в заметке от Financial Edge и хотел бы поговорить с вами об этом: http://financialedgenews.com/archive/08/31/intrusion_CapOne. Около ста двадцати пяти работников банка «кликнули» на зараженную ссылку и впустили троян в свою корпоративную сеть. Агенты ФБР, расследовавшие данный инцидент, первым делом «пробили» владельца домена financialedgenews.com. Домен был зарегистрирован на «левое» имя в штате Джорджия, но когда регистратор домена, компания Go Daddy, покопалась в своих архивах, она увидела, что этот же пользователь когда-то зарегистрировал через них другой домен — cardersmarket.com. Следователи поняли, что Iceman, как бы он ни пытался дистанцироваться от криминальной деятельности, и есть тот самый хакер, который, конечно же, с корыстной целью взломал сеть пятого по величине эмитента кредитных карт в США. Вдобавок один из администраторов CardersMarket,

Th3C0rrupted0ne, оказался информатором Secret Service и отправил своим кураторам все приватные сообщения (PM), полученные от Макса через внутреннюю почту CardersMarket. Он сообщил также, что Iceman, владелец форума, имеет второй тайный никнейм Digits. Агенты Секретной службы использовали эту информацию и сделали контрольную закупку у Digits. Этого было достаточно для предъявления обвинений. Однако федералы пошли еще дальше — когда друг Батлера и один из модераторов CardersMarket под ником Zebra продал несколько дампов информатору Секретной службы, известному под ником Gollumfun, и был арестован, ему предложили ближайшие пять лет провести в тюрьме либо рассказать все, что он знает об Айсмэне. Нетрудно догадаться, какой выбор сделал Zebra… Он также «сдал» ближайшего партнера Макса Кристофера Арагона и рассказал, что Iceman использует программу DriveCrypt. Это означало, что даже если агенты и вычислят адрес Батлера, то не найдут на его жестком диске никаких улик.

— Поэтому они и уложили Макса под автоматы, не дав тому выключить свои компьютеры, — перебил я Сушко.

— Да, верно, Крис Арагон изготавливал поддельные пластиковые карточки, записывал на них дампы Макса и имел группу молодых привлекательных девушек студенческого возраста, которых он считал лучшими кандидатурами для шопинга с поддельным «пластиком». Правда, однажды он нарушил собственное правило и сам пошел в магазин. Зашел в «Блуминг-дейл» и купил несколько женских сумочек общей стоимостью $13 тыс. Продавцы, не будь дураками, на всякий случай «маякнули» в полицию. В машине Кристофера нашли семьдесят поддельных кредиток, а также несколько таблеток экстази и ксанакса. Столкнувшись с перспективой провести за решеткой остаток своих дней — в Калифорнии действует закон «три судимости — и ты вне игры», предусматривающий пожизненное заключение для преступников, имевших ранее две судимости по тяжким статьям и признанных виновными в совершении любого третьего преступления (а у Арагона это как раз и была третья судимость), — Крис дал полный «расклад» и предоставил фото Айсмэна.

— Я гляжу, в Америке что ни кардер — то стукач, одни информаторы кругом…

— Ну а что: подобная тактика — использование информаторов — применялась против организованной преступности еще в 1980-х.

— Но у нас-то все иначе — такой повальной «сдачи» нет…

— А ты американский уголовный кодекс видел?! Там

половина статей предусматривает пожизненное заключение. Вот преступники и стараются облегчить свою участь — около 87 % американских обвиняемых признают вину и сдают всех и вся в обмен на некоторое сокращение срока наказания. Вот еще один документ, с которым я хочу тебя ознакомить, — следак залез в свой саквояж и извлек оттуда какое-то письмо из Департамента национальной безопасности США.

— Ну и кто тебя, спрашивается, просил пересылать партнеру по грязному бизнесу свои личные фото, сообщать банковский счет своего брата, давать для пересылки товара домашний адрес своей матери и делиться подробностями личной жизни? — спросила после ухода следователя адвокат Воробьева. — Тебе кажется, что ты ведешь невинный разговор, но собеседнику не составит труда узнать, в каком городе вчера был концерт Джорджа Майкла, он узнает твой e-mail и то, что вы связаны с производителем «пластика» slimbady…

— Мы часто даем в руки соперника орудия нашей собственной гибели, — пришло мне на ум изречение Эзопа…

ДЕПАРТАМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США
СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА США

2-ая Авеню Габриэль
75008 Париж,
Франция
20-го марта 2009 года

Г-ну Г.А.Василевичу
Генеральному прокурору Республики Беларусь
Генеральная прокуратура Республики Беларусь

Уважаемый господин Василевич,
В ответ на запрос мы хотели бы сообщить, что Павловичу предъявлено официальное обвинение по уголовному делу №08-MJ1330 Окружного суда Южного Округа Калифорнии, США. Ему вменяется нарушение пункта 18, свода законов США, раздел 1029(b)(2) федерального закона США - Сговор о торговле нелегальными устройствами доступа.

В приложенном диске, серийный номер ATMG61C-A-R1-061125-15:39, вы можете найти документацию из уголовного дела №08-MJ1330, которая характеризует преступную деятельность Павловича.

Информация, содержащаяся на диске, организована в папки, как это описано ниже:

X:\Доказательства\Электронная почта ДИПЛОМАТИКОСА
Эта папка содержит снимки изображений электронных сообщений между Павловичем и SURFRIDER.

X:\Доказательства\Записи интерактивной переписки ICQ ДИПЛОМАТИКОСА
Эта папка содержит записи интерактивной переписки ICQ между Павловичем, SURFRIDER и мистером TOWELIE.

X:\Доказательства\Фотографии ДИПЛОМАТИКОСА
Эта папка содержит фотографии Павловича и его девушки, которые были получены от Павловича по электронной почте.
В ходе осмотра обнаружены файлы «IMG_2867.jpg» и «IMG_2868.jpg», «1yub1yu.jpg», изображение которых выведено на печать на 1 л. в приложении №36 к настоящему протоколу.
В указанных файлах имеются фотоизображения Павловича Сергея Александровича, 1983 г.р., и Казакевич Екатерины Игоревны, 1986 г.р.

X:\Доказательства\Ордера на обыск электронной почты Yahoo ЛЕОНА
Эта папка содержит результаты ордеров на обыск адресов электронной почты Yahoo, которыми пользовались Павлович и Бурак. Названия файлов отражают даты, когда каждый ордер был выполнен.

X:\Доказательства\Ордера на обыск электронной почты Safe-Mail
Эта папка содержит результаты ордеров на обыск адресов электронной почты SAFe-mail.net, которыми пользовались Павлович и Бурак.

Специальный агент Стивен Хайнс находится в прямом контакте с Кристин Путц относительно всей информации этого расследования. Пожалуйста, свяжитесь со специальным агентом Хайнсом по тел.: +331-4312-7082 или Кристин Путц по тел.: 375(17)2101283 для дальнейшего координирования помощи в этом расследовании.

С уважением,

Кэрол Л Маркс
Ответственный специальный агент
Секретная Служба
Соединенных Штатов Америки
Парижское региональное отделение

Episode 1

Date ordered	Date\Amount paid	Date\Items received
07/06/07 (order was arranged by Diplomaticos on 11/06/07 & 14/06/07 but filled by Leon)	$5000 - 09/07/07	1222 dumps 20/07/07

11/06/07 Серфрайдер, также известен как господин Товели, говорил с Сергеем Павловичем, также известным как Дипломатикос, через ICQ. Дипломатикос отправил запрос Серфрайдеру на обмен «товара» («stuff») на автомобиль Audi или Mercedes стоимостью от $15.000 до $20.000. Дипломатикос заявил, что если Серфрайдер согласен, то Серфрайдер приобретет машину и поставит ее в Беларусь. Дипломатикос дает половину договоренного количества «товара» в качестве предоплаты Серфрайдеру. Затем, после доставки автомобиля, Дипломатикос поставит Серфрайдеру недостающее количество «товара». Дипломатикос заявил, что ему еще нужно обдумать стоимость «товара», но отметил, что минимальная стоимость составит $4.00 за единицу, а максимальная - $4.50 за единицу. Серфрайдер заявил, что ему необходимо некоторое время, чтобы обдумать предложение Дипломатикоса.

14/06/07 Серфрайдер общался с Дипломатикосом через ICQ. Серфрайдер спросил Дипломатикосом, заинтересован ли он еще в обмене «товара» на машину. Дипломатикос подтвердил свою заинтересованность. Серфрайдер после долгих размышлений сообщил, что он предпочел бы не покупать машину для Дипломатикоса по причине сложной транспортировки автомобиля. Вместо этого Серфрайдер предложил Дипломатикосу $20.000 взамен на 5.000 дампов. Затем Серфрайдер спросил из какого листа БИН он должен выбрать свои дампы. Дипломатикос сообщил Серфрайдеру, что ему следует связаться с Леоном, также известным как Вольф, также известным как Граф, также известным как Бурак, потому, что Дипломатикос - легальный бизнесмен.

15/06/07 Серфрайдер связался с Вольфом. Серфрайдер поинтересовался у Вольфа, говорил ли он с Дипломатикосом по поводу обсужденной сделки касательно номеров счетов кредитных карточек. Серфрайдер попросил БИН-лист номеров счетов имеющихся в наличии кредитных карт. Вольф посоветовал Серфрайдеру выбрать из листа БИН по интернет-ссылке http://209.8.239.131/files/us_update.txt.

02/07/07 Серфрайдер связался с Дипломатикосом. Серфрайдер заявил, что он готов к сделке на $20.000 Серфрайдер заявил, что у него есть $5.000, и ему необходимы детали для международного перевода для пересылки денег. Дипломатикос заявил, что добытые обманным путем номера счетов кредитных карт и детали банковского счета для международного перевода можно получить через его партнера Графа. Дипломатикос отметил, что так как Серфрайдер высылает только четверть оговоренной оплаты, то он вышлет только четверть договоренного количества номеров счетов кредитных карточек.

06/07/07 Серфрайдер зашел на свой почтовый электронный ящик Surfrider123@SAFe-mail.net, и подтвердил получение письма с lkurochkin@SAFe-mail.net. Полученное послание было озаглавлено «details» и содержало файл .rar под названием «info». В нем содержалась следующая информация:

Имя: *****
Фамилия: *****

Номер счета: LV92MULT1010207*****
Банковский адрес: Акционерное общество MULTIBANKA
Ул. Елизаветес 57, Рига, LV-1772, Латвия
Тел.: (371)7019153
Факс: (371)7019140
Электронный адрес: info@multibanka.com
WWW: http://www.multibanka.lv/
СВИФТ: MULTLV2X
Телекс: 94081132 Mult BG
Почтовый ящик спринт: MULTIBANKA/DUNSOFT

Episode 2

Дата заказа	Дата/сумма оплаты	Дата получения/количество
10/10/07	unsolicited	3 dumps - 10/10/07

10/10/07 Серфрайдер говорил с Дипломатикосом. Дипломатикос передал Серфрайдеру через ICQ номера счетов трех незаконно добытых кредитных карточек. Дипломатикос заявил, что он получил эти номера счетов от своего хакера. Хакер утверждал, что эти номера счетов кредитных карточек были из Франции и получены в результате нового проникновения в сеть. Дипломатикос запросил полный отчет об использовании и попросил Серфрайдера приобрести ему в подарок видеокамеру, цифровую фотокамеру и сигары.

29/10/07 Серфрайдер говорил с Дипломатикосом. Серфрайдер заявил о возможности приобрести цифровую камеру Sony для Дипломатикоса. Серфрайдер попросил Дипломатикоса предоставить ему адрес для отправки камеры. Дипломатикос дал Серфрайдеру следующий адрес поставки:

Татьяна Новикова
Ул. Металлургическая, 26/2-7
Гатово, Минский район
223017 Беларусь

30/10/07 Серфрайдер отправился в универсальный магазин «Таргет» и приобрел цифровую камеру Canon Power Shot S51S, серийный номер 4928304801.
Далее 30/10/07 Серфрайдер отправился в Единую службу доставки посылок. 8835, 5663 Бальбоа авеню, Сан-Диего, Калифорния, и отправил цифровую камеру Canon Power Shot S51S, с вышеуказанным серийным номером Татьяне Новиковой, ул. Металлургическая, 26/2-7, Минск, 02160 Беларусь.

14/11/07 Серфрайдер говорил с Дипломатикосом. Дипломатикос заявил, что собирается забрать камеру, отправленную ему Серфрайдером, 29/10/07.

ПРИЛОЖЕНИЕ №40 К ПРОТОКОЛУ ОСМОТРА ОТ 07.04.2009Г.
(выписка из интерактивной переписки icq между Леон и Серфрайдер)

10/07/2007 09:38:12 Серфрайдер: Привет
10/07/2007 09:38:17 Серфрайдер: Как дела?
10/07/2007 10:00:38 Леон зашел (невидимый)
10/07/2007 10:00:48 Леон: =)
10/07/2007 10:00:53 Леон: Здравствуй друг мой
10/07/2007 10:01:09 Леон:
http://pics.Livejournal.com/o_shantie/pic/00001/bz
10/07/2007 10:04:14 Серфрайдер: Привет
10/07/2007 10:05:16 Серфрайдер: Что это?
10/07/2007 10:05:23 Серфрайдер: Ты ходил на концерт?
10/07/2007 10:05:35 Леон: Да, вчера
10/07/2007 10:05:43 Серфрайдер: Кто это был?
10/07/2007 10:05:54 Леон: Джордж Майкл
10/07/2007 10:06:00 Серфрайдер: Гм
10/07/2007 10:06:05 Серфрайдер: И как концерт?
10/07/2007 10:06:11 Леон: Он был отличным
10/07/2007 10:06:18 Серфрайдер: много горячих девчонок?
10/07/2007 10:06:38 Леон: Более чем просто много =)
10/07/2007 10:06:43 Леон: я встретил одну
10/07/2007 10:06:46 Серфрайдер: Тебе повезло =)
10/07/2007 10:08:26 Серфрайдер: Ты также должен получить мой перевод сегодня или завтра =)
10/07/2007 10:08:32 Серфрайдер: Это который на 5000
10/07/2007 10:08:33 Серфрайдер: =)
10/07/2007 10:08:46 Леон: Да, я получил твое письмо по этому поводу)
10/07/2007 11:03:08 Серфрайдер: Ты здесь?
10/07/2007 11:03:13 Леон: Да
10/07/2007 11:04:01 Серфрайдер: Ты злишься на slimbady?
10/07/2007 11:05:10 Серфрайдер: Что там за письмо на моем ящике?
10/07/2007 11:05:12 Леон: да, злюсь. Минутку.
10/07/2007 11:05:20 Серфрайдер: Я просто спрашиваю, т.к. жду письмо от Panther и хочу убедиться, что это он, а не какой-нибудь вирус непонятно от кого
10/07/2007 11:05:49 Леон: elfgroup2005@yahoo.com
10/07/2007 11:06:01 Серфрайдер: да, есть, теперь я знаю, что это его e-mail адрес.
10/07/2007 11:06:10 Серфрайдер: slimbady заказал у тебя дампы и не заплатил ничего
10/07/2007 11:06:13 Серфрайдер: Верно?
10/07/2007 11:06:29 Леон: Да
10/07/2007 11:06:43 Леон: Он предложил вернуть мне деньги пластиком
10/07/2007 11:07:06 Леон: Но мне он не нужен и я никогда им не пользуюсь
10/07/2007 11:07:13 Серфрайдер: Ну это странно. Он говорит людям, что он заказал дампы для меня??? и Я ЯВЛЯЮСЬ ПРИЧИНОЙ ТОГО, ЧТО ОН НЕ ВОЗВРАЩАЕТ ТЕБЕ ДЕНЬГИ?

Также 6 марта 2007 года Леон сказал Серфрайдеру, что Павлович выйдет из белорусской тюрьмы приблизительно 16 марта 2007 года. 28 марта 2007 г. Леон сообщил Серфрайдеру, что слушание по досрочному освобождению было 26 марта 2007 г. 13 апреля 2007 г. Леон сказал Серфрайдеру, что он передал Павловичу в icq контактную информацию Серфрайдера. В тот же день Павлович связался с Серфрайдером и назвал себя. 16 апреля 2007 г. Павлович рассказал Серфрайдеру о причине своего ареста. Тот факт, что Павлович был осужден, приговорен и выпущен на свободу, был подтвержден.

Глава 48
Перетягивание каната

На меня повесили всех убитых, за исключением жертв мировой войны.

Аль Капоне

Человеку всегда свойственно надеяться на лучшее, даже если положение его полностью безнадежно, но такого удара я не получал еще никогда — следователь предъявил мне обвинение, в котором не повесил на меня разве что убийство Кеннеди. Я, конечно, и не рассчитывал, что после всего «хорошего», что сделал для управления «К», легко отделаюсь, но чтобы все настолько плохо… Очень хочется написать Катерине, что все кончено, но пока рано — прежде нужно дождаться итогов суда. Недавно мне снился сон. Содержания я не запомнил, но проснулся с четкой и ясной мыслью: если для тебя, то выдержит все, а нет — так лучше расстаться раньше, чем позже.

— Следователю понравилась фраза, которую он прочел в изъятом у тебя блокноте, — сказала Воробьева, когда расследование было завершено и мы начали знакомиться с материалами моего уголовного дела.

— Какая именно фраза?

— «До попадания в тюрьму я полагал, что около половины находящихся там невиновны. Сейчас я вижу, что это не так и 99 % из нас виноваты в том, в чем нас обвиняют. Другое дело, что в юридическом плане вина у многих не доказана», — процитировала адвокат.

— А, это я записал, еще когда сидел в первый раз.

— А ведь она очень точно отражает положение дел в нашей судебной системе, — вздохнула Марина Михайловна. — Когда я нет-нет да защищаю сотрудников милиции, те часто жалуются на нарушения процессуального закона в их отношении. К сожалению, многие задумываются над последствиями своих противоправных действий, только когда сами попадают в подобные обстоятельства.

— Уголовно-процессуальный кодекс регламентирует каждый шаг расследования. А милиция работает так, как ей позволяют работать. Вот если бы в моем случае прокуратура признала, что ноутбук был изъят с нарушением УПК и потому не может являться уликой, в следующий раз мусора работали бы аккуратнее…

— Однако признать подобное означает, что до суда не дойдет

и половины дел. Поэтому я и не питаю иллюзий по поводу твоего приговора. Мы, к сожалению, не в Англии, где суды действительно независимые, справедливые и оттого уважаемые, — подвела итог адвокат. — Правда, должна признать, что наш отдел «К» все-таки работает очень профессионально…

— За исключением того, что на меня повесили пять статей там, где должно быть три, да. Я бы их вообще на второе место в мире после американцев поставил. Судите сами: страна у нас небольшая — все под контролем. Сотрудники управления «К» — молодые, умные и сообразительные. При этом не раз сталкивались с серьезными кардерами, хакерами и спамерами и переняли наши методы работы. Оборудование и программное обеспечение у них — самое передовое американское. Прибавьте к этому постоянные конференции, семинары и обмен опытом с европейскими и американскими коллегами — вот вам и результат. Правда, принципиальное отличие наших от американцев в том, что у них огромное финансирование и штат, поэтому они могут позволить себе внедряться в кибергруппировки, разрабатывать нас годами, делать контрольные закупки и арестовывать ключевые фигуры. Тем самым они предотвращают более серьезные преступления. А белорусским ментам приходится разгребать уже совершенный криминал.

— А кто, по-твоему, самые опасные киберпреступники?

— Русские, конечно. В России очень сильные хакеры. В Украине — кардеры, то есть больше мошенники. А в Беларуси и тех и других хватает, причем все самые-самые. Правда, с каждым днем наше дело становится все опаснее: в деле борьбы с киберкриминалом правоохранители разных стран взаимодействуют, как ни в какой другой сфере. Хотя, конечно, я и не верю, что спецслужбам удастся когда-либо положить конец киберпреступности, так же как не удается полностью справиться с преступностью и в реальном мире.

Глава 49
«Оборотни» в погонах

С началом лета меня наконец-то перевели на Володарку. Здесь была та же обстановка, те же люди и проблемы, что и три года назад. Словно и не освобождался никогда. Дежавю…

В «отстойнике» я случайно повстречал Вову Боянкова, своего давнего подельника, который сейчас проходил по одному делу с ментами из управления «К».

— Здорово, Вован! — я обрадовался его знакомой небритой роже. — Ну, расскажи, как тебя угораздило «угреться» вместе с легавыми.

— А ты что, в газетах не читал?

— Читал как раз таки. По информации «БелГазеты», в начале 2006 года первый замначальника управления «К» Сергей Новик создал организованную преступную группу, целью которой стало хищение денег из банкоматов с помощью поддельных кредитных карточек, изготовленных силами обвиняемых. По подсчетам следствия, за время действия группы — с февраля 2006-го по октябрь 2007 года — обвиняемыми было похищено около $340 тыс. Присоединившийся к деятельности группы Артем Бурак взялся за поиск в Интернете реквизитов подлинных банковских пластиковых карт и их PIN-кодов, а также консультировал Миклашевича по вопросам изготовления карт, помогая записывать полученные данные на магнитные полосы болванок карточек. По мнению Генпрокуратуры, организатор преступлений Новик взял на себя заботу о постоянном наличии у членов группы поддельных карточек, PIN-кодов и сведений о карт-счетах реальных владельцев. Распределив роли между подельниками, он якобы обеспечивал безопасность, используя свое служебное положение. Зачитывая обвинение, прокурор коснулся связей Новика с работниками банковских процессинговых центров, помогавших перепроверять осуществление отдельных транз акций, совершенных с использованием поддельных карточек. Так?

— Ну, в общих чертах, да. Новик разработал для нас относительно безопасную схему, которая позволила долгое время оставаться на свободе.

— Что за она?

— Первым правилом было «Не воруй там, где живешь». Деньги мы снимали строго за пределами Беларуси (в России). Во-вторых, мы находились в постоянном движении: «Один день — один город». За полчаса до полуночи снимаешь весь доступный

баланс, потом дневной лимит карточки обнуляется, и после двенадцати снимаешь еще один баланс. После этого карточка выбрасывалась. Несмотря на то что могла давать кэш еще много-много дней. Это третье правило.

Чем закончилась история? Баян обленился, потерял нюх и стал работать в Беларуси. Один из банкоматов «проглотил» несколько карточек и вдобавок заснял фэйс Боянкова, который, понятное дело, давно был во всех милицейских банках данных. Менты города Заславля, где все это произошло, опознали Боянкова по фотографии и завели уголовное дело. Полковник Новик позвонил в Заславль и забрал дело в Минск, где его благополучно «похерили». Затем Новик и К надавали Баяну по морде и строго-настрого запретили работать в Беларуси. Тот снова ослушался и опять «спалился». Теперь дело на него завели уже в минском управлении «К». Боянкову было предложено пару лет «отдохнуть» на нарах. Сидеть одному ему не захотелось, и Вова написал заявление в Генпрокуратуру, где изложил подробности своей преступной деятельности вместе с Новиком и Миклашевичем…

Глава 50
Лед тронулся, господа присяжные заседатели

Знаешь, когда не видела тебя уже месяцев семь-восемь, было легче, чем сейчас. А сейчас… опять, с новой силой… еще сильнее полюбила тебя. Меня просто разрывает на части, когда вижу тебя и не могу даже дотронуться. Выхожу после этих судов, и моя нервная система дает сбой…

Из Катиного письма

Суд начался 6 августа — через год после того, как меня арестовали. Судья Ермоленков — худенький парнишковидный человечек, лишь на пару лет старше меня — уже на двадцатой минуте от начала процесса заявил, что моя вина полностью доказана и задавать мне вопросы нет никакой необходимости.

13 августа, к исходу пятого судебного заседания, наконец-то проснулся прокурор. За весь процесс он не проронил ни слова, не задал ни единого вопроса, не умеет пользоваться даже электронной почтой, что, однако, не помешало ему посчитать мою вину «полностью доказанной» и попросить для меня наказания в виде четырнадцати лет и шести месяцев лишения свободы. Четырнадцать с половиной лет только за то, что продал несколько тысяч иностранных дампов американскому же спецагенту… Да он, наверное, сериала «Горец» пересмотрел, только я ведь не Дункан Макклауд…

Хорошо, что мама не наблюдает эту комедию, — в зале только Катя и Коля, мой лучший друг. Сидят, уставившись в пол, будто и не родные мне вовсе. Катя нервно теребит свою сумочку и с трудом сдерживает слезы. А Коля… он словно чувствует свою вину за то, что не смог помочь мне. «Смотрите, смотрите на меня, — мысленно прошу я их. — Я все еще здесь, с вами. Да, тяжело. Да, невыносимо принимать участие в этом спектакле, но не делайте вид, что меня уже не существует…»

Утром 24 августа, в день приговора, судья прислал ко мне адвоката:

— Сергей, Ермоленков советует тебе полностью признать

вину…

— А взамен что?

— Получишь на два года меньше.

— От какой цифры?

— Я тоже его об этом спросила. Ответил: «От той, что я задумал»…

— Марина Михайловна, он мог и пятнадцать лет задумать. Пусть идет на фиг с такими предложениями. Так ему и передайте.

— Хорошо…

В тот же день меня признали виновным по всем пяти статьям, что были в обвинении, и дали срок десять лет. С конфискацией имущества.

Вечером написал Кате, что в свете такого приговора наши дальнейшие отношения не имеют смысла…

Глава 51
Какая осень в лагерях…

Какая осень в лагерях:
Кидает листья на «запретку»,
А я кричу, кричу шнырям:
«Пускай лежат еще недельку!..»
Гр. «Бутырка». Какая осень в лагерях

Еще месяц после приговора я провел в СИЗО, и только в начале октября меня заказали на этап.

То, чего так долго ждешь, почему-то всегда оказывается совершенно неожиданным, когда наконец случается — и сумки у меня оказались не собраны (каждую вещь нужно детально описывать), и белье, как назло, замочено в тазике.

Спецвагон для транспортировки заключенных, вагон-зак, в России называют «столыпинским» или просто «столыпиным». Во времена Петра Столыпина в таких вагонах перевозили переселенцев в восточные области страны. Этот тип вагонов был ниже обычного пассажирского, но много выше товарного, также он имел подсобные помещения для утвари и птицы и загоны для скота. Позже эти слегка переоборудованные вагоны приспособили для перевозки заключенных. До этого каторжников этапировали пешком и на лошадях, и очень многие из них не доходили до места ссылки, умирая по дороге.

— Что это за город, милейший? — на манер Остапа Бендера поинтересовался я у проводника-конвоира, когда мы дольше обычного задержались на одной из станций.

— Орша. Для вас — конечная. Зона № 8. Называю фамилии — выходим по одному, — ответил за него начальник конвоя.

«Восьмерка»… Исправительная колония № 8. До меня здесь сидели «строитель» пирамид Саша Жданов и мой давний знакомый Рома Погарцев (Костер). Только фраза мне уж больно не понравилась: «Для вас — конечная»… Конечная — это когда деревянный «макинтош» и два метра сырой земли сверху. Все остальное — временно.

Я выпрыгнул из вагона и огляделся: наш поезд стоял на запасном пути и почти вплотную к нему примыкали два автозака. Разглядеть что-либо в деталях не представлялось возможным — нас окружал строй автоматчиков.

На «восьмерку» нас повезли вшестером. Тех, кому повезло

меньше, — на соседнюю «туберкулезную» зону № 12. Заболеваемость туберкулезом в белорусских тюрьмах, если хочешь знать, превышает средний показатель по стране в семь раз.

Через несколько минут машина остановилась перед воротами зоны. Показались электрические фонари, похожие на помятые фетровые шляпы, бетонный забор и ощетинившаяся рядами колючей проволоки проходная. «Велкам ту ИК-8», — сказал я про себя и сильнее укутался в свою курточку на рыбьем меху. Все-таки зря я оставил свой пуховик на тюрьме — сейчас бы он очень пригодился.

За воротами нас ждала очередная перекличка: фамилия, год рождения, срок, статья. Темно. Холодно. Сыро. И очень неуютно. Бр-р…

Снова «отстойник» — камера три на три с разбитым окном и инеем на стенах. Так три часа. Зубы на полку, очередной шмон, трижка «под ноль» — welcome to hell, guys.

Ближе к шести рассвело. В зоне подъем.

— Так, осужденные (интересно, почему ударение на первый слог?), — придурковатый, похожий на Винни-Пуха прапорщик открыл дверь «отстойника», — выходим по одному.

Облицованный кафелем коридор. И свет. Солнечный, не электрический. Веки непроизвольно закрыли глаза, отвыкшие за полтора года подвалов от естественного освещения. Так, что у нас здесь?

Цветочные клумбы, огороженные раскрашенными в яркие цвета автомобильными шинами, бронзовый бюст Максима Горького, кирпичные здания 1960-х годов постройки и сотни снующих туда-сюда людей: одни с лопатами, другие с метлами и граблями, третьи с какими-то красными повязками на рукавах… Муравейник людских судеб. Добавь красные флаги, воздушные шарики — и ты на первомайской демонстрации. «Нет, это не Рио-де-Жанейро, — подумал я, — это гораздо хуже».

Подвели к каптерке. Что это? Обычный склад, где каждому из нас выдали положенные алюминиевые кружку, ложку, вафельное полотенце, пожелтевшее от времени постельное белье, матрас, подушку и одеяло, рабочую (не тюремную) робу, кирзовые ботинки и зеленого цвета телогрейку, сшитую из старых солдатских ватных штанов.

Потом был «карантин» — отдельностоящее двухэтажное здание, где всем, с кем мы вместе приехали в зону, предстояло провести ближайшие несколько недель до распределения по отрядам.

— Так, осужденные, — вместо приветствия начал маленький

пузатый начальник «карантина» по прозвищу Роллтон, — оставляем свои сумки, переодеваемся в вашу новую форму одежды и выходим на проверку.

— Что еще за проверка? — спросил я у кого-то.

— Просчет, все ли на месте. Утром и вечером. А в «карантине» вообще четыре раза в день.

— Поспать бы, начальник, — послышалось из толпы.

— Ну вот после проверки и завтрака и поспите, — ответил Роллтон. — Если бумаги подпишете…

«Бумагами» оказалось «Индивидуальное обязательство о стремлении к правопослушному поведению». Выглядело оно так:

«Я, осужденный Пупкин, в период нахождения в местах лишения свободы обязуюсь:

= добровольно соблюдать режимно-правовые требования;

= участвовать в общественной жизни отряда;

= регулярно выполнять работы по благоустройству и коллективному самообслуживанию;

= бережно относиться к имуществу учреждения;

= искоренять вредные привычки;

= соблюдать правила техники безопасности на производстве и в быту;

= выполнять производственные нормы и задания на местах, указанных техническим персоналом».

«Разделяй и властвуй», — гласит древняя римская поговорка. Подписывать «бумаги» или нет — личное дело каждого осужденного. Придумали их, конечно, мусора, для того чтобы разделить заключенных на два противоборствующих лагеря. С одной стороны, без «бумаг» не освободишься досрочно. С другой, не подписавшие их заключенные формально занимают в уголовной иерархии место выше тех, кто согласился с требованиями администрации. Хотя подписание «бумаг» еще и не означает, что ты должен соблюдать указанные в них правила. Те, кто не подписал, гордо именуют себя «порядочными». Все остальные для них «козлы».

Мои дни в «карантине» были на редкость однообразными: голодными, холодными и неопределенными. Столовая три раза в день, идиотские лекции в клубе на темы: «Убереги себя сам», «Человек среди людей», «Формула человеческого счастья», «Смысл жизни»… Цель нашего пребывания в колонии четко сформулировал капитан Роллтон: «Ваша задача — поменьше нарушать правила внутреннего распорядка, а наша — вас якобы исправить и поскорее на УДО (условно-досрочное освобождение) выгнать».

Распределения по отрядам в «карантине» ждут как манны

небесной: что в этом отряде? — а, «швейка». А в том? — «деревяшка». В каком отряде «локалка» побольше? Я хочу в тот, а я в этот — у меня там земляки и т. п. Меня распределили в седьмой.

Сразу оговорюсь, я не буду описывать все, что увидел в лагере, — подробное описание займет не одну книгу, а написать с мастерством Солженицына я пока не могу. Современный лагерь мало отличается от того, что видели Шаламов, Довлатов или тот же Солженицын. К тому же, пока сам не побываешь в зоне, ни одно, даже самое талантливое, описание не поможет тебе понять, что же это на самом деле. Поэтому я расскажу только то, что бросилось в глаза мне, современному молодому человеку без особых предрассудков, доселе незнакомому с советской лагерной системой.

Глава 52
Зачем работать, если можно не работать?

Работа не волк, в лес не убежит.
Народная мудрость

За границей основной вид исправительных учреждений — тюрьма. У нас — исправительная колония, она же зона, или, по-советски, лагерь. Сегодня колонии остались только на территории бывшего СССР, в Индии и Израиле. Даже Россия планирует с 2012 года отказаться от колоний: для опасных преступников будут тюрьмы, для всех остальных — колонии-поселения, где ты можешь проживать вместе со своей семьей.

По сути, наша современная система исполнения наказаний построена на идеологии ГУЛАГа. Колонии остались наследницами советских лагерей, когда считалось, что преступника можно исправить принудительным трудом. Отрядную систему (в одном отряде 80–130 человек) обосновали теорией о том, что труд и благотворное влияние коллектива являются лучшим средством воспитания. В тот период лагерная система была продолжением советской власти, одним из рычагов давления и получения дешевой рабочей силы. Министерство внутренних дел СССР обеспечивало одну шестую доходной части бюджета огромной страны. Советскому Союзу было выгодно иметь именно такую систему, где каждый заключенный был обязан что-то производить, выгодно было держать людей, которые в чем-то провинились, за колючей проволокой.

Сегодня на воле все изменилось, а в тюрьме осталось по-прежнему. «Труд заключенных больше не используется ради экономической выгоды, — заявляет руководство исправительных учреждений. — Он должен помочь человеку адаптироваться в обществе и привить ему навыки труда». Врут. Еще как используется. Правда, трудозанятость в белорусских колониях составляет всего 40 % — труд заключенных не сильно востребован. К тому же в вопросе занятости заключенных есть одно существенное противоречие: осужденные, которые заняты на производстве, должны сами оплачивать свое содержание (у них высчитывают 75 % заработка), а за тех же заключенных, не занятых на «промке», платит государство. Возникает вопрос: зачем работать, если можно не работать?

«Промка», или производственная зона, отделена от жилой зоны лагеря забором с колючей проволокой. В нашей зоне есть цех деревообработки («деревяшка»), «инструменталка» (чуть ли не единственное сохранившееся в Союзе производство двадцатилитровых стальных канистр) и «швейка». В Европе государство обязано в условиях лишения свободы обеспечить людям такие же зарплаты и условия труда, что и на воле. У нас же хорошо, если тебе заплатят $5 в месяц.

В моей секции живет Дэн. Наркоман тридцати лет. Курил «травку» в компании из трех человек. Дал «косяк» одному, затянулся сам, пере-дал другому. В итоге два случая распространения, статья 328.3 УК РБ, срок восемь лет. Конечно, судьи понимают, что давать восемь лет за один «косяк» — это слишком, но их руки связаны рамками Уголовного кодекса — часть 3 статьи 328 начинается от восьми лет.

Гражданства у Дэна нет никакого. А значит, сидеть ему «до звонка». Четыре года он по шесть дней в неделю вкалывал на «швейке», шил рукавицы и фартуки. Через неделю ему освобождаться. Единственный родственник, 99-летняя бабушка, умерла, не дождавшись его четыре месяца. Денег за все годы «ударного» труда Дэн не накопил. По освобождении ему, конечно, выдадут долларов пять на дорогу, но ехать-то ему некуда. Близких нет, денег нет, документов нет. Замкнутый круг. Отгадай теперь загадку: через сколько дней Дэн что-нибудь украдет? Правильный ответ: через два дня. В первый день страх вновь оказаться за решеткой будет еще велик, но потом голод, очень серьезный аргумент, возьмет свое и Дэн залезет в чей-нибудь карман. Или в сумку. И сядет. Выйдет — и опять сядет. И будет сидеть всю жизнь, проклиная свою судьбу, власть и нашу «исправительную» систему.

Глава 53
Зона строгого режима

Тюрьма — это только цветочки. Ягодки — лагерь. Именно там предстоит тебе сломиться или, изогнувшись, переродясь, приспособиться.

А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ

Что такое зона строгого режима? Место, о котором я могу рассказать тебе почти все, но ты все равно ничего не поймешь, пока сам в ней не побываешь. Место, где все перевернуто с ног на голову и не подчиняется здравому смыслу. Где штаны называют «шкарами», ботинки — «коцами», табурет — «каркасом», а пиджак — «клифтом». Где на год тебе положены две посылки по 30 кг, две бандероли, два длительных и столько же краткосрочных свиданий с родными. Место, где за тебя думает оперативник, а ты должен «знать свое место в строю, не разговаривать и только выполнять команды». Где у тебя нет никаких прав, а есть одни обязанности.

Построить коммунизм во всем мире, и даже в СССР, советским вождям не удалось. Зато получилось сделать это в лагерях. Одинаковая унизительная одежда, унизительно низкая зарплата, уравниловка в бесправии и полная социальная стабильность: накормят, оденут, еще и охраняют вдобавок. На воле нужно самому думать, как прокормиться, где жить и во что одеваться. Поэтому большинство заключенных боятся свободы. Воля пугает их своим безмерным разнообразием. Они так и говорят: «Ну куда я пойду?..»

В зоне их маршруты были определены на долгие годы. Четкий замкнутый круг: медчасть — барак — столовая — «инструменталка». Они хорошо знают лагерный мир и совершенно не знают другого, вольного. Поэтому, когда встречаешь людей, которые не хотят освобождаться, это уже не вызывает дикого недоумения. В СССР вон многим тоже нравилось.

На «восьмерке» отбывают наказание те, кто сидит не в первый раз. В Беларуси с недавних пор разделяют первоходов и ранее отбывавших сроки в лагерях. Действуют, как мне кажется, совершенно правильно, так как в той же России, если человека

осуждают по тяжкой статье, он сразу же попадает в строгую зону, к рецидивистам, и таким образом тюрьма превращается в «кузницу преступности».

Утро начинается с подъема в 6:00. В 7 часов — утренний просчет. Потом завтрак в столовой. Дальше индивидуально: одни на работу, другие спать, а кто просто прогуливаться в «локалке». Турник, брусья, нелегальное «железо» — самодельные гантели и штанги, баня — шесть кранов с вялотекущей водой, книги, службы в церкви, телевизор с одними и теми же фильмами и идиотскими музыкальными клипами — если не вкалываешь на «промке», можно хоть целый день посвятить себе. Но это у нас, на «восьмерке», — в других командировках тебя раза четыре за день выведут в клуб на всякие «воспитательные» мероприятия, не говоря уже об обязательном выходе в столовую. День заканчивается в 22 часа.

Вся территория зоны разделена на ряд локальных участков, в каждом из которых расположены бараки — общежития на два отряда. В каждом бараке есть секции — спальные комнаты, ленинская комната — в ней установлены телевизор, умывальник, туалет, вещкаптерка и кабинет начальника отряда (по-нашему — отрядника). Шконки в секциях расположены в два яруса.

Передвигаться по территории колонии мы должны организованно, строем, поодиночке — только при получении разрешения от администрации. Но при желании попасть в другой отряд труда не составляет.

На территории жилой зоны есть также клуб, столовая, баня, медчасть, библиотека, вечерняя школа, штаб лагерного начальства и церковь. По периметру зона ограничена двумя «запретками» — полосами вскопанной и разровненной земли, хорошо сохраняющей следы наступившего на нее, колючей проволокой и вышками с автоматчиками.

В Европе заключенным часто разрешают носить свою собственную одежду. Уже двадцать лет назад в европейских пенитенциарных правилах было сказано, что «одежда заключенных ни в коем случае не должна быть позорящей или унизительной. К тому же непривычность и однообразие тюремной униформы могут только усугубить чувство ожесточенности».

В белорусской зоне все иначе. Предметам быта, которые являлись привычными на воле, здесь придается новое, гиперболизированное значение из-за дефицита таковых. В зоне своя шкала материальных и нравственных ценностей. Кочан капусты вызывает здесь не меньше эмоций, чем изысканное ресторанное блюдо, а новый спортивный костюм делает тебя богачом в глазах окружающих. Здесь запрещены вязаные свитера

и рубашки-поло — можно только майки без воротника. Нельзя опускать «уши» на шапке-ушанке и поднимать воротник телогрейки (непонятно тогда, зачем они вообще существуют). Под запретом моющее средство для посуды, гель для душа, разные «умывалки», дезодоранты и даже зубочистки. Зато можно зубной порошок, которого я не видел в продаже уже лет двадцать. На все неудобные вопросы ответ один: «Не положено».

Здесь запрещены порножурналы (по-нашему — «мурзилки») и любые издания с намеком на эротику. Playboy, который есть в каждом киоске «Союзпечати», мне на руки не выдают — начальник колонии считает его порнографией. «Мы его на склад положим, при освобождении заберешь — будет что почитать в электричке», — говорят мне в библиотеке. И то правда, через десять лет годовая подшивка Playboy будет иметь коллекционную ценность. Под это же определение начальник колонии, главный цензор, подводит журналы FHM, XXL, Maxim и даже… Men's Health.

Если бы не телевизоры, DVD-плееры и мобильные телефоны, ты бы ни за что не поверил, что находишься в XXI веке.

Глава 54
Не все коту масленица

Недавно мне в руки попала любопытная статистика: что не устраивает осужденных в нашем лагере? Выяснилось, что 24 % не устраивает лечение в медчасти, 52 % — питание, 33 % — механизм получения посылок и бандеролей.

Медчасть в нашем лагере расположена в том же здании, что и «карантин». Кабинеты врачей, процедурная, лаборатория, операционная и несколько палат стационара. Правда, находится все это на третьем этаже, и пожилому человеку (есть у нас отдельный отряд стариков и инвалидов, мы называем их «викингами») подняться туда порой сложновато.

Конечно, заключенные жалуются, что в медчасти нет необходимых лекарств и что плохо лечат — но это известная болезнь бесплатной медицины на воле, а в тюрьме и подавно. К тому же особенностью исправительных учреждений Беларуси является не покамерная, а отрядная система содержания, где в одной секции могут находиться и сорок человек — при такой скученности заражение туберкулезом происходит очень быстро. Кстати, механизм развития туберкулеза до сих пор не выявлен. Известно только, что палочка Коха — возбудитель болезни — присутствует в организме каждого третьего жителя Земли, но что именно «пробуждает» ее и вызывает развитие заболевания, до сих пор неизвестно. Кто разгадает эту загадку, получит Нобелевскую премию.

Кормят нас три раза в день: завтрак, обед и ужин. И кормят, по словам старых сидельцев, еще неплохо — лет десять назад и половины того в пайке не было. На завтрак овсянка, сваренная на молоке, перловка, в последнее время все чаще сечка и «комбикаша» — микс из овсянки, сечки и перловки. В обед дают какой-нибудь безвкусный суп, состоящий из воды и небольшого количества свеклы и капусты (ни одной картошки), на второе — потемневшие макароны-рожки с ошметками свиных или куриных шкурок, картошка вперемешку с кислой капустой или горох опять же вместе с перловкой. Непонятно, почему бы не дать сегодня горох, а завтра перловку? Обязательно нужно намешать, как свиньям…

Все три блюда: первое, второе и компот — приходится есть из одной алюминиевой «шлемки», причем помыть ее между сменой блюд негде. Как, впрочем, и руки перед едой. Хорошо хоть, что готовят на пару — невкусно, зато здоровое питание.

На ужин дают вареную картошку, капусту и такую же «комбикашу», что и на завтрак. Нередко дают вареную рыбу. От мяса, к сожалению, остался только запах — работники столовой, такие же зэки, воруют и продают. Граммов семьсот вареной курицы можно купить за две пачки сигарет Winston. Правда, «пробить» такой канал очень сложно. Потому что в лагере все на виду, и зависть одних не дает жить другим. Поэтому если чем разжился, какую лазейку надыбал — молчи! Молчи, а то соседи узнают — затопчут.

За сигареты в зоне можно купить все. Начиная от молока (полпачки за литр) и заканчивая мобильником. Основная расчетная единица — это Winston. Ведро «бульбы» стоит четыре Winston, диета на месяц (полбуханки белого хлеба, «шайба» сливочного масла и 650 г молока каждый день) стоит двенадцать пачек. Продают диету люди, которым она назначена по медицинским показаниям.

Из молока я делаю кефир: кладу пакет молока на батарею и жду, пока скиснет. Подержать лишний день — можно получить неплохой творог. Из свекольного салата, что продается в местном ларьке, можно приготовить неплохой борщ. Добавляешь пару картофелин, делаешь зажарку из сала и лука и варишь все это на самодельной нелегальной электрической плитке. Из рыбы, которую дают в столовой, мы делаем котлеты. Из сладкого чая выращиваем чайный гриб. Напиток, который из него получается, с недавних пор получил признание во всем мире и называется «комбуча». Из рисового гриба получается что-то наподобие слабоалкогольного рисового пива.

В зоне практически нет овощей и фруктов и почему-то не выдают сахар. Не продают его и в магазине учреждения. Мусора говорят, что это для того, чтобы мы брагу не ставили. Конечно, сахар достать можно. Правда, обойдется он в $3–5 за 1 кг. Заменители сахара тоже не пропускают. По причине алкогольных экспериментов запрещен и мед, хотя если кто захочет выпить — в ларьке свободно продаются повидло и карамель. Добавляешь самодельные хлебные дрожжи, воду и ставишь в теплое место…

В столовую можно не ходить самому. За $3–5 в месяц твою пайку приносят в отряд специально обученные люди. Пренебрежительно их называют «конями». Более ласково — «помощниками». Одним из них платят больше, другим меньше, третьи за эти деньги еще и посуду моют. Рыночные отношения пробрались и за решетку. Кто-то, конечно, работает и бесплатно — из страха.

Кое-что из продуктов можно купить в магазине учреждения. «Отоварка» — так мы зовем эту нелегкую процедуру — два раза в

месяц. Почему «нелегкую»? Потому что размеры магазина всего два на три метра, а набивается туда порой человек под тридцать. Реальных покупателей из них не больше половины, остальные — просто любопытные. Государство разрешает нам тратить на себя примерно $40 в месяц. Если на тебе висит иск по уголовному делу, сумма «отоварки» уменьшается раз в десять. За эти деньги нужно исхитриться купить еды, чая, сигарет, туалетной бумаги, ручек, конвертов, да много чего еще. Причем все товары в ларьке самого низкого качества — выбора-то у зэков нет, что ни дай — все равно раскупят.

Конечно, ограничение на сумму «отоварки» можно обойти. Никто не мешает отправить деньги на лицевой счет человека, у которого нет иска и который не греется с воли.

Точно так же обходится и ограничение на количество посылок. Выдают их через маленькое окошко на улице всего два часа в день. При этом на дворе, где ты ждешь своей очереди (куда ж без очередей-то в коммунистической системе!), может быть и минус тридцать… Не пропускают многое из того, что можно даже в СИЗО: приправы, крупы быстрого приготовления, мед, сухое молоко, картофельное пюре, хурму, гранаты, виноград, изюм и многое другое. Knorr, оказывается, — это не бульон, просите у родных «Галину Бланку»… Менты, может быть, и рады бы отдавать нам все, что приходит в посылках, но у них список разрешенных вещей еще от 80-х годов прошлого века, который с незначительными изменениями раз за разом переиздается и в котором до сих пор присутствует зубной порошок…

Глава 55
От хорошей жизни писателями не становятся

— А правда, что все журналисты мечтают написать роман? — Нет, — солгал я.
С. Довлатов. Компромисс

Начиная с той минуты, когда мы родились, время — это все, что у нас есть. Люди могут отобрать у нас вещи, лишить имущества, но никто — разве что ценой убийства — не в силах лишить нас времени, если мы только сами не уделим его кому-нибудь. Даже в тюрьме наше время принадлежит нам, если мы его используем в своих целях.

Я читаю книгу Роберта Грина «33 стратегии войны» и размышляю над стратегией своего освобождения. Я использую не только весь ум, которым располагаю, но и тот, который могу взять взаймы. Я оградил себя от общения с неприятными мне людьми, редко выхожу из секции и почти все время пишу книгу.

Работать над ней я начал давно, с первых дней моего нахождения в жодинском следственном изоляторе. Правда, в то время она выглядела как заметки о моей любимой женщине, размышления о недавних событиях, все то, что меня волновало и что я, понятное дело, не мог обсуждать с сокамерниками. Я словно заново переживал моменты, которые описывал, и это сильно помогало мне в первые месяцы в тюрьме. Зачем я это делал? Я и сам толком не знал, просто не мог сидеть без дела. А потом мне на глаза попалось интервью Сергея Юрского, лучшего исполнителя роли Остапа Бендера: «Не для того, чтобы вбить в голову определенные идеи, пишется книга или ставится спектакль, а для того, чтобы показать читателю или зрителю пример. Пример самый разный: добра, зла, взаимоотношений добра и зла, анализа того, что в человеке спрятано и теперь вытянуто наружу». Честно говоря, я считаю, что десять лет моей жизни, которые я посвятил криминалу, были прожиты зря. Слишком высока цена, которую приходится платить за несколько лет веселого и безбедного существования. Одно из преимуществ зрелого возраста в том, что начинаешь наконец понимать, что для тебя важно. В двадцать лет понять это трудно.

Еще полгода назад мне казалось, что у меня нет никакого

выбора: дадут срок — судя по всему, немалый — и придется сидеть. Пять-шесть лет. Без нарушений. И освобождаться условно-досрочно. Такую «роскошь» я себе позволить не мог.

Второй вариант я назвал «биться головой о стену»: писать жалобы, приводить аргументы и просить скинуть три-четыре года. Позже, вспоминая, как все мои обращения в различные судебные инстанции наталкивались на стену неприятия, я отказался от этой затеи ввиду ее очевидной бесплодности.

Поэтому я избрал третий курс, полагаясь частично на разум, частично на интуицию, — дописывать книгу, просить помилования и делать все, чтобы моя просьба дошла до монарших ушей. К тому же работа над книгой помогала мне не сойти с ума, позволяла отгородиться от лагерной «бытовухи» и не замечать всех тех ублюдков, которые меня здесь окружают.

От хорошей жизни писателями не становятся…

Глава 56
Femme fatale [6]

Она пахнет так, как, наверное, пахнут ангелы… Господи, как же я ждал этого момента… пусть не здесь и не сейчас, но я мечтал о том, чтобы в один прекрасный день Катя стала моей женой.

На строгом режиме два длительных (до трех суток) и два краткосрочных (через стекло и телефонную трубку) свидания в год. Если не сидеть сложа руки, можно получить еще четыре в виде поощрения и таким образом видеться с родными каждые два месяца. Для этого нужно активно участвовать в жизни отряда: рисовать открытки и стенгазеты, играть в шашки-шахматы, защищать честь отряда в спортивных состязаниях, петь караоке или читать стихи либо делать что-то для зоны, например ремонты в бараках, или вкалывать на «промке».

Обходится возможность увидеться с близкими в $20 в сутки — именно столько ты должен заплатить за комнату в лагерной гостинице. Люкс в лучшем отеле Гомеля стоит дешевле.

— Я к тебе из сказки пришла, — сказала мне Катя, когда официальная часть нашего бракосочетания, включающая обмен кольцами, обязательное «объявляю вас мужем и женой» и неподходящие к данной ситуации свадебные платья некоторых невест, была закончена и мы оказались в нашей комнате.

— А из какой?

— Из доброй, — Катя улыбнулась самой хитрой из своих улыбок.

— Выгнали? Шучу. А если серьезно, то из какой?

— Я… я из триллера.

— Помнишь, как мы познакомились?

— Помню, конечно. У тебя на «Мамбе» ник Versus был.

— Может, ты еще знаешь, что такое «versus»?

— Знаю, это вторая линия Версаче.

— Очень смешно.

— Versus переводится с латыни как «против». Видишь, какая у тебя жена умная?

— Еще и самая красивая… — я поцеловал Катю в губы и завалил ее на кровать.

Она совсем не изменилась за полтора года, прошедшие с тех пор, как я обнимал ее в последний раз. Но теперь ее глаза стали еще более родными и близкими. Боже, за что все это наказание? Она говорит, что живет лишь надеждой, что я найду способ

поскорее выбраться отсюда, что я нужен ей там, дома, рядом с ней, что она порой ругает себя за то, что ждет меня, теряя годы жизни, но ничего не может с собой поделать.

В первый день на «свиданке» все чувства еще спят: запаха и вкуса не ощущаешь — все это вернется только назавтра. И все время куда-то спешишь: кажется, что не успеешь наговориться и насладиться друг другом, как за тобой уже придут. А на третий день оказывается, что этого времени вполне достаточно. Не для нас, заключенных, — я бы и на неделю ходил — никаких тебе проверок, мусорских рож, просыпаешься не от звука сирены, а от поцелуя любимой женщины, — но для наших родных это тяжеловато.

— Если б меня посадили, я бы, наверное, точно умерла, — заявила Катя на третий день. — Не выйти никуда, все забором обнесено, и даже небо «в клетку»… Хоть бы окно какое, чтобы за зону выходило — видеть, как люди ходят… было бы легче. Да и бока уже от «постельного режима» болят…

— Ты мне книгу привезла, что я просил? — перебил я Катю. — «Замурованные» Ивана Миронова.

— Ага.

— Давай сюда.

— Можем по ней погадать, кстати.

— Каким образом?

— Очень просто: берешь книжку, которую еще не читал, загадываешь номер страницы и строку, открываешь и читаешь. Подобным образом, бывает, в Библии ответы на свои вопросы ищут. Давай, ты первый.

— Ну хорошо, страница 202, первая строка сверху.

— Сереженька, хочешь, я тебе три раза дам?

— Спрашиваешь! Конечно, хочу.

— Да не, это в книге написано. Вот, смотри…

— Не важно, иди сюда…

Интерьеры на «свиданке» сильно напоминают общежитие 1980-х годов. Две душевые, которые почему-то закрываются после 22:00. Два советских холодильника на кухне, вытесанные топором чугунные чайники, алюминиевые сковородки и кастрюли, допотопные электроплиты — и к этому богатству доступ также перекрывается после десяти. Спрашивается, почему? Ладно, мы, заключенные, привыкшие ко всему, но к нам ведь приезжают свободные, ни в чем не виновные люди, которые к тому же платят по $20 в день за возможность побыть с нами.

Туалеты ужасны (лучше не описывать), из всех кранов (и даже сливных бочков унитазов) льется только горячая вода, и нужно десять минут крутить вентили, чтобы добиться более или

менее приемлемой температуры.

На тридцать комнат в нашем «Хилтоне» всего один баландер-уборщик, поэтому даже минимальной чистотой здесь не пахнет. Посуды в комнатах нет, даже кружки и ложки приходится везти с собой. Телевизоры есть лишь в пяти комнатах, в остальных — белорусское радио, да и то не во всех. Вместо штор — два замызганных клочка фиолетовой ткани, да и те шириной всего в… десять сантиметров. Продавленные скрипучие кровати, все в подозрительных пятнах покрывала и отключенные (это в мартето!) батареи.

— Ты в курсе, что твой телефон на «прослушке»? — перед расставанием спросил я у Кати.

— Да, знаю, … говорил. Только я не понимаю — для чего? Ты ведь уже сидишь…

— Видимо, хотят выйти на след моего брата. Хотя это у них не получится — даже я не знаю, где он. Помнишь, как дедушка Ленин письма из тюрьмы писал?

— ?..

— Хотя откуда тебе знать, в ваше время про Ленина в школах уже не проходили… Писал он их молоком, которое наливал в чернильницу, сделанную из хлебного мякиша. Когда однажды за этим занятием его застал надзиратель, Владимир Ильич просто съел чернильницу. Чтобы прочесть написанный молоком текст, бумагу с посланием надо подержать над пламенем свечи. Ну или прогладить утюгом — так удобнее. Вместо молока можно лимонный сок использовать — эффект тот же. Так что если получишь от меня когда-нибудь письмо, помеченное необычным образом, — прогрей его утюгом.

— Напрягает все это, конечно, Сережа… О личном уже не поговоришь…

Две ночи подряд Катя плакала у меня на плече, а я успокаивал ее, обещая, что скоро все у нас будет хорошо. Хотя, признаться честно, и у самого в тот момент в глазах стояли слезы. Но женщина не должна видеть мужских слез. Был бы один — было бы легче. Дали срок — и сидишь. А теперь я в ответе и за ее будущее.

За границей руководство пенитенциарной системы стремится к тому, чтобы заключенные поддерживали более тесные связи со своими семьями и внешним миром. Это помогает разрушить чувство изолированности, неизбежное при лишении свободы, и дает заключенному возможность относительно легко вернуться в общество. У нас же — два телефонных разговора в месяц и две длительные «свиданки» в год. Да и тех могут лишить за какую-нибудь провинность…

Глава 57
Их нравы

Я — зицпредседатель Фунт. Я всегда сидел. Я сидел при Александре Втором «Освободителе», при Александре Третьем «Миротворце», при Николае Втором «Кровавом»… — и старик медленно загибал пальцы, считая царей.

Из к/ф «Золотой теленок»

Мы редко видим, что наши проблемы порождены нашей собственной глупостью и неверными поступками. Нам нужно обвинить кого-либо или что-либо — окружающих, власть, богов, обстоятельства, а тогда и спасение должно прийти извне. У белорусских зэков во всем виноват… Лукашенко. При этом они часто любят повторять: «А вот в Америке…»

Что в Америке?! В Калифорнии вон от двадцати пяти до пожизненного за третью судимость дают, а у наших зэков по восемь судимостей в двадцать три года — и ничего. Или взять американские тюрьмы особо строгого режима supermax, где заключенные постоянно находятся в камерах, там же едят, а заниматься физическими упражнениями или смотреть телевизор им разрешено всего полчаса в день. В колонии-то уж точно полегче, чем в камерной системе!

В Италии попавшие в тюрьму боссы мафии полностью отграничиваются от общения с внешним миром, находятся под постоянным видеонаблюдением, а единственные посетители, с которыми им разрешено общаться лично, — их адвокаты.

Конечно, у нас еще не Голландия, где у каждого заключенного комната площадью примерно 12 квадратных метров, с душем, туалетом, умывальником, холодильником, телевизором и радио, больше напоминающая номер в трехзвездочном отеле. Где меню определяет сам заключенный: овощные, мясные, рыбные блюда, супы, фрукты, компот, соки. В месяц в тюремном магазине можно потратить около 400 евро, и это искусственное ограничение установлено лишь для того, чтобы осужденные, которые не «греются» с воли, не чувствовали себя ущемленными. Работать обязаны и работают все минимум четыре часа в сутки. Каждый заключенный зарабатывает около 80 евро в месяц. Работа входит в программу для того, чтобы человек не

разленился и чувствовал себя полезным членом общества. Государству содержание одного заключенного в день обходится в сумму 100–150 евро (в США — $70–110, в Беларуси — $5). В Голландии главное, для чего человек находится в тюрьме, — просто срок отсидеть или чтобы изменить себя, свое поведение, свои наклонности.

Основная цель большинства заключенных в белорусской зоне — это выживание, поэтому в ходу интриги и желание занять место получше. «Блатные» места в зоне — это, конечно, столовая, баня, клуб и всякие склады. При решении любого зависящего от него вопроса закоренелый зэк обязательно создаст видимость проблемы на ровном месте, напустит глубокого туману. Это в характере зэков: рассказами набивать себе цену. Лицемерят здесь все. Сидишь ты в секции, наливаешь себе молоко в кружку. Заходит кто-нибудь:

— Приятного аппетита!

— Так я ведь не ем ничего! — отвечаешь ему.

— А я на всякий случай, чтобы не показаться невежливым…

У большинства наших зэков отсутствует культура поведения, питания, общения. Если бы менты не заставляли их хоть иногда стричься, бриться и следить за своим внешним видом, многие превратились бы в свиней. Кажется, что даже водопровод многие сидельцы увидели только в тюрьме. Умывальник — он ведь для того, чтобы умываться, а не рыбу в него чистить или хлеб бросать. А сделаешь замечание — очень много нового о себе узнаешь. И все любят повторять: «Вот а раньше…» — и давать советы. Такое уж государство нас воспитало — советское.

Слухи здесь расходятся с такой быстротой, что через час о каком-либо событии говорит вся зона. Это, наверное, единственное место в мире, где звук движется быстрее света. О чем говорят? В основном об амнистиях и смягчении отдельных законов. Сами придумываем, сами верим.

Особенностью преступного мира Беларуси является то, что профессиональных преступников — людей, живущих только за счет криминала, — здесь практически нет. Все наши воры в законе либо давно в земле, либо объезжают Беларусь стороной, а оставшиеся «авторитеты» надежно упакованы в «крытые». Все остальные — «джентльмены удачи»: украл, выпил — в тюрьму. С такими «ни украсть, ни покараулить».

Вот берет у тебя сосед по секции взаймы пару пачек сигарет. Для тебя это пустяк, к тому же в первое время в зоне тебе трудно кому-то отказать, сказать твердое «нет». Ты еще думаешь, что люди лучше, чем они есть на самом деле, и что уж в зоне строгого режима точно все должны отвечать за свои слова. А получается

как в фильме «Бронкская история», когда мафиози Сонни, видя, как его воспитанник Колоджеро остановил машину, вышел из нее и погнался за каким-то мальчуганом, спрашивает:

— Что ты делаешь?

— Да он мне должен $20, — отвечает Колоджеро.

— Не можешь изменить ситуацию — измени отношение к ней. Если кто-то задолжал тебе $20, но не спешит их отдавать — воспринимай это как божественное знамение. Ведь ты легко отделался, заплатив всего $20 за то, чтобы никогда больше не видеть этого негодяя и не иметь с ним дела…

Мусора здесь тоже не держат своего слова. Отдаешь Роллтону заявление, к примеру, на роспись с любимой. День, два, неделя — тишина. «Где заява?!» — спрашиваешь у Роллтона. «Я отнес ее начальнику», — отвечает жирный капитан. А после выясняется, что он на твоем заявлении сало порезал и все вместе выбросил.

Полстраны сидит,
Полстраны их стережет,
А я бы хотел стать птицей вольной.
Может быть, и тебя уже ждет статья,
А кого-то ждет жизнь свободная…

Глава 58
Исправительный процесс

— Что делаешь? — однажды спросила меня Катя по телефону.

— Стенгазету рисую.

— Что рисуешь?!

— Стенгазету…

— Совсем рехнулся? Мужику тридцать лет, а он рисует стенгазету…

— Я вчера еще в конкурсе чтения стихов участвовал. Как в первом классе, блин… Грамотой наградили.

— Да… прямо back to USSR…

— А это и есть СССР. Тут все, как в 1960-е. Стенгазеты, плакаты, наглядная агитация, пропаганда… Все фальшиво и искусственно. И уж точно никому в XXI веке не нужно…

— Чем ты еще там занимаешься? Библиотека у вас хоть есть?

— Библиотека есть. Да читать в ней нечего. Русская классика меня не интересует — в школе начитался, Донцова и Маринина — тем более. Остальной фонд — труды классиков марксизма-ленинизма…

Недавно написал в Министерство образования — поинтересовался, могу ли я дистанционно обучаться в вузе, находясь за решеткой. Выяснилось, что могу, но «на практике этот процесс не организован». Хотя в соседней России заключенные беспрепятственно оканчивают институты, пока «мотают» срок.

Самое страшное в лагере — это изолированность от общества и безделье. Как следствие — постепенная деградация. Уже через год ловишь себя на мысли, что ты с трудом подбираешь слова, когда разговариваешь с кем-нибудь на воле. Фразы больше не получаются такими стройными, как раньше. В некоторых белорусских зонах есть курсы английского языка и компьютерной грамотности, а у нас на «восьмерке» один компьютер на всю зону. Да и к тому доступ строжайше запрещен.

Помню, приходит перед Новым годом Михаил Самуилович Люхтер — старший инструктор по воспитательной работе, неплохой, в сущности, мужик — и говорит:

— Пацаны, нужно, чтобы кто-нибудь из отряда несколько новогодних подарков купил: детям вашим к празднику отправим.

Я и взял пять. Подписал открытки, вложил внутрь каждого подарка и жду, когда их отправят. День, второй, неделю. В середине февраля мы эти конфеты съели сами.

Такой вот, понимаешь, «исправпроцесс»…

Глава 59
Путь к досрочному освобождению

Газета «Трудовой путь», которую мы называем «козий путь» или «сучка» и которую нас добровольно-принудительно заставляют выписывать, твердит нам: «Погашение иска — путь к освобождению», а по всей зоне висят плакаты: «Осужденные, внимание! Возмещение морального и материального ущерба является одним из важнейших критериев УДО»…

Во Франции ежегодно условно-досрочно освобождают около 40 % осужденных. В России — около 10 %. В соответствии с белорусским Уголовным кодексом покинуть зону раньше срока можно только при условии полного возмещения причиненного преступлением ущерба. С точки зрения государства мера абсолютно правильная. С другой стороны, с каких доходов заключенный должен выплачивать иск? С зарплаты в $5?! Иски есть у 80 % осужденных, поэтому на УДО из нашей зоны уходят не более 3 % от общего числа заключенных.

В голландской тюрьме срок заключения делится на три фазы: превентивная, средняя, заключительная. Если в первой фазе человек ведет себя хорошо, то судья переводит его в среднюю фазу. В этой фазе заключенному предоставляется возможность проводить выходные дома. Самая либеральная — заключительная фаза: в ней осужденный может днем работать в городе, а вечером возвращается в тюрьму, то есть фактически он находится в тюрьме только пять ночей в неделю.

Каждый случай нарушения закона в Голландии рассматривается индивидуально. Недостаточно знать, что человек ограбил магазин потому, что ему нужны были деньги: они нужны многим, но на грабеж идут единицы. Для голландцев важно, что толкнуло человека на решение своих проблем таким способом, какова глубинная мотивация поступка. В этом заключается философский подход к воспитанию.

Если поведение заключенного во Франции не вызывает нареканий (является примерным), он может воспользоваться льготой сокращения наказания на три месяца ежегодно, а если он к тому же судим впервые, то на него распространяется еще одна дополнительная льгота в виде ежегодного двухмесячного сокращения наказания. Таким образом, впервые осужденный при примерном поведении из двух лет лишения свободы реально отбывает только четырнадцать месяцев, и это без всякого условно-досрочного освобождения. В свое время в Беларуси также

существовало нечто подобное (так называемые «зачеты»), но потом от них отказались ввиду постоянно ужесточавшейся уголовно-исполнительной политики.

В Америке срок твоего УДО назначает тот же судья, который рассматривает твое уголовное дело. Хамза Заман, мой американский подельник, который получил четыре года, сможет претендовать на условно-досрочное освобождение через три года. Макс Рэй Батлер, получивший тринадцать лет, сможет выйти на свободу через одиннадцать. Еще одному моему знакомому из двенадцати лет достаточно отсидеть всего два…

Имеющаяся сегодня в Беларуси система условно-досрочного освобождения практически в неизменном виде дошла до нас со времен ГУЛАГа. Правда, если в сталинских лагерях достаточно было отсидеть две трети срока наказания, то сегодня мне, осужденному по особо тяжкой статье (за кардинг у нас дают больше, чем за убийство), — уже три четвертых. Невзирая на то, что иска у меня нет и никакого ущерба гражданам или интересам Беларуси я не причинил.

К возможности условно-досрочного освобождения заключенных надо подходить индивидуально, после многих бесед осужденных с квалифицированными воспитателями и психологами. Потому что сегодня неважно, что у человека в голове, — отсидеть до УДО, в зависимости от тяжести статьи, он должен половину, две трети или три четвертых срока наказания. А исправился он или нет, с какими мыслями он выходит на свободу — это никого не волнует. Всех под одну гребенку! Одинаковые стрижки, одинаковые костюмы фабрики «Коминтерн», одинаковые «Волги» и «Жигули»… У нас сажают не для исправления, а для обезвреживания, для чистой изоляции.

Белорусские законы вообще во многом парадоксальны.

Взять, к примеру, статью 88^1 нашего Уголовного кодекса: украл у государства миллион, попался, возместил полтора миллиона и… гуляй.

Я же причинил ущерб только Соединенным Штатам, тем не менее воспользоваться «льготами», которые предлагает статья 88^1, я не могу. Потому что в Уголовном кодексе подобную ситуацию просто не рассмотрели.

К 65-летию победы в Великой Отечественной войне в Беларуси вышла очередная амнистия (мы называем ее «массухой»). Моя особо тяжкая 212-я статья подпадает под нее следующим образом: я должен погасить иск, отсидеть одну треть, и гуляй Вася. Подчистую! То есть государство дает мне возможность освободиться, отсидев всего три с небольшим из моей «десятки». Только бы я погасил иск. Отлично! Давайте счет,

куда переводить деньги. Займу у друзей, если не хватит. Правда, в моем приговоре присутствуют и другие статьи, которые значительно мягче основной, но под амнистию они не попадают. В условиях, когда средний срок лишения свободы составляет у нас свыше восьми лет, а 47 % заключенных осуждены за экономические преступления, подобные противоречия в законах просто недопустимы…

Глава 60
В новый год без телефона!

В начале 2011 года я все еще продолжал работать над книгой. Ее написание заняло на порядок больше времени, чем я рассчитывал. Самое сложное в писательском деле — излагать свои мысли кратко, но в то же время ясно и не углубляться в собственные переживания, не забывать, что книга пишется для других.

Наконец-то у меня появился собственный телефон, Nokia n97. Прячу я его в специально оборудованной «нычке» — под фальшивой завесой в оконной раме. Ты, конечно, понимаешь, что захоти я и дальше продавать дампы — все это можно делать и с телефона. Вместо этого я день за днем пишу книгу. И даже вырвал из блокнота лист своих должников. Ведь почему я сел во второй раз? Когда я освобождался с Володарки, я не собирался возвращаться к кардингу. Я начал работать над созданием водки и занялся спамом и рекламой. На момент освобождения мои прежние партнеры и клиенты были должны мне примерно $400 тыс. Вернуть деньги многие возможности не имели и просили обеспечить их «материалом» для работы, чтобы они могли побыстрее рассчитаться. Пришлось поставлять им дампы и понемногу забирать свое. Так я сам не заметил, как снова вернулся к кардингу. Это как с привычкой курить: вот ты «завязал», уже полгода не куришь, а потом делаешь одну-две затяжки — и через неделю ты снова в «системе».

Телефоны в зоне есть только у тех, кто может себе это позволить. Стоят они здесь раз в десять дороже, чем на воле. Поэтому на весь лагерь дай Бог если наберется десять «трубок». Но при желании можно достать хоть iPhone. В одних зонах их больше, в других — меньше, в третьих вообще телефоны в официальных бумагах не показывают, но то, что они есть даже в самом «красном» белорусском лагере, — это факт. Попадают они в зону тремя способами: «вбросами» — когда телефон помещается в жестяную банку из-под кофе, свободное пространство заполняется монтажной пеной, все это плотно обматывается целлофаном «с пупырышками» и скотчем и перебрасывается через забор; «ногами» — приносят мусора, что сейчас встречается крайне редко, поскольку Шульгин, теперешний начальник лагеря, свел коррупцию в лагере на нет; и через вольнонаемных мастеров на «промке». Правда, иметь собственную «трубу» в зоне с каждым днем становится все опаснее. Причина всего в одном человеке —

чересчур амбициозном «режимнике», который до прихода в режимную часть работал начальником лагерной хлебопекарни.

Первый раз я увидел его, еще будучи в «карантине»: какой-то молодой самовлюбленный мент завернул нас от столовой и заставил проделать обратный путь строевым шагом — мол, «начальник лагеря наблюдает через видеокамеру, как вы идете».

— Что это еще за клоун? — поинтересовался я у кого-то из парней в строю.

— Федоненков. «Погоняло» — Генерал. Поговаривают, что женат на племяннице Шульгина, вот и выслуживается, падла…

До появления Пекаря (теперь мы называем Федоненкова только так) в лагере мобильники никогда не прятались дальше тумбочки. Теперь же «шмоны» не прекращаются ни днем, ни ночью.

Поначалу я доставал рабочий график Пекаря и звонил только тогда, когда его не было в зоне, но на второй месяц Пекарь стал здесь просто жить, и уже никто из заключенных не знал, когда он работает, а когда отдыхает. Тогда же начались и ночные облавы (раньше после 22:00 никогда не шмонали) и разные фокусы с маскарадом: в темное время суток мусора переодеваются в зэковские робы и телогрейки, вместе с толпой зэков возвращаются с ужина, а дойдя до отряда, тут же сбрасывают «телаги» (чтобы была видна мусорская форма) и бегут в секцию «телефонистов». Одно время по зоне даже гуляли календарики со слоганом «“Пекарь и К°” — в Новый год без телефона!».

— Тексты мои где? — спросил я Федоненкова через пару дней после того, как он вдруг ни с того ни с сего забрал мои рабочие материалы по книге.

— У начальника лагеря. Если он их, конечно, еще не выбросил… У него забирай.

— Вот еще, стану я серьезных людей от работы отвлекать. Ты две тетрадки забрал — я три напишу. Заберешь и их — ты же на хорошем счету у начальства, тебе все позволено, — я все равно писать не перестану. А из памяти моей ты ничего не сотрешь.

— Тебе не надоело? Только приключений себе ищешь… Ну зачем тебе про лагерь писать? Мне, кстати, не понравилось, как ты обо мне высказался: «Амбициозен, мечтает о кресле замминистра внутренних дел, хотя его потолок — зампорор (заместитель начальника колонии по режимно-оперативной работе)».

— Правда не всегда нравится тем, кто старается ее избежать, — ответил я цитатой из Довлатова.

— А почему ты уверен, что мне не стать замминистра?..

— Ну хорошо, давай я тебе анекдот расскажу.

«Мальчик разговаривает с дедом-генералом:

— Деда, а я, когда вырасту, капитаном буду?

— Да, внучек, будешь.

— А полковником?

— Ну, послужишь немного, окончишь военную академию — сделаем тебя и полковником.

— Дед, а генералом буду?

— Ну, будешь и генералом.

— А маршалом?

— Нет, маршалом ты не будешь. У маршала свой внук есть…»

— Ай, ну тебя, — замахал руками Пекарь. — Может, я вообще в политику пойду…

— Вот! Точно, иди. В России есть Жириновский, а у нас как раз тебя не хватает. Чего ты вообще ко мне прицепился? То книгу не пиши, то телефон тебе принеси… Сижу себе спокойно, никуда не лезу, зоне помогаю — ремонт в отряде за свой счет сделал, музыкантам в клуб микшерский пульт купил, фильмы вам нет-нет да монтирую, церкви помогаю… Хватает ведь тебе «мишеней» в лагере — самый последний заготовщик звонит… Вот их и долби.

— А не надо зоне ничем помогать — вы сюда сидеть приехали. Микшерский пульт он купил…

— Да в Беларуси привыкли ничего не делать и деньги за это получать. Разбаловал вас Лукашенко.

— Ладно, неси свой телефон.

— Какой телефон, Викторович?! (Мусоров в зоне мы чаще всего называем по отчеству.) Нет у меня никакого телефона.

— А мне сдали, что есть… Или ты сомневаешься? — Пекарь откровенно любовался собой.

— В твоих способностях, Викторович, я не сомневаюсь, — подогрел я его тщеславие, — опутал уже всю зону агентурной сетью…

— Не отреагировать я не могу. Иначе пойдут выше, к моему начальству, и скажут, что я тебя «крышую». А я даже своего родного брата прошмонаю, если узнаю, что он в зону «трубу» несет…

Я не стал ему говорить, что раз ты такой честный, то не должен брать у зэков чай, кофе, шоколад и курить наши сигареты. Потому что, вопервых, он бы все равно не понял. А во-вторых, находясь в зоне, ты в любом случае должен будешь находить компромисс с мусорами: сегодня ты ему дал пачку сигарет и шоколадку, а завтра забрал из «режимки» что-то «неположенное». Прав Пекарь был в одном: зэки на строгом режиме «сдают» налево и направо. Нет у наших заключенных никакого единства. Азербайджанцы, грузины, армяне и прочие национальные

меньшинства, находясь в сложных обстоятельствах, стараются во всем помогать землякам — тем и сильны. Зато у белорусов в зоне почему-то сильнее всего проявляется зависть: то, что у меня коровы нет, — это, конечно, плохо, но гораздо хуже, что у соседа есть. Вот и приходится прятать все от лишних глаз.

Солженицын писал, что в сталинских лагерях зэки руководствовались принципом «Умри ты сегодня, а я завтра». У нас же — «Пусть у тебя сегодня “запрет” отшмонают, а у меня завтра». И не понимаем мы, что расплата за это уже неминуема, что, может быть, она уже ждет тебя за порогом барака, что любой наш поступок, будь то добро или зло, бумерангом возвращается к нам же.

— Я не могу по-другому, меня батька так воспитал, — продолжал Пекарь.

«Да иди ты в задницу!» — подумал я про себя и откланялся. И хотя никто меня не сдавал (про этот телефон знали всего три человека, и все они по нему звонили), дурные предчувствия с тех пор не оставляли меня…

Глава 61
Хороший полицейский — мертвый полицейский

— Заборщиков, кто вечером на стреме стоит? — поинтересовался я у парня, который при приближении мусоров к бараку давал сигнал на весь отряд.

— Каменок — дед проигранный, которому на «шанхае» фуфло повесили за то, что не рассчитался с карточным долгом.

— Ах, этот… Леха, поменяйся с ним, пусть он лучше днем стоит. А то он мало того, что не видит ничего, так еще и со стрема может на пару минут уйти — чаю себе заварить, например…

— Ну хорошо, с понедельника поменяемся. А то у нас по оплате неразбериха выйдет.

Ближе к отбою пришли контролеры — солдаты внутренних войск, призванные охранять нас. Они часто к нам заходят. Пьют наш чай, едят конфеты и курят наши сигареты. Взамен кормят нас нехитрыми историями о своем житье-бытье. Контролеры вообще очень похожи на нас: говорят на том же приблатненном языке, слушают Круга и Нагано и так же не хотят работать. Почти любой надзиратель заслуживает тюрьмы, и почти любой заключенный годится на роль охранника.

Через час контролеры ушли. Я залез в свою «нычку», достал телефон и отдельно поставил на зарядку дополнительную батарею. Вдруг снова звонки: опять та же «контора». Я спрятал телефон, прикрутил на место крышку от «нычки», закурил и принял непринужденный вид. Только отвертку подальше от окна отбросить не успел.

Мусора зашли в секцию, я снова предложил им чаю. Те отказались и только молча сидели за столом, переглядываясь друг с другом. Не понимая, что происходит, я нашел глазами Макара — моего соседа по секции, двадцатитрехлетнего деревенского парня, который продал мешок выросшей прямо в его огороде дикой конопли покупателю, оказавшемуся легавым, за что получил восемь лет, — в его взгляде читалось то же недоумение и непонимание происходящего.

— А ты в этой секции живешь? — спросил у Макара похожий на армянина контролер Костя.

Я понял, что сейчас будет «захват», сорвал батарею с зарядкой и открыл дверь, собираясь выбежать из комнаты.

— Наклонись, — шепотом сказал мне Костя, мол, на ухо что-то скажу.

Я нагнулся к нему, и тут стремщик дал пять звонков — такой длинный сигнал давали только при приближении к бараку начальника колонии, Пекаря или «шмонбригады».

— Блин, не выходи из секции, сейчас вас будут «брать», — заверещал Костя.

И тут я замешкался. Что-то вдруг щелкнуло в моем мозгу, и я заметался по комнате. Так меня и «приняли» Пекарь и начальник «режимки» Ящер — с батареей в руке.

Отвертку нашли. Спустя двадцать минут догадались, к какому замку подходит этот ключик, отдернули шторы и достали из оконной рамы мой телефон. «Ну все, плакала моя “Нокия”, — с досадой подумал я, в последний раз глядя на n97. — Это было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго».

— Собирайся, Сергей, — сказал мне Федоненков. — Без описания «кичи» твоя книга не будет полной…

Я оделся потеплее: термобелье, двое теплых носков, роба, шарф, шапка, телогрейка, перчатки — и в компании двух режимников направился в «отстойник».

— О, привет. Эко тебя угораздило, — удивился мне дежурный помощник начальника колонии майор Свистунов.

— И не говорите, Владимирович.

— Объяснение писать будешь? — поинтересовался ДПНК.

— Какое? Я ведь даже не знаю, с какой формулировкой меня «закрыли»…

Официально мобильных телефонов в зоне нет и быть не может, поэтому в качестве нарушения часто фигурируют: «не выполнил команду “отбой”», «нарушение формы одежды», «использование самодельных электроприборов» и прочее.

— Так-с… — Свистунов полез в свои бумаги, — «не выполнил команду “отбой” и размахивал руками», — прочел он в рапорте о нарушении. — Ну вот и напиши: не выполнил команду «отбой», потому что не хотел спать.

— Владимирович, ну маразм же…

Писать объяснение я отказался и прошел в «отстойник» — небольшое помещение с бетонной скамьей и отсутствующим, как и два года назад, когда я только заезжал в зону, оконным стеклом. Расстелил на скамье телогрейку, вдохнул морозный воздух, от которого тут же защипало в носу, и наконец-то расслабился. Вместе с паром, который я выдыхал, уходила нервная дрожь, не оставлявшая меня с того момента, как Пекарь переступил порог моей секции.

Клацнула ржавая стальная дверь: на пороге стоял Игорь —

самый человечный контролер в зоне:

— Вот, Серый, держи, — он протянул мне несколько телогреек. — Околеешь тут за ночь — на улице минус двадцать четыре…

Все-таки странная штука жизнь. Для одних мусоров все эти шмоны и облавы — это не более чем работа, на которую нет желания ходить, но приходится, для других — игра в «казаки-разбойники», — видно, в детстве не наигрались. Для заключенных же все гораздо серьезнее: кому-то из нас из-за телефона обломается УДО, к кому-то не смогут приехать на «свиданку», третьим вообще придется освобождаться «по звонку». А все из-за того, что мы хотим общаться с родными не дважды в месяц, как нам разрешает администрация, а так часто, как мы хотим. В конце концов, нас ведь лишили только свободы…

Утром ДПНК отвел меня к «хозяину».

— Что скажешь? — взгляд начальника, обращенный на меня, был нарочито суров. — Где взял телефон?

— Обманывать не хочу. Правду тоже не скажу, — ответил я заранее приготовленной фразой.

— У тебя был очень крутой телефон — у меня на свободе такого нет. «Вбросами» такие не залетают. Значит, кто-то тебе его принес. Меня интересуют предатели в моем коллективе. Объявляю тебе десять суток ШИЗО. Для начала… Потом полгода БУРа (барак усиленного режима), потом в «крытую». Поэтому иди и думай. Надумаешь поговорить — записывайся на прием, вызову…

В европейских странах начальника тюрьмы называют директором. У нас, как и во времена ГУЛАГа, — все тот же «гражданин начальник». «Хозяин» здесь и царь и Бог. Власти у него не меньше, чем у президента, только масштабы помельче. Хочет — казнит, хочет — милует. В зоне ты не принадлежишь сам себе, оттого и жизнь твоя может поменяться в один момент. Полковника Шульгина в нашем лагере боятся все: и зэки, и подчиненные. Поэтому когда ты слышишь в свой адрес: «Десять — БУР — “крытая”» — это не кажется пустой угрозой.

До недавних пор в изолятор могли водворить на пятнадцать суток. Теперь максимум на десять. Правда, как говорят сами менты: «Нам без разницы: давать вам два по пятнадцать или три по десять». Им-то, может, и без разницы, а нам, заключенным, вместо двух нарушений придется три снимать.

— Пойдем поболтаем, — вихрастая голова Пекаря показалась в дверном проеме «отстойника».

— Как скажешь, «начальник», — согласился я, и мы поднялись в здание режимной части.

— На, держи, — Пекарь протянул мне кружку с чаем, когда мы уселись в кресла. — Специально для тебя заваривал. С сахаром.

Я с наслаждением отпил. После двадцатичетырехградусного мороза чай согревал не хуже французского коньяка.

— Итак, какой код блокировки в твоей трубе? — начал Федоненков.

— Ты издеваешься?

— Не понял… — Пекарь удивленно замычал.

— Я однажды пароли от своего компьютера назвал — получил десять лет тюрьмы. Так что давай не будем…

В памяти моей «Нокии» не было ничего запрещенного или криминального, но мне не хотелось, чтобы кто-то читал мои «сырые» материалы по книге и рассматривал мои личные фотографии.

— Я здесь при чем?! — Пекарь отчего-то расстегнул воротник рубашки и привстал из-за стола. — Если тебя кто-то из ментов когда-то надул, это не означает, что все такие…

— Ага, плохим мусорам — плохие гробы, хорошим — хорошие… — вспомнил я старый анекдот. — Все вы одним миром мазаны.

— Вижу, разговора не получится.

— Викторович, да ты прямо Нострадамус…

После обеда пришел старший смены контролеров, и меня завели под «крышу». Получилось, что в холодном «отстойнике» я пробыл больше пятнадцати часов. Окончательно добило меня то, что срок наказания начинает отсчитываться только с того момента, когда тебя завели в ШИЗО…

Глава 62
Камера истощения человеческого организма

Штрафной изолятор (ШИЗО), или «кича», — это внутренняя тюрьма колонии, что-то наподобие карцера в СИЗО. Сидят здесь нарушители режима содержания, а также те, кому в качестве наказания назначили перевод в ПКТ (помещение камерного типа, раньше называлось БУРом). Сидишь здесь под замком, в камерах наподобие тюремных. За что дается ШИЗО? Да за что хочешь: не угодил начальнику, не вовремя встал, не вовремя лег, опоздал на проверку, не так был одет, находился не в своем отряде, не там курил — вот тебе сутки, трое, пятеро. Десять суток (максимум) дают за отказ от работы либо использование запрещенных предметов (мобильная связь), а также за наркотики или пьянку. И хотя по закону больше десяти суток никак нельзя, растягивается эта гармошка и до полугода.

БУР — это содержание подольше. Туда заключают на месяц, три месяца, полгода — просто потому, что арестант считается опасным. Если, находясь в БУРе, ты хватаешь нарушение, то тебя переводят в «кичу», и эти штрафные сутки в срок БУРа не засчитываются.

Первым делом, как и в любой тюрьме, из твоей обуви вынимают шнурки, а с руки снимают часы. Потом переодевают в заношенные до дыр штаны длиной по колено и такой же застиранный клифт с надписью «ШИЗО». Из личных вещей в камеру можно взять только носки, трусы, кальсоны, мыло, зубную пасту и щетку, туалетную бумагу и полотенце.

— Ну что, Хакер, в какую хату пойдешь? — видя, что я остановился в нерешительности, спросил меня дежуривший под «крышей» контролер по прозвищу Тямтик.

— Пойду для начала с «восьмой» поговорю.

В хате № 8 обычно сидят блатные, которые регулируют все движение под «крышей»: знают, кто в какой хате сидит (для этого у них есть «компьютер» — картонка, на которой отмечают фамилии прибывших и номера хат).

— Кто, откуда, за что? — спросил хриплый голос за дверью.

— Хакер, седьмой отряд, за «трубу».

— Куда пойдешь?

— В четвертую… (я знал, что в этой хате было две батареи отопления, что, учитывая стоявшие на улице морозы,

приобретало сакральное значение).

— А что там?

— Причина есть.

— Какая?

— Пацаны, ну не буду же я на весь коридор кричать…

— Хорошо, иди…

Камера № 4 во многом напоминала помещения спецкоридора на Володарке. Два на четыре метра, та же бетонная «шуба» на стенах, две пятнадцативаттные лампочки, прикрытые железной решеткой, закрытое металлическими ставнями окно, умывальник, «дальняк» в углу, навесной шкафчик для личных вещей, откидывающиеся в ночное время нары, рассчитанные на четырех человек, несколько низких металлических табуреток, вмурованных в бетонный пол, и узкий столик. На батарее были разложены сухари. «Так вот к чему выражение “сухари сушить”», — сразу вспомнилось мне.

— Я думал, я на дно попал, — сказал я вместо приветствия, окидывая взглядом тесноту камеры, — вдруг кто-то снизу постучал…

Когда прилетаешь с Мальдив и через пару дней попадаешь в тюремный «отстойник» с клопами и крысами — кажется, что это и есть самое дно жизни. Оказывается, всегда может быть еще хуже. Поэтому, когда знакомые в лагере жалуются и говорят, что все плохо, я отвечаю: «Не гневите судьбу. Вспомните лучше о тех парнях, которые сидят на пожизненном». Мы узнаем, что такое по-настоящему «плохо», только когда оно происходит.

— Здорово, проходи. Из какого отряда? — пригласили меня в темноту хаты.

— Из седьмого…

Я присел на нары и стал разглядывать своих товарищей по несчастью — пятерых ребят, заросших многодневной щетиной.

— За телефон? — поинтересовался у меня здоровенный парень, лицо которого показалось мне знакомым.

— Да, — вздохнул я.

— Мы тоже, — здоровяк улыбнулся. — 50 % людей в «киче» за «трубы». Комар, — представился он.

В углу камеры, под умывальником, приятным теплом светился «уж» — спираль из нихромовой проволоки, подключенная к электропроводке.

— Пока его не загнали, — Комар перехватил направление моего взгляда, — мы три ночи не спали, в хате было так холодно, что сопли в носу замерзали. На улице, кстати, сколько?

— Ночью до минус тридцати, — «обрадовал» я своих сокамерников. — Как мне на «жилую» отписать? Восьмое марта

на носу — сказать, чтобы девок моих поздравили. Я впервые в изоляторе…

— А не надо писать, — сказал какой-то парень, — до твоего отряда рукой подать, лучше откричи «по громкой».

— Хата на скольких рассчитана?

— На четверых…

— Я шестой. Как спать-то будем? На этих нарах вряд ли все поместимся.

— На полу.

— Пол-то бетонный… — я весь съежился от предвкушения неминуемого знакомства с холодным полом.

— Ну извини, не курорт, — один из парней развел руками.

— И воздуха совсем нет, — я посмотрел на наглухо закрытое окно.

— Холодно — на десять минут в день открываем.

— А прогулки?

— Размечтался. Ты сигарет привез, кстати?

— Нет. Меня не из отряда «закрывали», а сразу в «отстойник» увели.

Не успел собраться. А сам не курю, завязал.

Курение — это не привычка, а рабская зависимость, и в ШИЗО это проявляется сильнее всего. В поисках остатков табака потрошатся окурки, выворачиваются карманы, разрезаются стельки (в которые часто зашивают чай и табак) и вытряхиваются ботинки. Сигареты раскатываются алюминиевой кружкой в тонкие полоски и прячутся всюду, куда только можно. Или упаковываются в фольгу, запаиваются в несколько слоев целлофана и завозятся под крышу в собственной заднице. Называется это «торпедами».

По Солженицыну, ШИЗО должен быть: а) холодным, б) сырым, в) темным, г) голодным. С первыми тремя так и есть, а вот откровением для меня стало то, что в изоляторе кормят намного лучше, чем в жилой зоне: порции в два раза больше и я наконец-то увидел в пайке мясо. Правда, чай и кисель наливают в одну на всех миску — кружек нет.

— Серый, сечку будешь? — спросил у меня стокилограммовый Комар, на лице которого явственно читалось желание съесть и мою порцию.

— А сечку жрите, мусора, сами… — нараспев ответил я строчкой из песни Круга.

— Я серьезно.

— Нет, не буду.

Сечку я, конечно, попробовал. Принципиально не ел ее в СИЗО, но в «киче» попробовал. Чтобы, так сказать, испытать на

себе все тяготы тюремной жизни. Редкая гадость, скажу тебе. Прав был Мишка Круг.

В изоляторе всегда горит свет, закрыты окна и нет часов, так что смены дня и ночи просто не замечаешь. Ночью мы стараемся спать на жестких деревянных нарах (в тесноте, да не в обиде), а днем приходится на полу. С непривычки ужасно болят бока. Среднесуточная температура — не выше плюс десяти, и это с учетом нашего «ужа». От холода постоянно клонит в сон. Время тянется так медленно, как водка, когда ее только-только достал из морозильника и разливаешь по рюмкам. Заняться решительно нечем: ешь да спишь.

— Эй, Паша, — подозвал я знакомого контролера, дежурившего в ту ночь в ШИЗО. — Дай-ка мне ручку и бумагу.

После этого я опять стал писать книгу. На обрывках оберточной бумаги (другой там не выдают), при неверном свете пятнадцативаттной лампочки… Днем отжимался и приседал, стирал в раковине умывальника свою одежду, а по ночам писал.

Свой двадцать восьмой день рождения я встретил здесь же, в ШИЗО. С зоны загнали чай, сигареты и шоколад. Очень хотелось кофе, но пришлось радоваться и тому, что есть.

В «киче», как и в любой камерной системе, очень важна хорошая компания. Сидит здесь, по моему мнению, самая прогрессивная часть осуж денных — почти половина водворены в изолятор за использование мобильной связи. Здесь даже во сне думают об Интернете:

— Мм-м, а как, ты говорил, Opera Mini устанавливается?

— Что я говорил?

— Или это я во сне увидел?

— Спи, приснилось тебе.

В 2010 году Уголовно-исполнительный кодекс разрешил нам звонки без ограничений, но в нашей зоне все осталось по-прежнему: два раза в месяц по пятнадцать минут. Подписываешь заявление на звонок, стоишь два часа в очереди, добираешься наконец до таксофона, а по соседству орут так, будто впервые в жизни телефон увидели:

— Маня, Маня! Сало в посылку положить не забудь…

Законы наши сами рождают преступления. Ну поставьте вы таксофон в каждой «локалке» — количество нарушений в зоне сразу уменьшится раза в три. В Беларуси вообще преступников плодит само государство. Напился, дал соседу в морду — тот написал заявление в милицию. Наутро оба протрезвели, у соседа обида и боль прошли, он к мусорам забирать заявление — ан нет, поздно уже, факт совершения преступления зафиксирован. Поэтому каждый четвертый житель в нашей стране либо сам

сидел, либо имеет судимых родственников.

В последний из отмеренных тебе дней в изоляторе гадаешь только об одном: выпустят тебя завтра или нет. «Дэпэ» — дополнительные десять суток ШИЗО — можно получить тремя способами: тебя выводят к «хозяину», он сам приходит в ШИЗО или, что случается чаще всего, под «крышу» приходят отрядники и со всех сторон раздается: «Будай — начальник выписал тебе десять суток, Шевелев — десять “дэпэ” тебе, Павлович — еще “десятка” от начальника…»

— За что, Михалыч?

— «Спал, лежа на полу», — зачитает он рапорт о нарушении.

— Но я ведь не спал! — возмутишься ты.

— Ну, ты ведь понимаешь…

Можно не спать днем (хотя камеры обычно переполнены), ходить строго по форме одежды, сделать идеальную уборку в камере в день, когда тебя назначили дежурным, но если сверху сказали «фас», нарушение для тебя всегда найдется. Был бы человек…

Незаметно подошла к концу дня моя вторая «десятка». Я выгнал на «жилую» текст жалобы, и в случае третьего «дэпэ» собирался объявлять голодовку. Некоторые из сокамерников курили фторопласт — какую-то специальную пластмассу, после вдыхания паров которой сильно поднимается температура тела — и собирались выехать на санчасть, но я от подобных экспериментов отказался.

— Да, пацаны, грустно все это… — мрачно констатировал я. — XXI век на дворе, а здесь: сырость, недостаток света, «шуба» на стенах, капли воды собираются на потолке… Спим на холодном полу, заклеиваем щели в окнах туалетной бумагой, прячем стержни для ручек в зубной пасте, курим сигареты, которые завезли сюда в собственной заднице, едим обломками алюминиевых ложек из таких же мисок…

— А раньше вообще было: день «летный» — день «нелетный».

— ?..

— Называлось все это КИЧО — камера истощения человеческого организма. День кормили, день нет.

— Мда-а…

Глава 63
Это хорошо!

В «крытую» меня, конечно, не увезли. И даже не «заБУРили». К Шульгину приехала моя мама, пообещала, что я буду хорошо себя вести (нашим родителям до последнего хочется верить, что мы хорошие и послушные), и меня выпустили из ШИЗО.

Выходишь из-под «крыши» и радуешься всему на свете: и мокрый снег в лицо тебе нипочем, и пронизывающий ветер навстречу. Лагерь возвращает тебя с небес на землю. Только здесь начинаешь радоваться прос тым вещам: пройтись босиком по влажной от утренней росы траве, послушать пение птиц, позагорать, съесть спелый, сочный помидор с собственной грядки, выпить хлебного кваса из бочки… На воле все это привычно и о подобных мелочах даже не задумываешься.

В отряде мои товарищи по неволе: Вова Капустин, Колобок, Макар, Мурашка. Праздничный стол на скорую руку и разговоры, разговоры…

— Мы еще вчера знали, что тебя выпустят. Но решили сюрприз сделать, — приветливо похлопал меня по плечу Саша Колобок, один из участников гомельской банды Морозова.

— Да все о'кей, я очень рад всех вас видеть.

— Ну что, не закурил в «киче»? — спросил у меня Макар.

— Нет, Макс, не закурил. Как говорил кто-то из классиков, чем больше привычек, тем меньше свободы. Как у вас тут дела?

— Все в порядке — спасибо зарядке, — весело отозвался Колобок.

— А что, шмоны по ночам все так же продолжаются? — спросил я.

— Идею ночных шмонов подсказал замполиту Хролу все тот же Пекарь. Всего их было четыре, включая твой. А потом в тринадцатом отряде зэки выключили свет, и несколько контролеров остались в бараке. А их ведь в темноте могли и ножом пырнуть. Так что ночные шмоны — это, конечно, хорошо, но до той поры, пока с сотрудниками ничего не случится. А случится — так по трусам получат все — это уже чепэ.

Рано утром меня разбудил отрядник:

— Сережа, плохие новости. Начальник сказал писать рапорт на твой перевод в третий отряд. С выводом на промзону — чтобы, как он выразился, «тебе крышу от телефонов не срывало».

— Видно, не понравилось ему, как я про зону написал… Ладно, какая еще причина может быть?

— Все та же: он хочет знать, как в зону попадают телефоны. Точнее, кто именно их приносит.

— Да ползоны носит, Михалыч!..

— Короче, он сказал поговорить с тобой, а если нет, то переводить в другой отряд и на «промку»…

— Ага, в качестве раба…

— Ну назови ты его фамилию! — отрядник сорвался на крик. — Ведь это ж запрет конкретный — телефон!.. Я ведь телефоны не ношу…

Начальник отряда — он как солдат в армии, основная «боевая» единица в лагере. Именно с ним мы сталкиваемся каждый день. Выслушает, подскажет, поможет, отнесет твое заявление на подпись начальнику колонии. Правда, начальство в нашей зоне не считает отрядников за людей, но это уже совсем другая история…

— Зачем тебе эти неудобства? — продолжал он. — Один переезд хуже двух пожаров…

— Михалыч, «дорогу» я не отдам. Во-первых, у человека семья, дети, а его по статье уволят. Где ему потом в вашем «колхозе» работу искать? Железнодорожное депо, льнокомбинат и две зоны… Сегодня сдам его — завтра тебя… Как тебе такой расклад? Поэтому ни тебе, ни «хозяину» я ничего не скажу.

— По-человечески я тебя понимаю. С мобильниками в зоне надо с помощью технических средств бороться — «заглушки» там всякие ставить, — а не сучье плодить. Я когда в милиции работал, хоть это и милиция, старался все делать по-честному…

— Ну что я могу сказать? Это хорошо…

— Что хорошо? — Другаков непонимающе уставился на меня.

— Да все хорошо. Все, что ни делается, — к лучшему. Слушай притчу.

И я рассказал ему одну из своих любимых историй.

«У одного африканского короля был близкий друг, с которым он вместе вырос. Этот друг, рассматривая любую ситуацию, которая когда-либо случалась в его жизни, будь она позитивная или негативная, имел привычку говорить: “Это хорошо!”

Однажды король находился на охоте. Его друг заряжал для него ружье. Очевидно, он сделал что-то неправильно, готовя одно из ружей. Когда король выстрелил, у него оторвало большой палец руки. Исследуя ситуацию, друг, как обычно, произнес: “Это хорошо”. “Нет, это не хорошо!” — рассердился король и приказал отправить своего друга в тюрьму.

Прошло около года. На одной из охот король попал в плен к каннибалам. Те привели его в свою деревню, привязали к столбу и натаскали кучу дров. Когда они подошли ближе, чтобы развести

огонь, они заметили, что у короля на руке не хватает одного пальца. А из-за своего суеверия каннибалы никогда не ели того, кто имел ущербность в теле. Развязав короля, они его отпустили.

Вернувшись домой, король вспомнил тот случай, когда он лишился пальца, и велел тут же освободить своего друга.

— Ты был прав, — сказал он, — это было хорошо, что я лишился пальца.

И король рассказал все, что только что с ним произошло.

— Я сожалею, что посадил тебя в тюрьму, это было плохо с моей стороны, — сказал он.

— Нет, — ответил его друг, — это хорошо.

— Что ты говоришь?! Разве это хорошо, что я посадил своего друга на целый год в тюрьму?!

— Если бы я не был в тюрьме, то был бы там вместе с тобой…»

— Так что все это ерунда, Михалыч. Переживем. Что за «промка» в третьем отряде?

— Да черт его знает… Производство металлических канистр, что ли, или штамповка…

Эпилог

2012 год. Наших матерей и жен, которые приезжают к нам на «свиданки», все так же шмонают и раздевают донага. Зэки, как и тридцать лет назад, загоняют в кулаки вазелин. В сфере кардинга тоже ничего не меняется. Одни «темы» отошли, другие появились. Старые кардерские форумы закрылись — на их месте как грибы после дождя выросли новые, попасть на которые можно только по приглашению. Их владельцы уверяют, что это убережет нас от присутствия полиции. Как всегда, ошибаются.

В мае 2010 года был арестован Фидель. Спустя три месяца — BadB. Американцам удалось задержать всех «друзей Гонсалеса», кроме моего брата.

JonnyHell все еще ждет суда. Воа в ожидании этого вот уже… девять лет.

Гонсалес попытался смягчить свою участь тем, что он-де страдает синдромом Аспергера и интернет-зависимостью, но это ему мало помогло. Несмотря на то что большинство стран мира уже полностью перешли на более защищенные чиповые банковские карты (компрометация дампа и даже PIN-кода которых уже ничего не даст злоумышленнику, так как для выполнения транзакции необходима и сама смарт-карта, которой в большинстве случаев кардер не располагает), в Америке и России все еще пользуются устаревшими карточками с магнитной полосой, которые и делают возможным совершать хищения. Американские банки и кредитные компании отказались от чиповых карт потому, что стоимость замены POS-терминалов и банкоматов по всей стране значительно превышает их ежегодные потери от мошенничества. У России есть проблемы поважнее. Поэтому дампы как продавались, так и продаются.

В деле борьбы с киберкриминалом за последние четыре года также изменилось немногое. Даже когда у пострадавшей компании имеются конкретные зацепки, дело редко доводится до наказания. Очень часто вопрос ставится так: разумно ли тратить $10–15 тыс. для расследования кражи в $1 тыс., тем более что банки зачастую возмещают жертвам их убытки. Да и на репутации компании факт утечки персональной информации клиентов сказывается очень сильно (за десять недель после сделанного компанией TJX заявления о вторжении Альберта Гонсалеса ее акционеры потеряли более $1 млрд). По этим причинам многие организации предпочитают умалчивать об инцидентах с кражей данных.

Все происходящее позволяет уверенно заявить о том, что

спецслужбам никогда не удастся положить конец киберпреступности, так же как не удается полностью победить криминал и в реальном мире…

Послесловие

К сожалению, наша жизнь пишется без черновиков. Ее нельзя редактировать, вычеркивая отдельные строки. Через год после нашего бракосочетания Катерина подала на развод. Устала видеть меня узником чужих правил… Жалею ли я, что наши пути разошлись? Да, безумно. Это были лучшие дни моей жизни.

В зале суда всегда спрашивают: «Признаете ли вы свою вину? Раскаиваетесь ли?» — и чтобы получить меньший срок, надо со всем соглашаться. Но разве это раскаяние?! Только отсидев четыре года и довольно перебрав свою жизнь, я понял, за что мне все: и тюрьма, и муки отношений с Катей. «Как пущенный бумеранг всегда возвращается на прежнее место, — говорил мне когда-то следователь Макаревич, — так и совершение преступления предопределяет неизбежность кары. Главная причина всех преступлений мира, и киберпреступлений особенно, — в иллюзорной надежде на безнаказанность. Ты можешь воровать год, два, пять — и ни разу не попасться, но потом непременно сядешь. Потому что приговор необязательно выносится судебными инстанциями, — при этом он многозначительно посмотрел вверх, — законам жизни присуща тайная потребность в равновесии…» Не знаю, в кого или во что верит Макаревич, но он оказался прав. Я и сам недавно дорос до схожей мысли. Никакая кара в этой земной жизни не приходит к нам незаслуженно. Причем она может прийти вовсе не за то, в чем мы на самом деле виноваты. Но если перебрать жизнь, вдуматься глубоко — мы всегда отыщем то наше преступление, за которое теперь нас настиг удар. И здесь уже не спрячешься за анонимным прокси и VPN. Любой наш поступок, хороший или плохой, бумерангом возвращается к нам же. Так было всегда и во всем мире. И так оно и будет.

У Александра Солженицына во второй части «Архипелага ГУЛАГ» есть один знаковый эпизод. Во время поездки спецконвоем автор на какое-то время окунается в гущу воли, попадает на вокзал, проглядывает объявления, которые наверняка ни с какой стороны не могут его касаться, и слышит «странные ничтожные разговоры»: о том, что какой-то муж бьет жену или бросил ее, а свекровь почему-то не уживается с невесткой, а коммунальные соседи жгут электричество в коридоре и не вытирают ног, а кто-то кому-то мешает по службе, а кого-то зовут в хорошее место, но он не решается на переезд… «Ты все это слушаешь, — пишет он, — и мурашки отречения вдруг бегут по твоей спине и голове: тебе так ясно проступает подлинная мера

вещей во Вселенной! Мера всех слабостей и страстей! — а этим грешникам не дано ее увидеть. Как же внушить им — прозрением? видением? во сне — братья! люди! Зачем дана вам жизнь?! В глухую полночь распахиваются двери смертных камер — и людей с великой душой волокут на расстрел. На всех железных дорогах страны сию минуту, сейчас люди лижут после селедки горькими языками сухие губы, они грезят о счастье распрямленных ног, об успокоении после оправки. В Оротукане только летом на метр отмерзает земля — и лишь тогда в нее закапывают кости умерших за зиму. А у вас — под голубым небом, под горячим солнцем есть право распорядиться своей судьбой, пойти выпить воды, потянуться, куда угодно ехать без конвоя — какие ж невытертые ноги, причем здесь свекровь? Самое главное в жизни, все загадки ее — хотите, я высыплю вам сейчас? Не гонитесь за призрачным — за имуществом, за званием: это наживается нервами десятилетий, а конфискуется в одну ночь. Живите с ровным превосходством над жизнью — не пугайтесь беды и не томитесь по счастью, все равно ведь: и горького не довеку, и сладкого не дополна. Довольно с вас, если вы не замерзаете и если жажда и голод не рвут вам когтями внутренностей. Если у вас не перешиблен хребет, ходят обе ноги, сгибаются обе руки, видят оба глаза и слышат оба уха — кому вам еще завидовать? зачем? Зависть к другим больше всего съедает нас же. Протрите глаза, омойте сердце — и выше всего оцените тех, кто любит вас и кто к вам расположен. Не обижайте их, не браните, ни с кем из них не расставайтесь в ссоре: ведь вы же не знаете, может быть, это ваш последний поступок перед арестом, и таким вы останетесь в их памяти!..»

А мы все гонимся за «бентли» и миллионами… Видеть, как растет твой ребенок, — вот что по-настоящему важно! Семь лет тюрем и лагерей понадобилось мне, чтобы понять эту простую истину.

Десять лет своей жизни я отдал кардингу. Выйдя первый раз из тюрьмы, я не только не «завязал», но и начал рассылать спам. Сейчас я пробую себя в писательском деле. Чем я займусь завтра — неизвестно. Никто из людей ничего не знает наперед. Уверен я только в одном: ни суд, ни самый жесткий приговор, ни тюремная администрация не смогут изменить мои взгляды, если только я сам не захочу меняться.

Какие-то выводы я уже сделал. А до чего-то только предстоит дойти. Поэтому пока еще я все так же сижу в тюрьме. И все не могу к этому привыкнуть… В нашей секции сильно накурено и не до конца выветрился запах жареной картошки (которую в зоне, слава богу, все еще продают). Термометр за окном показывает

минус два, но уже отключили батареи (в Беларуси режим тотальной экономии). По радио, рассчитанному на недоумков, в сотый, нет, в тысячный раз играет «Бутырка». Я запрыгиваю на свою «пальму», достаю тетрадь и дописываю последние строчки этой книги. Все, что в ней написано, — правда. И все это останется со мной навсегда. На дворе идет снег. Наверное, последний в этом году. Я с головой укрываюсь телогрейкой, закрываю глаза и нажимаю на «play».

Ах, какой белый снег, ах какой белый снег за окном!
Сколько ж вышек стоит в этом царстве снегов окаянном?
Зябкий лагерь, нахохлившись, словно уснул белым сном,
И как будто он кружится в замкнутом круге стеклянном.
И уж если такое везенье мне выпадет вдруг
И знакомые скажут: «Да он уже освободился», —
Я поеду на юг, я, конечно, поеду на юг,
Я когда-то на юге, когда-то на юге родился, —

напевает Шуфутинский в наушниках моего «айпода», —

Я сойду на перрон, позабытый своим городком,
Я сниму свою шляпу, сниму свою мятую шляпу,
Поздороваюсь с кем-нибудь, с кем-нибудь, кто незнаком,
С кем не шел никогда, с кем не шел никогда по этапу.
Я хочу подержать на ладонях простой виноград,
Я хочу приласкать на груди свою старую маму.
Я так буду там рад, я всему буду рад, очень рад
И не стану тянуть ни туза, ни пиковую даму.

А этапы идут на восток, все идут на восток,
И мелькают одно за одним все похожие лица,
От страны лагерей материк так далек, так далек,

Да Охотское море свинцовым туманом дымится.
Я не знаю, за что навсегда полюбил Магадан
И в Нагаевской бухте затертые льдинами баржи.
Так зачем же порой достаю из-под нар чемодан?
Я до времени стал суетлив и, наверное, старше.

Не хочу я в бараке ни с кем ни про что говорить,
Мы с годами становимся здесь донельзя молчаливы.
Но ночами встаю и все чаще иду покурить,
И спиной остро чувствую боль чьих-то взглядов пытливых.

И не скрыть от себя, и не скрыть этот липкий испуг,
Что навеки повязаны все в белом чертовом круге…
Но мне надо на юг, мне так надо, так надо на юг,
Я хочу умереть, я хочу умереть лишь на юге.

Ах, какой белый снег, ах, какой белый снег за окном,
Ах, какой белый снег…

Исправительная колония № 8, г. Орша, март 2012 года.

Выражение признательности

На написание этой книги у меня ушло более трех лет. Все это время меня поддерживали моя мама, а также мои друзья Саша Сорока, Валентин Сюльжин и Таня Анюкова. Я бесконечно благодарен всем им и хочу выразить особую признательность моей теще Людмиле Казакевич за ее письма, что поддерживали меня в тюрьме и зоне, моему брату Дмитрию — за незримое одобрение всех моих начинаний и моему лучшему другу Николаю — никто из людей не сделал для меня больше, чем он.

Благодарю Алексея Кузьменкова (mastak.by) за работу над оформлением книги, художника Андрея Дубникова (dubnikov.com) за зарисовки из зала суда, моего университетского приятеля Вадима Шмыгова, который оказывал мне помощь в сборе материала для книги и заряжал оптимизмом, Сергея Жукова, Воа, Бигбаера, а также порталы securitylab.ru и pritchi.ru.

Выражаю признательность коллективу русской версии журнала Forbes за вдохновение и идеи, которые я не раз черпал в их материалах, колумнистке wired.com Ким Зеттер, корреспонденту «БелГазеты» Елене Анкудо, автору отличной книги «Kingpin» Кевину Паулсену и американскому писателю Роберту Грину, чьи книги «48 законов власти» и «33 стратегии войны» помогли мне поверить в свои силы.

Хочу поблагодарить Вову Маглыша, Сергея Багаудинова, Игоря Барабанова, Артура Ковалевского, Игоря Баркуна, Пашу Горбатовского, Виталия Варламова, Степана Шевелева и Вову Капустина — моих товарищей по неволе и неутомимых слушателей, а также всех тех, кто прочел книгу, полностью или частично, и внес свои предложения.

Огромной признательности заслуживает Ольга Семерная, которая набрала весь текст книги, а также мои друзья Максим Костюшко и Катя Кибальчич — как могли, они «вычищали» мою рукопись от всего скучного и ненужного, но при этом старались, чтобы книга осталась все же написанной мной, а не ими.

Я также благодарен моему веб-дизайнеру Максиматору, моим коллегам eNdi, Astal'y, Liratto и Black Monarch'y, адвокату Марине Воробьевой и всем тем неравнодушным и отзывчивым людям, которые, рискуя своей карьерой, помогали мне в работе над книгой и чьи имена я пока не могу озвучить.

Я очень признателен Дмитрию Беликову и всему коллективу издательства «Питер» за то, что моя книга так быстро увидела свет.

Я благодарен Господу за то, что мне благополучно удалось

завершить сей труд, и, наконец, я хочу поблагодарить всех тех, кто в меня верил и поддерживал все это время — без вас ничего не получилось бы!

Персонажи, упомянутые в книге

Роман Степаненко (Вега) — в 2003 году вместе с Liratto был задержан на Кипре и экстрадирован в США. В настоящее время находится в нью-йоркской тюрьме Metropolitan Detention Center. Следствие длится уже девять лет, суда еще не было. Многие полагают, что в Америке такое невозможно, однако оказывается, что очень даже возможно. За время отсидки здорово улучшил свой английский, пять лет изучает японский. Окружен стопками книг и журналов, ведет обширную переписку, достиг успехов в йоге. Настроение бодрое, не сдается.

Артур Ляшенко (BigBuyer) — один из донов CarderPlanet, создатель и идейный вдохновитель конторы по производству контрафактных пластиковых карточек realplastic.org, в июне 2006 года был приговорен к шести годам тюрьмы и денежному штрафу. Освободился в 2007 году.

Алексей Строганов (Flint24) — модератор форума carder.org и «руководитель цеха по производству поддельных пластиковых карточек» для realplastic.org, в 2006 году был осужден на 6 лет лишения свободы. Освободился «по звонку» в 2008 году.

Герасим Селиванов (Gabrik) — один из участников синдиката realplastic.org, обвинялся в поставке дампов чуть ли не всем производителям контра фактного «пластика» на территории бывшего СССР. Долгое время находился в списке «самых разыскиваемых в России преступников», размещенном на сайте ФСБ (fsb.ru). В июне 2006 года был приговорен к пяти с половиной годам лишения свободы. Освободился.

Борис Дранкман (Nicron) — благодаря своей решимости избежал ареста в Беларуси. Женился, воспитывает ребенка. Проживает в России.

Michael Cheung Ho (Mondeo) — «бригадир» китайской триады, был задержан в Бельгии в 2004 году. Через год была арестована его жена *Lam Tsz Kwan (Candy)*. Получили по шесть лет тюрьмы каждый. Отсидели по два года и были депортированы домой, в Гонконг, — в Европе понимают, что незачем за счет своих налогоплательщиков держать в тюрьме иностранных подданных.

Олег Бунас (Olegas) — владелец обменника электронных

валют webmoney.by, в апреле 2005 года был приговорен к трем годам ограничения свободы («химии») за занятие незаконной предпринимательской деятельностью (обмен валют без соответствующей лицензии). В том же году против него, его подруги Юлии Горячевой и других сотрудников webmoney.by было возбуждено дело по обвинению их в создании подставных интернет-магазинов и «вбиве» в качестве оплаты «картона». Юля Горячева объявлена в розыск по линии Интерпола.

Александр Жданов (Lesik) — талантливый программист и создатель четырех интернет-пирамид, был задержан в 2004 году и приговорен к девяти годам тюрьмы. Наказание отбывал в исправительной колонии № 8, г. Орша. Освободился в 2008 году.

Дмитрий Голубов (Script) — был задержан в 2005 году в Одессе по подозрению в создании международной хакерской организации CarderPlanet, участники которой незаконно получили с американских банковских счетов не менее $11,4 млн. Провел в СИЗО всего полгода и был выпущен под залог в 100 тыс. гривен (около $20 тыс.), который внесли народные депутаты Владимир Макеенко и Владимир Демехин. При слушании в суде уголовное дело рассыпалось — не в последнюю очередь благодаря деньгам Скрипта и связям вице-президента Союза адвокатов Украины Петра Бойко. После освобождения основал и зарегистрировал Интернет-партию Украины. Один из приоритетов ее деятельности — борьба с преступностью. Утверждает, что идея создания партии и даже ее название пришли к нему во сне. Женат, воспитывает сына. К 2018 году планирует стать премьер-министром Украины.

Валид Агаев — один из подозреваемых в убийстве журналиста Пола Хлебникова, обвинялся в организации похищения азербайджанского бизнесмена Алиева, был признан виновным только в совершении преступления, предусмотренного статьей 222 УК РФ («незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия») и приговорен к максимальному наказанию в виде трех лет лишения свободы в колонии общего режима. Освободился.

Казбек Дукузов (Черный) — обвинялся в убийстве Пола Хлебникова. Вместе с другими фигурантами дела — Мусой Вахаевым и Фаилем Садретдиновым — был оправдан судом присяжных. Впоследствии оправдательный приговор был отменен Верховным судом РФ, а дело направлено на новое рассмотрение.

Процесс был приостановлен в связи с исчезновением главного обвиняемого Казбека Дукузова, который, по версии следствия, стрелял в журналиста. Заказчиком убийства следствие назвало бывшего чеченского полевого командира Хож-Ахмеда Нухаева, который был главным героем книги Хлебникова «Разговор с варваром».

Илья Сапрыкин (Postal) — в 2007 году был признан виновным в хищении из минских банкоматов $200 тыс. и приговорен к шести годам лишения свободы. Наказание отбывал в качестве баландера в отряде хозобслуживания минского СИЗО № 1 (Володарка). В 2010 году освободился по амнистии.

Артем Бурак — в 2006 году обвинялся в предоставлении бывшему однокурснику Илье Сапрыкину дампов с PIN-кодами и хищении с их помощью около $200 тыс. Признал вину и сотрудничал со следствием, поэтому во время предварительного расследования и суда находился под подпиской о невыезде. На приговор не явился и был заочно осужден к шести годам лишения свободы. По новому обвинению, с учетом предыдущего срока, получил шесть с половиной лет колонии строгого режима. Освободился осенью 2012 года.

Владимир Боянков (Баян) — был арестован в Минске в 2007 года. Обвинялся в хищении $340 тыс. вместе с полковниками Новиком и Миклашевичем из управления «К» МВД РБ. Приговорен к семи годам лишения свободы с конфискацией имущества. Виктор Боянков — брат-близнец Владимира Боянкова, осужден на шесть лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии усиленного режима. Приговор отменен Верховным судом, дело направлено на новое рассмотрение.

Сергей Новик — полковник милиции, первый замначальника управления «К» МВД Республики Беларусь, обвинялся в злоупотреблении служебным положением и создании организованной преступной группы, в которую, помимо него, вошли полковник Миклашевич из того же ведомства, выпускник радиотехнического института Артем Бурак и братья-близнецы Боянковы. Согласно материалам дела, созданная и руководимая Новиком преступная группа с помощью поддельных пластиковых карт с PIN-кодами похитила из банкоматов около $340 тыс. Приговорен к восьми годам тюрьмы.

Андрей Миклашевич — полковник милиции, один из

заместителей начальника управления «К» МВД Республики Беларусь, был признан виновным в злоупотреблении служебным положением и приговорен к трем годам тюрьмы с конфискацией имущества и запретом занимать должности в правоохранительных органах. Оправдан два года спустя.

Александр Макаревич — майор милиции, следователь управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий ГУВД г. Минска, получил должность замначальника следственного отдела управления «К», откуда его «ушли» сразу после ареста Новика и Миклашевича. В настоящее время работает в коммерческом банке. Мечтал дослужиться до генерала.

Александр Вовкулак — мой «заклятый друг», в 2004 году на одной из «разборок» в Киеве убил ножом одного и ранил другого бандита. От следствия и братвы скрывался в Москве. Был убит там же в 2008 году ударом «тупым предметом в область затылка». За несколько месяцев до этого неизвестные обстреляли его «мерседес», два пассажира погибли.

Максим Ястремский (Maksik) — продавец дампов и один из ключевых участников группировки Альберта Гонсалеса, был признан виновным во вмешательстве в работу компьютерных систем двенадцати турецких банков и осуществлении мошеннических операций с полученными данными. Приговорен в Турции к тридцати годам тюрьмы и штрафу в размере $23 тыс. Дважды пытался покончить с собой.

Александр Суворов (JonnyHell, lifestyle, Dantist) — был арестован в Германии 3 марта 2008 года и выдан в Соединенные Штаты, где ему — вместе с Ястремским и Гонсалесом — были предъявлены обвинения во взломе компьютерной сети ресторанов Dave&Buster's, краже оттуда более 5 тыс. номеров кредитных карт и других преступлениях. Идет суд.

Стивен Уотт (Stephen Watt) — двадцатипятилетний сотрудник банка Morgan Stanley, обвинялся в создании пакетного сниффера, с помощью которого группировка хакеров под началом Альберта Гонсалеса украла данные более 100 млн кредитных и дебетных карт. Был приговорен к двум годам тюрьмы с последующим трехлетним испытательным сроком и выплате компенсации в пользу компании TJX в размере $171,5 млн. Наказание отбывает в федеральной тюрьме SeaTac, Сиэтл, США.

Хамза Заман (Humza Zaman) — тридцатитрехлетний системный администратор Barclays Bank, обвинялся в предоставлении группе хакеров под руководством Альберта Гонсалеса несанкционированного доступа к процессинговому центру Heartland Payment Systems, а также в «отмывании» для Гонсалеса $800 тыс. Был приговорен к сорока шести месяцам тюремного заключения и штрафу в размере $75 тыс. На досрочное освобождение может претендовать не ранее чем через три года с момента заключения.

Джереми Джетро (Jeremy Jethro) — двадцатидевятилетний специалист по компьютерной безопасности из Бостона, обвинялся в получении от Альберта Гонсалеса $60 тыс. за 0day-эксплойт для браузера Internet Explorer. Следствие и суд не смогли установить, какую роль эксплойт сыграл в преступлениях Гонсалеса и использовался ли вообще. Был приговорен к трем годам лишения свободы условно и штрафу в размере $10 тыс.

Альберт Гонсалес (soupnazi, segvec, j4guar17) — признал себя виновным в трех уголовных делах по обвинению его в краже более 200 млн. банковских карт из компьютерных сетей компаний TJX, Hannaford Brothers, Heartland Payment Systems и других, пошел на сделку с правосудием, раскрыв подробности всех своих преступлений, и согласился отдать государству $1,6 млн наличными, квартиру в Майами, BMW, несколько часов Rolex и даже бриллиантовое кольцо от Tiffany, подаренное им его девушке. За это федеральная прокуратура просила для него наказания в виде пятнадцати-двадцати пяти лет лишения свободы (в противном случае грозило пожизненное). Адвокаты настаивали, что их двадцативосьмилетний клиент страдает аутизмом и интернет-зависимостью, все преступные действия совершал под воздействием ЛСД, марихуаны и кетамина и вообще не отдавал себе отчета в том, что делает, однако, учитывая масштаб развернутых Гонсалесом афер, поверить в это было непросто. «Я понимаю, что дорога к дому будет долгой», — сказал Альберт перед оглашением приговора.

Федеральный суд приговорил его к двадцати годам тюремного заключения и штрафу $10 тыс.

Кристофер Скотт (Christopher Scott) — «правая рука» Гонсалеса, получил доход свыше $400 тыс., которые истратил на аренду лимузинов, шумные вечеринки, покупку драгоценностей и дома за $400 тыс. Согласился помочь в расследовании (иначе мог провести в тюрьме остаток своих дней) и был приговорен к

семилетнему сроку заключения.

Дэймон Патрик Туи (Damon Patrick Toey) — сообщник Гонсалеса и главный свидетель обвинения против него, был арестован в мае 2008 года.

«Сдал» Гонсалеса и тем самым помог раскрыть «самую сложную и крупную кражу персональных данных за всю историю США». Мог быть приговорен к двадцати двум годам тюрьмы, однако прокуратура приняла во внимание его активное сотрудничество со следствием и запросила всего шесть лет тюрьмы и штраф в $100 тыс. Федеральный суд Бостона приговорил Туи к пяти годам тюрьмы и трем годам испытательного срока после освобождения, а также к штрафу $100 тыс.

Макс Вижн (Max Vision, Макс Рэй Батлер, Iceman, Generous, Digits, Aphex) — один из известнейших хакеров современности и владелец форума CardersMarket, был арестован в 2007 году и спустя три года приговорен к тринадцати годам тюрьмы за кражу 1,8 млн кредитных карт, 1,1 млн из которых были украдены путем взлома POS-терминалов, установленных в американских ресторанах. Убытки финансовых институтов составили $86,4 млн. В свете признания вины по всем пунктам обвинения, а также «широкого и ценного содействия следствию», оказанного Батлером после его ареста, прокуратура попросила приговорить его к тринадцати годам тюрьмы (изначально грозило от тридцати лет до пожизненного). Помимо этого он должен выплатить пострадавшим банкам компенсацию в размере $27,5 млн — их затраты на перевыпуск 1,1 млн украденных карт. Рассчитывать на досрочное освобождение Макс может не ранее чем через одиннадцать лет с момента заключения.

Владислав Хорохорин (BadB) — «один из пяти главных киберпреступников мира», был задержан в Ницце 7 августа 2010 года и экстрадирован в США. Имеет двойное — украинско-израильское — гражданство. Обвиняется в мошенничестве, незаконном доступе к банковским счетам и продаже конфиденциальной информации. Позже к обвинениям добавилось участие Хорохорина в «крупнейшей по числу участников, координации и разовому ущербу кардерской атаке в истории» — 8 ноября 2008 года сразу после полуночи (по Eastern Time) армия дропов, вооруженная дубликатами «зарплатных карт» Royal Bank of Scotland, одновременно извлекла из более двух тысяч банкоматов в сорока городах мира $9,5 млн. По данным

следствия, Хорохорин получил $125 тыс. в банкоматах Подмосковья. В случае признания виновным ему грозит двенадцать лет лишения свободы и штраф в размере $500 тыс. Такое же наказание он может получить за участие в афере с RBS.

Сергей Сторчак (Fidel) — администратор форума carderportal.org, был задержан 8 мая 2010 г. в аэропорту Нью-Дели, Индия, и передан Соединенным Штатам. Обвиняется в продаже дампов на ряде интернет-форумов, в частности на моем DumpsMarket. Согласился сотрудничать со следствием, поэтому срок наказания, который его ожидает, — всего около трех лет лишения свободы.

Дмитрий Бурак (Leon, Graph, Wolf, Leo Kurochkin) — мой брат, самое разыскиваемое лицо в мире, по версии Секретной службы США.

Райан Книсли (Ryan Knisley, Sonelao, Surfrider, Mr.Towellie, Richard Druc) — с 7 августа 2006 года и по настоящее время — специальный агент Секретной службы США. Скрываясь под личиной покупателя дампов, втирается в доверие к кардерам, совершает контрольные закупки, что и становится основой для последующих обвинений. Причастен к арестам Maksik, JonnyHell, Фиделя, BadB и меня.

Катя Елисеева — некоторое время была моей женой. Основала дизайн-студию (интерьеры, ландшафтный дизайн, проектирование любой сложности) Mart (www.mart-design.by).

notes

Примечания

1

«Все врут» (англ.).

2

Freedom — «свобода» (англ.).

3

Из песни группы Nana — «Помню то время» (англ.).

Adult — «взрослый», «совершеннолетний» (англ.).

5

На твое усмотрение (англ.).

6

Роковая женщина (фр.).